

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

ИРМАТА АРЬЯР

МЕЛОХРАНИТЕЛЬНИЦА
ЕГО ТЕМНЕЙШЕСТВА

Академия Тьмы и Теней

Annotation

Лика с блеском и грохотом... поступает в Академию Тьмы и Теней, почти не скрывая, что она – Лунная дева, жрица богини любви, которым запрещено появляться на земле темных. Демон и любовь, что может быть нелепее? Но что значит угроза казни для той, кто повелевает драконом Смерти? Лике только весело. И, конечно, нарушительницей демонического спокойствия тут же заинтересовался Темный Трон. Уж не охотится ли жрица враждебной богини за головой наследника?

- [Ирмата Арьяр](#)
 -
 - [Телохранительница Его Темнейшества](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)

- [Феникс Тринадцатого клана](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

Ирмата Арьяр

Телохранительница Его Темнейшества

(сборник)

© И. Арьяр, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Телохранильница Его Темнейшества

Глава 1

Проникновение в оплот тьмы

– Взять ее!

Попробуй! Взмах рукой. Царапины от моих когтей на щеке черноволосого и синеглазого парня засочились кровью.

В меня тут же вцепились со всех сторон пучки заклинаний. Отбилась, раскрыв магический веер с тонкими стальными спицами – каждая заговорена, кончики загнуты крючком. Нити заклинаний рвались от моих взмахов, хлеща по своим же создателям.

– Взять ее живой, мой принц? – уточнил спутник брюнета, серый и невзрачный – отвел глаза и забыл, что кого-то видел.

– Да!

Ох, сила Лойт, спаси меня!

Моя подруга Миранда – умница, красавица, демоница – давно уже сползла тихохонько по стеночке. В обморок. Было от чего упасть. Располосовать рожу принцу Тьмы – это надо суметь. Плохой у него телохранитель. Может, он настолько плох, что мне и сбежать удастся?

Прыжок к окну. Высоко, мрак! Зацепилась крючками веера, подтянулась.

Мою ногу захлестнула магическая плеть, связала. Но я уже вцепилась в подоконник, вогнав когти в мягкий мрамор, как якоря. Резким движением стряхнула с ноги модную туфлю на высоченном пятигранном каблуке с остро заточенной накладкой на ребре. Чем не нож? Особенно если каблуки заколдованные.

– И что ты медлишь, Дамир? – раздраженно спросил принц. – Тащи эту приткую кошечку вниз, я ей для начала когти вырву.

А уж как полезны у туфелек металлические набойки в виде пентаграммы!

Сброшенная туфля, зацепившаяся за натянутую плеть, от нового рывка шлепнулась на пол, тяжелым каблуком вниз. Я успела метнуть заклинание, и набойка выбила в мраморе небольшую щербину. Пентаграмма есть? Слегка косая и смазанная, но есть. Замечательно!

Повиснув на одной руке, я щелкнула пальцами, заклинанием подхватывая рожденные столкновением металла и гранита искорки. Почти невидимые и совсем крохотные, но они были. Осталось раздуть их.

Перестаралась.

Из крохотной щербинки с гулом вырвалось багровое пламя и плеснуло во вражеские глаза. Натяжение связавшего меня кожаного ремня резко ослабло. Ага, не нравится!

Заклинение огня – это, конечно, риск. Темные – а по легенде, я такая же демоница, как и моя подруга Миранда, – не могут пользоваться светлой составляющей огня, но ведь брать от него можно по-разному.

Шквал темно-багрового, адски жгучего пламени я направила на захватившую меня плеть. Увы, пережечь ее не удалось. Принц играючи прищепнул мой блуждающий факел сполохом тьмы.

Я дернула ступней, сбросив вторую туфлю, она кувыркнулась в воздухе и рассекла наконец мои путы. Но от рывка мои когти едва не обломились, а красивый маникюр мне дороже жизни. Спрыгнув с подоконника, я покатилась кубарем. Принц с его прихвостнем брезгливо посторонились. Дверь, к которой я метнулась, с грохотом захлопнулась перед носом.

В помещении резко потемнело от появившихся прямо из воздуха воинов Тьмы устрашающей наружности: мордатых и рогатых, клыкастых и когтистых. Боевая ипостась у демонов безобразна. Чтобы враг ослабел и слег без боя от неодолимого отвращения.

Я сосредоточилась, стараясь никого не выпустить из поля зрения. Что теперь? Принять бой? Но не могу же я открыть все карты вот так сразу! Могли бы спасти крылья, но мне запрещено их выпускать под страхом смерти. Раскрою – точно убьют. С особой жестокостью.

Потому что для этих темных настоящая я – хуже, чем ведьма для светлых магов. Я – сельо, лунная дева. Впрочем, и для светлых такие, как я, гаже, чем даже ведьмы. Никто не любит лунных дев. Бедные мы, несчастные... Сдаться, что ли, добровольно? Или дракона вызвать?

Не успела.

Синие глаза принца резко почернели, как грозовое небо, и Тьма обрушилась, стала вещественной, липкой и плотной. Не больно, но монументально, как застыть в бронзе.

Руки-ноги обездвиженной мне тут же скрутили какие-то рогатые козлы и – удивительное дело, ибо, по ощущениям, я стала камнем, не способным шевельнуться, – поставили меня на колени перед наследником Темного Трона, придерживая за волосы.

Моя коса! Мстить буду за каждый вырванный волосок! И неважно, что теперь волосы покрашены в противоестественно-черный, хотя на самом деле я блондинка. На что только не пойдешь, чтобы поступить туда, куда нельзя!

Принц молчал, с нехорошим прищуром разглядывая меня.

Что-то слишком долго он изучает. Неужели – тут сердце екнуло – эта маленькая схватка повредила моей маскировке? Не может быть! Надо мной такие лунные магини трудились!

Я скосила глаза на свои руки. Кожа по-прежнему кажется смуглой. Выбившаяся из прически прядь – черная. Может, тушь размазалась? Или – спаси богиня! – магическая окраска радужки глаз иссякла, и принц, задумчиво разглядывавший добычу, видит вместо поддельных темно-карих глаз демоницы мои родные ярко-бирюзовые?

– Что тут происходит?! – дверь в зал распахнулась, ворвался какой-то маг со звездой магистра на черно-зеленой мантии. Тощий, словно сушеный кузнечик. Вбежал и как на стену наткнулся, замер с выпученными глазами, а через миг я уже видела только его макушку – так низко он склонился перед молодым наследником. – Ваше высочество!

– Я забираю у вас вон ту... др-рянь, – прорычал черноволосый.

Не идет ему рычание. Совсем. Такой красавчик рычать не должен. Да и где его высочайшая выдержка?

– Ваше высочество, какая честь! – а это уже сам ректор пожаловал, плешивый крохотный старикашка, похожий на подземного жителя. И тоже обомлел, разглядев и раскиданные по полу изящные туфельки, и боевую травму на щеке принца. – А... э-э... что случилось?

– А ты не видишь, мэтр Вултон? – взбешенный наследник схватился за щеку. – Ваша ученица посмела поднять на меня руку!

– Она еще не наша ученица, ваше высочество, – тут же отмазался старикашка. – Пока абитуриентка не прошла последнего испытания и не зачислена в Академию, за нее отвечает ее клан.

– Она сама мне ответит, – хищно улыбнулся синеглазый. – Я лично устрою ей испытание. Последнее.

* * *

...А ведь только что я, вся такая юная, мечтательная и романтическая особа, млела от счастья, увидев свое имя в списке допущенных к собеседованию и третьему, последнему, испытанию в Академии Тьмы.

Далеко не всем поступающим, приехавшим покорять Кардерг, темную столицу страны демонов, выпадала такая удача. Обычно их документы и не рассматривались: как только захолустный соискатель славы боевого мага в полной уверенности, что он уже принят, поворачивался спиной к темным

магистрам, бумаги просто исчезали со стола приемной комиссии.

Потому что только полный бездарь мог не заметить, что стола как такового нет, а под иллюзией столешницы спрятан металлический ящик, на треть наполненный прахом истлевших бумаг и надежд.

Я свою папочку с фальшивыми документами положила на небольшой сквознячок, удержавший бумаги на весу, и не отошла, пока не получила расписку в получении моих сокровищ.

Зато магистры отомстили мне на полевых испытаниях, а результаты вывесили только сейчас. Надо сказать, я весьма опасалась не увидеть себя в списке прошедших.

Пока я наслаждалась строкой «Лика Тария – допущена до финального испытания» (а заодно вдолбив себе еще раз, что именно так меня сейчас зовут), подруга Миранда изучала соседний список – факультета превращений, куда поступал ее приятель Тай.

– Тай не прошел! Как же так? – всхлипнула она.

– Не расстраивайся, – я обняла ее за плечи. – Поступит на следующий год, вот увидишь. Мы тоже еще не поступили, Мира, у нас последнее испытание осталось.

Но моя подруга любила поплакать, дай только повод.

Вот тогда-то он и появился, этот черноволосый повод. Я засекала движение позади, развернулась. Узрела двух высоких парней.

Один – яркий, до рези в глазах, с бровями вразлет, длинными блестящими черными волосами и до невозможности синими глазами.

Второй – совсем серенький и невзрачный. Таких так и называли – «серые тени». Между прочим, опаснейшие типы из темного воинства.

Оба одеты в простые черные костюмы без знаков отличий. Что-то вроде формы старшекурсников.

Откуда они взялись?

Дверь не открывалась: я бы почувствовала по сквозняку. В окна эта парочка тем более не могла проникнуть. Во-первых, рамы с витражами цельные, без створок, и вмурованы в стены намертво. Во-вторых, на них магические щиты. В-третьих, с высоты человеческого роста совсем бесшумно не спрыгнуть. Опять же, движение рождает воздушные потоки и игру теней. Вот из теней эти демоны и явились.

Посторонних за спиной я заметила лишь тогда, когда черноволосый нарочито шумно шагнул к нам.

– И почему тут сырость разводят? – скривился он. – Не поступили? И правильно! Девчонкам не место в Академии Тьмы.

– А кому тут место? – вскинулась я. – Всяким мальчишкам-грубиянам?

– Лика, не связывайся, – Мира шмыгнула носом. – Пошли к испытанию готовиться.

Парень подошел ближе, глянул поверх моей головы на список допущенных, а его спутник скользнул, как нож, и отсек от меня подругу.

– Лика... Тария, – черноволосый мгновенно нашел мое имя. Опустил на меня насмешливый взгляд. – Так это ты? Так и быть, я скажу, где место таким красоткам.

Еще шаг, и эта громада под метр девяносто нависла надо мной. Я и дернуться не успела, как он, схватив мои руки за запястья, завел их мне за спину, одновременно прижав меня к себе, и шепнул на ухо:

– Твое место – в моей спальне, Лика.

Вот и получил коленом в пах и когтями по наглой морде. На ней же не было написано «принц Дьяр, наследник Темного Трона». Хотя, между нами говоря, догадаться несложно по характерному цвету глаз. Но вдруг это иллюзорный цвет, как у меня? Демоны любят подражать царствующей династии.

Зато теперь каждый, умеющий читать, мог прочесть: «Гад». Три очень простые руны из пяти черт. Я их рисую одним росчерком, складывая по-особому пальцы.

А потом и началось...

Точнее, закончилось. Моя карьера темного боевого мага, мое задание в Кардерге и моя свобода.

* * *

– А что я скажу клану Вечерних теней? – насупился ректор, стараясь на меня не смотреть.

– Не пришла, не вышло, не прошла, – предложил принц. – В списках не значится.

Все дружно посмотрели на список. Он явно только что укоротился на одну строчку.

– Но свидетели... она же не одна приехала... – заикнулся тощий магистр, так нервно теребивший ворот, что по краю он расползался ядовито-зеленым мхом.

– Сколько свидетелей? – уточнило высочество. – Надеюсь, не вся Академия?

– Вся! – тут и старичок ректор сосредоточился на выковыривании невидимой пылинки с рукава мантии. В лицо принцу он старался не

смотреть, как и первый магистр. – Увы, вся. После такого-то. Я отправил доклад вашему отцу.

– Владыка отсутствует, а я не успел еще ознакомиться с вашими бумагами. Но наслышан... Так недавний разгром ее рук дело? – поднял бровь Дьяр.

Все дружно посмотрели на меня.

А я вся такая невинная! Поставлена демонами на колени, как кающаяся грешница, но вот нисколько не раскаиваюсь. С чего бы? А не надо издеваться над провинциалами!

Ну не насмешка ли – дать задание на деление... членистоногих! Да еще с таким вывертом. Разделите, мол, нам жужу альчийскую. Как хочешь, так и понимай.

Кто по видам и подвидам начал раскладывать, кто-то зверски разодрал на жвала-лапки-крылышки, а я свой экземпляр – двухметровое хитиновое чудовище – разделила на два помельче, потом еще раз на два каждое.

И делила, делила, пока они не стали мельче блох и не попрятались от меня под мантии магистров.

Комиссия вся учесалась, а микрожужи альчийские в страхе разбежались по всей Академии. Пришлось им – не журам, а магистрам – на здание блокировку купольную ставить, чтобы мелкие, как пыль, твари в город не просочились, карантин объявить. Потому в здании сейчас и пусто: все заняты санобработкой.

А надо было, как выяснилось, не делить, а умножать, как с перепугу и сделала Миранда! То есть создать иллюзорные отражения. Разве это не издевательство? Вот пусть теперь и чешутся.

А мне вынуждены были поставить зачет, так как не только деление, но и умножение налицо, да и под мантиями ползало.

Особая прелесть в том, что на своих, то есть моих ребят из клана Вечерних теней, ни одна тварь не осмелилась раскрыть крохотную пасть. Жалко, что жужечки не уцелели после санобработки. Что, совсем ни одной?

Принц внезапно дернулся, заведя руку за спину, дотянулся до лопатки и с остервенением поскреб.

Державшие меня охранники ослабили хватку и тоже украдкой почесались кто где.

– А кто отличился на втором испытании? – выдавил Дьяр, странно дрыгнув ногой, словно пытался сбросить кого-то невидимого.

Ректорский перст указал на меня.

Нашли козу отпущения. Задания надо нормальные давать на

экзаменах, а не пытаться подло отомстить бедной выпускнице сельской магической школы! Кто просил так академически запутать элементарную задачу на вычитание?

В билете требовалось вычесть из подобного подобное.

А в испытательном зале на новичков выпустили черт-те что. Причем в стае иллюзорных особей одна была настоящей. Пока иллюзии щелкаешь, оригинал сожрет тебя с потрохами. Правда сожрет. Это же демоны!

Если на остальных натравили сонных волколаков или вялых в полдень зомби, то создательницу жужек особо уважили.

Когда дошла очередь и меня пригласили в огромный зал, ни мига не дали на размышление. Спустили горгулий. А я их боюсь, как Миранда – мышей. И как успеть вычесть что-то из чего-то, когда на тебя несется воющая стая одинаковых зубастых тварей? Которая из двух десятков – настоящая?

Я едва удержалась, чтобы не распахнуть крылья и не удрать.

Призвала дракона. Точнее, драконыша. Уж он-то сразу разобрался, где иллюзия, а где – пища, и погнался за настоящей горгульей, отмахиваясь крыльями от безобидных иллюзорных.

Приемная комиссия под столы нырнула, едва узрев, кого я призвала.

Крылатые твари быстро разнесли зал и вырвались на волю. Горгулья попыталась сбить с хвоста преследователя, как воробей – ястреба, метнулась в раскрытые по случаю лета окна корпуса...

Так они ныряли и выныривали, круша корпус за корпусом. Дракон, конечно, пожрал врага, но ему показалось мало, на один зуб, и он еще погнался за магами.

Академия теперь закрыта на срочный ремонт.

Зато никто не мог придаться, что задание не выполнено. Из подобного подобное вычитать можно разными способами, а никаких ограничений на креатив в билете не значилось.

– Проклятье! – на разукрашенном лице принца Дьяра вдруг нарисовалась мучительная гримаса, а рука полезла в штаны, чтобы поскрести и там, но под изумленными взглядами свидетелей бесстыдства быстренько вынырнула. – И почему вы допустили такую разруху и вовремя не уничтожили дракона?

Хо-хо! Попробовал бы кто уничтожить моего любимца Шурша! Он будет только рад.

– Это был детеныш дракона смерти, ваше высочество, – громко шепнул ректор.

Принц нервно сглотнул.

– И кто его отозвал?
– Кто призвал, тот и отозвал, – указал на меня ректорский перст.
– С каких это пор дети клана Вечерних теней повелевают драконами смерти? – прищурились синие глаза. Но тут в их владельца вцепились мои послушненькие жужельки, и он схватился за... ах, какие нескромные жужельки! Принц прорычал: – Р-р-разбер-р-ремся! Не я, так папа! Когда вернется!

Хватка на моей шее усилилась: охрана опомнилась.

– Но, ваше высочество, месть клана... – заныл мэтр Вултон.

– Ерунда! Мне они мстить не осмелятся, – Дьяр покосился на первого магистра и распорядился, показав на почти слившееся с тенью тело моей подруги Миранды, прикинувшейся дохлой. – Вынесите это, нам лишние свидетели не нужны.

Магистр в черно-зеленой мантии, взвалив на плечо мою последнюю надежду на спасение, поспешно выбежал, хлопнув дверь. Дьяр повернулся к своему телохранителю – «серой тени» – и показал на меня.

– Дамир, возьми ее облик и останешься пока тут. Вот проблема и решена, господин ректор. Никто и не заподозрит. Да, имя девушки в список надо будет вернуть. Когда следующее испытание?

– Завтра, – отозвался ректор.

– Организуем несчастный случай с бесследным исчезновением тела, – хищно прищурился на меня принц. – Свидетели подтвердят, и никаких вопросов у клана не возникнет. Мало ли случайностей бывает при поступлении в Академию Тьмы.

– Но... – попытался возразить ректор.

– Ремонт корпусов я оплачу из своих средств, и папа, когда вернется, не станет на вас сильно злиться.

– Согласен! – Вултон щелчком пальцев восстановил в списках строчку с моим именем.

Продажная сволочь!

Миранда, надеюсь, уже в безопасности. Только ее присутствие и сдерживало – боялась, что на ней начнут отыгрываться. И боги с ней, с моей роскошной косой – новая вырастет, если меня не казнят за покушение на наследника Темного Трона. Но жа-а-алко... растила, растила, а тут из-за какого-то темного наследного прыща лишаться девичьей красоты! Да и лунная дева без косы – как вампир без клыков. Одно название.

Сколько же можно терпеть унижение твоей жрицы, великая мать Лойт? Магическая веревка на руках и ногах давно перетерта заклинанием и держится только за счет иллюзии. Ну помоги же мне, богиня!

И богиня услышала.

Вплетенная в косу, невинно завязанная на конце бантиком пестрая лента вдруг ожила, цапнула охранника змеиными зубками. С парализующим ядом.

Пострадавший сбрыкал на пол костями, за ним моментально последовал второй демон. Змея снова завязалась бантиком, а я рванула к дверям.

Маленький ректор отлетел с моего пути как мячик. Стоявший между мной и дверью рогатый шкаф из охраны принца получил кулаком по фасаду. Чуть руку не отбила! Рванула на выход, пинком раскрыла дверь и...

Он только что стоял за спиной под высоким окном!

Только что! Я врезалась в его грудь с разбега.

– Иди ко мне, милая, – томно протянул Дьяр. Его руки железным капканом сомкнулись за моей спиной, и бантик на косе не успел развязаться: сомкнулись не только руки принца. Взметнулись крылья Тьмы, окутали с головой, дышать стало невыносимо тяжело, и я разинула рот, как вытащенная на берег рыба. Чем и воспользовался этот негодяй.

Даже в страшном сне мне не могло присниться, что мой первый поцелуй будет таким вот. Принудительным.

Вся династия владык Темного Трона, с ужасом вспомнила я, мыча и брыкаясь, отличается особой магией. Хуже их только специализированные демоны-инкубы. Как ни трепыхалась я, несчастная, но атака была столь стремительной, а мои ощущения так новы и... неожиданно приятны, что сознание поплыло. Я взмолилась в мыслях: Лойт, спаси!

Принц наконец отпустил мои губы, шепнув:

– Сладкая моя, ты заплатишь мне кровью за кровь.

Жужельки!

Дьяр дернулся. Полог из крыльев разошелся. Руки принца расцепились. А сам он торопливо пробормотал:

– Осмотрись пока, познакомься со своим местом. Я скоро вернусь.

Закутался в крылья и... исчез.

Наверняка на саноработку умчался, с облегчением подумала я, оглядываясь.

Мама! Где я?!

* * *

В спальне, можно даже не сомневаться.

Хотя очень хочется усомниться, но вон то сооружение на полкомнаты, застеленное черным покрывалом, не оставляет места для двусмысленности.

Кроме этого грандиозного намека на безудержную сексуальность и тщеславие принца Дьяра, о котором было известно, что он ни одной юбки не пропускает (не зря я заявила в столицу в штанах, обычно презируемых лунными девами), в комнате имелись: полки вдоль стен, черный ковер на полу, кресла и стол с черепом какого-то бедолаги, канделябрами, чернильницей, какими-то явно магическими штуковинами хищных очертаний и стопкой книг.

По стенам, кроме книжных полок, развешаны мечи, кинжалы, пара нескромных картин с обнаженными девицами и портрет самого принца Дьяра в парадном одеянии. Ишь, стоит, весь в черно-серебристом – взгляд орлиный, стать молодецкая, осанка надменная, плечи широкие, бицепсов даже плащ не может скрыть. Красавец редкостный, ничего не скажешь. Самовлюбленный и беспринципный негодяй, как и полагается наследнику Темного Трона.

И что-то не вижу я здесь входов-выходов. Полна горница зверей, а ни окон, ни дверей... Как бежать прикажешь, богиня Лойт? Через камин?

Я резко повернула голову на какой-то шорох в углу. Показалось.

И тут обнаружила, что волосы у меня почему-то распущены, а пестрая лента исчезла бесследно, как растворилась. На плечи внезапно легли чьи-то твердые ладони, и сердце ухнуло в пятки.

– Продолжим, Лика, – прошипел на ухо кошмарно злой голос принца. Нетрудно догадаться, что он во время санобработки добрался до зеркала и разглядел мою надпись на своей щеке.

– Что продолжим?

– Наше бурное знакомство.

– А может, не надо? – жалобно. И еще жалобней: – Я же не знала, что вы – принц... Я не хотела!

Тут главное – не переиграть. Пусть считает, что я трепещу осиновым листочком, а не пытаюсь изо всех сил сдержать смех.

– Незнание не освобождает от ответственности... – отодвинув мои волосы, демон скользнул прохладными губами по шее.

– Вы первый меня оскорбили!

– А разве я к тебе хотя бы пальцем прикоснулся? Ты начала неадекватно отвечать, а я продолжу еще более неадекватно, – продолжая исследовать мою шею, он обнял меня за талию, мягко подталкивая к ложу.

– Но вы так... благородны, ваше высочество! Вы же... – я ойкнула,

обнаружив, что он ловко расстегнул застежку моей куртки и принялся за шнуровку рубашки. – Вы же не уподобитесь грубым насильникам?!

– Разве я груб? – хмыкнул он, а его холодные пальцы ласково очертили мои ключицы. – Хотя ты заслуживаешь не просто ответной грубости, а особо жестокой.

Какие-то слишком холодные пальцы, как змеи. А у высших демонов Темного Трона кровь горяча, как лава. Может, это уже не принц, а его «тень»? Богиня предупреждала, что их сложно различить внешне. Вот если бы он меня снова поцеловал, магия владык Темного Трона не оставила бы сомнений.

– Совсем не заслуживаю, – возразила я. – Пока еще. Вы же... защитник всех униженных и оскорбленных... – я вовремя прикусила язык, удержав язвительное «вами же», – подданных вашего отца. Вы же не обидите девушку!

– Почему девушки считают, что им все можно и все сойдет с рук? – прошипел демон. – И хорошо, что ты запомнила, что я принц, Лика. Я могу просто приказать, и любая подданная моего отца обязана выполнить любой мой приказ. Неподчинение приравнивается к измене.

Вот только я не подданная его отца, а сельо, но никому нельзя об этом сказать.

– И вам нравится, ваше высочество, когда девушки отдаются вам в слезах?

– До сих пор девичьи слезы проливались только от счастья, – самодовольно шепнул негодяй и слегка прикусил мне мочку уха.

Он подхватил меня, перенес на ложе. Ну, ничего, будет ему сюрприз, – злорадно подумала я, чувствуя, как его пальцы, раздвинув полы так и не снятой рубашки, едва касаясь кожи, обрисовали пупок, слегка кольнув острыми ногтями, и, расстегнув ремень на поясе, двинулись ниже. И замерли.

А вот и сюрприз!

– Что это? – с трудом переводя дыхание, этот гад отстранился, и я разглядела наконец его лицо. Надписи на щеке уже не было! То ли заживил, то ли это действительно «тень», а не сам принц. Как проверить?

– Что это?! – повторил он и одним рывком сдернул с меня штаны. Брезгливо перекосился, разглядывая меня ниже пояса и выше колен: – Ты больна?

Я безмятежно улыбнулась, наслаждаясь его обескураженным видом:

– Ага! Смертельно и очень заразно.

– Какой ужас, – незадачливый соблазнитель перевернул меня на живот,

изучая со всех сторон. – И сзади тоже кошмар! Бедняжка.

– Мне жить не мешает, – процедила я, уловив насмешку в его голосе.

– Как же тебя угораздило так... заразиться? – он снова перевернул меня на спину, поправил на мне сбившуюся рубашку, прикрыв обнажившуюся грудь. Какая вдруг деликатность, однако. Учитывая, что ниже пояса я почти голая, а сверху – даже куртка не снята. – И где? Уж не в храмах ли лунных дев на тебя нацепили этот чудовищный пояс целомудрия, Лика?

Ну уж, чудовищный, обиделась я. Очень даже нежненький: розовый, с желтыми разводами и бледно-зелеными пупырышками. Из кожи пустынной змеи варрдх – эластичной и в то же время снабженной крохотными ядовитыми чешуйками, вызывающими ожоги. Вон, у принца уже пальцы чешутся, судя по тому, как он нервно сжимает кулаки. То ли еще будет! Яд варрдх не сразу показывает себя во всей красе. Через сутки расползется по наглым ручкам, посягнувшим на святое. Его не вывести даже магией. Противоядие есть, но баснословно дорогое, и попробуй еще достать.

Мы с маман тщательно выбирали этот пояс. И легенду для меня составили – не подкопаешься. Ясно же было, что в столице пояс на мне кто-нибудь да увидит – те же соседки по комнате, подозрения возникнут.

Так как я молчала, демон приподнял меня и, содрав куртку вместе с рубашкой, повернул меня на живот, убрал распущенные локоны и обследовал мою спину. Даже пальцами провел под лопатками, дабы убедиться, что глаза его не обманывают и крыловых щелей сельо у меня действительно нет. Об этом мы с мамулей тоже позаботились, наложив очень непростую иллюзию, чтобы даже на ощупь никто ничего не нашел. Но щекотно же!

Стерпела.

Развернув меня в очередной раз, обескураженный гад приказал:

– Снимай пояс.

– Не могу, – я деловито прикрылась волосами, раз больше нечем.

– Не притворяйся! – в сердитых глазах (мне кажется или они не настолько синие?) сверкнули демонические молнии. – Ты – не лунная дева. Думала замаскироваться под лунную, деревенщина? Ты совсем дура, если не понимаешь, чем тебе это грозит в нашей стране? Смертью на месте, без суда и следствия! И пояс твой – фальшивый. Я видел и настоящих лунных дев, и настоящие пояса целомудрия. Сельо не нацепила бы такое уродство – врожденный вкус к прекрасному не позволит.

Ой, как лестно: врожденный вкус к прекрасному!

– Я полукровка, ваше высочество. Мама была лунной девой. Богиня

отпустила ее, когда она похитила демона клана Вечерних теней и вышла за него замуж. (Прости, мама, но этот бред ты сама придумала.) А меня, едва я родилась, отец отправил на родину в свой клан. Он хотел, чтобы я выросла настоящей демоницей (ха-ха! А вдруг он – светлый? Я же ничего о нем не знаю!). Но мама умолила богиню защитить ее дочь по старой памяти. Вот и ношу... это... Подруги надо мной смеются! – я всхлипнула для пущей убедительности, кося глазом – поверил или нет. Лунных дев в поясах целомудрия он видел, как же. Еще и хвастун! Если бы видел, мы бы знали: богиня бы предупредила. Вот его отец – тот видел, да.

– Полукровка... Уже лучше, – Дьяр почесал правую ладонь. – А драконыш откуда?

– Мамин.

Был. Теперь – мой, но говорить это я, разумеется, не стала.

– А ректор знает, что ты полукровка?

– Нет еще, – потупилась я. – По документам я сирота, принятая в клан. Я хотела позже сказать, если бы вступительные экзамены сдала. Боялась, что меня и на порог не пустят.

– Зря пустили – Академия была бы целее. Еще и документы поддельные! – он поскреб левую ладонь. – Что ж, раз так, будем снимать твой пояс.

– Э-э... а зачем?

– Затем, Лика, – сказал он, убирая локоны с моей груди, – что ты будешь моей любовницей.

– Разве у вас их мало?

– Хватает. Я не люблю спать один. Но это дело принципа. Если я чего-то хочу, я это всегда получаю.

Гад самодовольный!

– Попробуйте снять, – я скрестила руки на груди, заодно прикрывшись. Чем больше он провозится, тем быстрее подействует яд. – Разве вы не знаете, что пояса целомудрия, данные богиней Лойт, может снять только любовь? Причем взаимная. А в нашем с вами случае это абсолютно исключено.

Принц хмыкнул и пошел на штурм. Но быстро проклял все и вся, особенно великую богиню любви, покровительницу дев Лойт, перепробовал заклинания, едва не удушив нас обоих, когда шелк простыни расплавился и затлел матрац. А когда принц умаялся и сник, на него напала чесотка, и он обнаружил, что весь стал, как мой пояс, – розово-желтенький в зеленую крапинку.

– Это еще что за дрянь? – простонало высочество.

– А я предупреждала, что пояс заразен. Это месть Лойт насильникам. Богиня тоже надевает на них... пояс целомудрия. Принудительный. Увы, завтра вам будет совсем не до любви: вы покроетесь незаживающими язвами, если не принять противоядие.

– Значит, пояс отравлен? Почему же на твоей коже ничего нет?

– Как змею не отравить ее собственным ядом, так и пояс безопасен для той, кого защищает.

– И какое же противоядие?

– Верните меня в Академию, – я тут же вспомнила, что из-за этой заразы осталась без обуви, а как возвращаться босоногой? Засмеют! Все годы учебы будут ржать эти демоны. – И еще верните мне мои туфельки, и вы его немедленно получите, ваше высочество. Принимать противоядие придется в течение пяти лет как минимум, пока гнев богини не пройдет и она не снимет с вас это проклятие.

Дьяр поманил плававший у стены световой шар, рассмотрел свои руки внимательнее.

– Что-то это мне напоминает. Где-то я уже такое видел.

Поднявшись с постели, он прошел к столу, разворошил стопку книг и, выбрав толстенный фолиант, начал перелистывать, то и дело почесываясь.

– Нашел, – поднял он взгляд потемневших глаз. – Это яд змеи варрдх, а не гнев богини.

– Да, – не стала я отрицать. – И что это меняет?

Дьяр захлопнул том.

– А то, милая Лика, что тебя можно обвинить в покушении на мою жизнь.

– Нельзя. Можно было бы, если бы я прокралась сюда тайком, если бы это я пыталась вас соблазнить, а не вы меня, и если бы я не предупредила вас об опасности.

– Противоядие я добуду, но на это уйдет время... – Дьяр не обратил на мою реплику ни малейшего внимания. – Хорошо, я верну тебя в Академию. Ты мне дашь противоядие. И, если пройдешь последнее испытание, будешь учиться. Но не надейся, что тебе сойдет все это с рук. И не рассказывай мне сказки о взаимной любви. Я найду способ снять твой пояс. До тех пор ты всегда будешь под присмотром. А после того, как я возьму тебя, можешь катиться в Хургову бездну, а можешь и задержаться в моей постели. Тебе понравится. Я всегда щедр к своим девушкам.

– Я никогда не стану вашей девушкой.

– На что спорим?

Глава 2

О демоническом коварстве и девичьей беззащитности

Невыспавшийся и злой наследный принц Дьяр – это не просто сущий, а вездесущий кошмар Темного двора. На глаза ему не попадайся, ходи тенью по стеночке, а лучше совсем исчезни – глядишь, и уцелеешь. Но в это утро, всему двору на диво, Дьяр и носа не высунул из своих покоев, хотя уже по всем щелям разнеслось, что драгоценный принц изволил встать, но сильно не в духе.

К несчастью, именно на это утро были назначены смотрины невест. Лучшие, прекраснейшие, умнейшие девушки Темного царства Тархареш и всех соседних полутемных государств, за исключением Серых Холмов, ждали уже два часа в приемном зале, не смея даже к стеночке прислониться.

Принц же сидел у себя в покоях – босой, нечесаный, в восточном халате, накинутом на голое тело и небрежно завязанном витым шнуром с кистями, – и строгал кинжалом пятую за утро жертву – подлокотник собственного кресла, обтесывая под корешок рога у резных клыкастых демонов. Четыре безнадежно испорченных кресла уже изображали в углу братский курган.

Охрана попряталась, втянув рогатые головы в плечи и слившись со стенкой, но бдела, поглядывая из углов и щелей.

– И где он? – вопрошало высочество. Хрясь по дереву, рог отпал. – Почему до сих пор нет?! – вжик по другому рогу, и деревянный демон стал лысым и пригожим. – Убью гада!

Хрясь! Хрум!

Наконец дверь скрипнула, приоткрылась, и в щель скользнул «серая тень». Очень бледная. С дрожащими руками и измученной невзрачной физиономией.

– Ты опоздал! На два часа! – набросился на него принц Дьяр. – И что с тобой, Дамир? Заболел?

Вошедший, застонав, рухнул на колени.

– Прости, мой принц! Я не справился.

– Она что, сбежала? Я же притащил ее в этот дурацкий склеп, откуда не сбежать! Доверил тебе наказать дуру, иначе бы я ее попросту убил и

расчленил зверски. А ты так подвел!

– На ней пояс целомудрия. Отравленный. До сих пор чешусь.

– Хургова м-мат-т-ть! – хрясь по сучку, кинжал сломался. Обломки полетели в братскую могилу. – Так она из лунных тварей? Точно убью! Из милосердия. Иначе отец, если узнает, ее на волокна разберет.

– Говорит, полукровка. Крыльев нет, даже щелей крыловых нет.

– Надеюсь, ты ее придушил?

– Увы... Вернул в Академию в обмен на противоядие. Вот тут в книге описание, я закладкой заложил, мне бы с пуд.

Дьяр раскрыл фолиант, глянул и округлил синие глаза.

– С пуд? Да ты страну разоришь! И что значит – вернул?! А как же наша студенческая клятва не допустить баб в святые стены? Билеты мы им подменили, а толку? Вы этих дурищ даже соблазнить не смогли! У твоего брата Камира тоже облом, – вздохнул принц, откинув упавшую на лицо прядь черных волос.

Дамир отвел глаза: на щеке его господина по-прежнему красовалась надпись: «Гад». Коготки у Лики оказались тоже отравленными.

– Ну, печать-то я вашу на нее поставил, как велено, – доложил «серая тень».

Дьяр, смягчившись, потребовал подробностей, но к концу рассказа, когда серый демон доложил о заключенном с Ликой пари, в угол полетело пятое исковерканное кресло, разломанное голыми руками. Охрана тут же подвинула шестое, лишь бы их самих не покровсали.

– Дамир-р-р! – рыкнул вконец взбешенный наследник. – Ты соображаешь, что творишь? Какая любовница?! На кой демон мне еще одна шлюха?! Меня от них уже тошнит! Я же ей просто от злости про постель ляпнул. Тоже мне, боевой темный маг выискалась с ангельской рожей и косищей до попы!

– Ну, ты же сам приказал нам поддерживать имидж темного наследника. Вот и стараемся, отдуваемся за принца Тьмы. Мог бы и сам...

– Сам? Вот еще! Не дождутся!

– Но ведь ты ее поцеловал! Хотя до кого-то снизошел наконец, – хитро прищурился «серый». – Вот сам и продолжи, а с меня хватит.

И он с остервенением почесался.

– Велика честь! – брезгливо поморщился принц. Но воспоминание о нежных губах и перепуганных глазах девчонки накрыло его и отозвалось в сердце странным томлением. И не только в сердце. Дьяр спохватился под ироничным прищуром вассала и с огромным трудом переплавил наметившуюся мечтательную улыбку в злорадную усмешку. – Пари

заключили, говоришь? Любовь взаимная пояс снимет, говоришь... Как р-р-романтиш-ш-но! Спрошу у отца, что за гадость эти пояса. За что-то же он этих лунных девок до одури ненавидит... Что ж, пари так пари. Повеселимся... А сейчас что мне делать, Дамир? Отец так и не приехал. А никакая магия этот дрянной след не берет, – он дотронулся до щеки. – И ты видел, что делается в тронном зале? Там же туча сорок слетелась со всей страны и ближнего зарубежья!

– А иллюзию использовать, ваше высочество? Разучились?

– Нет. Но мне что, до вечера целовать эти намазанные кремами ручки? Отравлюсь насмерть. А терпеть их трепотню! Как будто мне делать больше нечего! Я на тебя рассчитывал. Камир слабо личину держит.

Дамир на слове «отравлюсь» вздрогнул, покрылся мурашками и в ужасе уставился на руки:

– Опять появилось! Мой принц, позволь отлучиться.

Синеглазый мрачно кивнул. «Серая тень» выскочил, а в дверь тут же сунулся посыльный.

– Ваше высочество! Там еще четыре дамы в обморок упали.

– 3-3-замеч-чательно! Прореживание рядов невест идет полным ходом. Отлич-ч-чно! – осклабился принц. – Останутся самые жадные до статуса и денег. Вот и выясним, кто из них готов на все, лишь бы нацепить корону.

Дверь снова открылась, и просочились уже две одинаковые «серые тени».

– Так быстро, Дамир? – поднял бровь принц.

– Прости, померещилось. Мы с братом готовы к бою. Будем подменять друг друга, вдвоем справимся.

Через миг в покоях наследника находилось уже три одинаковых, если не считать различий в одежде, принца Дьяра, но только у одного на щеке красовалась метка: «Гад».

– Позавтракать, что ли, да за работу?! – повеселел наследник, когда «серые тени» в личинах принца удалились на задание, и придвинул к себе поднос с тарелками и кувшином и толстый фолиант с заклинаниями, в котором безуспешно искал всю ночь, как свести позорное клеймо, если магия Тьмы не помогает.

Долистав, принц принялся за книгу, что принес Дамир.

Через час, когда один из «серых» братьев заскочил передохнуть от поцелуев дамских ручек и изысканных светских бесед, Дьяр решительно захлопнул книгу, потянулся и сказал:

– Она совершила крупную ошибку. Эта пигалица будет раздавлена, как ее жужельки. Она будет опозорена на всю ее недолгую оставшуюся жизнь.

Я придумал потрясающий план, Дамир.

* * *

Меня вернули в тот самый зал, откуда и умыкнули. Вручили туфли и вытолкнули из затененного угла под косые лучи света, падавшие от оконного витража. Я и поблагодарить не успела, как средство доставки испарилось.

Вовремя доставил! Я как раз успела увидеть, как тот самый тощий магистр в черно-зеленой мантии сорвал с доски какое-то объявление и оно мгновенно истлело в пыль в его руках и развеялось. Лишь одно слово, написанное крупными буквами, успела разглядеть: «Собеседование».

И мгновенно заподозрила очередные демонические козни. Какое еще собеседование, если у нас с Мирандой по расписанию должно быть третье испытание? А потом скажут, что мы не явились, и вычеркнут из списков!

Это лишь на словах в Тархареше у всех равные права на образование и нет никакой дискриминации. А на самом деле темные маги на экзаменах всегда срезают девушек с особой жестокостью, беззастенчиво. Или придумывают какие-нибудь каверзы.

Демоницам остается довольствоваться женскими школами, гимназиями и не мечтать об академических звездах. Редко кто из них достигал высот магии при таком отношении. Об этом меня тоже мамуля предупредила. Она в свое время поступила только потому, что замаскировалась под мужскую высшую особь. Скандал потом был изрядный, но до выпускных ее допустили.

Разрушать традиции – это у нас с ней в крови.

Почувяв подставу, я ринулась в бой.

– Уважаемый мэтр! – заковыляла я за ним на высоченных каблуках. Сухонький демон вздрогнул и ускорил шаг вместо того, чтобы остановиться. – Да постоите же!

Магистр, внезапно обратившись в ворона, раздраженно каркнул и упорхнул в ближайшее окно. А я-то думала, что зеленый цвет мантии означает факультет ядов! Как все запутано у этих темных!

Вернулась к доске объявлений, осмотрела место, где висела уничтоженная бумага.

Ничто не исчезает бесследно. С пылью возиться я, конечно, не буду, не царское это дело, а вот... интересно, а существуют призраки невинно убиенных вещей? Должен же остаться энергетический след? Должен.

Может быть, кто-то и применял некромантические заклинания к уничтоженным предметам. Не одна же я так гениальна. В конце концов, разве не потрачены на изготовление вещей чьи-то жизненные силы? Кто-то думал над текстом объявления, кто-то его писал, я уже не говорю о тех, кто успел прочесть и теперь знает время и место треклятого собеседования! Увы, телепатией я не только не владела, но убеждена, что это миф.

Даже дракон смерти тут не поможет – у бумаги нет души, а умершие в чьей-то голове мысли он тоже не оживит.

Сомневаясь, то ли вообще делаю, я водила пальчиками по опустевшему месту на доске и строила заклинание проявления энергетических нитей. И даже нащупала еле брезживший силой контур в той точке, где еще пять минут назад размещалась ректорская печать.

Неизвестно, к каким открытиям привел бы меня отчаянный опыт, но в пустом, а потому гулком коридоре послышались семенящие шаги, а через мгновение появился и их источник.

– Господин Камир! – заговорщическим шепотом воскликнул маленький ректор. – Ну, что же вы! Мы все только вас и ждем! Вы должны обязательно явиться на собеседование по древним языкам, чтобы клан Вечерних теней ничего и заподозрить не мог и не обвинил нас в пропаже Лики Тария! Идемте, я провожу вас, господин «тень».

На миг оторопев, я вспомнила, что меня тут собирались устранить и подменить «серой тенью» – демоном, способным отражать чужой облик более или менее достоверно. Получается, ректор не осведомлен о моем возвращении? Отлично.

– Без Миранды будет неправдоподобно, – чуть более низким голосом ответила я. – Она должна засвидетельствовать, что видела смерть и исчезновение Лики Тария своими глазами.

– Да-да, конечно, – кивнул мэтр Вултон, направляясь к выходу. – Пригласим и ее.

Не могла я бросить подругу в логове рогатых шовинистов! Нас поступало пятеро девчонок из клана Вечерних теней. К последнему испытанию остались двое: я и Миранда. Как без нее?

При чем здесь Вечерние тени, если я сама, как было заявлено, – презренная сельо, лунная дева?

Все просто. Мой дед по маминой линии когда-то был главой Вечерних, одного из тринадцати кланов страны Тархареш, имеющих имя. Только вот помер он при странных обстоятельствах еще до моего рождения, и Вечерним князем стал дедушкин брат. Вот и замаскировали меня именно под его кланницу. Связи, они и у демонов связи.

Мамуля моя – личность слишком известная, а в Тархареше она – персона нон-грата. Раскрывать мое имя и происхождение никак нельзя. Потому она, воспользовавшись кровными связями, отправила меня под чужим именем с детьми из других кланов. Никто, кроме маминого кровного родственника, не подозревал, что среди них затесалась лунная дева. Тьор Вечерний сильно рисковал и обручем князя, и крыльями высшего демона, и вообще жизнью. Но внучатая племянница так хочет стать темным магом, так хочет! А гнев владыки, если тот узнает, Эльда возьмет на себя. Не привыкать ей.

Маленький ректор катился передо мной, как колобок, указывая дорогу. Я старалась почаще спотыкаться на каблуках, изображая Камира, изображающего меня. Такая вот забавная ситуация. Интересно, где бродит сам «серый демон» с моим лицом? Или принц его отозвал?

У дверей аудитории, где проводилось собеседование, толпились будущие темные маги, многие стояли с кислыми лицами. Еще бы, древние мертвые языки никто не любил изучать в школе – зубы сломаешь. Но без их знания магом не стать. Основные заклинания почти все составлены на древнем наречии. И попробуй какой-нибудь некромант поговорить без переводчика с многовековой давности призраком или нежитью вымерших рас.

В момент, когда ректор подвел меня к двери, та распахнулась, и я столкнулась нос к носу... сама с собой! Вот так и чувствовало сердце!

Камир, а это, несомненно, был он, сообразил мгновенно. От собравшихся в коридоре абитуриентов его заслоняла распахнутая створка. К экзаменаторам он стоял спиной, а меня они еще видеть не могли. Нас на миг окутала плотная дымка, в которой этот похититель чужих лиц вскрикнул моим голосом:

– Я провалилась!

И действительно провалился – исчез.

Ректор тоже соображал мгновенно, не зря такую высокую должность занимал, – вцепился в мой локоть и потащил прочь, приговаривая:

– Ну, ничего, не расстраивайтесь, Лика. На следующий год...

Вот уж нет! Такого позора мне никто не простит: ни богиня, ни мама, ни я сама. Вырвав локоть из цепких пальцев Вултона, я бросилась обратно к двери.

Тут главное что? Неожиданность. Камир наверняка изображал из себя полного болвана... болванку. Потому я затараторила на языке династии Холь, изредка срываясь в Орш, на котором особенно хорошо звучат жалобные стенания:

– Пожалуйста, прошу вас, дайте мне еще один шанс! Я не знаю, что на меня нашло, какое затмение. Это, наверное, от волнения! И отсутствия разговорной практики (еще бы, язык мертвый, а с мертвецами особо не побеседуешь). И вообще, это была ментальная блокировка! Вот и господин ректор подтвердит, что на меня кто-то направил заклинание забвения. Я даже не помню ваши вопросы, уважаемые мэтры. Повторите, пожалуйста!

Ректор вынужден был подтвердить, не драться же ему со мной.

– Хорошо, повторяю вопрос, – сверкнул клыками скуластый и очень смуглый высший демон, сидевший в центре троицы магистров в разноцветных мантиях. И перешел на язык династии Холь: – Знаете ли вы, Лика Тария, заклинание «черный смерч»? Разложите нам его на составляющие с объяснением значения терминов. Объяснять нужно на языке той эпохи, разумеется.

Об атакующем заклинании «черный смерч» я слышала. Мама даже показывала, когда объясняла, с чем я могу столкнуться в Тархареше.

Вообще-то, боевые заклинания должны изучаться с третьего курса, не раньше. Примерную программу дрессировки боевого темного мага я знала на все годы вперед. У меня мама, слава лунной богине Лойт, не дура. У Эльды Интаресс и магистерская звезда Тьмы третьей ступени имеется, одна из четырех в мире, к дверям кабинета приколочена в качестве мишени для метания ножей.

Но откуда мне знать это заклинание наизусть? Да еще и с объяснением терминов?

Магистры уже усмехались, переглядываясь, когда я обратила внимание на обшарпанный гримуар в потрескавшейся коже. Книгу специально отодвинули на самый край. Но зачем-то она тут лежит?

– А можно воспользоваться справочником?

– Если разберете руны эпохи Шарх, извольте, – один из магистров с проколотой губой, в которую был вставлен какой-то амулет (наверняка магический словарь), подвинул мне гримуар.

Я раскрыла. Богиня, какая древность! Полустертых клиновидных штрихов почти и не видно.

Вот и пригодится моя «домашняя» заготовка. Ведь знала же, что по языкам гонять будут, а где-то в дороге потерялся мой простенький амулет-лингвошпаргалка. Но я же изобретательна, как воображение маньяка по ночам! Мама в меня прочно вбила простую истину: выход есть всегда, и если к дверце не подходит отмычка, значит, выбей ногой.

Поначалу, обнаружив пропажу шпаргалки, я хотела вызвать дух толмача, запереть в серье, а серьгу, само собой, вдеть в ухо, как все

студииозусы делают. И поди докажи, что это украшение – шпаргалка. Некоторые умельцы по несколько колечек носят, как у них уши не отваливаются! Но проблема в том, что дух любого разумного существа, жившего в древние эпохи, не подходит: он не сможет понимать мой современный язык и, следовательно, переводить. А если я смогу общаться с ним на его языке, то зачем он мне нужен?

Так вот, решила я, если всему живому присуща бессмертная суть, а все умершее можно призвать к жизни или хотя бы к псевдожизни, то почему бы не вызвать дух языка? Тогда мне не понадобится три духа трех древних эпох, обойдусь одним, но глобальным, знающим все языки от сотворения мира до момента поступления Аэлики Интаресс в Академию Тьмы.

Да, знаю, это так же абсурдно, как вызвать, к примеру, дух синего цвета.

Но ведь получилось!

Никто не засек необычного духа. Да и как? Он пробудился не в яви плотного мира, не в видимом магическим зрением эфире. И проявлялся он дискретно: даже не энергетическим, а смысловым всплеском во время звучания слов. Понимание смысла услышанного приходило ко мне само собой, а тот смысл, который я хотела передать, сам собой облекался звуками на кончике моего языка.

– Мы удовлетворены вашими познаниями, Лика Тария, – недовольно пробурчал экзаменовавший меня магистр. – Не знал, что в школах клана Вечерних теней столь глубоко проникли в расшифровку древних письмен.

– Не в школах, – скромно потупилась я. – Из-за болезни у меня было домашнее обучение.

– Любопытно. И как звали вашего учителя?

– Эль... – едва не проговорила я, отвлекшись на мысленное прощание с духом языка. – Эллина Вивер. Несколько лет назад она пропала на землях Тринадцатого клана.

Я не боялась разоблачения. Такая демоница действительно существовала, была учительницей Миранды, и пропала.

– Так она из истинно Неупокоенных или из отступниц? – брезгливо скривился магистр.

– Это ее выбор, – вздохнула я, признавая второе. – Она хотела, чтобы у нее была вечность для изучения древних эпох.

Тринадцатый клан Неупокоенных, Нетленных, или попросту вампиров, полудобровольно присоединился к Темному Трону, последним из всех темных кланов, и до сих пор постоянно соперничал с остальным населением Тархареша.

По договору вампиры не имели права охоты на кровь демонов и получали ее либо от добровольцев (их обычно обращали), либо от осужденных на казнь (их просто выпивали). Но иногда пропадали демонята. Кровососы, если не были выслежены по горячим следам и растерзаны, наказывались внутри своего клана, но никогда не выдавались для суда. Еще бы. Все равно растерзают. Демоны знают только заповедь «кровь за кровь», даже если она не демонически горячая, как лава, а по-вампирски остывшая и тухлая.

Пока Неупокоенные не посягали на сам трон, владыка Тьмы и Теней не трогал их лишний раз. Ибо тронь, и получишь войну хищников внутри страны.

Тех, кто добровольно уходил к Нетленным, демоны презирали со всей силой подземного огня. Моя наставница придумала этот ход с учительницей-вампиршей для максимальной достоверности. Признаться, что твоим наставником был отступник, – это позорно. Пусть лучше презирают, чем проверяют.

Глава 3

Лица и последнее испытание Академии на прочность

Я деловито заплела косу, обвила вокруг головы и закрепила заклинанием. Отличный шлем, снимается только вместе с головой.

– Миранда, хватит киснуть, мы еще живы! Мы ему устроим, мало не покажется! На войне как на войне.

Мы уже выяснили две важные вещи.

Первое: принц способен делиться. Почкованием. На две самостоятельные особи. Потому что, пока меня соблазнял один экземпляр, Миранду атаковал второй.

Подруга у меня любит поплакать, но в самый критический момент забывает об этом. Едва она увидела нашего обидчика, то решила, что со мной принц уже расправился и явился прикончить ее. Не раздумывая, она врезала ему заклинанием между ног и бросилась назад – хоронить мой труп.

А наткнулась в коридоре на вторую важную вещь: в Академию вернулся ее лучший друг Тай.

С ним тоже случилась странная история.

Как оказалось, кто-то перепутал листки с оценками, Таю по ошибке приписали чужой «неуд» и выпнули. Когда разобрались, успели перехватить способного мальчика уже у городских ворот.

Мы с Мирандой сразу поняли, чьих рук дело эта пакость: наверняка принц заранее решил лишить нас последнего защитника. Остальных в нашей пестрой группе абитуриентов из разных концов страны и подчас враждующих кланов мы совсем не знали, если не считать Ночных шорохов – ближайших соседей клана Вечерних теней. Но это как раз был враждующий с Вечерними клан с характерным прозвищем «Ночной шмон», или просто «шмонари».

Миранда наткнулась на любимого друга, когда тот отбивался от «шмонарей», разъяренных возвращением врага, провалу которого на испытании уже успели порадоваться.

Я уже говорила, что Миранду лучше не злить до такой степени, что она перестает плакать? Вдвоем с Таем они отбивались от пятерки недругов, пока не явился ректор.

Потом, разумеется, начались ахи-охи-кудахтанье над боевыми ранениями Тая (пара синяков, было бы из-за чего!), затем слезы-утешения-лобзания в его комнате. Победитель возжаждал большего, но Миранда – девушка строгих правил, до свадьбы ни-ни, после свадьбы – каков доход, таков и расход, и никаких авансов. В результате – заклинание промеж ног, спасение бегством и рыдания «жизнь без милого не мила».

Этому Таю тоже надо будет устроить промывку оставшихся мозгов. Как он мог! Нет, все-таки все мужики...

А у нас, между прочим, через час третье испытание!

– Мира, ты же не хочешь, чтобы мы провалились, после всего-то? – строго посмотрела я на покрасневшее от слез личико подруги. – На радость врагам? Значит, мы отправимся домой, униженные и оскорбленные, твой Тай останется тут без твоего присмотра, а наш враг, наглый принц Дьяр, – без моего отмщения?

Подруга всхлипнула последний раз и принялась за макияж. Всего-то парочка заклинаний, а насколько больше красоты стало в мире!

Миранда забрала закатного цвета волосы в высокий хвост, натянула узкие штаны и обтягивающую маечку, оставлявшую обнаженным подтянутый животик и почти всю высокую грудь. Трепещите, магистры!

– А ты? – покосилась подруга. – Не жарко будет?

Я скрипнула зубами при взгляде в зеркало на свою фигуру, затянутую в облегающий, как вторая кожа, черный комбинезон. На груди я его расстегнула: жарко. Но вот топик надеть не могла. Теперь и не позагорать, и не покупаться. А лето на дворе! А у меня – жуткая татуировка вокруг пупка! Несводимая никакой магией! С надписью: «Мое! Дьяр».

Мерзкий, отвратительный принц!

Ни тональный крем, ни иллюзия не помогли: надпись проступала как ни в чем не бывало. Похоже, избавиться от «украшения» можно только пересадкой кожи или маминым колдовством. Но до мамы еще добраться надо. И еще неизвестно, что хуже: надпись или мамочкин гнев. А уж к богине Лойт взывать о помощи – страшно даже подумать. Она-то может избавить от позорящей лунную деву надписи: сотрет ее вместе с носителем – моим несчастным телом.

– Если кому и будет жарко, то не мне, – процедила я, натягивая высокие, до бедра, сапожки с кружевными вставками и кармашками внутри и снаружи для метательных дротиков, набитыми сейчас шпаргалками вместо оружия. Ну, разве что парочку ножей спрятала за голенищем. – Заклинание «прохладная мята», и никакого пота! И закольцевать, чтобы излишек тепла уходил на поддержание того же заклинания.

– Ловко! – восхитилась подруга. – И откуда ты знаешь такие штучки, Лика? Ты же готовый магистр! Зачем тебе какая-то Академия? Все эти унижения, зубрежка, зачеты? Если только из-за диплома, так сдай экстерном!

Мы вышли в длинный пустой коридор, и искренности у меня резко поубавилось, а настороженности прибавилось от мгновенного ощущения внимательного взгляда в спину. Я оглянулась. Никого.

– Никакая теория не заменит практику, – назидательно провозгласила я, воздев перст к потолку, заодно осматривая своды на предмет опасностей.

– Практика – дело наживное. Можно нажать ее и после получения диплома.

Не объяснять же ей, что я минувшей весной уже закончила школу магии. Только не совсем темной и очень далеко от Тархареша. И сейчас у меня, можно сказать, выпускной экзамен. Последнее испытание.

Я ответила:

– Если бы мы поступали учиться не на боевых магов, то я так бы и сделала, как ты советуешь. Но здесь другое важно. Мастера боя могут передать ученику не только мастерство, но и удачливость, чутье и боевой дух. Ведь они остались в живых после многих схваток, не так ли?

– И кто тут у нас такая умная? – вклинился хриплый, совсем не Мирандин голос, и прозвучал он из точки сзади и сверху. – Тебя-то мне и надо!

Мы с подругой разом отпрыгнули в стороны, выпустив, за неимением оружия, когти на кинжальную длину.

– Ой, боюс-с-сь, – хохотнул дивный экземпляр фауны темной страны – помесь юного инкуба, дракона и летучей мыши с бабочкой под названием «мертвая голова». От летучей мыши у него была форма крыльев, от дракона – вертикальный зрачок и гребень на голове, от бабочки – классический рисунок черепа на заправленной в брюки черной майке, а от юного инкуба – все остальное, включая золотистые локоны, чувственные губы, большие раскосые глаза с гипнотическим небесным блеском и мерзкий характер.

Экземпляр висел вниз головой, уцепившись согнутыми в коленях ногами за протянутую на метр ниже потолка балку, балансируя широко распахнутыми крыльями, и приветливо улыбался. Впечатляющий набор характерных игольчатых клыков.

Как, скажите, как я могла не заметить вампира?! Позорище моей враз поседевшей голове! Что? Поседевшей? Я поднесла к глазам кончик косы. Уфф. Показалось. Заодно развязала пеструю ленточку-парализатор на

случай атаки.

Губы Миранды брезгливо согнулись:

– Подслушиваешь и подглядываешь, говорящий труп?

– Не рассчитывай на ответный комплимент, невежливая девушка, – вампир перестал улыбаться, спрыгнул с насеста, мягко опустившись на пол. Повеяло холодом трупохранилища. Ангельские локоны, словно расчесанные невидимой расческой, элегантно рассыпались по крепким плечам. Он оказался высоченного роста, выше меня аж на полторы головы. Миранда слегка попятилась... для лучшего обзора, конечно. – Ты мне пока неинтересна. А вот твоя подружка уже успела перейти мне дорогу.

– Гнусный поклеп! – возмутилась я. – У меня нет крыльев, мы перемещаемся в разных плоскостях, и дорогу я тебе никак не могла перейти.

– Видишь ли, заклинательница гадов...

– Как ты меня назвал?!

– Не я. Ты сама назвалась нам, когда расписала лицо наследника кровью и начертала его истинное имя, – голос ухмыляющегося вампира снизился до шепота и перестал хрипеть, а глаза хищно засветились. Не любит Тринадцатый клан правящую в Тархареше династию. Ох как не любит. – Так вот. До сих пор только у Неупокоенных имелась привилегия пить кровь темных магистров, и мы обеспокоены появлением конкурента.

– Шутить изволите, – и этак понимающе приподнять бровь. Про кровь – это он издевается, чтобы Миранду попугать.

– Никаких шуток с той, кто повелевает драконом смерти.

Ага. Неужели это истинная причина интереса блондинчика? Много знали лунные девы о своих врагах. Убить давно умершего, но не ушедшего за Грань – тяжелая работа. Но не для дракона смерти, единственного существа на свете, которого панически боялись даже самые древние и сильные из двуногих кровососов. Разве что владыку Тьмы они боялись не меньше, судя по историческим хроникам.

Впрочем, дракон смерти хоть и абсолютное оружие против вампиров, но давно для них не новость, чтобы меня тут подкарауливать.

– Кроме того, – продолжил верзила, так и не дождавшись от меня уверений в лояльности моего дракона, – мы оценили явление никогда не жившего духа. И предлагаем тебе сделку.

Быстро же они сообразили сесть на хвост такой халяве. Интересно, как вампиры просекли то, что не заметили магистры? Или те заметили – не дураки же тут работают! – но не стали поднимать шум и отнимать настолько необычную шпаргалку?

– Польщена. Да не рановато вы забеспокоились? – улыбайся, Лика, улыбайся. – Тут кое-кто еще не поступил. Плохая примета – говорить «гоп» неубитому медведю.

– Это уже неважно. Сделка состоится в любом случае, если ты пожелаешь. И цена будет весьма высокой.

Я промолчала, скептически скривив губы. Кто ж не знает, что вампиры сделки выгодны только им. Тут они и подгорных жителей переплюнули.

– Ты даже не представляешь насколько, – попытался он померить мой скепсис. – Весь Тринадцатый клан может дать тебе клятву Долга.

– Ого! – ошеломленно присвистнула Миранда.

На этот раз я гордо промолчала. Просто онемела от шока.

Клятва Долга целого клана означала, что они все до единого будут мне должны. И от каждого я могу потребовать что угодно, но один раз.

Так. Какое сейчас у вампиров поголовье? Пятьсот? Тысяча? По-моему, даже когда кровопийц было в мире едва ли сотня, они не давали таких клятв. Никому. За всю историю.

Не верю. Обманут. Найдут способ обойти Долг. К богине не ходи. Убьют, и долг выплачивать некому будет.

Неупокоенный красавчик занервничал под моим взглядом, словно мысли читал:

– А перед тем, само собой, дадим клятву непричинения вреда ни твоему телу, ни душе, – и глазками преданно глянул, честными-честными, немигающими. – Что скажешь?

Ничего. Не буду-ка я торопиться совать мою прекрасную голову в золотую петлю.

Зачем им вообще модифицированное мной заклинание вызова? Среди вампиров самый высокий процент знатоков древних наречий. Еще бы, они же Неупокоенные. Кое-кто из них – свидетель ушедших веков, и для них все еще жив мертвый язык Орш. Насчет более ранних эпох не уверена, сведений о вампирах, бытовавших в те времена, еще не попадалось. Может, у них припрятаны редкостные рукописи о великих тайнах изначальных эпох?

Нет, судя по цене, не эфемерные духи мертвых языков их интересуют. Не энциклопедическая, невидимая и неосязаемая шпаргалка. Не стали бы они сами назначать наивысшую цену, даже если не собираются платить ее на самом деле. Характер не тот у этой паразитической расы.

Тогда зачем? Уж не сам ли принцип вызова никогда не жившего духа им нужен? Для того, чтобы подчинить кого-то важного? А кто у нас никогда

не жил, но существовал? Уж не первоупырь ли какой-нибудь? Или... сам Хург? Нет, тот как раз существовал, если верить легендам. Надо посоветоваться с богиней.

Неуспокоенный ждал. Его нервозность выдавали дергавшиеся кончики крыльев. Миранда давно уже изнывала, переминалась, покашливала, всячески показывая, что мы опаздываем.

– Молчание – знак согласия? Так и передать нашему князю? – вампир, потеряв терпение, пошел на уловку.

– Передай, что я подумаю, – выдавила я наконец.

– А что ты сейчас делала? – ошалело округлились его немигающие глаза.

– Советовалась с упомянутыми духами, хотят ли они такой популярности.

– И?

– Они тоже подумают, – ослепительно улыбнулась я.

– Как долго?

– Месяц. Два. Год. Два. Куда торопиться вечным?

Умница я. Пока буду молчать, они пылинки с меня будут стряхивать.

Черты живого мертвеца исказила сдерживаемая ярость.

– Пока знание принадлежит единственной смертной, ожидание может стать безвозвратной потерей! – вырвалась угроза. Но он тут же примирительно улыбнулся... всеми клыками: – Если тебе понадобится наша помощь или изменится срок размышлений, найди Даори Энриати. Это мое имя. Удачи на экзамене! – собеседник резко, прямо с места, сорвался и выбросился в раскрытое окно. Чтоб тебе прилечь на брусчатке, пожелала я, даже не надеясь на исполнение моего желания конкретно этим вампиром.

Было досадно, что мой секрет с духами так быстро раскусили. Они ведь шантажировать начнут! И недругов у меня станет еще больше. Хотя вампиры и без того вековые враги лунных дев. У них ночная охота на сельо – национальный вид спорта. Ну, и у нас тоже девушки не прочь развлечься вечным упокоением Неуспокоенных. Мы же сельо, у нас тоже клыки и когти имеются в боевой ипостаси.

Миранда подхватила меня под локоть и потащила к лестнице. И только на улице прошипела:

– Ненавижу их! Поклянись, что ты не будешь им помогать. Сделки с трупами чреватые!

– Мира, не трать силы на ненависть. Никакой сделки не будет. Мне тоже не нравится этот их интерес. И непонятно, как они пронюхали о моих

трюках. Это плохо. Это уязвимость.

К слову, вампиры, по всей видимости, всерьез восприняли мое заявление о том, что духи будут думать долго, так как больше не обращались ко мне по поводу сделки. Гордые.

* * *

Во избежание разрушений третье и последнее испытание абитуриентов проводилось на открытом воздухе, в отдалении от корпусов Академии: на учебном полигоне, окруженном земляным валом и широким рвом, до краев полным воды, от которой пахло дезинфицирующей жидкостью. Над полигоном вздувалась купольная защита, похожая на мыльный пузырь.

– Сразу надо было такие меры принимать, – весело переглянулись мы с Мирандой.

К нашему удивлению, зрителей набралось немало. Видимо, карантин уже сняли и срочно набирали рабочие и магические руки для ремонта пострадавших корпусов. Рабочих в робах близко не подпустили, и они забрались на строительные леса, облепив их, как муравьи намазанную патокой палочку.

Еще на подступах к земляному валу полигон был оцеплен мракармией. Особенно много рогатых шлемов мракаров (или шлемов с дырками для рогов, так и не разобрала) виднелось в толпе у входа. Сцепившись хвостами и лапами, мракары двойной цепью сдерживали штурмовавших вход адептов в черно-синей (факультет превращений) и фиолетово-черной (факультет боевой магии) формах. Виднелись вкрапления коричневых и темно-зеленых, как у того магистра, костюмов. Видимо, что-то экзотическое. Что-то их многовато.

– Это же на тебя пришли посмотреть, Лика. Какая слава! – Миранда, хихикнув, поправила бретельку, приспустив ее с плеча, и подмигнула вылупившимся на нас демонам.

Не допущенные на полигон зрители толпились на земляном валу. Какие-то несчастные уже плавали во рву, отчаянно ругаясь и сплевывая дезинфицирующую жидкость. Ничего, чище будут.

– Это они! – раздавались голоса справа и слева, пока мракар в форме сержанта, о чем свидетельствовал третий рог на шлеме, проверив наш допуск на испытание, сопровождал нас по живому коридору.

Протиснувшись на полигон, мы ахнули. Судя по обилию фиолетовых

мантий, весь экстренно вызванный из отпусков преподавательский состав боевых магов рассредоточился по трибунам. Присутствовали и высшие маги, все в черном (об их специализации говорила цветная обтачка на воротах и рукавах), с ранговыми звездами.

Удивительно, но на нас с Мирандой, как и на группу остальных абитуриентов, никто не обращал особого внимания. Все глаза, в том числе снабженные магическими окулярами, были направлены на площадку перед экзаменационной комиссией.

На площадке творилось непонятное.

Мы протиснулись поближе, и я едва удержалась на ногах, увидев знакомую широкоплечую фигуру чудовища, которое, опершись кулаками о столешницу, нависало над перепуганным, вжавшимся в кресло ректором и шипело:

– Засунь себе в... академический сад эти циркуляры!

– Но, ваше высочество! Вы же на домашнем обучении!

– А мне надоело! Все один и один! Я с народом хочу быть, с моими будущими подданными!

– Но все сроки подачи документов пропущены... мы не имеем права... есть же положение, правила поступления...

– Я сказал, что тебе сделать с твоими положениями и правилами! Бери бумагу и составляй новые! – принц сгреб стопку чистых листков с края стола, сунул их ректору, грохнул перед ним чернильницей так, что перо подпрыгнуло и оказалось в дрожащей руке старичка.

– Но их должен утвердить совет магистров... – мужественно сопротивлялся ректор.

– Совет весь уже здесь, я позаботился! – Дьяр широким жестом показал на трибуны.

– Но вступительные экзамены... Сегодня уже третий, последний этап.

– Я сдам все сразу!

Ректор сердито свел седые брови и, отбросив перо, решительно сложил руки на груди:

– Молодой человек! Если вы думаете, что ваш статус позволяет вам рассчитывать на то, что мы поставим вам зачеты автоматом только из страха перед вашим великим отцом и нашим владыкой, то смею заметить, это глубочайшее заблуждение.

– Я сдам честно! Как все! – прорычал принц. – Или вы сомневаетесь в моих честности и знаниях?

Старик сдался, подобрал перо и начал быстро строчить новые правила поступления.

– Его высочеству, значит, можно будет, а нам нельзя? Только потому, что он – принц, а мы – простые демоны? – раздался сердитый зычный голос. – Где справедливость? Это нарушение закона его темного величества о равном праве на образование!

Я повернула голову и остоленела.

Какая образина! Это даже не орк (в расшифровке: обезьяна+рептилия+козел). Тело у него было вполне – бронзово-смуглое, с рельефными мышцами, одно загляденье. Но морда существа – не дай бог приснится.

Черные глаза потерялись под нависшими на лоб космами. Роскошная волнистая грива отблескивала, как редчайшее черное золото. А вот густая борода почему-то была цвета бронзы. Совершенно неприличная борода, у демонов такой не бывает, у высших вообще не растет, а у низших – козлиная. А этот тип зарос от самых глаз, и поросль спускалась на грудь, завиваясь кольцами.

Пятеро его сородичей в таких же набедренных повязках сгрудились позади предводителя.

– Что это? – дернула я столь же очарованную подругу.

– О-о-о-о! – простонала она.

– Не поняла!

– Какая борода-а-а-а!

– А под бородой кто?

Она пожала плечами, зато исчерпывающий ответ мы получили от ректора Вултона.

– Даже не надейся, Ирек Гил, что я не узнал тебя под этой маскарадной порослью! – на диво громко при таком-то миниатюрном росте рявкнул Вултон. – Вон отсюда вместе со всей группой поддержки! Ты отчислен еще весной!

– Если я отчислен с третьего, почему не могу поступить на первый курс? В правилах запрета нет!

– А мы сейчас впишем! – злорадно ответил карликовый демон, взявшись за перо. Под мрачным взглядом Ирека перышко пискнуло и превратилось в черного галчонка. Птенец вырвался, мстительно цапнул ректора за палец и с торжеством уселся на голову старика, тут же обгадив крючковатый нос.

– Верни ректору перо! – приказал принц.

– А не пошел бы ты... – начал было Ирек, но адрес никто не расслышал: потонул в жутком грохоте, донесшемся снаружи.

Вултон схватился за уши. Магистры повскакали с мест, их жезлы окутались сизой дымкой – полная готовность к бою. За куполом явно

происходило еще что-то интересное.

От входа к столу приемной комиссии подбежали двое: дежурный маг с алой повязкой на рукаве и сержант-мракар.

– Господин ректор! Там еще группа прорывается, требует допуска к испытаниям.

– Кто такие?

– Опоздавшие с острова Фрид. Говорят, шторм отнес их в лапы жужел, потому и задержались, пока врага не истребили.

– Если не смогли остановить бурю, значит, провалили испытания. О чем может быть речь!

– Так они говорят, что остановили, но отклонились от курса.

Вултон, и без того раздраженный (страшно подумать, как он отыграется на нас), уперся:

– Вот прорвутся, тогда и поговорим.

Его словно услышали: жажнуло так, что земля содрогнулась, купол лопнул, и на полигон ворвались трое всадников на огромных летающих насекомых. Да-да, тех самых двухметровых жужелах.

Под поднятым вихрем от крыльев, а каждая тварь обладала двумя парами оных, комиссию снесло вместе с бумагами, билетами и креслами.

К тому времени, как порядок навели, новые правила написали и подписали, а купол восстановили, на полигон, пользуясь хаосом, набились все желающие зрелищ.

Они их получили сполна.

* * *

Как ни впечатляющ был прорыв новой группы под магический купол (!) Академии Тьмы (!!) под сорвавшиеся с жезлов высших магов парализующие заряды (!!!), трех абсолютно невредимых соискателей званий боевого мага – двух великолепных мужских экземпляров и девушку – заставили сдавать вступительные испытания вместе с принцем Дьяром и второгодником Иреком.

Особенно запомнилось варварское решение задачи на вычитание. Предводитель островитян, получив гигантского змея с заданием вычесть из подобного подобное, создал собственную копию и отправил ее в бой со змеем. Фантом парня повис на хвосте чудовища и был проглочен голодным змеем вместе с кончиком хвоста. На этом чудище почему-то не остановилось и продолжило, роняя слезы, заглатывать самое себя, пока не

сдохло, пожрав себя по самую голову.

Когда очередь дошла до нас с Мирандой и остальных из нашего потока, комиссия устала так, что обошлась простейшими заданиями.

– Лика Тария, клан Вечерних теней, – вызвали меня.

Я прошла к столу комиссии.

Ректор, почесывая до блеска отмытый нос, оглядел меня, осознал всю полноту моей боевой готовности и хмыкнул:

– Вот что, милочка. Больше нам тут разрухи не надо. Уж вы как-нибудь мирно попробуйте справиться с заданием. Билет, пожалуй, тащить не будете, а то мало ли, что там окажется эдакого, к чему мы будем не готовы... – он покосился на площадку, где под властным взглядом принца Дьяра самозакапывались зомби, нервно побарабанил пальцами по столешнице. – Ну, скажем, покажите-ка нам ваши таланты не в способах убийства и разрушения, а в области противоположной. Хотя нет, не надо, – вдруг испугался он каких-то своих мыслей при взгляде на мое декольте. – Как вы, вероятно догадываетесь, одно из необходимых качеств темного мага – способность проявить невидимое...

Он не успел договорить и конкретизировать задание, как я приступила к исполнению: вытащила кинжал из-за голенища и направилась к Иреку Гилу, как раз проявившему невидимое – парочку привидений. Он их построил и теперь дирижировал дуэтом, вывшим скабрзные частушки перед красной от негодования комиссией.

– Не ходите, мавки, замуж, ничего хорошего! Утром встанешь – кости набок и... Ой! Ой-ой-ой! – увидев всю такую решительную меня, привидения заткнулись и срочно растаяли.

Ирек оглянулся – выражения его лица прочесть было невозможно, так как лица, по сути, не было видно, – и почему-то рванул прочь. Я за ним.

– Она что, сумасшедшая? – проорал второгодник, проносясь мимо остолбеневшей комиссии.

– Только без увечий! – хором ответила комиссия, срочно пересаживаясь за ограждение, отделявшее зрителей от испытательной площадки.

Мирно не получилось. Бегал Ирек быстро. После пары кругов я метнула в него парализующее заклятие.

Отбился.

Я начала ставить на его пути иллюзорные барьеры.

Проигнорировал, тараня их лбом.

Перешла к неиллюзорным.

Проигнорировал точно так же, но начал потирать на бегу лоб.

– И-рек! И-рек Гил! – скандировали трибуны с одной стороны.

– Ирек, отдайся! – орали с другой.

На пятом кругу, когда мы разогнали с площадки всех экзаменующихся, он попытался перепрыгнуть через заграждение к зрителям.

Я сплела заклинание аркана, поймала его за ногу, но он так прочно вцепился в барьер, что рухнул вместе с ним.

К несчастью, именно в этом секторе был вход в «конюшню», где томились ездовые жужелы островитян.

Твари с треском вырвались. Ирек успел вцепиться в одну и забрался в седло уже на лету. Акробат. Две тварюги ринулись на меня.

– Стоять! – скомандовал им предводитель островитян, прыгнул через ограждение на спину одной жужелы и с такой силой натянул узду, привязанную к жвалам, что голова твари хрустнула.

Его товарищ, проделавший было тот же маневр со второй жужелой, промахнулся, и тварь мгновенно добралась до меня – догнала и уже разевала надо мной пасть.

Тут проявил себя принц – швырнул в морду гадины сгусток тьмы, и она подавилась.

– Не убивай, она мне нужна! – крикнула я и, оседлав оглушенное насекомое, пустилась в погоню за порхающим под куполом Иреком.

Тварь летела вяло, но, получив целительный удар по затылку, выхаркнула темный яд и ожила.

Мы еще этак с четверть часа носились под куполом, швыряя друг в друга всякую дрянь и уворачиваясь от контратак, пока я, вспомнив о богатом экзаменационном опыте, не разделила жужелу под Иреком.

Лихой наездник еще попытался если не усидеть, то устоять на двух спинах одновременно, как циркач на двух конях. Трибуны неистовствовали.

– И-рек! И-рек! И-рек Гил!

Но тут мешавшие друг другу насекомые разлетелись, и любимец публики рухнул из-под самого купола.

Защитные воздушные подушки мы с ним создали одновременно, и приземление должно было получиться мягким, как в облако пуха. Но Ирек, как упал на спину, раскинув руки, так и лежал, пока я спускалась и обездвизивала заклинанием свою жужелу. Трибуны выли. Они меня растерзают, подумала я, подбежав к упавшему.

Его глаза были закрыты. Я нащупала пульс. Бьется как бешеный!

Тут мертвец ожил, попытался перевернуть меня на спину, но я сидела прочно на его животе. Взмахнула кинжалом. Трибуны, охнув, забыли дышать.

– Лежи смирно, Ирек, – приказала я. – Мне дали задание побрить тебя.
– Так бы сразу и сказала! – с облегчением вздохнул он и, ухватив меня за бедра, сдвинул чуть ниже.

– Мне так неудобно, – я скользнула выше, примерилась лезвием к его бороде.

Он снова сдвинул меня ниже. С трибун ободряюще засвистели.

– Порежу! – прошипела я, снова усаживаясь ему на живот.

– Режь, – разрешил Ирек, переместив меня обратно на чресла. – Это будет прекрасная смерть. Кстати, как тебя зовут, прекрасная?

– Так и зовут. Смерть.

Перебралась ему на грудь и вцепилась в бороду.

Он опять сместил меня. Буйная борода, скрывавшая его лицо до самых глаз, сползла и осталась у меня в руках без всякой помощи кинжала. Лежавший подо мной парень оказался вовсе не уродом и блаженно улыбался, поблескивая из-под ресниц черными глазами.

Я попыталась встать, раз уж добыча в моих руках, но он ухватил меня за предплечья и опрокинул, закрыв мне рот долгим, глубоким поцелуем. Трибуны взорвались аплодисментами и бешеным свистом.

Когда Ирек оторвался и помог мне подняться, я наткнулась взглядом на мрачную физиономию принца и позлорадствовала. Островитянин, кстати, тоже смотрел на Ирека довольно злобно. Еще бы, всех жузел ему угробили.

Самым неожиданным было решение комиссии. За проявленные знания, находчивость и творческий подход к заданиям Миранду зачислили на второй курс, а меня, островитян, принца и Ирека – сразу на третий. Какая честь! Почему бы сразу дипломы нам не выдать?

Как честная перед богами и людьми девушка, я уперлась:

– Мэтр Вултон, я недостойна такого доверия и считаю свои знания недостаточными. Прошу перевести меня на второй курс.

– И нас! – хором сказала вся компания новоявленных третьекурсников.

Обомлел не только ректор, но и я. Ладно бы один принц проявил такую сказочную солидарность. Но Ирек? А островитяне-то с чего бы?

– Пожалейте Академию! – возопил старый маг. – Лика Тария, я думал, вы будете польщены и обрадованы.

– Я и то, и другое, но хотела бы получить больше теоретических знаний.

– И мы! – поддакнул хор.

– Вы не понимаете системы поступления в Академию Тьмы! – уговаривал нас ректор. – Ладно, провинциалы могут не знать, но вы-то,

ваше высочество, прекрасно осведомлены! Отсчет курсов с первого по последний – это чистая условность. Не столько мы, сколько сама Тьма оценивает уровень знаний и магической силы соискателей по их истинному достоинству. И ни разу мы не ошибались. Бывали случаи, что и на пятый курс сразу принимали. Владыку Сатарфа, когда он еще был принцем, например.

Какое изысканное прикрытие подхалимажа, восхитилась я. Тьма оценивает. Ну надо же. Она бы меня оценила так, что от меня, сельо, и мокрого места не осталось!

– А далее, – заливался Вултон, – наше дело только отшлифовать бриллиант. И для каждого мага составляется абсолютно индивидуальная программа. А теории вам будет столько, что еще поплачете. Если все дело в вашей подруге Миранде, – заметил проницательный старикашка, – то мы можем принять и ее на третий курс, условно, в качестве аванса. Показатели у нее неплохие. Но ей придется подтянуть и теорию, и практику.

– Подтянем! – поклялись все.

– Адепт Дьяр, задержитесь на минуту, остальные ступайте к коменданту. Будете теперь работать до осени, как пчелки, на восстановлении зданий.

Мы отошли, но разыскивать коменданта не торопились. Лично мне было жутко интересно, о чем секретничает ректор с принцем.

Подслушать удалось немного: ректор лишь указал, к моей радости, общее место: в стенах Академии Дьяр не принц, а такой же ученик, как все, и подчиняться существующим порядкам обязан беспрекословно под угрозой отчисления в сей же миг или вызова родителя пред очи ректората.

Представляю, с каким грохотом явится темнейший папочка на разборку. Даже предвкушаю.

– Комнат свободных в общежитии для вас нет, адепт Дьяр, – завершил ректор нотацию.

– Не требуется.

– Обращаться ко всем старшим и магистрам надо «господин учитель» или «мэтр», – Вултон назидательно воздел перст.

– Не требуется, господин учитель, – принц безмятежно улыбнулся и почтительно поклонился старичку, как и положено кланяться старшим бедному и сирому студиозусу.

Мне это начинает нравиться.

Глава 4

Лица, борода Шу и Башня трех принцесс

Борода Ирека, лохматым клубком дремавшая в солнечных лучах на подоконнике, пошевелилась, расправилась и лениво поползла в тенек.

Никакая это была не борода, как выяснилось, а дивный зверек хеммо с каких-то дальних островов. Ирек подарил, сказав, что я добыла его в честном бою.

Звали существо просто Шу, но на имя Борода оно тоже откликалось. Этакая шкурка без морды, лап и всего остального, но вполне могла себе их сострять. Очень эластичная и способная принимать ту форму, какую надо хозяину, хоть закутать его с ног до головы. мех, правда, будет не такой густой.

Это потрясающе ласковое создание стало всеобщим любимцем (или любимицей, потому что пол мы так и не выяснили, а Ирек только плечами пожимал, мол, и сам не знает), оно признало меня за хозяйку, сопровождало всюду, а утром я всегда обнаруживала Шу в своей постели. Потому я предпочитала говорить о ней – «она», дабы не гневить богиню Лойт.

Не знаю, чем кормилась Шу на родине, но в первую же ночь, забравшись ко мне под покрывало, эта зараза обеззаразила мой пояс!

Наутро я, потрясая вялой Шу, розово-желтенькой в зеленую крапинку, помчалась в общежитие мальчишек разыскивать комнату Ирека Гиля. Именно там мы вчера всей компанией, за исключением принца, начали отмечать поступление, продолжив под предводительством все и всех знавшего второгодника в студенческой забегаловке за стенами Академии. Как мы вернулись по своим комнатам, не помнили ни я, ни Миранда, ни островитянка Зулия (утром пришлось знакомиться с ней снова).

Мои ноги, как оказалось, помнили больше, чем голова, потому что остановились у двери с устрашающей надписью: «Не входи – убьет».

Ирек, помятый и невыспавшийся после вчерашней гулянки, открыл после долгого стука, разбудившего пол-этажа, втащил меня в комнату и захлопнул дверь под ехидными взглядами высывавших в коридор адептов.

– Спасительница! Ты принесла мне лекарство от похмелья! – он попытался сграбастать из моих рук шкурку Шу.

– Оно сдохло!

– Как? – уставился он на перекрасившуюся Бороду.

– Отравилось редким ядом змеи варрдх.

– Не может быть! Хеммо отравить невозможно. Яды для них – нектар. Да она просто обожралась до неприличия! Жаль... Придется лечиться традиционными способами. Тебе не предлагаю, – Ирек вытащил из-под кровати брякнувший стеклом ящик.

– Почему?

– А зачем? После того, как на тебе попаслась Шу, в тебе уже ни миллиграмма отравы нет, во всем организме. Кстати, какое ты имеешь отношение к змеям варрдх? Родственница? С виду вроде не похожа на них, хотя... – парень рассмеялся и ловко увернулся от шлепка Шу по плечу. Шкурка при этом вытянулась в мохнатую ниточку и повисла с самым несчастным видом. – Ну что ты на меня то с ножом, то с удавкой? Нравлюсь?

– Нет! – слукавила я. По нашему с Мирандой мнению, Ирек нравился всем: столько друзей у него тут оказалось, и они вчера устроили ему настоящее чествование по случаю возвращения в родные пенаты. – Мне нравилась твоя борода, но она оказалась приклеенной. А откуда у тебя хеммо? Никогда о таких зверушках не слышала.

– Друг подарил. Хеммо – зверь с заокеанского материка, еще более редкий, чем змея варрдх, – подмигнул он, откупоривая небольшую бутылочку из черного стекла. – Я как раз решил заскочить в Академию за вещами, а тут разруха и веселуха. Вот и решил, что жизнь, может, только начинается, и как же тут без меня? Ну, за тебя, воительница, – он обезоруживающе улыбнулся, отсалютовал и отпил глоток из странной бутылочки.

Шу, пристроившаяся воротником на моих плечах, ожила и поползла на запах.

– Держи Бороду! – скомандовал Ирек.

Поздно. Ленивый зверек обрел неожиданную прыть, налетел на бутылочку, выбив из руки парня, и плюхнулся в разлившуюся, остро пахнущую травяной настойкой лужу. Ирек выругался, подняв за мех снова обмягшее существо. Лужицы уже не было.

– Эх... Ну, пошли в забегаловку, заодно позавтракаем.

Едва мы двинулись к выходу, раздался громогласный стук, а когда Ирек распахнул дверь, перед нами предстал бледненький и злощипый принц Дьяр.

– Чего приперся? – мгновенно ошетинился Ирек.

– Я назначен старостой группы, – надменно сказал принц, умудрившись глянуть на второгодника свысока, хотя они были одного роста.

- Мои поздравления. Мне-то зачем пришел докладываться?
- Как староста, я обязан довести до сведения всех остальных кое-какие правила дисциплины. В комнатах адептов мужского пола запрещено находиться особам женского пола, и наоборот.
- Да с каких это пор?
- С сегодняшних. Нарушение будет зафиксировано и передано в деканат.
- Стукач!

Принц, не удостоив меня взглядом, развернулся и ушел по коридору сквозь строй вальяжно подпиравших стены темных адептов, под их недобрыми сощуренными взглядами – прямой, как корабельная мачта.

* * *

О чудесных антипохмельных свойствах Шу быстро пронюхали абсолютно все, и в нашу комнату началось повальное паломничество. Еще не успели начаться занятия, как мы с Мирандой и Зулией, которую подселили к нам, перезнакомились со всеми адептами Академии. Тот факт, что их каникулы прервали преждевременно, срочно вызвав для ремонта пострадавших от бурного экзаменационного лета помещений, вполне компенсировался наличием у виновниц универсального средства от похмельного синдрома. К тому же недогуленные деньки им обещали вернуть, увеличив зимние каникулы.

Каждое утро перед нашими дверями выстраивалась очередь из страдалцев, жаждавших прикоснуться к святым мощам Шу. Их не пугало и то обстоятельство, что комната находилась рядом с комендантской. Такие жизненно важные заклинания, как отвод глаз, все выучили еще в домашних магических школах.

Мохнатое создание до того подросло и разжирело, что походило уже не на бороду, а на коврик с густым ворсом всех оттенков радуги.

Новых правил никто не нарушал: за порог гости не переступали. Шу лежала прямо под дверью, уже не в состоянии передвигаться, хотя ночью все-таки доползала до моей постели и, вскарабкавшись по спинке, бухалась неизменно на голову.

Устав от ежеминутного стука по утрам, мы уже и дверь не запирали. Страдалцы бесшумно просовывали руку, гладили Шу и уступали очередь другим мученикам.

Потому для нас стал неожиданностью громкий стук в дверь,

раздавшийся где-то через неделю после нашего пребывания в Академии.

– Открыто! – крикнула Миранда, не поднимая головы от подушки.

– Достали! – простонала Зулия. – Да разверзнется земля пухом под вашими ногами! Обормоты ничтожные, пьянчуги бесстыжие, дикари сухопутные!

– Можно? – спросил незнакомый мужской голос от порога.

– Нельзя! – ответили мы хором. – Мальчикам не положено! Приказ ректора висит в рамочке на двери!

– Спасибо, я прочитал. Но там ничего не сказано о кураторах вашей группы.

– Ой... – сказали мы хором.

Через пять секунд мы были уже одеты, умыты, покрашены и исподтишка рассматривали гостя, а Зулия, надо сказать, бесстыдно тарасилась во все глаза.

Тут было на что посмотреть.

Былинный богатырь, чудом затесавшийся в демонические ряды. Кудрявые русые волосы до плеч, соколиный (или орлиный?) взгляд ясных глаз. Косая сажень в плечах, бицепсы, трицепсы и все прочее на нужных местах. И румянец во все щеки (или это от смущения? То-то он старался не смотреть на знойную Зулию, оставшуюся в полупрозрачных шальварах).

Куратора звали Грид Сайк. И пришел он не только познакомиться, это он мог спокойно сделать днем на строительно-отделочных работах, а помочь нам с переездом. Немедленным. Ректорат, видите ли, обеспокоен очередями мальчиков к дверям нашей комнаты.

* * *

Нас переселили в заброшенный донжон позади корпуса общежития. До сих пор эта башня была самой высокой из строений древней крепости, где располагалась Академия Тьмы. Она насчитывала три этажа с неимоверно высокими потолками, чердак и подвал.

Первый этаж, где располагалась кастелянша вместе со всем своим хозяйством, начинался на уровне нормального второго. К бронированной двери, находившейся на высоте в два человеческих роста, вела приставная магическая лестница, исчезающая и появлявшаяся минута в минуту с началом и окончанием «комендантского часа», то есть ее в помине не было с одиннадцати вечера до семи утра.

Огромный второй этаж пустовал.

Наши комнаты оказались на третьем, спешно переоборудованном под жилой. Три спальни, ванная и общий зал с диванчиками и камином. По сравнению с прежней казармой – настоящие хоромы, если бы еще не бегать по узким винтовым лестницам каждый день вверх-вниз.

Зато никто не заберется. Так нам казалось.

Сутки мы наслаждались спокойствием и комфортом. Потом началась осада.

С утра вход осаждали ставшие неожиданно чистоплотными адепты с пачками белья под мышками. Пока одни отвлекали кастеляншу Кикирусю – дряхлую ведьму, ругавшуюся на пяти древних и двух современных языках, другие умудрялись прошмыгнуть на лестницу и погладить ждавшую там Шу.

Крышу облюбовали старшекурсники для вечерних летных тренировок. Полеты не прекращались ночи напролет.

После первой же попытки пробраться к нам через каминную трубу, магистры ее перекрыли наглухо.

Кикирусю допускала к нам только Тая на правах однокланника, помолвленного с Мирандой, да и то им, как арестантам, позволялось видаться лишь в присутствии надзирательницы, потому Тай мог только мяться и вздыхать нечленораздельно. Зато тортики и пирожные не забывал приносить.

Миранда таяла, а мы с Зулией скрежетали зубами. И через пять минут после его появления сбегали, задерживаясь только для того, чтобы схватить сладкого на халяву. Если бы не эти взятки, мы бы убили воздыхателя в первый же вечер за занудство и подняли бы. Разницы никакой, но труп хотя бы не вздыхает.

Остальные вздыхали вокруг башни.

– Девочки, а вам не кажется это странным? – спросила я, наблюдая, как очередной взломщик, спустившись на веревке, пытается подобрать заклинание-отмычку к магической решетке на балконной двери. – Неужели все начинающие темные маги пьют по-черному? А к концу учебы они все уже законченные алкаши?

– Что-то подозрительно это все, – отозвалась Миранда. – Надо спросить у Тая.

Ясно одно: вся эта шумиха и массовое паломничество к Шу кем-то организованы. Но избавиться от зверька, точнее, зверюги, выросшей с ковер два на два метра, было уже невозможно, как выбросить на улицу любимого котенка.

К началу осенних занятий магистры сообразили соорудить на крыше нашей башни птичник для горгулий, а на балконе поселить цепного грифона.

Нас охраняли строже, чем султаны свои гаремы. Зулии очень льстило. Не хватало только дракона, и я поселила Шурша на пустовавшем втором этаже – для того, чтобы Кикируся не лезла к нам с воспитательными целями.

Неприступный донжон сразу получил имя: Башня трех принцесс. Зулия была в восторге.

Первые сутки.

На вторые горгульи невзлюбили грифона. Грифон – дракона. Дракон – Кикирусю. Ведьма – нас. Мы – весь мир.

Гвалт в башне сверху донизу стоял круглосуточный и оглушительный.

Горгульи непрерывно дрались то друг с другом, то с грифоном, если тот не дрался с драконом, если Шурш, снова укравший простыню – он был чистюля и любил запах мыла, как пчелы нектар, – не дрался с ведьмой, ругаясь с ней на пяти древних и двух современных языках.

Только опять усохшая до размера бороды Шу молчала, тоскливо покачиваясь на абажуре люстры.

Какие уж тут занятия! Голова гудела днем и ночью, мы зверски не высыпались и наверстывали на лекциях. За что и получили все трое по замечанию в личное дело. Еще парочка таких записей, и нас ждут более крупные неприятности, чем горгульи.

– Чтоб эти твари все сдохли! – Зулия накрыла голову подушкой.

– Кроме Шурша, – тут же сказала я, сложив пальцы в знак, отвращающий проклятие.

– Кроме Шурша, – послушно повторила островитянка. – Не могу больше!

– Девочки, давайте всех убьем! – даже Миранда стала кровожадной, хотя всхлипнула, оплавав будущих жертв. – Кроме Шурша. Это невыносимо!

– А-а-а-а! – Зулия запустила подушкой в сунувшуюся в дверь драконью морду.

Шурш рачительно прибрал дар под крыло и облизнулся на Шу. Она тут же оцетинилась, как кошка, рванула по цепи к своду. Крюк, на котором висела массивная цепь, угрожающе затрещал.

– Подушку отдай! – спохватилась Зулия.

Дракончик помотал головой и попятился.

– Простыню верни, гадоступ чешуйчатый, яйцо переносное, мокрица огнедышащая! – донесся снизу визг кастелянши.

Шурш панически заоглядывался, втянул голову в плечи и попытался забиться в камин.

Я прочитала заклинание отзыва. Дракон исчез вместе с подушкой и торчавшей из-под второго крыла простыней с черным казенным штампом на уголке.

– Где эта гнилая моль-переросток? Не видели? – ворвалась Кикируся в съехавшей набекрень шляпке, из-под которой торчали седые космы.

Мы все трое уже чинно сидели на диванчике с учебниками в руках. Помотали головами: не видели, мол.

Старуха недобро прищурилась на камин.

– Упорхнул, ворюга!

Ей ответил запредельный гвалт с крыши: горгульи опять ссорились.

– Вы бы, девки, лучше звукоизоляцией занялись, чем книжки-то учиться читать вверх ногами, – посоветовала ведьма, прежде чем хлопнуть дверью.

Мы промолчали. А то не знаем. Заклинание звукоизоляции держалось на стенах ровно десять секунд, после чего звукопроницаемость почему-то усиливалась на час. Заколдованная башня, не иначе.

– Я так больше не могу! – всхлипнула Миранда. – Я... к Таю попрошусь на ночлег. Хотя бы на одну ночь! В окно влезу, никто и не увидит.

– А я к Иреку, – вдохновилась я идеей.

Островитянка попыталась отговорить нас от безумства, но не преуспела и, покосившись на грифона, долбившего клювом нашу балконную дверь, вздохнула:

– Тогда я к Айресу и Дагу пойду.

Когда я проходила под люстрой, Борода плюхнулась мне на голову. Это исчадие меня совсем без мозгов оставит! Зато с таким париком никто не узнает, расправила я кудрявую бронзовую шерстку по плечам.

* * *

Конструкция донжона не предусматривает второй входной двери, только одну – через сторожевой пост бдительной ведьмы. Мы подозревали,

что, как во всяком уважающем себя средневековом укреплении, в башне должен иметься подземный ход на случай осады. Но попробуй его найти в подвале, забитом тюками с бельем, матрацами, сундуками и корзинами. К тому же в подвал можно было пройти только через труп Кикируси. Нам и заглянуть-то туда довелось лишь один раз, когда ведьма сама позвала меня вылавливать попавшего в ловушку Шурша. Он тогда запутался в белье при попытке кражи и орал, как рота голодных младенцев.

Потому путь нам с девочками был только один: бегство по стене.

Связав найденные в заначке Шурша простыни, мы спустились со второго этажа, пока явившийся на защиту гнезда и смилившийся с грабежом дракончик отвлекал грифона и горгулий.

К счастью, ночь была безлунной, только слабо светили звезды, и мы добрались до общежития мальчишек незамеченными.

Миранду, как истинную дочь клана Вечерних теней, не могла разглядеть даже я, хотя ощущала рядом ее дыхание. Смуглая и гибкая Зулия двигалась, как черная кошка в темной комнате – невидимо и беззвучно.

У меня тоже неплохо получалось, но со стороны я себя, конечно, не видела.

Подруги двинулись к правому крылу корпуса, где разместили новобранцев в мужские студенческие ряды, а я свернула налево – Ирека не стали переселять с этажа бывших однокурсников, оставив ему старую комнату под самой крышей.

Его окно не светилось. Опять где-то гуляет!

На всякий случай я запустила в окно камушек, добавив к нему заклинание, чтобы долетел. Перестаралась. Грохнуло о раму так, что я испугалась. Тишина-то в этой части академгородка такая, словно полог беззвучности кто накинул – даже вопли горгулий с башни сюда не доносились.

Слава богине, покровительнице ночных свиданий, окно не разбилось, а створка гостеприимно отошла. Больше на грохот никто не среагировал. Точно хозяина нет дома.

Так это же замечательно! Правда, четвертый этаж... Зато у меня есть Шурш.

* * *

Спрыгнув с подоконника, я первым делом убедилась, что в комнате

пусто, а дверь закрыта, и лишь потом, не раздеваясь, рухнула на узкую койку у стены и мгновенно уснула, едва щека коснулась подушки.

Очнулась от того, что Ирек держал меня на весу за шкурку, встряхивая как безвольный половичок, и шипел:

– Мне тут еще шлюх не хватало! Как ты пробралась сюда, девка? Ну, мерзавцы, узнаю, кто тебя мне подложил, урою! Убирайся!

Моя ничего не соображающая голова моталась, вея длинными бронзовыми локонами: Шу остервенело в нее вцепилась, изображая мой парик.

Парень потащил меня к двери. Я ухватила за спинку кровати. Он же меня задушит! Прохрипела:

– Только не туда!

– Правильно! – остановился Ирек. – Лучше выбросить в окно. У нас, знаешь ли, строгие правила: никаких девочек. Чтоб меня из-за какой-то лахудры отчислили?!

«Шурш, сюда!» – мысленно призвала я.

– Пусти, Ирек, я сама! – я пнула хозяина комнаты по колену. Промаяхнулась.

– Что-то у тебя голос знакомый, – он развернул жертву удушения к себе, откинул с моего лица меховую поросль Шу, а потом совсем сдернул хеммо и обомлел. – Лика? Ты? Ох, прости, даже подумать не мог! Что у тебя случилось?

«Исчезни, Шурш», – приказала.

– Ничего не случилось, Ирек. Просто спать хочу.

– Со мной? – округлились в изумлении черные глаза.

– Нет! Одна! Просто спать! В тишине и покое! И чтоб никто не мешал! Никто!

– Тсс, – он пальцем провел по моим дрожавшим губам, уткнул мою голову в свое плечо и погладил по голове, растрепанной после пребывания на ней Шу. – Тише, разбудишь какую-нибудь нечисть, и нас опять заложат. А в башне кто тебе мешает? С подругами не повезло? Буянят?

Я посмотрела в его лицо. Вроде бы не смеется, но в звездном свете не разглядишь, а светильник он не зажигал. Всклипнула. Так себя жалко стало, так жалко!

– Рассказывай, Лика, – потянув за руку к койке, он усадил меня на колени, как ребенка, обнял и потребовал подробностей. А выслушав мои стоны и жалобы, вздохнул. – Да-а, не позавидуешь... Прости, что разбудил. Думал, опять демоны с факультета превращений прикалываются. Заколдуют какую-нибудь дрянь вроде швабры или даже бродячей собаки и

подсовывают честным ребятам в постель.

– Весело тут у вас.

– Не то слово. Можешь располагаться как дома. Спи, я к друзьям пойду.

Не успела я, не дожидаясь, когда хозяин покинет комнату, снять сапожки и положить голову на подушку, как раздались стук в дверь и громовой голос куратора Грида Сайка:

– Адепт Ирек Гил, открой немедленно!

«Шурш, ко мне!» – заорала я мысленно, проклиная весь мир и нашаривая куда-то уже подевавшиеся сапоги.

Дракон не явился!

– Ирек! – содрогнулась дверь.

– Зови дракона, Лика! – шепнул парень.

– Не откликается!

– Бездна дерьма! – выругался Ирек. Протянул найденные сапоги, нахлобучил мне на голову Шу, а затем, пошарив под кроватью, выхватил бутылочку, капнул из нее на ладонь густой жидкости и... растер по моему лицу, не успела отдернуться. Кожу защипало.

– Ты что?! – зашипела я.

– Тсс... Все нормально. Теперь тебя точно не узнают.

В дверь еще раз гроыхнуло, и державшая ее щеколда отлетела.

– Так-так... – сказал куратор, проходя в комнату и щелчком пальцев зажигая ярко-красный световой шарик. В зыбком свете мы все выглядели сущими упырями, особенно злые дежурные с повязками, маячившие за спиной куратора. Принца среди них не было. Впрочем, и не должно было быть: на ночь он уходил во дворец. – И что тут у нас? Нарушение дисциплины, вижу. Двойное, поскольку в мужской комнате обнаружена, во-первых, девушка, во-вторых, лицо, не имеющее отношения к Академии. А мне сказали, что видели у твоего окна дракона смерти, Ирек...

– Был, – признался второгодник и показал на стол, заваленный грудami макулатуры. – Лика мне тетрадь с лекциями вернула и улетела.

Куратор подошел ближе, рассматривая меня, но я срочно потупилась, натягивая сапог.

– Ну-с, и что ты такое и как тебя зовут, нарушение?

Я спокойно натянула второй сапог, встала с койки, откинула с плеча длиннущую бронзовую прядь, смешавшуюся с моими родными, выбившимися из растрепанной косы локонами... мамочки! Эта зараза Шу когда-то успела сожрать черную краску с моих волос! Еще не легче...

– Я все объясню, магистр Сайк, – Ирек загородил меня плечом. –

Девчушку-то чего допрашивать?

– Объяснять будешь ректору. Поздравляю, Ирек, он только этого и ждал. Господин Вултон будет счастлив, что ты так быстро срезался. И на чем! На девицах! Идем, девушка, здесь посторонним не место.

– Я провожу, – дернулся второгодник.

– Ну уж нет, я сам провожу даму до ворот. А то тут много желающих найдется. А ты пока объяснительную пиши, Ирек.

* * *

Выведя меня среди ночи за ворота Академии, куратор поинтересовался:

– Где ты живешь, девица? Или ты на работе? Куда тебя проводить?

Я высвободила локоть из его не слишком крепко сжатой ладони. Буркнула:

– Я сама.

– О, так у тебя голос есть? – хмыкнул он. – Я думал – немая. И, девушка, как так получилось, что на тебе в точности такая же одежда и обувь, как на одной нашей адептке?

Вот демон! Наблюдательный! Я рванула бегом от Академии через парк, отделявший ее стены от городских улиц. Спрячусь за кустиком и призову дракона.

Бегаю я обычно бесшумно. Вот только голова под париком из Шу невыносимо чесалась – наверняка негодяйка поедала остатки краски с волос. Длинная шерсть зверька равномерно рассредоточилась по голове и свисала прядями, вылизывая мне лицо, щекоча нос и мешая вовремя замечать препятствия. Да еще местность не изученная. Потому я то и дело чихала и спотыкалась.

Выбежав на освещенную магическими фонарями парковую дорожку, я зацепилась за что-то каблуком и едва не грохнулась, но налетела на что-то твердое, как дуб.

– Глянь-ка, девка! – обрадовался дуб, от которого невыносимо пахнуло перегаром, и схватил меня за руки.

– И правда девка. И одна! А я думал – мужик, раз в штанах.

Я сдула пряди шерсти с глаз. Вот влипла. «Шмонари»!

– А мы ща проверим, мужик это или баба. Растянем на пятерых. Хурш, сними с нее штаны, я держу.

Сзади меня облапали, нашаривая застёжку.

Дракон все еще не отзывался. Пришлось брать ситуацию в свои маленькие женские ручки, сжатые до боли грубыми мужскими лапами.

Тут главное – не щадить. Они тебя точно не пощадят. Пояс целомудрия сохранит мою честь, но не здоровье. Не хочется быть избитой, когда эти уроды начнут отыгрываться за облом. Но оба «шмонаря» стояли слишком близко для удара ногой – толку не будет, только дразнить. А надо наверняка.

– Может, в кустики пойдем, мальчики? – подалась я вперед, прижимаясь к парню, державшему меня за руки, и мешая возне второго с завязкой. – Я тут стесняюсь... еще увидит кто лишний.

Он склонился, не расслышав мой шепот. И чуть не остался без носа – я вцепилась зубами, наваливаясь всем телом. В тот же миг вонзила каблук в ступню второго, пробив подточенной набойкой кожу его сапога. Коленом второй ноги ударила первого между ног и тут же рывком назад заехала второму парню подошвой по тому же месту.

Оба взвыли благим матом, повалились. Но осталось еще трое. Одного взяла на себя Шу, прельщенная сивушным перегаром – сорвавшись с моей головы, метнулась и залепила ему рожу, не отодрав. А двое, обзываясь нехорошими словами, взяли меня в клещи.

Я уворачивалась, блокировала удары, отводила заклинания, сплетала свои и успевала даже наступить на ворочавшуюся на земле парочку, чтобы снова пригвоздить, но волосы меня предали: один из мерзавцев ухватил в горсть и рванул к себе. Была бы коса заплетена, да с пестрой лентой...

Второй «шмонарь» со всей силы ударил меня в грудь, проломив защитное заклятие, и рванул на мне майку, разодрав сверху донизу. Вот когда я пожалела, что у меня нет бронелифчика. Надо обзавестись. В глазах потемнело от боли.

Богиня Лойт, не пора ли мне помочь?

Через миг я осознала, что потемнело не в глазах, а вообще, если это возможно ночью. Налетело что-то рычащее, махнуло крыло мрака, сметая моего обидчика. Хрустнули чьи-то кости.

Державший меня за волосы «шмонарь» охнул, отпустил и попытался бежать. Ему помогли, ударив сгустком тьмы и придав такое ускорение, что негодяй взлетел над деревцем и где-то рухнул с треском.

Колени у меня подогнулись, и я осела на что-то. Оно заскулило подо мной и поползло. Я пошатнулась, но упасть не успела: подхватили чьи-то бережные руки, меня снова окутало тьмой, я вдохнула ее, глаза закрылись. Открылись, и...

Здесь я еще не была.

Глава 5

Очень темная принцесса

Все по спальням да по спальням, как будто в столице больше смотреть нечего, даже обидно.

Эта отличалась изысканной роскошью, словно принадлежала даме. Темно-синие, слабо светящиеся стены и потолок с росписями и орнаментами, поблескивающими золотом и алмазной крошкой. Занавеси серебристо-голубые, как облака над морем. Обивка на резных креслах – в тон занавесям, с синим рисунком. Все строго, но не скучно, благодаря живым диссонансам: там врывалось алое крыло прекрасного демона, тут – багряная россыпь осенних листьев, просыпанных на плащ демонессы. Или живая солнечно-желтая роза в одинокой вазе, стоявшей в нише напротив ложа. Застеленного не дурацким скользким шелком, а тонким батистом.

Спальня его высочества, судя по гербам на балдахине и барельефу над нишей. Ну, и где он сам? Бросил и ушел за пилой для моего пояса?

Как жаль, что мне нельзя раскрывать свое происхождение и обучение. Разве ж болела бы теперь так адски грудь? Это, наоборот, кулак у мерзавца отвалился бы вместе с рукой, прежде чем он прикоснулся к моему телу. А уж с крыльями мне никакой бы Шурш не понадобился.

Роза, значит. Желтая. В парадной спальне наследника Темного Трона. А та, траурная каморка с черепами, была чьей?

Я повернула голову.

– Не рекомендую двигаться, – прозвучал холодный голос.

Принц сидел в кресле у самой стены, полускрытый балдахином. Нога на ногу, на коленях книга, за плечом синий световой шарик.

– Почему?

– Повязка сползет, придется новую накладывать, лекарство переводить.

Потрогала грудь. А вот и бронелифчик. Это он называет повязкой?

– На занятия завтра не пойдешь, – он захлопнул книгу.

– Почему?

– У тебя ребро сломано.

Какие подробности. И... почему я не помню, чтобы меня бинтовали?

– Не может быть!

– В мелкое крошево. И растерто, – Дьяр мечтательно поднял взгляд к своду. – Но хорошо, всего лишь трещина.

– Так и говорите, что просто синяк.

– Насчет трещины я не шутил.

Черный юмор у темных в почете. И как я могла забыть? Я отвернулась: шея затекла.

– А почему вы приволокли меня именно сюда?

– Я говорил уже, где твое место.

– Это не ваша спальня. Следовательно, и постель не ваша.

– И откуда такой вывод?

– Не вывод. Чувство.

Дьяр поднялся, прошелся по ковру до розы в нише, тронул пальцами лепесток – так осторожно, словно щеку младенца. Повернулся, пристально глянув мне в глаза.

– Поразительно верное чувство, Лика. Это покои моей сестры.

Мрак преисподней! Ее покои! Ее постель! Ее белье! Хург побери!

«Ты еще будешь греть своим нежным телом мою постель, Аэли. Ты еще будешь прислуживать мне, маленькая мерзавка, будешь целовать мою плоть, и я увижу твою сладкую кровь на моих простынях...» Это у них семейное. Какой-то пунктик на постелях. И, увы, на мне. Но почему именно я, богиня?

– А... э... такая честь... и за что мне?

– Ты побледнела, Лика, – принц так неожиданно оказался совсем рядом, что я вздрогнула. – И ты дрожишь. Почему?

Нет, какие все-таки странные эти темные!

– Так как же не дрожать?! Тут, понимаете ли, лежит девушка с переломанными в пыль костями, похищенная, в незнакомых покоях, в чужой постели, наедине с ужасн... с темнейшим принцем... одинокая, беззащитная, избитая, перепуганная. А ей еще и не бледнеть, и не дрожать?

– Перепуганная? Это ты про кого? – нахмурился Дьяр.

– А, так тут, кроме вас, никого больше нет? Тогда я пошла.

– Лежать!

Расприказывался. Назло всяким там я села, спустив ноги с ложа.

– Я вам собачку подарю, ваше высочество, будет кому ваши команды исполнять.

Даже дернуться не дал – опрокинул, прижал плечи. Грозен, аж глазки синющие сверкают, ноздри раздуты, за плечами крылья прорезались, перья встопорщились, блеснули металлом. Боевая готовность. А на левой щеке, завешенной черными волосами, что-то проступило багровое. «Гад», – прочитала я. Приятно познакомиться.

– Не зли меня, Лика, – он сел на край постели, все еще удерживая меня

одной рукой за плечо, подцепил прядь моих волос, приподнял, пропуская между пальцев, как шелковую ленту. Светленькую. Ни следа краски не осталось. – Документы фальшивые, семья фальшивая, черный цвет волос был фальшивый. Что у тебя настоящее?

– Душа, – проникновенно сказала я. – Ребра тоже, как выяснилось.

Его ладонь скользнула вниз, безбоязненно коснулась пояса.

– И это не подделка, – усмехнулся.

– Осторожно, яд.

– Врешь. Я тебя всю исследовал, пока ты спала как убитая. Даже заволновался... что ты в самом деле сдохла, а я проиграл пари.

Сволочь темная.

– Так вы из-за пари спасли меня от «шмонарей»?

– Разумеется. Не в моих привычках мешать подданным моего отца развлекаться. Но не с теми, кто принадлежит мне, – его пальцы нежно обрисовали мой пупок. – Или будет принадлежать.

Меня захлестнула волна ярости.

– Никогда! – рванулась и... больно, зараза!

Он тихо засмеялся, с легкостью удерживая меня одной рукой, сощурил глаза и наблюдая холодно, как зверь за добычей. Это отрезвило. Я перешла на деловой тон:

– А давайте забудем о нашем маленьком конфликте, ваше высочество. Я принесу вам всяческие извинения и уберу след с вашей щеки, а вы милостиво простите глупую провинциалку и снимете эту гадость с меня, – показала на рисунок вокруг пупка.

– Вот ты и окончательно прокололась, Лика, – его хватка усилилась, а вторая ладонь переместилась к горлу, и отточенный коготь коснулся пульсирующей точки. Один миг – и перережет сонную артерию. Его крылья образовали над нами непроницаемый шатер, и балдахина никакого не надо. В этой тьме светили, как звезды, синие глаза принца. Поизучав мою улыбочку, он склонился к самому уху – давление когтя на кожу усилилось так, что выступила капелька крови, – сказал тихо-тихо: – Блондинки слывут глупенькими, но ты – эталон глупости, Лика. Таким особям нельзя позволять жить, дабы не множить дураков в мире. Ты совершила первую ошибку, когда выпустила коготки, снабженные ядом сельо.

Молчим и слушаем.

– Ты носила напоказ ленту богини в косе, – продолжил принц. – Твой пояс целомудрия был бы обнаружен магистрами при первом же медицинском осмотре перед первой же боевой практикой. Ты не побоялась

призвать дракона смерти, которых могут обуздать только владыки Темного Трона и лунные жрицы. И в довершение всего ты предлагаешь мне убрать метку. Только настоящая сельо может снять след, оставленный ядом сельо. Метки лунных дев не уничтожить больше ничем. Тут даже твоя Шу не поможет. И знаешь, почему ты еще жива, Лика, почему я не отправил тебя к палачам отца?

Я молчала, выжидая, что будет дальше. И он меня удивил.

– Потому что я не верю, что ты такая дура, какой хочешь казаться. Ты слишком старалась привлечь к себе внимание, чтобы тебя поскорее заподозрили. Даже Академию не постеснялась разгромить. И ты прекрасно знала, когда выпускала коготки, кто перед тобой. Знала, что Темный Трон обязательно заинтересуется девочкой из ниоткуда, способной управлять драконом смерти, и придет посмотреть и проверить. И мы, как ни досадно признавать, клюнули на наживку. За кем ты охотилась, Лика? За мной или моей сестрой? Кого приказала убить твоя богиня?

Вот только он ошибся кое в чем. Ну, то есть да, он не ошибся: я полная дура, если думала, что все получится так вот просто. Раз – и я боевой маг, знающий все сильные и слабые стороны темной магии, плюс старшая жрица лунной богини. Но вот не была я уверена при первой встрече, кто передо мной.

И даже сейчас, когда это синеглазое чудовище подозрительно неровно дышит, прижавшись всем телом, но так, чтобы не потревожить мои несчастные ребра, – не знаю. Синие глаза и черные волосы могут быть и у двойника, как предупреждала богиня Лойт. А двойник мне не интересен.

Так кто этот парень: сам Дьяр или «серая тень» под личиной принца? Как понять? И если уж я этого не могу понять, то как справиться со всем остальным?

– Не знаешь, что бы еще придумать, Лика? – моей шеи коснулись его горячие губы в том месте, где коготь оцарапал-таки кожу и выступила капелька крови.

Я не успела ответить: из коридора послышался цокот каблучков по гранитным плитам пола, створки двери отлетели от пинка, сгрохотав о стену. И раздался оглушительный вопль:

– Ах ты, мерзавец! Дьяр! Ты не нашел другой спальни для своих подстилок? Почему в моей? Убирайся вон! Девочку можешь оставить.

О богиня! Если он меня выдаст... Если она меня узнает...

В следующий миг мои руки обвилились вокруг шеи принца, губы прижались к его губам – исключительно для того, чтобы он и слова не успел сказать! – а ноги раздвинулись и скрестились лодыжками над его

ягодицами в совершенно неприличной позе. И плевать, главное – чтобы не вздумал оставить меня своей зубастой сестричке! Не отцеплюсь ни за что!

Взятый в удушающий захват принц и не думал сопротивляться, а перехватил инициативу, завладев моими губами. Просунув одну ладонь под мою спину, а вторую – под попу, прижал к себе еще плотнее. Меня окатило жаром.

Я почувствовала, как мои лопатки на миг оторвались от батистовой простыни, но в следующий их снова вжало, уже в холодный шелк, а Дьяр (не могла же и его сестрица ошибаться, где ее брат, а где его цветная тень!), приподнявшись на локтях, чтобы не мучить мои ребра (какая забота!), и так и не отпустив моих губ, продолжил поцелуй – глубокий, неистовый, – пока я, не в силах уже дышать, не запросила пощады. Он содрогнулся всем телом, отпуская, уткнул влажный лоб в мое плечо. Его голос охрип:

– Тебе не больно?

– Что? – не поняла я. Губы точно болели.

– Ребро. Я старался быть осторожным, но мог сделать тебе больно. Мне бы не хотелось.

От изумления я потеряла дар речи, а он сложил полог крыльев и отстранился, растягиваясь на спине, и я онемела второй раз. Третья спальня? Этак я скоро побываю во всех постелях Темного дворца. Надеюсь, в папочкину он со мной не полезет.

– Дьяр! – раскатился по дворцу вопль принцессы. – Открой!

Принц хмыкнул.

– Ну все, пошла громить. Жаль, отец в отъезде. При нем не посмела бы.

– Дья-ар!!! Кто с тобой был? Открывай!

Бабах. Громыкнуло где-то снизу.

– Мои официальные покои взломала, – меланхолично констатировало высочество.

Снова вопль за стенами:

– Куда ты сбежал с ней, паршивец? Я все равно найду! Кто она?

Жуткий гром сверху.

– До моей лаборатории добралась, – проинформировал принц.

– Дьяа-ар-р-р!

Бухнуло сбоку.

– В тайный кабинет полезла.

Бум. Бам. Треск. Гром. Ужас какой-то.

– У «теней» шерстит, – веселился принц. – Сюда она не сунется, не дрожи так. Все-таки покои отца даже для нее неприкосновенны.

Так и знала, мрачно оглядела я ало-черный интерьер.

– А я и не дрожу. С чего бы? Подумаешь, в спальне темного властелина лежу с его сыном. С кем не бывает?

Грохот затих в устрашающей близости. Дьяр немедленно придвинулся, обняв меня, выпустил крыло тьмы, прикрывая нас с головы до пят.

Процокали каблуки. Остановились. Дверь дернули за ручку.

– Дьяр, ты тут? – зашипело в замочную скважину с такой злостью, что кожа у меня покрылась мурашками, и это не осталось незамеченным принцем.

Он погладил мое плечо, прижался горячими губами. Но глаза стали холодным синим льдом.

– Ты тут, брат, я чувствую, – громовым шепотом пробасила принцесса. – Кто эта девчонка? Я сняла с подушки ее волос. Светлый, как лунное золото. Почуяла запах ее пота. И даже крови. Ты же нарочно пролил ровно каплю ее крови, да? Покажи мне девчонку.

Он молчал, наматывая прядь моих волос на палец.

Принцесса, видимо, села под дверь. Настойчивая.

– Я хочу ее видеть, Дьяр. Ты не притащил бы кого попало просто так в мою спальню. Никого не притащил бы. Я тебя знаю, сволочь. Что ты хочешь за нее, скажи? Назови свою цену.

Принц улыбнулся. А мне стало страшно. О богиня, с двоими мне не справиться, даже если выпущу крылья.

– Я много отдам, проклятый мальчишка. Слышишь?!

В дверь грохнуло кулаком. Дьяр обхватил меня. Тьма его крыльев стала гуще, но сквозь нее еще просвечивали алые узоры стен спальни.

– Это она, я чувствую! – взревела принцесса Тьмы. – Эта дрянь – Аэли! Впусти меня!

– Вот я и выяснил, что хотел, Зарга! – расхохотался принц. – А ты так долго скрывала имя пигалицы, сумевшей выставить тебя на посмешище. И всего-то надо было подобрать и выкупать в цветочной воде первую же шлюшку да подбросить тебе на подушку пару беленьких волосков.

– Шлюшку?! – зашипела я.

Дверь затрещала под напором взбешенной принцессы, крылья Дьяра уплотнились, сомкнулись, и я ощутила перемещение.

Наконец-то снова – моя уютная спаленка в замечательной, почти родной башне!

А раз мы снова на территории Академии, где будто бы все адепты равны, то можно и забыть, что передо мной наследник Темного Трона.

– Как ты меня назвал?! Ой... – моя ладонь привычным уже жестом полетела к щеке оскорбителя... и увязла в мгновенно сгустившемся облачке тьмы. А от резкого движения мой бронелифчик громко хрустнул. Я замерла с широко распахнутыми глазами и вытянутой рукой.

– Больно? – принц, вместо того чтобы возмутиться покушением, обеспокоенно свел брови.

– Н-нет... – и тут только я осознала, в каком виде стою перед ним, вся такая красивая, в бинтах и поясе целомудрия. – Отвернись.

Мое персональное средство передвижения приопустило крылья, но не убрало совсем, и мрачно паялилось в окно, пока я переодевалась за его спиной. Даже в половину размаха его крылья перегораживали комнату от стены до стены. Темно как в каземате.

Надежда, что Дьяр оставит меня в покое, если я буду лишь оскорбленно сопеть, рухнула после первого же вопроса:

– Итак, Аэли, почему тебя Зарга ненавидит до истерики? Даже не надейся увильнуть от ответа. Я тебе не Даори Энриати.

– А это кто?

В комнате резко посветлело: Дьяр втянул крылья и повернулся. Я взвизгнула, швырнула в него покрывало вместе с заклинанием «мушиный рой», а пока он с ними боролся и развеивал кисею мушек, успела натянуть домашнюю тунику.

– Даори Энриати – адепт четвертого курса Академии, ты его знаешь как посланника Тринадцатого клана, – спокойно пояснило высочество. – Кстати, что за удивительное заклинание, за которое Неупокоенные предложили такую сказочную цену, как Долг клана?

– Ах да, было такое, – вспомнила я блондинистого верзилу-вампира. – Заклинание... я теперь и сама не помню. Оно на экзамене получилось экспромтом и сразу вылетело из головы. Стала бы я от таких даров отказываться, как тысяча нетленных должников!

– Две тысячи триста сорок три, – уточнил принц. – И хорошо, что отказалась от сделки. Мой отец очень не любит, когда его подданные раздают такие неосторожные клятвы целыми кланами. Да еще и особе, не имеющей отношения к демонам.

– Имеющей! Мой дед – стопроцентный высший демон! Был.

– Да ну? – Дьяр уселся на единственный стул. Мог бы и даме предложить. Мне пришлось пристраиваться на уголок кровати. – Когда это у высших демонов рождались блондинки?

– Да тот же Даори Энриати – блондин, хоть и умерший и обращенный.
– При жизни он был светлым магом. Шпионил на территории Тархареша под прикрытием личины, за что и поплатился. Мы казнили его.

– Так и говори, что скормили вампирам. А могли бы и обменять его на своего шпиона. Неужели светлым никто из демонов не попадался?

– Обмен – чрезвычайная редкость. Попавшийся демон всегда так или иначе искупает свой провал. А Неупокоенным тоже надо и кушать, и поддерживать популяцию... своеобразным почкованием, – брезгливо поморщился будущий владыка.

Да-а, не любят демоны недемонов, да они вообще никого не любят и любить не способны.

– Но я собирался говорить не о Тринадцатых, а о тебе, – вспомнил он.

– Лучше о вампирах. Мне вот давно интересно, а как...

– Лика, номер-р-р не пр-р-ройдет! – встопорщилось высочество. – Чтобы тебе было проще и... правдивее со мной говорить, я тебе кое-что поясню. Видишь ли, клятвы, которые дают Тьме владыка и его прямые потомки, имеют свойство исполняться стопроцентно.

Вот это поворот, помрачнела я. Спасибо, предупредил. Это что же получается, если темная принцесса поклялась, то она своего добьется? Ха! Когда я стану старшей жрицей, даже клятвы Темного Трона меня не достанут.

Тактика выжидательного молчания и тут себя оправдала.

– Я знаю о клятве Зарги, – продолжил Дьяр, – потому что ее знает Тьма, а я все-таки наследник, и дело касается чести Темного Трона. Рано или поздно сестрица нашла бы тебя, и было бы все по ее слову и не так безобидно. Теперь я сделал так, что ее клятва формально выполнена – не придраться. Никому еще не удавалось перейти Зарге дорогу и остаться в живых.

– Не вся выполнена. Зарга еще поклялась, что я поцелую ее плоть.

– Это совсем несложно организовать. Ты лучше меня поцелуй.

– Не вижу, чем лучше.

– Да хотя бы в награду за твое спасение, Лика, ты расскажешь, что именно случилось десять лет назад.

Да я и не надеялась, что получится все скрыть. Вот только, по нашим с богиней планам, не Дьяр должен был узнать всю приукрашенную и подправленную правду, а его отец. И унесло же куда-то владыку из столицы, да еще так надолго!

– Мне было почти семь лет, когда я попала Зарге в плен...

– В плен берут врагов, а не подданных Тархареша, – заметил Дьяр.

– А я тогда еще не была вашей подданной. Я сбежала из дома и пробиравалась на родину моей матери, к деду. Думала, он еще жив...

Ни слова неправды я ему не сказала. Просто умолчала, что бежала из храма перед посвящением в жрицы богини Лойт. Семь лет мне исполнилось уже в плену. Мой самый чудовищный день рожденья...

* * *

Тогда мне почти удалось бегство. Почти.

Угроздило же меня пересечь границу Тархареша как раз в тот момент, когда Зарга охотилась на оборотней. Демоны люто их ненавидят, за разумных не считают. И сгребла она меня вместе с выводком волколаков, приняв поначалу за одного из детенышей.

Зарга меня в походной палатке на цепь посадила. В качестве комнатной зверушки. Коврика под ноги. И поначалу пыталась кормить меня тем мясом, что после ее развлечений оставалось от оборотней, а поить их кровью. Я трое суток рвотой захлебывалась. Пока мне руки за спиной не связали, сама себе вены грызла, чтобы сдохнуть побыстрее.

А потом принцесса-чудовище, стоявшая лагерем в опасной близости от границы с Серыми Холмами, откуда-то приволокла двух сельо, девушку и парня. Девушка не то что жрицей не была, она и нашей магией слабо владела. Простая совсем селянка, выбравшая путь земли. Не всем из нас воительницами быть.

Вот тогда я впервые за дни плена и подала голос:

– Убей ее первой, Зарга.

– О, зверушка заговорила! – удивилась демоница. – Почему ее первой?

– Потому что я приказываю.

Мне казалось, гонор и наглость – болезненный, но быстрый способ покончить с пленом. Лучше, чем страшный грех самоубийства.

Ее стражницы попытались меня уму-разуму научить, как к принцессе вежливо обращаться надо. Я тогда все молочные зубы потеряла, какие еще не успели выпасть. Долго потом у меня зубы росли. И криво. Пришлось заклинаниями править.

А Зарга, отхохотавшись, заставляла меня, раз мне так хочется убить сельо, тупым ржавым ножом горло той селянке резать. И нож мне сама дала, дура. Я с этим ножом на нее и полезла. Меня убили бы легко и быстро, чего я и добивалась, не заговори та девушка:

– Моя соплеменница права. Меня убить надо прежде моего мужа,

потому что иначе я в хиссу обращусь.

– Твоя соплеменница? – Зарга перестала меня пинать и стражниц своих остановила. – Так этот щенок – сельо, а не оборотень? Это хорошо.

Лучше бы демоница обратила внимание на слова о хиссе. С такой тварью, как перерожденная сельо, даже демонице не справиться. Но Зарга пропустила угрозу мимо рогов. Приказала увести меня, вымыть и подлечить. И после снова доставить к ней. Она ненавидела сельо еще яростней, чем даже оборотней.

Пока стражницы топили меня, точнее, с удовольствием прополоскали пленницу в реке вместе с цепью, то и дело забывая доставать из-под воды, Зарга развлекалась с пленниками. Откуда я знала? Я же сельо. Чувствовала своих. И еще кричали они очень громко. Парень умолк первым. А потом раздались жуткий вой хиссы и треск рвущейся ткани палатки.

Именно тогда я поклялась той, от служения которой бежала, – богине Лойт. Поклялась великой клятвой – положить на ее алтарь свою душу, если богиня поможет мне бежать из плена и отомстить кошмарной принцессе за нас, сельо, и даже за растерзанных оборотней. По иронии судьбы, как раз в тот день было мое семилетие.

До сих пор не знаю, как Зарге удалось совладать с новосотворенной хиссой, когда жажда твари особенно сильна, а энергия всеразрушительна. В тот момент, когда палатка взметнулась в воздух с легкостью воздушного змея, я все-таки захлебнулась в реке, и сознание померкло. Тоже милостью богини. Под водой я могла обойтись без воздуха, благодаря несложному заклинанию. На час еще хватило бы сил его поддерживать. Но Лойт приняла мою клятву и поцеловала, разрушая мои неумелые заклинания и даруя новые.

Разумеется, ни слова о богине я не сказала Дьяру.

Как спаслась? Нашла нож, не замеченный стражницами в лужах крови (богиня подсветила мне его лунным блеском). Не до меня уже было демоницам. Так они были потрясены, когда заглянули в яму, образовавшуюся на месте боя Зарги и хиссы. Мощная, как дракон, тварь лежала с переломанным позвоночником, а принцесса в боевой ипостаси, с мутными от бешенства и крови глазами, продолжала ее ломать.

Потом ненасытная Зарга отпраздновала победу в новой палатке, заставляя меня ей прислуживать. Я, гордячка, не хотела. Она когтями мою кожу со спины спускала живописными полосками. Издеваясь, подпалила факелом мою светлую, еще тощую косичку – красу и гордость лунных дев. Я только расхохоталась. Сельо единственный раз стригут волосы: когда кладут на алтарь богини, жертвуя ей свою врожденную силу и принимая ее

божественную лунную магию. Так завершилось мое посвящение, о котором знали только я и сама Лойт.

Я была еще слишком мала, чтобы как следует порадовать изощренную в пытках звериную душу Зарги, и она ночью уморила еще одного пленного оборотня. Запытала в постели. Стражницы по ее приказу заставляли меня смотреть на этот ужас. Хотя я и отворачивалась, и глаза закатывала, но увидела достаточно отвратительного. Боги, как же я их всех ненавидела! До сих пор трясет.

Бежала я с помощью богини, навевшей чары на принцессу и ее свиту. Повезло: ночь была безоблачной, и луна светила в полную силу. Я сломала ножом замок и выскользнула из своей клетки, так же освободила последнего оставшегося в живых волколака. Он меня и вывез к нашим в Серые Холмы.

И конечно, я не стала рассказывать Дьяру, как я напоследок поиздевалась над его сестрой. Наверняка он давно уже наслышан о том случае. А теперь понял, кто за одну ночь вырастил на его сестрице и ее свите многометровые волосы во всех местах и связал их друг с другом в самых неприличных позах. Я придала и без того жестким волосам демониц крепость и тяжесть железных цепей. У них один выход оставался – побриться налысо. Топором. А на голую Заргу еще и натуральную свинью сверху положила. Оборотень помог мне доволочь усыпленного мной хряка из ближайшего селения.

Детская месть, да. Но я и была тогда ребенком. Оборотень, помнится, предлагал попросту перегрызть горло всем демоницам. Жаль, богиня запретила. До сих пор жаль. Я тогда еще не усвоила главное правило воина: не оставляй врага в живых, если не можешь использовать его жизнь во благо.

Глава 6

Легенда номер один

За время моего рассказа Дьяр незаметно переместился и теперь сидел напротив, держал мои ладони и успокаивающе поглаживал. Я с головой ушла в воспоминания, не сразу заметила. Очнулась, когда он добычу поднес к губам и поцеловал кончики пальцев.

– Она тебя больше не тронет, Лика. Никогда! – Синие глаза сверкнули еле сдерживаемым гневом. – Я позабочусь.

Я вырвала ладони и отвернулась, процедив:

– Я сама об этом позабочусь. И ты тоже меня не трогай, отойди подальше. Вы с ней одинаковые.

– Не одинаковые. Совсем.

– Тебе напомнить о том, как появилась на моем теле уродливая печать? Чем ты лучше своей сестры? Оба наслаждаетесь чужой болью и унижением. Оставь меня в покое.

Он хотел возразить, но тяжело вздохнул и поднялся.

– Хорошо, я оставляю. Ненадолго. И скоро вернусь. А чтобы ты не сбежала... – он прошел к двери, распахнул и крикнул в пустоту темного зала: – Госпожа Кикерис!

Не успела я подумать, к кому обращение, как мигом явилась старая кастелянша, словно тут же, под дверью, и караулила. Глянула на меня бесцветными глазками, на принца.

– Чего надоть?

– Не будете ли вы столь любезны...

– Ой, да не разводи ты политесов, Дьярушка. Вижу уже: девку никуда не пущать, травками отпоить. Зелье-то любовное эта волосатая мерзость, Шу проклятущая, еще не все вылакала, не успела, так могу и его притащить, коли надо.

– Не надо! – на удивление единодушно высказались мы с принцем.

А тот еще присовокупил какое-то непонятное мне шипение, которое ведьма вполне поняла и часто-часто закивала нечесаной седой головой.

Но, несмотря на кивки, заявила вдруг:

– А я говорю – надо! Обоим! Дураки потому что! Оба! Всех вас насквозь вижу. Ты так с колыбели ушибленный, и наследственность у тебя дурная, уж я-то знаю, еще деда твоего в люльке качала. А вот она, – старуха ткнула узловатым коричневым пальцем, – так и вовсе сбрендила, в старых

девах до смерти ходить решила, дурища. Даже не думай, что тебе это удастся. И на мать твою, тоже бестолочь еще ту, управу найду, доберусь. Ишь, красу такую в монастырь упечь решила!

– Как интересно! – прищурился на меня принц.

– А ты иди давай, куда шел, нечего тут без толку ошиваться, когда дел государственных полно! – напустилась на него бесстрашная бабка.

Дьяр совсем не разозлился, ласково улыбнулся старухе, завернулся в крылья и был таков. А я осталась ведьме на растерзание.

– Ну-с, краса ненаглядная, приступим! – потерла она сморщенные ладошки и засучила рукава.

Я вжалась в стенку.

– К чему?

– К лечению, деточка. Мозги тебе вправлять будем, за ребра потом примемся. А то сокол-то наш ясный сейчас быстрехонько вернется. Да и остальные вот-вот заявятся, чую. Пока-то я девок твоих прогнала вон. Не выдержали они моих птичек заклятых, к мальчикам спастись снова побежали. Вот и воспользуемся паузой. Слышь, как тихо?

Действительно. Никто не каркает истошно на крыше, не стучит клювом на балконе, не подвывает в залах, завернувшись в простыню и изображая привидение. Благодарь.

Бабка, сдвинув валявшиеся учебники, уселась на стол, нога на ногу, вытащила из кармана передника клубок со спицами, точно такими же, как у моей старой няни Раганы, и зачем-то обнюхала кончик холодного и острого оружия. Наверняка ядом смазан.

– Ну-с, жрица недоделанная, признавайся чистосердечно, что тебе богиня Лойт велела тут сделать, зачем тебя сюда заслала? – прищурилась ведьма.

Я скрестила руки на груди. И под пытками не скажу. Мне не жалко, но с какой стати первой встречной ведьме докладывать?

– А с чего вы взяли...

– Не юли, юла, уж больно юна, юлить не переюлить! – строго глянула Кикируся, постучав по столу спицей, как указкой. Ткнула в мою сторону. – Видишь, на чем сидишь?

– На койке.

– На простыне! – уточнила кастелянша. – А на ней что стоит?

– Не что, а кто. И не стоит, а сидит. Я.

– Штмп на ней стоит, блондинка урожденная! А штампы кто ставит?

Я! А я кто?

– Ведьма! – обиделась я за блондинку.

– Правильно, – ехидненько ухмыльнулась старая карга. – Так вот, милая, по секрету скажу, а секрет тот камнем на язык ляжет, придавит и не выпорхнет... – пробормотала она заклятие так быстро, что я не успела сплести отвращающее. Кикируся довольно фыркнула, заметив мои потуги. – Молода еще со мной тягаться, но попытка похвальная. А секрет таков, девонька. Штампики-то эти заговоренные. Я через них не токмо обо всех знаю, кто на простынки ляжет, но и сны их ведаю, и мысли. А уж твои, краса наша лунная, лучик засланный, и подавно.

Я струхнула на долю мига, сердце екнуло, руки дрогнули, но тут, слава Лойт, поняла, что древняя мегера попросту блефует. Улыбнулась спокойно:

– Так зачем тогда спрашивать, госпожа Кикерис? Если уж и мысли мои читаете, то уже все-все обо мне знаете.

Ведьма поскребла кончиком спицы крючковатый нос, вздохнула:

– Вот молодежь пошла сообразительная, на испуг не ведется. Ну, ладно уж. Мыслей не читаю, хотя сны подчас и могу видеть. А в твоих, милая, и мать твоя являлась, и богиня, и Зарга, змеюка наша подколотная, тебя в кошмарах мучает.

– Не надо, пожалуйста, – дрогнула я.

– Надо, милая. Тут выговориться надо и забыть. Но ты ведь не мстить сюда пришла, Аэлика, отомстила ты уже гадюке-то нашей, видать, хорошенько, ежели она до сих пор ядом исходит. Ты по душу мальчика моего послана, так ведь? А он мне дороже родного внука-правнука. Дьярушку я твоей богине не отдам никогда.

Я качнула головой:

– Нет. Спицей в небо.

– Ась?

– Не угадали, говорю. Не нужен он богине.

– Вот и я думаю: кабы убить приказано, так уж ты попыталась бы. А если за сердцем его пришла, так тоже кочевряжиться нечего. Да и на кой тогда тебе в Академию-то переться? Затесалась бы среди невест, аккурат в те дни был ежегодный парад девиц. И опять впустую, – пригорюнилась она.

– Я послана учиться темной магии.

– Будет врать-то! Зачем она тебе? Нешто своей мало? Ты, вон, даже крылья зашила, сердечная. И чтоб такие жертвы, да ради учебы? Не верю!

– Так это вы наговорили про меня принцу?

– Ничего я ему не говорила, а он и не спрашивал, – обиженно проворчала бабка. – Все хочет своим умом жить. Сам он догадался о селю, не дурак, чай. Да тут немудрено догадаться. Ты так на рожон и лезла, себя

показать. Кого только прикрываешь, мне пока непонятно. Если еще одну жрицу Лойт, так нет их тут больше. Зулия... ох, и странная она девка, даже сны беспросветны, словно и нет их. Да не с тобой она. И ты подальше от нее держись, мой тебе совет. Подружка твоя Миранда прозрачна, как стеклышко, и так же пуста. А мужчин вы, девы, не посвящаете в свои тайны. Путано все с тобой так, что я чуть отраву тебе не подсыпала, лишь бы беду отвести от Дьярушки.

– И что остановило?

– Твои сны. Нет в них зла. Так откройся мне, Аэлика, не мучь старуху. Может, и пригожусь тебе так, что спасибо скажешь, и вредить брошу.

– Это с птичками?

– И с ними тоже, – потупилась старая вредина, смущенно ковыряя спицей столешницу. – А вот послушай-ка...

И она рассказала, как хитроумный принц Дьяр пришел к ней с просьбой помочь выжить из Академии трех девчонок, которым тут не место. И предложил особо изощренные способы.

Скучавшая в башне ведьма вдохновилась. А результат вдохновения этой парочки – и новые приказы ректора об ужесточении дисциплины, и извлеченная из закровов Шу, подаренная через третьи руки Иреку, и опаивание зверька любовным зельем, чтобы с меня не слезало и яды пожрало, и пущенный слух о сбежавшем парике богини любви – якобы, прикосновение к Шу приносит не только исцеление от похмелья, но и удачу в любовных делах и выигрыш в картах одновременно.

Вся идея с нашим переселением в башню – дело пакостливых лап ведьмы и принца. А уж на своей территории Кикируся совсем оторвалась, доводя нас до дикой головной боли, чтобы мы не способны были учиться вообще и всячески это демонстрировали магистрам.

«Убью кого-нибудь!» – скрипела я зубами, слушая ее откровения. Вот только этот синеглазый пройдоха появится... Где он кстати?

– Вот, все как на духу, – поклялась Кикируся. – Ты только Дьярушке не говори, что я чистосердечно покаялась, а то он обидится.

А глаз-то как хитро блестит! У-у-у-у, заразы! Но лучше этой осведомленной и пронырливой бабки мне никого не найти для своих целей.

«Богиня, что скажешь?» – вежливо поинтересовалась я у высшей инстанции. Лойт хихикнула. Они боги, им можно. Развлекаются за наш счет.

Так как прямого ответа, как всегда, не последовало, пришлось самой скрипеть мозгами, в которые словно палки кто вставлял (или спицу?) – так медленно ворочались мысли.

Предположим, бабка не враг принцу, и он ей доверяет, раз совместные махинации они тут с размахом проворачивают. И за любимца она горой – вон как в меня вцепилась. Принц специально ее натравил, чтобы все вынюхала, что я ему не рассказала.

Довольнехонькая Кикируся уставилась на меня в ожидании ответной откровенности. Ну темные все они тут! Нагадят, признаются, если станет выгодно, а мы будь благодарны!

– Вы ведь не оставите меня в покое, если не признаюсь, да? – спросила я. Старуха радостно закивала. – Я скажу, зачем меня отправили в Академию Тьмы учиться. Потому что богине стало известно: именно здесь маскируется под темного адепта светлый маг, и мне надо его найти и наказать именем богини, потому что задуманное им преступление оскорбляет ее. Как вы понимаете, заявить об этом Темному Трону мы не могли, потому приходится действовать тайно.

Бесцветные глазки Кикируси вдруг сверкнули, как стеклышки.

– Ах ты ж! Вот врать-то! – гневно засопела она, уткнув в бока кулачки, но не выпустив вязальный инструмент. – Да какое дело Лойт до белого волка среди черных, даже если и затесался кто? Что она суется всюду, эта изменщица извечная?! Всем пакостит – и белым, и черным! Правду говори! – и ведьма со всей силы воткнула спицу в клубок.

Я успела заметить, как густая тень в углу дернулась, на миг обрисовалось крыло с встопорщенными перьями. Но мне было уже не до странностей.

Сердце пронзила острая боль. Вот и пытки начались.

Я с трудом отвела магический удар. Села, сцепила руки в кольцо на коленях. Слабенькая, но защита. Второй удар не будет неожиданностью.

– Правду так правду, – вздохнула. – Ты же знаешь, что богиня Лойт – защитница невинных дев, но Темный Трон не дает ей выполнять предназначение в Тархареше. Мольбы оскорбленных девушек богиня слышит, но не может прийти им на помощь, и это ее мучает. Насильники остаются безнаказанными.

– И что? Это Темная страна, деточка, – пожала плечами старуха. – Тут либо сама себя защищай, либо мсти так за малейшее, чтобы и мысли не возникло о большем. Слабым тут не место, и рассчитывать на чужую помощь, да еще твоей лживой богини, будет только полная дура, а таких не жалко. Академия тут при чем и наш принц? Или богиня посчитала его насильником и решила наказать?

Тут я не удержалась, но старалась не коситься на тень в углу:

– Знала бы ты, сколько слышит богиня девичьих проклятий и просьб о

мести вашему принцу за разбитое сердце, не удивлялась бы! Но насильником его, пожалуй, не назвать. Бессердечная скотина, бесчестный соблазнитель, беспринципный сердцеед. А таких Лойт не часто наказывает, увы.

– А чего ей таких наказывать, коли у самой Лойт рыльце в пушку? Вот я и говорю: твоя богиня – стерва и чудище, похлеще темного властелина. Не зря белые ее тоже проклинали и изгнали отовсюду. А ты ее жрицей мечтаешь стать!

Я не стала сообщать, что уже жрица. Младшая. А выполню задание и доучусь, стану старшей.

– Мне дана задача найти мага-убийцу, чьи преступления настолько чудовищны, что богиню теперь не остановит и сам владыка Тьмы. Преступник должен быть пойман и наказан. Мы знаем немного, но ясно, что он либо адепт старших курсов Академии, либо магистр.

Кикируся задумалась, вытащила воткнутую спицу из клубка.

– А ведь ты не врешь на сей раз. Убийств среди демонов много, но год назад начались особые. Кто-то вырезает сердца у жертв. Тоже не шибко удивительно среди наших монстров, кое-кто только ими и питается. Но видано ли дело, чтобы темные темных жертвовали, да еще непонятно кому и с какой целью? Обычно своих не трогали, за соседями охотились.

– Убийца и начал со светлых кланов, – сказала я. – Взял от каждого по жертве.

– Двенадцать, значит, да наших уже десяток, – мрачно заметила ведьма. Неужели в ней женская солидарность заговорила?

– Он пытался захватить и наших девушек, но мы умеем умирать быстро, и так, чтобы и труп не осталось. Ему нужна лунная дева. Или хотя бы полукровка, не обладающая всей силой селъо. С такой ему легче справиться. Вот я и пришла.

– Наживка, значит? С такой-то родословной? Твоя богиня совсем свихнулась, такими ценными жертвами разбрасываться.

– Я сама вызвалась, у меня больше шансов уцелеть. А если я вся такая ценная, могли бы меня тут и накормить, и напоить, и спать уложить, а не пытки с допросами устраивать.

Тень, таившаяся в углу, не выдержала. Сгустившись в клубок мрака, раскрыла сложенные в кокон крылья, и явила нам злого и растрепанного синеглазого демона.

Похоже, наш пострел везде поспел: и подслушать допрос, и с сестричкой подраться, судя по свежей ссадине на многострадальной щеке.

– Идем, – процедил он. – И накормлю, и спать уложу.

– Никуда не пойду! Сколько можно меня туда-сюда таскать, я тебе не саквояж.

– С биркой, – хихикнула Кикируся, выразительно уставившись на мой живот, прикрытый туникой. – Оставь девицу тут, дитятко. А покушать я что-нибудь найду, поскребу по сусекам.

– Не надо! – испугалась я. Ведьма такого наскребет – век потом не отскребешься. – Потерплю до утра. У девчонок посмотрю сухарики. У Шурша, в конце концов, он у нас вечно баночки с джемом таскал. Кстати, как он там?

– Да что с ним сделается? – отмахнулась старуха. – Дьяр его простынками крадеными спеленал в яйцо, а я корми! Ой, вот у драконьша-то бульончик в мисочке еще остался. Из лягушечек с пиявочками. Щас принесу, подогрею только. Или холодненьким поешь?

И какое из этих двух зол – ведьмы и демона – худшее?

Принц, оценив степень зеленоватости моего лица, ухмыльнулся:

– А я предлагал кое-что получше. Не захотела. Неси бульончик, няня. Будем кормить болезную, – он уселся, поставив стул так, чтобы перегородить мне путь к выходу. Едва довольнехонькая бабка прошмыгнула за дверь, улыбка с его лица слетела. – А теперь я хотел бы услышать не нечто, похожее на правду, Лика, а саму правду.

И тут я со всей ясностью поняла, что это не принц. Его лицо, даже след от моих когтей подделан, не отличить с первого взгляда. Но при желании можно найти даже яд селю и втереть в царапины.

И самое главное – это не тот, кого я целовала. Это я знала точно. Богиня, спасибо за помощь! Получается, что теперь я смогу узнать того, кому дарила неостывающий поцелуй селю? А дарила я всего двоим – принцу при моем первом поцелуе в Академии и Иреку на студенческой вечеринке, когда захмелела. Ну, если правильно помню, потому что память о том празднестве отшибло напрочь. Кажется, еще островитянину. И бывшему однокурснику Ирека. И какому-то постороннему магу... у-у-у, Лойт, клянусь, такого больше не повторится!

И что теперь делать? Дать понять, что не обманута «серой тенью», или подыграть? И не потому ли бабка намекнула, что не отпустит меня никуда с копией принца? «Оставь девицу тут». И по имени его в этот раз не называла!

– Правду, Лика, – напомнил лжепринц.

– Почему вы решили, что я вру, ваше высочество? Я правду сказала.

– Может быть, что-то тут и было от правды. Но не вся. Я хочу услышать всю. И лучше уж пусть услышу я, чем мой отец. Не так ли?

Я сделала вид, что задумалась.

Кикируся обернулась быстро, грохнула на стол поднос с горшочками, от которых умопомрачительно пахло. У меня потекли слюнки, но я мужественно отвела жадный взгляд.

– А почему бы и нет? – улыбнулась лжепринцу. – Владыке я расскажу все и без пыток, так и передай. И, пожалуй, я принимаю приглашение отужинать у вас, ваше высочество.

Ведьма аж вздыбилась:

– Никуда не пойдешь! Ешь, что дают. Кухня ей моя не нравится, вишь ли! А ты ступай отседова, у нас тут парням не положено, – вспомнила ведьма, метнув грозный взгляд на нарушителя. – Совсем девочку замучили, никакого покою!

Копия Дьяра, потерпев полный разгром и поражение, отступила в тень и исчезла. А вот принцу тень искать без надобности, не преминула я отметить.

Перед тем, как выпасть в сон, я даже поела вкуснящих пиявок, или что там было в горшочках. Совершенно сказочное яство оказалось.

Почему Дьяр не вернулся, как обещал, а послал присмотреть за мной двойника? – тревожно билась мысль. Что у него случилось?

* * *

– Демонская коса! Зачем я ее только отрастила! – ругалась я наутро, пытаюсь наложить иллюзию на волосы. Никто не захотел помочь мне снова их покрасить, даже Миранда. Все порошки, предусмотрительно положенные мамочкой в багаж, оказались испорченными – наверняка ведьма Кикируся постаралась. И как я теперь людям на глаза покажусь?

– Скажешь, что покрасилась в блондинку, – посоветовала Миранда.

– Где это видано, чтобы темная красилась в блондинку?! – вопила я.

– Где ты видишь тут блондинку? – подняла бровь Зулия.

Порошки не просто испортились, они подействовали самым неожиданным образом, и теперь коса напоминала мочалку, скрученную из разноцветных ниток.

– Постригусь! – пригрозила я зеркалу, отражавшему совершеннейшее безобразие – стоявшую дыбом, жизнерадостно радужную шевелюру. На коже тоже не осталось ни следа искусственного коричневого загара – Шу и тут прошла. И даже моим глазам вернулся естественный сине-зеленый цвет. Его еще, непонятно почему, называют «цвет морской волны», хотя у

моря никогда не бывает такого цвета.

Едва я потянулась за ножницами, они с ехидным лязгом отбежали из пределов досягаемости, за ними отпрыгнули ножи и кинжалы, а за дверью хихикнула подслушивавшая Кикируся.

– Тут к тебе гость пожаловал, деточка, – сообщила она. – Ваш куратор. Пока за ним Шурш гоняется, но ты бы побыстрее причесывалась, что ли...

– Зулия, одолжи паранджу!

Островитянка убежала копаться в своих доспехах, но тут у меня наконец получилось замкнуть заклинание, и в зеркале появилась самая обычная темная из клана Вечерних теней: медного оттенка кожа, черные волосы с алым закатным отливом. Лишь глаза упорно просвечивали морской волной.

Кикируся сунула голову в дверь, оглядела, щелкнула костлявыми пальцами, и с таким трудом наложенная иллюзия слетела, а из рук вернувшейся Зулии вытекла черным дождиком паранджа!

– За что?! – заорала я.

– За то, что головой думать надо! – проворчала бабка. – Куда тебе с топорными иллюзиями против магистров! Вот прежняя личина была хороша, на совесть сделана, еле прошибли. А эта – тьфу! У Грида Сайка «вороний глаз» есть, сквозь слабые иллюзии видеть помогает.

И бабка захлопнула дверь с той стороны.

Я быстренько заплела легкомысленную косу, повязала платок с вышитыми черепами, надела черный комбинезон, жаропрочный и кислотоустойчивый, и, нацепив модные темные очки с рожками на дужках, поплелась в общий зал с камином в сопровождении сгибающихся от хохота подруг. Им смешно, а меня сейчас, чую, снова пытаться будут.

Куратор, запыхавшийся и раскрасневшийся от беготни с моим игривым драконом смерти, ввалился в зал, поправляя изодранную и пожеванную мантию.

– Девочки, позовите Лику Тария. А это что еще за пугало? Посторонним на территории Академии не положено!

– Она и есть наша прелестница Лика, – подсказала Кикируся.

«Сам ты пугало! Темные – очень вежливые создания, и магистры-кураторы – не исключение», – напомнила я себе, снимая очки. Тут ведь какое дело... Можно сколько угодно менять цвет глаз и форму зрачков, но при этом особый рисунок радужки всегда останется индивидуальным, хотя и искаженным, когда меняешь зрачок с круглого на продолговатый. Магические замки и пропускные системы, как на входе в главные корпуса Академии, на этой особенности и построены. Считается, что подделать

рисунок невозможно.

Куратор вытащил магический сканер (странно, что маг таскает этот небольшой, но тяжеленный амулет с собой на территории Академии, где каждый коридор нашпигован амулетами защиты и слежения), идентифицировал мою личность – амулет засветился синенькими огоньками, означавшими у темных подтверждение или разрешение.

– Действительно, Лика Тария, – задумчиво молвил Грид Сайк. – И что же с тобой стряслось?

– Это все Шу! – свалила я на потерявшуюся экзотическую зверушку.

Объяснение было принято, и куратор приступил к допросу об обстоятельствах ночной драки под стенами Академии: «шмонари» утверждали, что это я их покалечила.

Разумеется, я ушла в глухую несознанку.

Тогда Сайк заинтересовался моим бронелифчиком, видневшимся в вырезе комбинезона – застегнуть одежду оказалось невозможно на таком-то богатстве. Повязку я списала на неудачное падение с дракона.

– То Шу, то Шурш... – прищурился куратор. – Кстати, о драконах смерти... Мы получили ответ из клана Вечерних теней. Странные выяснились факты о твоей семье, Лика Тария. Покажи-ка мне спину.

Покраснев, я расстегнула комбинезон до пояса, продемонстрировала чистенькие лопатки, стойко перенесла и прикосновение на удивление ледяных пальцев розовощекого куратора, и покалывающее исследование амулетом. Плохи были бы мы с матушкой, если бы не предусмотрели проверку.

– Сельо-полукровка, – поморщился Сайк, закончив осмотр.

– Демоница-полукровка, – поправила я, весьма преувеличив доставшуюся мне в наследство осьмушку темной крови.

– Почему скрыла свою родословную при поступлении?

– Я и не скрывала. Весь клан Вечерних теней – мои родственники, – так как куратор презрительно молчал, я покаянно потупилась. – Меня бы не допустили до вступительных испытаний, а я очень хочу учиться. Я же не виновата, что мне так не повезло с родителями!

– Ты виновата в сокрытии фактов. Мы с ректором и коллегами уже все обсудили, и ты была бы отчислена, но вмешался его высочество... – куратор поморщился, словно принц Тьмы лично вбивал в его глотку лимон. – В общем, решили оставить вопрос о твоём здесь пребывании на усмотрение владыки. До его приезда из башни ни ногой. Считаю, что ты под арестом.

– Что? – выдохнула потрясенная я. – На каком основании?

– Или на лечении, – покосился он на вырез моего комбинезона. – Пока приказа об отчислении нет, я буду лично следить за тем, чтобы ты не отстала в учебе.

Еще раз алчно сверкнув глазами на треугольник моего выреза, куратор захлопнул дверь с той стороны. А ведь в день знакомства он мне показался таким необыкновенным, добрым (демон, ага) и даже красивым. Как обманчиво первое впечатление!

Глава 7

Ночная прогулка

Моего терпения сидеть в башне безвылазно под бдительным присмотром Кикируси хватило аж на трое суток.

Подруги рассказывали новости: первокурсников-«шмонарей» отчислили из Академии за нарушение внутреннего распорядка и отправили обратно в клан на излечение. Доказать мое участие в драке так и не смогли.

Ирек, застигнутый в постели с какой-то девицей, удержался в числе адептов только благодаря заступничеству принца, но их отношения из-за этого только ухудшились, и они теперь грызутся по каждому поводу. Вся Академия наблюдает и заключает пари, когда же дойдет дело до кровавой дуэли. У демонов иных дуэлей и не бывает.

Чтобы я не отстала от группы, лекции для меня писали всем курсом, причем не иллюзорные копии, а вполне материальные, будет что предъявить лекторам. Я вот вообще не понимаю этого садизма – скрести по бумаге вечным карандашом, как двести лет назад. Они бы еще гусиным пером писали! У нас в храмовой школе давно уже на запоминающие кристаллы перешли.

А по практике подтягивал куратор, являвшийся каждый вечер.

Мы с девчонками уже выяснили, откуда в Темном царстве взялся русоголовый былинный богатырь: он оказался тоже полукровкой, сыном темной матери и светлого отца. А подумать только, с какой брезгливостью говорил о смешанной крови!

Почему-то Шурш терпеть не мог Сайка и бесновался при его визитах на пару с грифоном. На почве неприязни к нашему куратору эти крылатые твари и примирились с существованием друг друга настолько, что дуэтом были на балконе, пока магистр объяснял мне пропущенный материал, прихлебывая чаек вприкуску с выпечкой и вареньями Кикируси. Ведьма таяла и млела от его комплиментов. Звери отрывались на полную. Я страдала.

Горгульи все это время сидели на крыше смирно и переругивались шепотом. Продирающим до костей. Лучше бы орали.

После ухода куратора отдохнувшие горгульи завопили с новой силой. Я собрала учебники, с трудом удержавшись, чтобы не выкинуть груду в камин и поджечь. Вовремя вспомнила, что каминная труба перекрыта магистрами, дабы в нее горгульи не гадили и адепты не падали.

Еще сутки, и я тут свихнусь!

Мое возмущение никто не оценил. Миранда и Зулия еще не пришли. Они предпочитали лишний раз не попадаться на глаза куратору и беречь слух – грифон с драконом фальшивили нещадно.

Тоска. Главное – время уходит, а я ничего еще не сделала: ни о преступнике ничего не узнала, ни с владыкой не встретилась, чтобы навязаться в телохранительницы по нашему с богиней плану.

Убийце осталось принести три темные жертвы и сельо. Только потом он возьмется за главное. Но мы не должны допустить новых жертв.

Скорей бы вернулся этот демонский владыка! Где его носит?

Мы с мамулей, конечно, учли, что разборки со мной в Академии будут, но кто ж знал, что самого главного темного унесет как раз в это время, и так надолго?! Насколько было бы все проще. Если, конечно, его великотемнейшество Сатарф не убьет меня без всяких разговоров, а хотя бы выслушает для начала и поверит в версию, которую я выдала Кикирусе и подслушивавшей «тени». Потому что нашей основной версии никто не поверит.

С этими мыслями я, придерживая стопку книг подбородком, ногой открыла дверь в свою комнату. И книги выпали: за столом, покачиваясь на стуле, сидел Ирек.

– Привет! – улыбнулся он и так рьяно бросился подбирать рассыпанные учебники, что мы столкнулись лбами.

– У-уй! – вскрикнула я.

– Всш-ш-ш... – зашипел Ирек, потирая лоб. – Ну почему у меня с тобой все так фатально, Лика?

За последнюю книгу мы взялись одновременно.

– Отдай, моя.

– Дай мне, положу.

Он рванул учебник к себе, я вцепилась, не удержалась на корточках и оказалась в объятиях Ирека вместе с книгой. Негодяй сразу воспользовался, впился в мои губы, придерживая за плечи и затылок, чтобы добыча не вырвалась. Этим демонам лишь бы покусать кого-нибудь! Так как предмет спора был благополучно им забыт, книжкой и огрела наглеца. Он схватился за макушку.

– Ну ты, хорош драться! – простонал.

– Ты что лезешь ко мне, Ирек?

– Соскучился. Давно не видел.

– Ну и скучай... на расстоянии! Ты как сюда попал?

Он молча показал на приоткрытое окно.

– Там же магическая решетка! – не поверила я.

– А у меня есть отмычка, – парень вытащил из-за пазухи и продемонстрировал мне кулон в форме трилистника. – Давно уже сделал, иначе в этой казарме сдохнуть можно.

– Дай мне! – тут же протянула я жадные ручонки.

Он хитро сощурился:

– Я подумаю. Знаешь, каких мне сил стоило раздобыть копию с охранного ключа?

– Думай быстрее, а то нас снова засекут!

Я прислушалась: снизу доносился чудесный грохот и вопли:

– Ах ты, яйцо пупырчатое, а ну, кыш на место! Господин Сайк, идите, пока я его держу! – это Кикируся пыталась командовать моим драконом, решившим проводить куратора.

Ха-ха, так он ее и послушает. Но Сайка лучше бы здесь уже не было. «Шурш, выпусти! А с Кикирусей можешь и поиграть в салочки», – приказала я.

Ирек, делая вид, что думает над моим предложением, загадочно возвел черные очи к потолку.

– Ну-у-у, даже не знаю, – протянул он, одновременно сгребая меня в охапку.

– Эй! – возмутилась я.

– Ой! – болезненный вздох Ирека – это моя твердокаменная из-за гипсово-магической повязки грудь ткнулась ему в ребро. Теперь не только у меня ребра болеть будут. Нахал тут же ощупал мой бронелифчик. – Ты что, превращаешься в горгулью?

– Я тут скоро с тоски озверею и в дракона смерти превращусь! – пообещала.

– Да, с этим надо что-то делать. Пойдем, пока действительно не засекли.

Он потянул меня к окну, тихонько свистнул, и в приоткрытую створку просунулась огромная куриная лапа, пошарила, отодвигая шпингалет второй створки, потом появилась львиная голова на змеиной шее и с клювом вместо пасти, и затем – весь урод. То есть сторожевой грифон. На второй окольцованной лапе у него болтался кусок цепи.

– Кар-р-рета подана, – сообщил птиц.

Оказывается, он не только каркать умеет.

– Тише ты, пернатый! – погрозил Ирек.

«Шурш! Задержи пока Сайка! Выпустишь через минуту», – спохватилась я. А то ведь куратор точно заметит наше бегство.

Грифон еле справился с двойной ношей – дотянул только до крепостной стены, отделявшей корпуса Академии от города, и сверзился на полянке в парке. Ирек еще с ним повозился из благодарности, что-то там пошептал, погладил. Птиц немедленно разомлел и заурчал по-кошачьи. Ирек дернул его за облезлый хвост. Грифон возмутился, но поднялся, покряхтывая, и улетел обратно.

– А сейчас мы куда? – проводила я его тоскующим взглядом. Все-таки как тяжело без крыльев! Даже грифону завидовать начала.

– В кабак! – торжественно провозгласил второгодник.

– Вот с этим? – я потрясла перед его носом разноцветной косой, уже смутно видимой в сгущавшихся сумерках.

– Зато никто тебя не узнает.

– Зато потом узнают.

– погоди, – Ирек, тащивший куда-то меня за руку, остановился. – Ты хочешь сказать, что это у тебя природный цвет волос?

– Я – урожденная блондинка! – с гордостью.

– Оно и видно, – проворчал он, снова увлекая меня по парковой тропинке.

Сумерки сгустились, вдоль дорожек зажглись синие, багровые, алые и фиолетовые фонарики – любимые цвета демонов. В парке было довольно оживленно – обитатели Академии торопились вернуться в родные пенаты до начала комендантского часа, их провожали толпы демонесс, которым вход в городок был категорически запрещен. Я с жадностью их рассматривала. Интересно же, что у темных сейчас в моде.

Красивые твари. Удивительно белокожие в небоевой ипостаси. Черноокие, чернобровые, черноволосые. Лишь представительницы Вечернего и Закатного кланов – красно – и медноволосые. Даже татуировки и изящные рожки их не портили.

Фигурки у всех точеные, упакованные в мини-юбки, а если встречаются длинные платья, то почти прозрачные, что еще неприличнее. Мой обтягивающий комбинезон по сравнению с их одеяниями смотрится нарядом монашки.

Брюки, кстати, демонессы почти не носят, предпочитают мини, ажурные чулки и каблуки. Разве что стражницы вынуждены щеголять в форме, да драккерши из низших демонов, не имеющие своих крыльев, но приручившие дракков, ближайших родственников драконов.

На каждом шагу мы натыкались на целующиеся и обнимающиеся парочки. Моего спутника узнавали все: останавливали, хлопали по плечу, зубоскалили:

– У тебя новая подружка, Ирек? Яркая девочка!

– Какая пеструшка! – хихикали демонессы за спиной. – Одна заменит все фонарики в парке.

Кто бы говорил. У самих голые бедра под юбчонками сверкают так, что на освещении можно экономить.

Ирек свернул на боковую тропинку, где не виднелось ни одного светильника. Да и зачем они демонам, прекрасно видевшим во тьме? Чисто для красоты, чтобы белые кланы не тыкали аристократическими пальчиками в отсталость и пещерную грубость темных.

Сельо тоже отлично видит в темноте, но на мне были черные очки, и я с трудом различала смутный силуэт Ирека. Он остановился у большого вяза. Я приподняла очки, огляделась: знакомое место, именно тут была драка с «шмонарями».

Мой спутник, что-то шепча под нос, ползал в густой траве под вязом.

– Ну, иди сюда! – донеслось. – Совсем одичала, бедняжка.

Я неуверенно шагнула к нему.

– Вот тварь безмозглая! – выругался он.

Замерла. Это он мне?

– Лапушка, солнышко мохнатенькое, – тут же заворковал Ирек. – Иди же ко мне, бестолочь! Вот дурында, опять убежала! Который день поймать не могу! Шушенька, милая...

Я хихикнула, разглядев, что искомая Шу подкрадывается сзади к стоявшему на карачках парню. Через миг зверек метнулся вперед, но тут с ветки вяза на мою голову сверзилась еще одна груда меха и ослепила.

– Они что, размножаются делением? – спросили мы с Иреком друг друга, когда отодрали атаковавших нас зверушек.

– Зато проблемы с париками и бородами решены! – с облегчением заметил второгодник, примеривая тварюшку поменьше. – Ну как?

– Эффектно! Назовем ее или его Шурка, – я полюбовалась на огненно-рыжую бороду, так шедшую к черному золоту волос Ирека, кокетливо поправила свою увеличившуюся в два раза шевелюру: бронзовая шкурка Шу уже, можно сказать, пустила корни на моей голове. – И в какой кабак мы пойдем?

– В кабаре «Пляски скелета». Но сначала заглянем к моим друзьям, распилим твой панцирь. С нашей регенерацией держать кого-то более суток в гипсе – пахнет пыткой. Любые переломы должны уже зажить. А в

«Скелете» строгий дресс-код и фейс-контроль на входе.

– Что-о?

– Из какой глухомани ты явилась покорять Темный мир, селянка?

– Надеюсь, обнажаться в «Скелете» надо будет не до самых костей?

* * *

Темная страна вела преимущественно ночной образ жизни, что естественно.

Ненормальным было расписание дневных занятий в Академии, но такова традиция, унаследованная от золотого века всеобщего единения и дружбы народов, когда существовала Всемирная академия Единой магии.

С тех пор, как мир раскололся на Светлый и Темный, а высшая школа, соответственно на Академии Тьмы и Света, уже лет тысячу каждый год темное студенчество устраивает митинги, демонстрации и шествия с требованием перевести стрелки академических часов со светлого времени на нормальное.

И тысячу лет на эти требования высшие темные маги нагло плюют.

Традиция оказалась весьма удобной для престарелого магистрата. Им-то что.

Во-первых, профессора-магистры днем беззастенчиво дрыхли на лекциях, включив бубнящий лекторский голос отдельно от спящего тела. И попробуй усни под эту колыбельную – следящее око с сигнализацией магистры тоже не забывали включать.

Как только адепт переставал скрипеть пером и укладывал голову на тетрадь, срабатывала визгливая сигнализация. Эта магическая сволочь даже имена нарушителей фиксировала и о шпаргалках ябедничала.

Во-вторых, измученные дневным бдением адепты вынуждены отсыпаться по ночам, когда весь Темный мир только начинал жить.

Газеты цитировали оправдания высокопоставленных болванов, говоривших на ужасном канцелярском языке: «Дневной режим учебы и комендантский час в ночное, то есть в рабочее демоническое, время резко снизили количество правонарушений с участием начинающих магов».

Потому на митинги и петиции никто из начальства не реагировал.

В этот вечер мы с Иреком подправили статистику.

* * *

Сначала все шло замечательно.

Выйдя из парка, Ирек свистнул извозчика, восседавшего на адской псине величиной с теленка. Средство передвижения было в наморднике и шипастом ошейнике. Чем их кормят, лучше не задумываться, но слышала я байки, что иногда и чересчур жадными пассажирами.

Цокая когтями по мостовой, псина лениво тащила двуколку по улочкам. Наконец-то я могла полюбоваться эффектными ночными видами темной столицы.

Кардерг днем и Кардерг ночью – это разные города, совмещенные в одной географической точке. Перед тем, как покорять столицу Темного Трона, я назубок изучила голографические карты темной столицы. В двух экземплярах пришлось изучать, вечно от этих демонов морока!

Все насмешки белых кланов над примитивным варварством темных относятся именно к их дневным городам. При свете солнца это маловыразительные нагромождения глыбистых зданий, более уместные где-нибудь в горах. Со своей склонностью к глобализму демоны строят не дома, а монументы – высоченные, угрюмые, испещренные вертикалями колоннад.

Разумеется, все здания – из темно-серого гранита, черного мрамора или искрящегося железистого камня, тоже угольных расцветок. Кто бы сомневался. Ничего белого в обиходе, упаси бездна. Серебро, и то специально чернят.

К желтым, бледно-голубым и салатово-зеленым цветам спектра у демонов тоже стойкое отвращение. У них если уж зеленый, то благородно-малахитовый. Если уж синий, то глубокого вечернего неба. Если уж желтый, то исключительно красное золото.

Днем Кардерг – это невыносимо унылое местечко, где висельник второй раз с тоски удавится.

Зато ночью демоны отрываются по полной и на иллюминации не экономят. Столица меняется разительно, до неузнаваемости. На стенах вспыхивают всевозможные панно и граффити, невидимые днем. Подсвеченные колдовскими огнями здания словно парят в воздухе и становятся нереально красивы, хотя иногда и ужасающей красотой.

А если еще учесть, что высшие демоны крылаты, обожают сплошь черную одежду со светящимися декорами, а в полете не могут обойтись без спецэффектов, и небо над городом то и дело взрывается роскошными фейерверками ало-багровых или фиолетово-синих тонов, то ночной Кардерг – это сплошной праздник.

Я глазела по сторонам, раскрыв рот. Одно дело – объемная карта в

храмовом классе, а вот она – настоящая демоническая жизнь.

Но тут с боковой улочки, затравленно озираясь, вылетела мантихора.

– Держи ее! – раздался крик, и следом за огромной клыкастой кошкой вылетел из того же переулочка лысый демон с витыми рогами и татуировками по всему обнаженному торсу.

– Сам держи, – рявкнул возница, пытаясь развернуть заинтересовавшуюся псину.

Мантихора, видя, что спасения нет, атаковала наш шаткий двухколесный экипаж, попытавшись вытряхнуть из него пассажиров.

Ирек выставил магический щит, кошку отбросило на псину. Собачка с воем взвилась, извозчик – щупленький низший демон с обломанным рогом – грохнулся на мостовую, выпустив магические вожжи. А мантихора, не будь дурой, вцепилась в песий загривок.

Ирек, попытавшийся перехватить вожжи, поймал только ядовитый хвост мантихоры. Кошка взрывкнула истошно, но не отцепилась, псина рванула вперед вместе с врагом на загривке и двуколкой, удержавшейся на колесах.

И понеслось...

Двуколку мотало из стороны в сторону, сшибая фонарики, сувенирные лотки и не сумевших вовремя увернуться, но успевших выставить шипы прохожих демонов. Я заподозрила, что экипаж был сделан из брони железного дракона, раз уцелел после стольких ударов.

Ирек, удерживая меня одной рукой, а второй – кошачий хвост, пытался то одарить меня успокоительным поцелуем, то остановить наконец наш транспорт. Не рукой, так магией. Но от тряски петли заклинаний срывались, парализующие шары промахивались. Похоже, парню просто жаль убивать животных. А меня, значит, ему не жаль? У меня даже повязка на ребрах раскрошилась, а скоро и ребра посыпятся!

Тут нас вынесло на ночной базарчик, судя по усилившимся воплям и проклятиям. Я едва успевала их отводить. Экипаж пронесся по рядам лавочек и значительно потяжелел: столько добра на нас свалилось.

Ограбив базарчик, мы понеслись в ночь. За нами мчалась уже половина населения, свистя, вопя и улюлюкая, но быстро отстала – огромная псина развила невиданную скорость, словно у нее выросли крылья.

Я присмотрелась к мельтешению впереди: кошка все-таки свалилась с собачьего загривка, но запуталась в постромках, и теперь бежала рядом, бок о бок, унося нас от праведного гнева пострадавших. А негодяй Ирек только хохотал, крепко обняв перепуганную меня, и наслаждался бешеной

скоростью.

До тех пор, пока мы все не сверзились в реку. Неглубокую, к счастью. Но ударопрочная двуколка рассыпалась наконец.

Ирек первым делом вытащил меня на бережок, затем выловил несчастных полузадушенных животных и занялся осмотром ран от когтей на собачьем загривке, а мантихора, виновато мяукнув, попыталась их вылизать. Из ее лапы тоже текла кровь – зверюга поранилась о шипы ошейника жертвы.

– Круто покатались, – я осмотрела склон берега, устланный свалившимся с двуколки барахлом.

С какого-то кустика свисали бусы и шаль с кистями – уж не по гадальной ли лавке мы проехались? Поодаль валялся кожаный пояс с пристегнутыми ножнами – дань с оружейных рядов. Подобрал новенькую, в упаковке, батистовую рубашу, я разодрала ее на бинты, и вдвоем с Иреком мы быстро управились с перевязками звериных ран.

– Такая уж у нас с тобой карма, Лика, – рассмеялся парень, сверкнув белыми зубами. – Как кремень и кресало. По отдельности – тихие и мирные, но стоит им столкнуться...

– Это ты-то тихий-мирный демон? За что же тогда тебя выгнали из Академии?

Он мгновенно помрачнел и отвернулся.

Официальную версию отчисления Ирека мы с Мирандой уже знали: парень вдребезги разругался с ректором и просто не явился на летнюю сессию. За прогулы и отчислили. А ведь он считался одним из лучших учеников Академии. Но вот что послужило истинной причиной – никто толком не знал или не хотел говорить.

– Ирек, а не пора ли нам убраться отсюда? – прислушалась я к далекому шуму поднятого на рога города. – Сейчас сюда пострадавшие примчатся и нас растерзают.

– Не найдут, – усмехнулся он. – Как только мы вырвались из пределов видимости, я заклинание отвода глаз поставил.

– По следам найдут, – я погладила свернувшуюся клубком мантихору. Пальцы нащупали неровности под густой шерстью. – Да она вся в шрамах!

– Это бойцовая кошка. Сбежала от хозяина, похоже. Такие экземпляры с серебристой шерстью – особо ценные. Смотри, какая сильная. Будут искать.

Мантихора мгновенно вздыбила загривок и зашипела. Притихший пес зарычал. Еле успокоили.

– Ирек, я ее в свой зверинец заберу!

– Чтобы она всех горгулий сожрала и грифоном закусила? Лучше я ее к другу пристрою. Кстати, нас все-таки почти довезли до места. Друг живет в паре кварталов отсюда. Но... знаешь, у тебя такой видок, что нас остановит первый же постовой мракар. Они теперь все по тревоге подняты.

Со стороны города действительно доносились вой сирен и звуки свистков: мракармия наводила порядок.

– Что-то не заметила я этих постовых во время гонки, – проворчала я, оглядывая себя и ужасаясь. Раскрошенный и размокший гипс повязки превратился в кашу и держался только за счет магии. Грязные струйки стекали по телу, намочили мой любимый жаропрочный и кислотоустойчивый комбинезон изнутри и просочились, нарисовав на руках и открытых бедрах прихотливую серую сеточку. Кое-где гипсовые арабески уже затвердели. Ничего, река рядом, песочком ототру.

– Мне надо помыться, Ирек. Отвернись.

Он сел спиной и даже пса отвернул, чтобы не подглядывал.

– Как бы этот магический каркас снять! – взмолилась я после безуспешных попыток освободиться от остатков бывшего бронелифчика.

– Я бы помог, но ты просила отвернуться, – подал голос мой спутник.

Поколебавшись, я сняла сапоги, комбинезон, стащила с головы упиравшуюся Шу – еще утонет! – прикрыла разрисованный пупок ладошками и встала спиной.

– Можешь повернуться.

– Хм... прикольные трусики, – оценил он мой розово-желтый, без единого зеленого пятнышка пояс целомудрия.

Парень подошел так бесшумно, что я вздрогнула, когда моей кожи коснулись жаркие ладони. Снимать каркас он начал почему-то с моей шеи, помогая губами и щекоча языком.

– Ты решил его съесть? – поинтересовалась я.

– Ммм... – невнятно промычал он, медленно скользя губами и зацеловывая плечи.

– Мррр... – нежно отозвалась с берега мантихора.

Огромная псина шумно вздохнула и вильнула хвостом.

Ирек одной рукой обвил меня за талию. Кончики пальцев его второй руки пробежали по моему позвоночнику, повергая меня в дрожь, обрисовали лопатки, чуть задержавшись там, где должны быть крыловые щели и где теперь была особо чувствительная мембрана с наложенной сложной иллюзией. Еле сдержалась, чтобы не захихикать. Щекотно же!

Потом его губы вернулись к моей шее, а обе ладони скользнули и взяли груди, как в чаши, а пальцы нежно сжали соски, и никакой

магический каркас им не помешал!

– Уже все? – потребовала я отчета.

– Нет, я только начал, прекрасная, – прошептал Ирек на ушко, заодно чуть прикусив мочку.

Продолжая плотно прижимать меня к себе и ласкать одной ладонью, нахал попытался снять с меня не только магический каркас, но и пояс. Ну-ну. Между змеиной и моей кожей и волос не просунешь, не то что наглую мужскую лапу!

– Ты зачем это на себя нацепила, Лика? – возмущенный Ирек развернул меня к себе лицом.

– А чтоб не лезли всякие шаловливые ручонки без моего разрешения! – показала язык и тут же поплатилась – он взял мое лицо в ладони и закрыл мне рот поцелуем.

– Ммм... – попыталась я вырваться, но мои ладони были заняты маскировкой пупка, даже когти не выпустить.

– Мррр... – заурчала мантихора.

Пес согласно чихнул.

– Ах, так? – Ирек подхватил меня на руки и понес в воду. Холоднующую!

Через мгновение мне стало жарко. Беда в том, что в воде пояс целомудрия становится тонким, хотя по-прежнему таким прочным, что его не снять и не порвать. Но поры на змеиной коже расширяются, пропуская влагу, а тело чувствует прикосновения так, словно нет никаких препятствий. Ирек, посмеиваясь, смывал с меня следы гипса и при этом ласкал беззастенчиво и грудь, и бедра, и... – нет, живот не дам! это святое! – и якобы ненароком скользил ладонью между моих дрыгающихся ног.

– Пусти, я сама себя помою! – вопила я, отталкивая настырного парня.

– А что ты за живот держишься? Болит? – он перехватил мою руку, отвел и замолчал. Увидел печать. И сразу отпустил меня. – Интересное сочетание.

– Что тут интересного? – процедила я.

– Пояс целомудрия на собственности принца.

– Я не собственность этого мерзавца!

Оставив меня в покое, парень ушел на бережок. Я, вне себя от ярости, долго булькалась на мелководье, оттиралась песком, но проклятая печать, конечно, не отскреблась. Хотелось плакать от обиды и злости. Но я же сельо. Нас учат управлять эмоциями. Причем не только своими.

Когда я выбралась из воды, мрачный как туча Ирек протянул мне

найденную шаль. Вытерлась и выбросила. Он протянул мне еще какую-то тряпку.

– Надень, нашел вот. Твой комбинезон уже засох, как корка. И прости меня, Лика. Сорвалось.

Тряпка оказалась дешевенькой подделкой под вечернее платье от знаменитого темного кутюрье Жанэйра. Бусы, свисавшие с ветки, я тоже прибрала, но Ирек покачал головой.

– Я нашел кое-что получше. Не знаю, какую палатку мы разгромили, но такие чудеса даже на нашем знаменитом базаре редки.

Сельо хорошо видят ночью, но мне показалось, что глаза меня обманывают. На ладони Ирека лежало баснословно роскошное кольцо – тончайшая цепочка из черного золота, а на ней в ажурной сетке из красного и черного золота светилось изменчивыми тонами полушарие из крупного селениса, что дороже алмазов, обрамленное созвездием из сапфиров и изумрудов.

– Ты лжешь, Ирек, – подняла я взгляд на парня. – Такое не могло валяться на прилавке рыночной лавочки. Даже по узору видно, что это древняя вещь. А уж камень! Селенисы все наперечет в мире, полсотни не наберется. А таких крупных известно всего четыре штуки, и рождаются они раз в тысячелетие.

Он пожал плечами, кивком головы показал на пояс с ножнами, так и валявшийся на пляжном песке:

– На нашем базаре можно обнаружить что угодно. Если уж мы с тобой ритуальный кинжал эпохи Шарх где-то случайно подцепили... А их, в отличие от каких-то камушков, всего два было создано в мире, и больше не будет. Теперь я верю, что пословица: «На базарах Кардерга можно купить и солнце», – не преувеличение.

– И ты предлагаешь мне надеть эту роскошь в какую-то забегаловку? Снимут вместе с головой! Лучше уж бусы. Нет, я не возьму такую вещь. В конце концов, она наверняка заклята от кражи и потери. Надо это вернуть хозяевам. А что за кинжал?

Ирек вздохнул:

– Ну ты хотя бы примерь эту красоту, дай полюбуюсь. Когда еще увижу два таких сокровища вместе.

– Я тебе не подставка для кольца! – проворчала чисто для порядка. Мне и самой жутко хотелось посмотреть на себя в этом потрясающем украшении.

Селенисы, изменчивые, как сама любовь, особо ценились и у светлых, и у темных кланов из-за магических свойств. Этот камень – самое ценное

подношение богине Лойт. На главной статуе богини красовалось ожерелье из семи селенисов, и один из них – крупнейший в мире. У верховной жрицы Лойт была подвеска с камнем, куда меньшим, чем в колье, найденном Иреком, а пять старших жриц довольствовались камнями размером с жемчужину.

В сокровищнице лунных дев постепенно осела половина открытых в мире селенисов. Тех, о которых известно. Верховная мечтала прибрать к рукам все, чтобы увеличить силу сельо, потому лунные девы знали описания украшений и охотились за ними при случае. Но я никогда не слышала о подобном ожерелье.

Ирек надел на меня драгоценность. Щелкнула застежка, а его пальцы все еще поглаживали мою шею, скользя вдоль цепочки. Поднялись к подбородку, обрисовали овал лица, губы. Меня опять кинуло в дрожь, а колени предательски ослабли. Он вовремя обнял за талию.

– Тебе очень идет, – прошептал хрипло. – К твоим чудным глазам. Видела бы ты себя, прекрасная.

– Ой, я тоже хочу посмотреть, – смутилась я, ощупывая тяжелое украшение. Вот так нас, девочек, и топят с камнями на шее...

– Идем, – улыбнулся он. – Мой друг нас уже заждался.

Он подобрал пояс с кинжалом, наполовину вытащил оружие из ножен, и мне почему-то очень не понравился его короткий взгляд на меня. Холодно-оценивающий.

– Так что там за история с ритуальными кинжалами эпохи Шарх? – спросила я.

– Это подделка, – сказал Ирек, пристегнув ножны к своему поясу. – Таких полно на любом базаре, в каждой оружейной лавке. И каждый хозяин, в расчете на дураков, будет утверждать, что у него настоящий. Неужели никогда не слышала о «близнецах Ошсах»?

– Как же не слышала... – побледнела я. С чего бы Иреку брать подделку, да еще дважды проверять, хорошо ли пристегнул ножны?

Легенда гласила, что кинжалы-близнецы Ошсах вдвоем способны пробить абсолютно любую защиту. И выпить всю силу мага.

Именно из-за этих кинжалов, точнее, из-за их создателя, темного владыки Ошсы, убившего из ревности светлую королеву-магиню и поднявшего ее труп, кончился золотой век всеобщей дружбы и единения и мир опять раскололся на люто враждующих светлых и темных.

По отдельности кинжалы не так сильны, уже не любую магию могут сломать, да еще если на шее такой крупный селенис, успокаивала я себя, сидя на спине смирной, как овечка, адской псины. Ирек шагал рядом,

намотав на руку поводья, а мантихора, решившая сменить хозяев, хромала на трех лапах рядом.

* * *

Мы поднялись на высокий берег, усеянный маленькими домишками за глухими заборами. Тишина на окраине столицы стояла жуткая, темень – глаз выколи (светлый глаз, естественно, темные во тьме – как рыба в воде), только где-то совсем вдалеке кипела ночная жизнь столицы. А жители окраин, по-видимому, все ушли на промысел.

Мой спутник остановился у калитки в высоком каменном заборе, снял с плеча улизнувшую туда рыжую Шурку, обмотал мне шею, как меховым боа.

– Маскировка, – сказал без улыбки. – Колье не снимай. Заклятий на нем нет, я проверил. Потом иллюзию наложим, а пока так походишь. И в Академии тоже. Вообще никогда не снимай, даже если мыться будешь.

– Оно тяжелое, – пожаловалась я.

– Жизнь еще тяжелее, а привыкаешь, – вздохнул он, толкнул калитку, и мы вошли в запущенный сад, сплошь заросший кустами волчьей ягоды и хризантемами пополам с крапивой и чертополохом. Шу на моей голове оживилась и потянулась волосками локонов к ягодам.

Пока мы из-за решившей перекусить зверушки медленно передвигались по диковинным зарослям без тропинок, позади с сухим шелестом осыпались высосанные шкурки плодов, а шерстка Шу, покрасившаяся было в радужные тона от впитанной краски с моих волос, почернела.

Ирек снял меня с псины и, приказав средству передвижения сидеть и не гавкать, так на руках и внес меня в покосившийся от старости дом, пнув дверь ногой. Киска, шнырявшая по кустам, тут же пролезла вперед, и парень споткнулся, наступив ей на хвост, но сжал меня еще крепче, а я вцепилась в его плечи, увидев спину его друга.

Нас действительно ждали.

– Пришел наконец, – глухо сказал сидевший за столом, медленно поворачивая голову. – Девчонку доставил?

– Да, господин.

Предатель Ирек! – оборвалось сердце.

– Мы на минутку, в зеркальце посмотреться, и в «Пляску скелета» пойдем, не будем вам мешать, – выпалила я на одном дыхании, не в силах

отвести взгляда от изуродованной, ободранной до проступавших ребер спины высшего демона, из которой торчали обломки крыла. Второе было вырвано с мясом, даже лопатка сломана. Сверху мерцала целительная магическая пленка, но уже ясно было, что летать этот высший уже никогда не будет.

Он с трудом повернулся. Длинная седая прядь падала на еще молодое, почти без морщин лицо, заслоняя выдавленный глаз. Второй, синий, как у Дьяра, – особенность царствующей династии – ярко светился.

– Будет тебе зеркальце, сельо, – сказал владыка Темного Трона. – И пляски. Посмертные.

Глава 8

Лица и нищий. Легенда номер два

Ирек, фыркнув, поставил меня на пол, опустил ладонь на рукоять того самого кинжала.

– Ты обещал без угроз, владыка.

– Да. Убивать надо сразу, без угроз, – криво усмехнулся Сатарф. – А раз я заговорил с сельо, то и жизнь ей оставляю. Ирек, ступай.

Тот как не слышал. Владыка приподнял бровь, горькая складка пролегла у губ.

– Что, моих приказов можно уже и не слушать?

– Я хотел показать тебе вот эту находку, владыка, – отстегнув ножны, парень протянул кинжал рукоятью вперед. И рассказал, при каких обстоятельствах он к нему попал.

– Так эта суматоха – ваших рук дело? – фыркнул Сатарф, внимательно рассматривая оружие.

– Не наших, и не рук, а лап мантихоры.

Владыка положил кинжал на стол.

– Это не подделка, Ирек. Один из настоящих «близнецов Ошсах», которыми меня и... подрезали, – синий глаз вперился в меня. – Поздравляю. За такую находку прощу вам обоим все грехи. И мантихоре, так и быть, – демон опустил взгляд на свернувшуюся у его ног «киску». – Попробуем восстановить ваш путь и вычислить, где вы могли подцепить кинжал. Передай его и животных Сэйвану, Ирек. Слышал я, разлученные «братья Ошсах» стремятся соединиться. Может быть, нам повезет отыскать второй кинжал и вырвать зубы у змеи. Без них он не закончит то, что начал.

Второгодник слегка покраснел, но не пошевелился. Владыка устало усмехнулся.

– Ступай, парень, ничего я не сделаю малышке сельо. Поговорить нам надо.

Ирек, забрав кинжал и уцепив за ухо мантихору, вышел, но перед уходом бросил такой грозный взгляд на владыку, что тот закашлялся в кулак. Как только за парнем закрылась дверь, Сатарф расхохотался:

– Вот паршивец! Мне угрожать! – но через миг улыбка слетела. – Впрочем, теперь каждая букашка может попробовать залезть на Темный Трон. Ты понимаешь, малышка сельо, что теперь, когда ты меня увидела... таким... либо мы договоримся, либо...

Я кивнула. Что тут не понимать. Если что, живой меня не оставят. Сатарф и сейчас может раздавить меня, как ту же букашку. И вон те тени по углам – наверняка не просто тени. И неслучайно владыка решил показать мне сразу истинный свой вид. Мог бы и иллюзию наложить, но предпочел правду.

– Сядь, – он указал на скамью. – Чтобы не терять времени, скажу, что мне уже известен твой разговор с мадам Кикерис. Повторяться не надо. Начнем с твоего настоящего имени, Лика Тария.

– Аэлика Интаресс из клана Лунных дев, – представилась я, прежде чем сесть на лавку напротив владыки.

– Твоя богиня сошла с ума, если отправила ко мне именно тебя. Интаресс! И та самая Аэли! – он стиснул зубы, гася вспыхнувшее бешенство, и положил ладони с вырванными когтями на стол. – Видишь это?

Я кивнула, судорожно сглотнув. Словно можно проглотить страх, комком вставший в горле.

– Не ты ли обещала моей дочери Зарге, что вырвешь когти Темного Трона? Проклятия сельо всегда сбываются, – владыка сжал кулаки, спрятав изуродованные пальцы.

Как и клятвы Темного Трона, некстати вспомнила я и поежилась.

– Это были ненависть и ярость семилетней девчонки, но не проклятие, – тихо ответила я, опутив глаза под сверлившим меня синим оком. – Я вовремя сбежала, не дошло до этого. Унижения в плену – еще не повод для проклятия сельо. Богиня не приняла бы мою месть на себя. И я тогда имела в виду не Темный Трон, а только Заргу...

– Кто еще слышал твои слова, кроме моей дочери?

– Никто! – подумала под пронзительным синеоким прищуром и добавила: – Не знаю.

– Но богиня всегда слышит своих жриц. Кто знал, кроме Лойт?

– Верховная жрица. Она осматривала меня после возвращения и принимала исповедь. Но десять лет прошло, владыка. Даже если кто-то случайно услышал, или ваша дочь кому-то сказала, кто мог помнить какую-то пленницу?

Он усмехнулся:

– Какую-то? Удивительная скромность для дочери таких родителей...

– У жриц Лойт только одна мать – богиня.

– Не лукавь, дитя, – поморщился Сатарф. – Ты носишь фамилию своей родной матери Эльды Интаресс.

– Но все наши отцы – безымянны.

– Не поверю, чтобы ты не знала, кто твой отец.
Я пожала плечами.

– Никогда не интересовалась его личностью. И знать не хочу.

– Узнаю характер Эльды. Даже дочери не сказать! А ты знаешь о том, что твоим отцом мог быть я, Аэлика?

– Я точно знаю, что это не вы. Это так важно?

– Да. Я бы не стал тратить время на пустую болтовню с селью. Видишь ли, раз уж богиня не взяла на себя месть за твое унижение, это мог сделать твой отец. Он светлый маг.

Вот, нервно сглотнула я. Чувствовала же, что-то не так с папашей. Ну, мама... Как она могла?!

– Довольно сильный маг... хм, – Сатарф горько усмехнулся какому-то своему воспоминанию. Видимо, в отличие от меня, он с моим папочкой встречался. – Он мог узнать об обстоятельствах твоего пленения и много лет спустя. Я поначалу так и решил, что это он заманил меня в ловушку. Но оказалось, я погнался за серийным убийцей, а до таких убийств твой отец не опустится ни при каких обстоятельствах, хотя и он не святой.

– Так вы знаете, кто убийца? Вы поймали его? – подалась я вперед.

Сатарф отрицательно качнул головой.

– Это он поймал меня. Меня! Знаешь, девочка, в чем главная слабость магов, особенно высших? Мы слишком привыкаем к могуществу. Наша магия неисчерпаема, как воздух, естественна, как дыхание. И когда нас внезапно лишают ее двумя уколами древних кинжалов... Самое отвратительное – я так и не увидел своего врага. Мне его не узнать, даже если буду говорить с ним лицом к лицу, как сейчас с тобой. Интересно, на что рассчитывала Лойт, отправляя тебя на смерть? Или это ее изощренная месть твоей чересчур самостоятельной матери?

– Никто же не подозревал о древних кинжалах-близнецах...

– Теперь ты знаешь и сможешь рассказать своему клану. Открою тебе еще одно: я встретился и говорю с тобой по просьбе твоего отца. М-да... Не думал, что когда-нибудь... хоть один светлый, да еще тот, кто... – он хрипло рассмеялся, снова резко оборвав смех. – Ты немного развлеклась тут, девочка, теперь собирайся и уезжай. Если Лойт решила поучаствовать в совместной охоте на убийцу, я не буду возражать, но пусть на роль живца пришлет кого-нибудь другого.

Я чуть не заплакала от досады, но это мы тоже предусмотрели.

– Тогда она пришлет мою маму.

– Нет! – процедил владыка. – Я поклялся, что ноги ее не будет в моей стране.

– Тогда остаюсь я.
– Я обещал твоему отцу...
– Если темный владыка не сдержит обещания какому-то светлому, этому никто не удивится. И я хочу учиться!
– Я поддерживаю мысль Дьяра, что девушкам не место в Академии Тьмы. Особенно если это дочь светлого мага.
– Женоненавистники! – не сдержалась я. – У меня мама была темной!
– Была когда-то, – кивнул Сатарф. – Наполовину. Только демоница может со спокойной душой отправить несовершеннолетнюю и необученную дочь ловить маньяка, способного хитростью справиться даже с темным владыкой.
– Мы еще не знали о том, что с вами случилось... Пожалуйста, не прогоняйте меня. Богиня прогневается. Она меня так проклянет, что смерть будет благом! Прошу вас! Я больше не буду громить Академию! Не буду пугать столицу по ночам и забираться в вашу постель...

И глазки потупить этак скромненько.

Сатарф рассмеялся.

– Какая прелесть! Что же ты делала в моей постели, девочка? Поджидала моего возвращения? Лойт решила искупить свою старую ошибку и прислала мне вместо Эльды ее дочь? Я не сплю с детьми, малышка, передай своей богине. А с жрицей Лойт я не лег бы в одну постель за все блага мира. И своим детям запретил. Как ты попала в мои покои?

– У ваших детей плохая память на запреты.

– У Дьяра, так и говори! – вперился в меня синеокий взор. – Зарга не посмела бы. Значит, ты все-таки добралась до моего сына. На метке не успокоилась. Он и есть истинная цель твоей богини, а тут подворачивается такой праведный повод – поймать и наказать убийцу девственниц. И Лойт присылает в Кардерг дочь женщины, которую я любил. Посылает тебя, зная, что эту сельо, так похожую на свою мать, я не только не смогу убить – волосу не дам упасть, пока не выдворю из страны. При этом коварная лунная дрянь, эта ваша так называемая богиня, сообщает твоему отцу, в какой опасности его дочь, и светлый – подумать только! – готов на колени встать передо мной, лишь бы темные тебя упаковали и отдали не богине и не родной матери, а ему в руки, целой и невредимой. Впервые за тысячелетие темные и светлые нашли общий язык. Оказалось, мы оба ненавидим Лойт. Какое совпадение! Зачем богине понадобился мой сын? Мальчиков не нашлось для жертвоприношения? – неожиданно закончил он жаркую тираду.

– Какого жертвоприношения? – в изумлении хлопнула я ресницами.

– А лунная дева и не знает о традиционной Столетней Мистерии, для которой как раз подходит срок?

– Вы имеете в виду Лунную Мистерию? Но на ней не совершается жертвоприношений! Только определяется на сто лет, какой стороной повернется двулика богиня Лойт к миру, темной или светлой.

– И гадание проводят на... прости за подробность... детородной части тела молодого неженатого мужчины, прошедшего ночь с богиней Лойт, точнее, с ее верховной жрицей. И после искалеченный избранник богини становится главным евнухом при храме. Маленьким невинным лунным девам не сообщают такие нескромные детали?

– Нет! – меня замутило от отвращения. – Откуда же они известны вам, если даже для нас – тайна? Это неправда!

Я не поверила. Но евнухи в храмах были, тут нечего возразить. И не только древний Фашар, прислуживавший нашей такой же старой верховной жрице. Все мужчины, служившие храму, были евнухами, иначе их не подпустили бы к девочкам.

– Я уже давно живу на свете, Аэлика, чтобы не знать таких интересных тайн, от которых зависят судьбы мира. Сто лет Лойт смотрит на мир темным оком. Ваша верховная – предательница, бежавшая из темных кланов ради такой мести, какую не могла ей дать даже кровь демонов. И, насколько я ее знаю, она не захочет уйти добровольно, когда придет срок Мистерии. Что тебе приказала богиня?

Даже изуродованный владыка Темного Трона был силен и красив, если только не обращать внимания на рану на месте левого глаза, прикрытую седой прядью, свисавшей до волевого подбородка. Мощь сквозила в каждом движении его полуобнаженного тела. Перекачивались мышцы под блестящей от целительной мази смуглой кожей, упрямо сжимались чувственные губы, гневно трепетали ноздри прямого аристократического носа. На кого же мама променяла такого мужчину?

– Я жду, Аэлика. Ты не выйдешь отсюда, пока я не услышу правду.

Под его сверкавшим сапфиром взглядом и дуб бы раскололся. Я вздохнула и выложила первую порцию дров для будущего пожара:

– Может быть, то, что вы знаете о Лунной Мистерии, и правда, я не знаю, речь о ней не шла. И о том, чтобы привести Дьяра в храм приказа богини не было.

– А чей был? – тут же спросил проницательный владыка.

– Верховной жрицы. Но был не приказ, а совет, – призналась я, поразившись его проницательности. Впрочем, мама меня предупреждала:

дураков на Темном Троне не бывает. Даже странно, что у Сатарфа наследник такой дурак, кстати.

Владыка иронично молчал, намекая на подробности. Да пожалуйста.

– Богиня приказала мне охранять вашего сына, а верховная сказала: если не будет иного выхода при серьезной угрозе для его жизни, то я должна воспользоваться магией сельо и увести вашего сына мостами богини, а они всегда ведут в ее храм. Дьяру грозит другая опасность, более реальная. Кто-то решил устранить наследника и занять его место, а затем и ваше, владыка. Возможно, кто-то из «серых теней», не берусь утверждать.

– Это невозможно. Ни одна «тень» не существует без хозяина. Любая иллюзия временна и быстро исчезнет без подпитки, как исчезает отражение в зеркале. Никому не удержать личину после смерти первоисточника. Но вот если спрятать Дьяра в храме Лойт как евнуха, то «тень» может носить маску очень долго... Дальше!

– Богиня напугана, владыка.

– Какое ей дело до смены власти на Темном Троне?

– Это только часть происходящего. Вторая часть – ритуальные убийства. Вы уже поняли, что задумал убийца, для какого ритуала он собирает сердца жертв?

Сатарф передернул плечами и брезгливо поморщился:

– Мало ли для каких ритуалов требуются сердца девственниц.

– Например?

– Это запрещенные даже у демонов ритуалы, и маленьким сельо знать о них не положено.

Р-р-р-р. Сдержалась. Только верхняя губа раздраженно дрогнула. Продолжила подчеркнуто холодно:

– Перед смертью сельо передавали богине все, что могли, но это немного. Видения, уловленные с помощью Лойт нашими жрицами, смазаны. Напавший выглядел как «серая тень», опознать невозможно. Но одна передала безликий образ в мантии магистра Академии, вторая уловила, как через говорящий шар к убийце обратился женский голос с приказом не медлить... с доставкой. Когда это видение с помощью богини было передано мне, я узнала говорившую.

Он понял мгновенно, стиснул кулаки.

– Ты хочешь сказать... маньяк действовал по приказу моей дочери? Не верю. Ты могла ошибиться.

– Мне слишком часто снился этот голос, владыка.

– У тебя есть причина для мести, Аэлика.

– Уже давно нет, – улыбнулась я. – Мне достаточно было посмеяться

над Заргой, чтобы очиститься от ненависти и желания мстить. Если вы не верите мне, Лойт может сама передать вам это видение, и вы услышите.

– Двумичной и лживой богине я тем более не верю. Голос можно исказить, подделать. Даже безмозглые попугаи на это способны, а маги тем более. Я бы поверил свидетельству поднятого трупа, они не лгут, но сельо их не оставляют. Зачем моей дочери эти убийства? И разве она приказала бы сотворить такое со своим отцом? – он разжал кулаки и, приподняв ладони, глянул на изуродованные пальцы. – Вот потому я и спросил, кто еще слышал твои угрозы, девочка. Это была бы хорошая зацепка.

Мне нечего было добавить к уже сказанному. Никто, кроме самой Зарги. Но я промолчала.

Не дождавшись моей реплики, Сатарф задал наконец главный вопрос:

– Что же все-таки так напугало Лойт, почему она осмелилась вмешаться во внутренние дела Темного Трона и как с этим связана угроза жизни Дьяра?

Я перевела дух. Если уж владыка сразу не прибил меня за такое подозрение на члена правящей династии, то, может, и поверит или хотя бы задумается и начнет расследование.

– Ваше всемогущество, – начала было я, но он так поморщился, что сразу отбил охоту к реверансам. Мой голос стал равнодушно-отстраненным, как всегда, когда мне доводилось вспоминать о своем позорном пленении. – Я была пленницей вашей дочери, как вы знаете. Когда Зарга пытала меня или заставляла присутствовать при ее развлечениях, а это тоже было пыткой для сельо, она часто говорила, что должна была родиться мужчиной. Что она, а не принц Дьяр, должен быть вашим сыном, достойным короны Тьмы и Теней. Вряд ли за прошедшие с тех пор годы темная принцесса поменяла взгляды. А теперь кем-то готовится древний и страшный ритуал, способный насильственно изменить естество вещей. Ритуал затрагивает самую суть Лойт, богини любви, дающей естество при зачатии ребенка.

– Богини измены – будет точнее, – дополнил Сатарф.

Между его черных бровей пролегла гневная складка, и голос был чересчур ровный. О Лойт, похолодела я, он страшен даже такой, изувеченный. Каков же он был, когда обладал полной силой?

– И эту особенность изменчивости богини кто-то хочет использовать, – не стала я вдаваться в теологические споры. – Ритуал запрещен еще в седую древность. Если убийца его завершит, богиня перестанет существовать, она необратимо изменится. Последней, замыкающей круг жертв, будет такая, чей облик и чью суть злоумышленник собираются

присвоить навсегда. «Женский круг» замыкается мужским сердцем, и наоборот. Сейчас, как вы понимаете, строится «женский круг».

– И в итоге женщина станет мужчиной? А побочный эффект коснется Лойт, она будет не богиней, а божком любви? Неплохая месть для нее. Если бы это не касалось моей семьи и подданных, я бы только приветствовал. С мужчиной легче договориться. Но ты меня не убедила. Зарга... несчастная девушка. В ней слишком много силы и ярости. Ей действительно лучше было родиться мужчиной, но она не настолько хитра, решительна и властолюбива, чтобы пойти на такой чудовищный замысел. И откуда ей знать о давно забытом ритуале?

– Ей мог подсказать тот маг. И я думаю, принцессой просто воспользуются. А ритуал завершит тот, кто надеется захватить ваш трон.

– Что-то в этом есть. Вот почему он меня не убил сразу, а заковал... – задумался Сатарф. – Зачем охотиться за моим наследником, когда я сам сделал такую глупость – попался в его руки?

Я отрицательно мотнула головой:

– Не вы цель, владыка. Иначе убийца не изувечил бы ваше тело.

– Что ж, мне надо обдумать все это. А тебя все-таки я отправлю к папе.

– Нет. Пожалуйста. Я все равно сбегу и вернусь, а время потеряем. Лучше меня приманку не придумать, да и поздно уже придумывать.

– Храбрая девочка, – усмехнулся он, протянув ко мне руку через стол. – Совсем как Эльда. Безумно похожа, особенно если ты закроешь глаза.

Он осторожно коснулся моих век, и я их опустила.

– Ее лоб, ее летящие брови, тонкий нос, – перечислял владыка, и я чувствовала, как невесомо, не касаясь, обрисовывает его ладонь мои черты – по жару, исходившему от кончиков его изуродованных пальцев. – Ее овал лица, губы... Эльда... Позволь тебя поцеловать.

Когда и как перестал существовать разделявший нас стол, я не увидела и не услышала – в один миг отвергнутый моей матерью мужчина оказался рядом, поднял меня за согнутые локти и взял в ладони мое лицо. Никаких позволений он не стал ждать, я и охнуть не успела, а его мягкие губы уже коснулись моих, завладели – и бережно, и настойчиво, и так жарко, словно мои губы и сердце окунули в пламя. Магия мужчин Темного Трона неотвратима даже для жриц Лойт!

«Мама! – мысленно завопила я. – Забери от меня своего мужчину! Как ты могла такого бросить? Он тебя до сих пор любит!»

– Отец! – раздалось как гром. – Ты, помнится, клялся, что никогда больше не прикоснешься к сельо!

Ух, какой злой принц! Глазищи сверкают, угольно-черные перья встопорщены, руки на груди сложены, чтобы не распустить ненароком, на щеке полыхает предупреждающее «гад». Грозен и решителен. Боюсь.

Сатарф, как не слышал, пощекотал кончиком языка уголок моих губ, вызвав дрожь во всем теле одним касанием. Я хихикнула. Он лукаво улыбнулся, отстраняясь, озарив ярким сиянием ока, шепнул:

– Сейчас мы ему устроим, – после чего взял мою руку, поднес запястье к губам и сказал, целуя: – Я ничего не говорил о прекрасных полукровках, – и поцеловал второе запястье. – И надо спрашивать разрешения, прежде чем войти, невежа.

– Я спрашивал, но ты так увлекся моей девушкой, что не услышал. Раз запрета не последовало, я вошел.

– Твоей девушкой? – отозвался владыка, целуя мне ладошку так щекотно, что я едва сдерживала смех. – Ты настолько самонадеян, Дьяр, чтобы думать, что все девушки – твои? – вторая ладошка. – К тому же Лика – твой подарок мне, доставленный тобой прямо в мою постель, и я не стал обижать тебя отказом принять такой чудесный дар, – владыка нежно обнял трепещущую меня, проведя жаркой ладонью вдоль позвоночника. – Спасибо, мальчик мой, ты выбрал девочку мне по вкусу. Такая юная и невероятно нежная. Даже странно думать о ее профессиональном выборе. Боевой маг! Какой возбуждающий контраст!

– Отец! – принц, к моему удивлению, улыбнулся, внезапно успокоившись. – Прекрати меня дразнить. Ну, прости за то вторжение, я не хотел тебя оскорбить, просто не знал, куда ее спрятать от Зарги.

– Лукавишь, сынок, уйти ты мог куда угодно. Ты просто заигрался в кошки-мышки. Но эту прекрасную мышку я у тебя заберу. Точнее, кошечку с коготками.

Дьяр побледнел, но промолчал, неверяще глядя на отца.

– Ты ее недостойн, – владыка приподнял мне голову за подбородок, заглядывая в глаза. – Я бы никогда не оскорбил девушку, которую хочу... назвать своей, постыдной печатью на ее теле, даже если бы она уже принадлежала мне. А тебе, сын мой, это чудо вряд ли когда-либо будет принадлежать. Лунные девы никогда не были вещью для развлечения. Идем, девочка, если доверяешь мне. Здесь нет никаких условий для уединения!

Я вложила руку в его протянутую ладонь, и под скрип зубов принца Сатарф сцапал добычу, увлек в затененный уголок, как паук муху, и... нет, не съел, хотя на миг показалось, что меня поглотила серая хмарь – владыка Тьмы и Теней, даже лишенный крыльев и почти опустошенный магически,

сумел провести меня теньями.

В мою тюрьму – в Башню трех принцесс.

– Отдыхай, дитя, – сказал он, оглядев мою комнатку. – Мне еще надо поговорить с мадам Кикерис и, с твоего позволения, с твоим драконом.

– Его зовут Шурш, владыка.

– Спасибо. И, знаешь, я передумал отправлять тебя из страны. Лучше уж ты будешь на моих глазах. Оставайся, учись, вреда от этого не будет. Все-таки в тебе есть капля демонической крови, – улыбнулся он. – А там посмотрим. И поговорим еще о нашем общем деле. Я напишу твоему отцу, что вероломно взял тебя... хм... в заложницы. Пусть побесится. Он мог и раньше вспомнить, что у него есть дочь.

«Мама, – думала я, засыпая, – а пожалуй, я бы познакомилась с папой. Мне интересно, какого мужчину ты предпочла этому».

* * *

Я проспала недолго: луна, светившая в окно, опустилась ненамного ниже.

В башне было довольно тихо. Только горгульи на крыше о чем-то вяло переругивались с грифоном.

Мои девчонки или спали, или так и не вернулись с вечера, когда меня похитил Ирек. Они предпочитали не оставаться без меня в башне, где бродит дракон смерти, способный забрать жизнь, просто посмотрев в глаза. Еще драконьш, правда, но он растет быстро, вот-вот научится. Шурш, любивший грозно погромыхать хвостом и крыльями, чтобы все в ужасе разбегались, уже научился становиться призрачным и бесшумным, чтобы все в ужасе цепенели.

Покинувшая мою голову Шу и маленькая рыжая Шурка ползали грудками меха по столу, чем-то еле слышно шурша.

Тетради! Я подскочила как ошпаренная, согнала зверушек и чуть не взвыла: листки тетрадей с лекциями, которые писал мне весь курс, пока заживало мое ребро, были девственно чисты. Все чернила сожрали, заразы!

– Ну вот за что, вредины? – всхлипнула я. – И что, вообще, за невезуха? Даже с кабаком облом! В Академии оставили, и на том спасибо. А завтра еще куратор по шее накомытит из-за вас!

Шею уже ломило заранее. Я подняла руку – помассировать затвердевшие мышцы, наткнулась на металл и только тогда вспомнила о свалившемся на меня сказочном богатстве! Ожерелье!

Так. Где тут зеркало?

Я поставила его на подоконник – так, чтобы лунный свет падал на меня. Селенис озарился, вбирая в себя лунные лучи. Зеркало отразило сияние, и камень вспыхнул маленькой луной, переливающейся нежными оттенками, зажглось и изумрудно-сапфировое созвездие, замерцало золото сплетенных в вязь древних рун. И мои глаза тоже вспыхнули восторгом. Дивный свет связал небесную луну, драгоценность в украшении и ее отражение в зеркале, создавая тройной мост без помощи верховной жрицы.

– О богиня! – прошептала я.

Мое отражение в зеркале таяло в перламутровых лучах, в мириадах бликов, и сквозь него проступил прекрасный лик богини с семью селенисами в ожерелье на шее. Сияние усилилось, оно струилось уже из зеркала, ставшего как луна.

Богиня улыбнулась:

– Я слышу тебя, младшая жрица Аэлика. Говори.

Я рассказала ей о кинжалах и о том, что произошло с владыкой, но на вопрос, как ему помочь, Лойт безмятежно ответила:

– Зачем? Сатарф лишен могущества, и это радость для нас. Тем легче он пойдет на союз, чтобы выжить. Ты забыла свою задачу, Аэлика?

– Я помню, госпожа. Позволь мне поговорить с Эльдой.

Ладонь богини легла на самый крупный селенис в ожерелье. Ее чудные, изменчивые глаза, то цвета золота, то янтаря, то темневшие, как ночное беззвездное небо, на миг затуманились. Потом она лукаво улыбнулась.

– Твоя мать сейчас немного занята, дитя. Позже...

Тихий стук в дверь заставил ее замолчать.

– Ты не спишь, Лика? – негромко спросил владыка. – Я услышал твой голос. Позволишь войти?

Я потянулась закрыть свой селенис и разрушить связующий лунный мост, но богиня остановила:

– Оставь. Впусти его.

А он уже сам входил, и запертая на ключ дверь не остановила. Просто возник из тени и поднял бровь, оценив происходящее.

– Что я вижу! Запрещенную в моей стране магию сельо! Надеюсь, я помешал вам, девочки?

Ресницы богини изумленно взлетели, а через миг она рассмеялась:

– Ты ли это, Сат? Что случилось с твоим глазиком? Соринка попала?

– Не переживай за меня, Лойт, – владыка поправил черную повязку, закрывшую пустую глазницу. Наверняка у Кикируси раздобыл. – Я и одним

глазом увижу больше, чем ты двумя. Кто же не знает, что твои прекрасные глазки слепы от рождения.

– Ты как всегда любезен, – сжались губы Лойт.

– И правдив, ты забыла сказать. Итак, зачем ты подослала ко мне свою маленькую шпионку? – владыка подошел сзади, положил ладони на спинку стула, склонился над моим плечом, и в зеркале отразилась яркая синяя звезда его ока – точно между бровей богини.

– Аэлика уже все тебе рассказала, Сат. Что ты еще хочешь услышать?

– Видишь ли, Лойт... Впрочем, ты же ничего не видишь, как я мог забыть... Но я опишу тебе, как вижу нашу ситуацию. После того, как в моей стране был запрещен твой варварский культ и разрушены лунные храмы, а заодно запрещены прочие бордели, ты упорно стремишься отвоевать прежние позиции. Такой бизнес пропал! Такая власть! Вернуться ты можешь, либо совершив переворот, либо подсунув в постель владыки свою шлю... э-э... жрицу. Ты самолично охотилась на моего отца, твои прекрасные, надо отдать должное, жрицы – на меня, а теперь, когда со мной не вышло, принялись за моего повзрослевшего наследника. Аэлика появляется и эффектно громит Академию как раз накануне смотра невест. Дьяр мчится выяснять обстоятельства, и девочка, уже знакомая с моей дочерью... это ведь ты устроила тогда их встречу, Лойт? Ты! Раз не вытащила сразу малышку из плена, подождала, пока она пропитается ненавистью.

Я, похолодев, наблюдала за ликом богини. Она все так же безмятежно улыбалась. Ни единая черточка не дрогнула.

– Но вернемся к недавним событиям, – владыка выпрямился, и синеокая звезда переместилась к верхнему краю зеркала. – Едва Дьяр появляется в Академии, твоя жрица тут же ставит ему метку и награждает поцелуем селю, разжигающим похоть. Не прошло и часа – она уже в его постели. Только вышла промашка – не с ним, а с его «тенью». Но поцелуй и метка сделали свое: мой сын, плюнув на мой приказ жениться в трехдневный срок, оскорбил лучших девиц государства и окрестностей двухчасовым ожиданием, да так и не явился, послав вместо себя «тень». Скандал не погашен до сих пор. Мой план его женитьбы оказался сорван.

– Отличный отчет, Сат, – ехидно улыбнулась богиня. – Четко и по существу. Всегда так передо мной отчитывайся, может, и примиримся с существованием друг друга. Ну и? Разве первый раз смотрины сорваны? И при чем тут какие-то невесты, когда у тебя там маньяки бродят непуганые?

– Может быть, ни при чем, просто твоя мелкая попутная пакость, на десерт к основному делу. Как все эти годы ты мешала мне, срывая любые

брачные договоры со стороны невест. Мою первую жену ты прозевала только потому, что я сначала взял ее на корабле и заключил брак по морским обычаям. Ты и теперь решила показать, богиня так называемой любви во всех смыслах, что, даже будучи изгнанной, из мести не допустишь для Темного Трона брака по расчету.

– А я тебе скажу, какой тут планировался брак и расчет, Сатарф, если бы моя жрица не вмешалась. Твой сын выбрал бы невесту. Первую попавшуюся. И попалась бы ему непременно девица, подсунутая либо Заргой, либо теми, кто поставил на твою дочь. Ты же лучше меня знаешь, что Дьяра многие не хотят видеть владыкой после тебя. Твой мальчик был бы уже мертв.

– Откуда тебе знать планы моей дочери? Она тебе не молится.

– Она – нет. Но есть и другие сердца, которыми я могу видеть. Мало разрушить храмы, чтобы навсегда изгнать богиню любви. Тут надо вырезать сердца у всех живущих. И ты не находишь, что кто-то уже этим занялся?

– Я думаю, без тебя тут не обошлось.

Богиня в потрясении распахнула глаза, ставшие на миг слепыми черными безднами. Прошептала:

– Тебя лишили не только крыльев, Сат, но и ума. Жаль. Ты был достойным врагом.

– Я еще жив.

– А может быть, ты настолько сошел с ума, что станешь союзником? Помоги мне, темный. Я не хочу умирать.

– Ты же бессмертна, богиня, чего тебе бояться?

– Это буду уже не я, если ритуал завершится. Ты смог вырваться, убийца был еще не готов, но время уже близко, и он подготовится. Или она. А мне уже не вырваться. Помоги, Сат, ведь этим ты поможешь и себе, и своим детям.

– Ты еще поплачь, бессмертная, чтобы меня растрогать, – но голос владыки смягчился. – Если бы я мог верить тебе, Лойт, я бы помог. Но я не верю.

– Что ж, тогда я еще попытаюсь помочь если не себе, то моим детям и даже детям врагов. Если тебе дорог твой сын, Сат, возьми Аэлику его телохранительницей. Моя жрица сможет почувствовать, кто к нему приближается с добром и любовью, а кто со злом.

Владыка отрицательно покачал головой.

– И это называется – помочь? Приблизить к наследнику девушку, которую обрекли на роль наживки для убийцы? Чтобы проще было

поймать обоих? Да и способна ли она читать намерения, если даже не может отличить, где настоящий принц, а где его «тень»? Вот если разберется, тогда посмотрим. Потому вся моя помощь будет пока в том, что я не буду мешать тебе найти причину зла. И постараюсь найти ее раньше, чем злоумышленник клюнет на твою жрицу. Только сдается мне, что убийца знает о роли Аэлики и лишь использует ее, чтобы подобраться к моему сыну.

– Почему ты так решил?

– Я уже сказал. Кто мог знать о давно забытом ритуале? Ты. Но главное – всех убитых, и светлых, и темных, объединяет одно. У них найдены твои амулеты. Они верили тебе, Лойт. Верили до последнего мгновенья. Лучше бы они звали перед смертью меня, тогда еще был бы шанс помочь силой Теней.

Богиня закрыла веки, из-под ресниц покатилась слеза.

– Жестоко, – шепнула она. – Изгнать меня, потом упрекать, что не смогла прийти вовремя. И подозревать меня же... во всем. И во всех своих ошибках винить меня... Прощай, Сат. Напоследок я еще раз помогу тебе. Но... не обессудь. Ты мечтал еще раз увидеть Эльду. Смотри.

И лик богини исчез, а вместо него...

Ладони владыки мгновенно закрыли мне глаза.

– Тебе не стоит смотреть, девочка.

Но я успела увидеть искаженное страстью лицо моей матери и целующего ее молодого демона. Темненького, как все возлюбленные царицы Серых Холмов.

– Это горькое, но лекарство для тебя, Сат, – донесся издалека тихий голос богини.

– Будь ты проклята, Лойт! – и звук бьющегося стекла.

Ладони соскользнули с глаз, коснулись моей шеи и убрались. Я оглянулась. Владыка исчез.

Глава 9

Эльда, царица Серых Холмов

Мало быть грозной царицей Серых Холмов, повелевать драконом смерти и держать в узде призрачных тварей, плодившихся в сумраке между Светом и Тьмой.

Мало дожить до тридцати шести, иметь звезду мага третьей ступени и уметь драться наравне с мужчиной.

И оказывается, ничтожно мало двухметровой толщины стен дворца, многолюдной стражи на каждом этаже и хитрейшей магической защиты.

Все равно однажды в самый неподходящий момент в твоей собственной спальне появится сухонькая горбатая старушка и погрозит тощим костлявым пальцем:

– Вставай, негодница!

И это – в самый пик страсти, когда Эльда забылась наконец наедине с пылким молодым демоном!

– Рагана? – вскинулась царица, прикрываясь покрывалом. – Что случилось?

– Да уж случилось! Жду тебя там, – переместился узловатый старушечий перст по направлению к узорной двери в купальню. – Уж я тебе все косточки разберу и перемою!

С этим грозным обещанием ведьма растаяла.

Побледневшая Эльда сползла с ложа, завернулась в шелковую накидку. Ее пальцы слегка дрожали, темные волосы в беспорядке рассыпались по белоснежным плечам.

– Что происходит, госпожа? – демон приподнялся на локте. – Кто это был? И как она смеет врываться и приказывать тебе?

– Это моя суэнни, – вздохнула царица. – Она имеет право прийти ко мне в любой момент. И с ней лучше не спорить.

– Суэнни? – юноша недоуменно нахмурил брови.

– Вторая мать. Суэнни воспитывает не тело, а душу. И потом присматривает за судьбой и хранит.

– Я думал, ангелы-хранители выглядят иначе.

– Это ведьмы, а не ангелы, – царица напоследок провела кончиками пальцев по его щеке: – Сиэн, ты должен навсегда покинуть мой дворец и надолго забыть дорогу в Серые Холмы.

– Ты прогоняешь меня, госпожа? – вскинулся демон. – Почему? В чем

я провинился?

«Не ты, мальчик... Я. Только я».

– Ни в чем, милый. Просто вышло твое время. Тебя проводят в храм Лойт. Не бойся, богиня не причинит тебе вреда. Она поможет отвыкнуть от меня.

Юноша протянул руку – поймать кончик шелковой ткани, но через миг бессильно уронил: с царицей Серых Холмов не спорят даже демоны. Прошептал:

– Но я люблю тебя.

Царица резко отвернулась, пряча ставшие холодными глаза.

– Тебе это лишь кажется, мальчик.

– Лойт возьмет мою память о тебе, да? Но я не хочу ничего забывать!

– Ты не забудешь, – она обернулась в дверях купальни. – Богиня возьмет твою тоску, если она непритворна. Только и всего. Это такая малость.

«Не твоя любовь мне нужна. Та, которой не было и уже не будет...»

По ее беззвучному знаку вошли две стражницы. Черноволосый демон, не успев вспыхнуть гневом, судорожно прикрылся крыльями. Эльда в досаде закусил губу: только сейчас, предупрежденная суэнни, она осознала, как болезненно мерцают его глаза и потускнели крылья. Изменения еще слабы, но они есть. Если бы не Рагана, они могли стать необратимыми.

Уже не оглядываясь на оскорбленного ею демона, царица вошла в купальню. Дверь за ней плотно закрылась.

* * *

Рагана сидела в кресле-качалке и мирно вязала шарф, деловито посверкивая спицами. Вскинула блеклые голубые глаза на вошедшую царицу:

– Ну что, поняла теперь, деточка?

– Да. Я увидела, Раг. Спасибо, что заставила прозреть.

– Прозреть! – фыркнула ведьма. – Стала бы я утруждать себя такой дальней дорогой ради здоровья твоих мальчиков. Ты знаешь, что на твою возню с этим демоненком сейчас Лойт смотрела, а ты даже не почуяла?

– Я привыкла, она часто приходит, хотя я уже давно не ее жрица, – Эльда, пожав плечами, скинула покрывало и окунулась в теплую воду бассейна.

– А то, что на тебя и твоя дочь смотрела, тоже в порядке вещей?
– Что-о?! – вспыхнула Эльда, покраснев. – Лика? Вот негодяйка! Но как?

– Лойт открыла.

– Зачем?

– Точнее, богиня не ей открыла. Твоя девочка «лунный мост» умудрилась выстроить без помощи вашей верховной. И вместе с Аэликой на него ступил еще один тип... – суэнни хитро прищурилась. – Возмись-ка за поручень, солнышко, а то утонешь ненароком.

Присмирившая царица, как послушная девочка, подплыла к поручням лесенки, уцепилась. Ведьма довольно кивнула:

– Так-то лучше. Ну, слушай. Не знаю, как такое стало возможно, но сегодня Лойт показала твои постельные забавы... повелителю Сатарфу.

От бешеного вопля Эльды всколыхнулась вода бассейна и задребезжали стекла в оконных рамах. Под хитрым прищуром старушки пальцы царицы соскользнули с поручня, и Эльда, потеряв опору, ушла под воду, но тут же вынырнула и закашлялась.

– Глотнула водицы? Вот и хорошо, успокойся уже, – пробормотала Рагана. Закончив вязать ряд, перевернула рукоделие и снова замелькала спицами. – Но, дорогая моя, ты же понимаешь... ради того, чтобы сообщить тебе о невольных свидетелях твоих утех, я и пальцем не пошевелила бы.

Царица выбралась из бассейна, легла в изнеможении на брошенное прямо на мраморный пол покрывало и уткнулась в ладони. Ее плечи мелко подрагивали.

– Что же еще, Раг?

Ведьма обмотала недовязанный шарф вокруг клубка, воткнула в него спицу и убрала рукоделие в карман передника.

– Не догадываешься? Ты опять подошла к самой грани.

– Но ведь уже десять лет не было приступов, – прошептала Эльда. – И сейчас ничего похожего...

– Что, совсем ничего?

– Но ведь это был сон, просто сон, Раг.

– Не лги себе, – строго взглянула суэнни. – Простой сон не бросил бы тебя вплотную к гинье. Если бы я тебя сейчас не остановила да лунная богиня случайно не обратила к тебе глаза и сердца любящих тебя, ты бы сорвалась и высосала этого мальчишку. И все. Не было бы уже моей девочки Эльды. Так что же, моя милая, довело тебя до такого гнева, что ты начала терять разум?

– Сон. Мне приснилось, что эта сволочь... этот темный гад Сатарф... Он целовал мою дочь! Мою Аэлику! Этот мерзавец! – прошипела Эльда, поднявшись, как пружина, одним движением. Ее глаза зажглись яростью, кулаки сжались.

– А ну, цыц! – прикрикнула Раг, выхватив вязальную спицу и направив в тяжело вздымающуюся грудь царицы. – Не дури, девочка. Что тут страшного?

– Ты прекрасно понимаешь что! Только не Сатарф! Ты забыла, что владыки Темного Трона хуже инкубов?

– Ревнуешь? – сощурилась старуха.

– Нет! – Эльда прыгнула в бассейн, окатив суэнни фонтаном брызг.

Седая ведьма крутанула в пальцах спицу, и на ее серый выцветший плащ не попало ни капли.

– Остынь, – нахмурилась она. – И пойми наконец, что у тебя только одно лекарство. Только одно спасение, чтобы не превратиться в тварь. И твои бесчисленные мальчики, и даже отец Аэлики его не заменят. Когда-нибудь я не успею прийти к тебе вовремя, Эльда. И ты знаешь, что будет, если опоздаю. Будет жаль, если Серые Холмы лишатся царицы.

– И пусть! – вынырнула Эльда, расслышав ее голос даже под водой. Еще бы. Суэнни способна шептать в сердце. – Трон надолго не опустеет. Придет другая избранная.

– Но она не заменит Аэлике мать.

– Запрещенный прием, Раг, – Эльда подплыла, ухватила за бортик. На мокром лице среди капелек потерялись слезы. – Разве я смогла стать моей девочке хорошей матерью? Я отдала ее почти сразу после рождения. Боялась, что она пострадает первой, если я... Зачем ты напоминаешь, суэнни?

– Затем, что твоя гордыня до сих пор больше любви.

– Нет. Давно уже нет гордыни. Восемнадцать лет ты меня мучаешь, Раг. Ты же знаешь, это ничего не изменит. То, что происходит с лунной девой, однажды раскрывшей сердце настежь и отвергнутой, – необратимо. Полугинья – вот кто я с тех пор. Полутварь. Наша встреча лишь ускорит мое превращение. И я убью его, мне хватит сил. И ты не успеешь остановить.

Старуха, вздохнув, присела на корточки, погладила мокрые волосы царицы, убрала с ее лба налипшие пряди.

– Бедная моя... Знаю. Все знаю... Если когда-нибудь это случится, я постараюсь успеть.

С этими словами суэнни исчезла.

Эльда зябко повела плечами, ощутив, как близко, снова слишком близко подошла к смерти. «Нужна какая-то разрядка, иначе я сорвусь». Она зло хлопнула ладонью по бортику. А как только вылезла из воды, к ней подбежали служанки с полотенцами и одеяниями.

Затем царица кликнула стражниц.

– У нас намечается сегодня ночью какая-нибудь облава, Берра? – спросила она у старшей, высокой рыжеволосой девушки.

– Ничего интересного, госпожа. Мелкие бандиты остались, остальных повывели.

– Что, и упыри тут у нас не пробегали? Призраки не шастают по девичьим спальням? Баныши помалкивают в тряпочку? Или Серые Пределы иссякли на кошмары?

– Мы еще не вышли на их логова. Как только...

– И ни светлые, ни темные не лезут? – Эльда скептически подняла бровь.

– Только по торговым делам или одиночные проникновения, да и те – незаконные поездки к осевшим здесь родственникам.

– А контрабандисты? Неужели смирились с убытками?

– Основные ниточки давно обрезаны, но оборотни никак не угомонятся...

Царица с предвкушением улыбнулась:

– Берра, мы не можем позволить ни одному мохнатому клопу присосаться к нашей транзитной торговле между Тьмой и Светом. Я лично ими займусь.

* * *

Тем же вечером в трактир «Шаловливый призрак» на окраине столицы Серых Холмов вошла темноволосая, стройная, но явно бедствующая наемница не первой молодости. Потертая куртка в шипастых заклепках – явно с чужого плеча, дохленький меч на поясе, заляпанные грязью сапоги с ботфортами до середины бедра.

Зато эффектно вошла – выбив щеколду на закрытой в столь поздний час дубовой двери.

– С каких это пор кабаки закрывают перед честными посетителями, у которых в горле пересохло? И это – в горячую ночную пору! – женщина, уперев кулаки в бока, оглядела с порога нахальными глазищами обомлевшую от вторжения публику. Шагнула вперед, покачивая бедрами. –

Хозяин, вина! И закусь какую-нибудь, а то я за этими столами ничего аппетитного не вижу.

Публика, состоявшая из полутора десятка клыкастых и заросших бородами мужчин, быстро пришла в себя и пялилась уже плотоядно.

Одинокая пьяная дура.

Наверняка наемница из низших демониц, судя по наглости, смоляным кудрям, неувядающему смазливому личику и отсутствию крыльев. Будь у нее крылья, не заляпалась бы она так грязью, словно только что в канаве валялась. Значит, и особой силы у нахалки нет, кроме чахлых бабьих мышц. Такие самоуверенные девахи частенько сопровождали торговые караваны из Тархареша.

Ну как тут устоять и не позабавиться?

– Ха, заходи, красотка! – раздалась хохотки. – Тебя нам очень не хватало!

Хозяин, усмехнувшись, сделал знак вышибале, тот по-кошачьи бесшумно метнулся за спиной гостии к входу и аккуратно, не издав ни шороха, прикрыл дверь и вместо выбитой щеколды вложил толстенный брус в скобы.

Между тем трактирщик взял бутылку, кружку и отвлек посетительницу:

– Госпожа, позвольте исправить мою ошибку и угостить такую красавицу за счет заведения. Какой столик прикажете накрыть?

– Вон тот! – наемница сжатым кулаком в перчатке показала на самый большой стол, за которым и устроилась бородатая компания.

На отскобленных до белизны грубых досках столешницы между тарелок с сочной дичью (настолько непрожаренной, что сочилась кровью) лежали путевые карты, придавленные высыпанными из кошель холмиками золота. Сами кошель были сдвинуты к краю стола.

Банда делила добычу, и любому стало бы ясно, что посторонний свидетель живым не выйдет.

Любому. Но не этой дуре. Золота, казалось, она не замечала.

Подойдя и пьяно качнувшись, наемница ухватила за край стола рядом с крупным мужчиной, заросшим серой с проседью бородой и с такой же седой гривой, втянула воздух и безглаголиво поморщилась:

– Эй, хозяин! Вымети отсюда мусор, объедки и собачек, – и, оттолкнувшись, будто случайно сгребла лежавшую перед Седым карту, испещренную метками. – Не люблю, когда псиной воняет!

Мужики взревели, поднимаясь и опрокидывая на пол табуреты, выпустили когти длиной с добрые кинжалы, но вдруг замерли, посверкивая

налитыми кровью глазами. Их главарь, безошибочно выбранный гостьей для начала драки, остановил их жестом, а второй рукой схватил женщину за плечо.

– Ты! А ну, положи карту на место, пока тебя не порвали!

И выметнул лапу к ее горлу.

Но тут случилось невозможное: неуловимым движением наемница вывернулась. На миг показалось, что ее тело замерцало лунным светом, даже темные кудри засветились молочным сиянием, и демоница вытекла туманом из стальной хватки. Седой моргнул, раскрыв рот, а она уже отпрыгнула и, сунув карту за пазуху, тут же выхватила меч. Оскалилась в улыбке:

– А ты заведи у меня, песик!

На нее ринулись со всех сторон. Трактирщик отвернулся: еще миг, и мокрого места от сумасшедшей не останется. Но Седой гаркнул:

– Назад!

Стая – а это уже была действительно наполовину трансформировавшаяся стая оборотней – отхлынула, недовольно клацая клыками.

Главарь грузно опустился на колени перед удивленной наемницей, склонил голову.

– Прости, царица. Не признал сразу. Отдаю мою жизнь и жизнь моей стаи в твои милосердные руки, великая сельо.

В гробовой тишине грохнулась об пол бутылка, выскользнувшая из вспотевших рук трактирщика, и разлетелась вдребезги.

Ноздри воительницы в бешенстве раздулись, она махнула мечом, пропоров кожаный колет на оборотне.

– Сражайся, трус!

Седой мотнул головой:

– Нет. И никто из моих волков не поднимет оружие против тебя.

Оборотни, переглянувшись, с хмурыми мордами встали на колени по примеру вожака. Кроме одного черноволосого верзилы.

– Дерьмовая задница Тьмы! – Эльда обрушила клинок на ни в чем не повинный стол. Доски хрястнули, с тарелок брызнули в стороны ошметки пищи, покатались по полу монеты. – Встать!

Оборотни вскочили, но за оружие не взялись.

– Почему ты так легко сдался, Седой? – Эльда выместила гнев на табурете. – Почему? Вас полтора десятка, ты мог прорваться!

– Я не хочу давать тебе повод для облавы на моих сородичей.

– Судя по отметкам на твоей карте, ты действовал с размахом. Разве

это не повод?

– За мои дела ты можешь судить только меня и мою стаю. А подними я на тебя руку – и мне не жить, и в Серых Пределах не останется ни одного из наших. Не ты изгонишь, так мать Лойт и ее девы.

– И здесь невезуха! Берра! – тоскливо и негромко позвала царица. – Вяжи их. Эти сволочи сдались без боя!

Дверь, запертая на массивный брус, вылетела второй раз за ночь, на этот раз фатально сорванная с петель. В помещение ворвался отряд стражниц, и сразу стало тесно.

– Ломать-то зачем, – пятясь, проворчал трактирщик.

– Да, зачем? Никто и не сопротивляется, тьфу, – зло поддакнул ему молодой, но уже заматеревший зеленоглазый оборотень, так и не вставший на колени, и смачно сплюнул.

Хозяин покосился:

– А гадить тут тоже не просили!

Эльда резко обернулась к зеленоглазому:

– Вот я тоже думаю, что за мужичье нынче такое дохлое? Даже свирепые на словах оборотни, и те хвосты поджали!

У молодчика вырвалось рычание, поднялась верхняя губа, обнажив крепкие клыки:

– Да будь я вожаком, я бы уже растянул тебя на столе!

Эльда расхохоталась:

– Какая жалость, что ты не вожак! Сразись с ним да возьми власть в стае. А потом и мы с тобой с мечами попляшем. И тогда посмотрим, кто из нас растянутым на стол ляжет. Так, девочки? – оглянулась она на ухмылявшихся девиц, замерших с обнаженными клинками.

Главарь лениво улыбнулся ретивому оборотню:

– Весной я уже надрал тебе задницу, Хасер, а тебе все нейметя? Но отчего ж не позабавить девушек... Только за зрелища да забавы владыки не гнушаются деньги платить...

Царица любовно провела кончиками пальцев по рунам на клинке.

– Платить? Ты уже взял тайком больше, чем дозволено, – она кивнула на рассыпанные на полу монеты, за которыми так никто и не нагнулся. – А вора я поблажек не даю. Воры, залезшие в мой карман, по нашим законам на первый раз лишаются левой руки. Но, так и быть, я смягчу вам наказание. Скажем, заменю его на год службы.

– Согласен, – поклонился вожак.

– Но учтите оба, – царица вплотную подошла к зеленоглазому молодчику, глянула в лицо, для чего ей пришлось задрать голову. –

Победитель бьется со мной. И, если проиграет, службу ваша стая будет нести не мне, а богине Лойт. Я оставлю себе лишь жожака. В качестве коврика для ног.

– Надеешься, что драка с Седым меня вымотает? – самоуверенно спросил возвышавшийся на голову парень. – На тебя моих сил еще хватит. И чем ты расплатишься, если проиграешь?

– Ты свою мечту уже озвучил, вот и исполнится, – усмехнулась Эльда и, подняв руку, намотала на палец прядь его иссиня-черных жестких волос и потянула к себе. Когда оборотень вынужденно склонил голову, царица, чуть приподнявшись на цыпочки, шепнула ему на ухо: – Но побрейся сначала, мохнатик, у меня там очень нежная кожа, а я ужасно боюсь щекотки.

Хасер и опомниться не успел, как эта венценосная зараза, отступив, медленно провела ладонью по своему бедру и подмигнула. У него мгновенно пересохли губы и так участился пульс, что вздулись вены на обнаженных руках.

Облизнув губы, оборотень прохрипел:

– Ты просто самка, как все бабы. А слабая самка нуждается в сильном мужчине.

– Уж не в таком ли восхитительно глупом самце, как ты? Весь твой мозг уместится на кончике твоего пальца, – рассмеявшись, Эльда потеряла интерес к окончательно рассвирепевшему молодчику, отошла.

Старшая стражница Берра втихоря потеряла руки, подмигнула подругам:

– Ну что, девочки, делаем ставки?

– Не на кого ставить, сестра, – процедила одна из стражниц. – Один – старый кобель, другой – тупой...

Трактирщик, со скорбным лицом наблюдавший за тем, как стражницы сгребают с пола вещественные доказательства, а оборотни расчищают помещение для поединка, взмолился:

– Прошу вас, уважаемые, вы же меня разорите, разнесете тут все. На заднем дворе у меня просторно, удобно. А дождик совсем махонький... Я и факелы вам вынесу, ежели темно покажется...

– А зачем беречь эту халупу? – выгнула бровь царица. – За укрывательство, покровительство контрабандистам и покушение на мое здоровье полагается казнь. Или ты думал, я не почую, что за дармовое вино ты мне предлагал? Что ж ты так поспешно разбил подарочек за счет заведения? Со снотворным, судя по запаху. Берра, трактир сжечь. После того, как мы тут повеселимся...

Взвывшего хозяина мгновенно скрутили две хрупкие на вид девушки.

– Я ж как лучше хотел, – запричитал он. – Ворвалась одна-одинешенька... Жаль тебя стало. Я ж не знал, что ты... Хотел, чтоб сомлела и боли не чувствовала, когда эти звери накинута...

Эльда сделала знак, и стражницы, уводившие арестованного, остановились.

– Пожалел, значит, глупую путницу, добрый человек... – прищурилась она. – И вино отравленное под рукой наготове держал... Для одиноких девушек, надо полагать. В допросную его, Берра. Ну-с, а вы чего ждете, собачки? – повернулась она к оборотням. – Будет сегодня драка или нет? Неужто смириться, что ваш вожак так легко сдался – то ли из мудрости, то ли из трусости?

Не успела она договорить, как зеленоглазый оборотень, полностью трансформировавшись, черным клыкасто-когтистым вихрем ринулся на вожака.

Схватка была стремительной. Седому не хватило нескольких мгновений перекинуться – лишь когти выставил, но в его человеческом облике они достигали всего половину длины когтей молодого соперника.

Буйная сила и взывавшая кровь Хасера попросту смели старого вожака. Седой мог противопоставить лишь опыт и холодный разум. И проиграл. Рухнул на пол уродливой грудой полупреображенной плоти, зажав мохнатой рукой пропоротый когтями живот. Победитель торжествующе взревел при гробовом молчании стаи.

Трое оборотней оттащили едва дышавшего Седого.

– Ты нарушил закон схватки, Хасер! – выкрикнул кто-то.

– Ты не дал ему перекинуться! – поддакнули ему.

И, опомнившись, зарычали уже все:

– Убийца, мы не хотим тебя!

Один из недовольных исходом схватки, издав боевой клич, рванулся в бой. Прыжок, и оба покатались по полу, разнося мебель в щепки. Девушки едва успевали отскакивать от сцепившихся зверей. Летели клочки черной и рыжей шерсти, брызгала кровь.

Но и этот бой оказался слишком короток, по мнению Эльды.

Черный волчара вошел в раж, недавняя победа его пьянила, а рыжий щенок, осмелившийся бросить ему вызов, и в обращенном виде был на голову ниже Хасера. Уже через полминуты черный взял соперника в захват и скрутил, раздался мерзкий хруст позвонков, и рыжий зверь безвольно обмяк в лапах черного. С ревом швырнув переломанного врага о стену, звероподобное чудовище развернулось, уставившись в немигающие глаза

царицы.

В руках Эльды уже сверкал меч.

– Когти у тебя грязноваты, мохнатик. Неприлично к дамам с такими подходить. Не хочешь постричь?

Оборотень демонстративно облизнул клыки и, не торопясь, желая растянуть удовольствие, шагнул к насмешливо улыбавшейся женщине.

Тоненькая фигурка царицы казалась песчинкой перед черной, обросшей шерстью горой. Гора растопырила пальцы и вытянула правую лапу.

Неуловимое движение меча, и два пальца оборотня остались без когтей.

– Ты должен гордиться, Хасер, – рассмеялась Эльда, подныривая под лапу и в развороте сняв пару когтей еще и с левой конечности противника. – Сама царица Серых Холмов занялась твоим маникюром.

Взревев, зверь развернулся, махнул когтями перед ее лицом. Эльда успела отпрыгнуть. На пол со стукотком свалились еще три когтя.

– Теперь дай мне снова левую лапку, песик, – нежно проворковала царица, выпорхнув слева, пока разъяренный оборотень разворачивался направо. – Вот так, молодец.

Вжик-вжик. Наблюдавшие зрители, жавшиеся к стеночкам, едва успевали прикрываться от костяного крошева: Эльда срезала звериные когти по кусочкам.

Хасер крутился вокруг себя, махал лапами, как медведь, пытающийся поймать назойливую муху. Оставшись без когтей, он решил загнать мельтешившую ведьму в угол. Не тут-то было. Эльда с легкостью уворачивалась, подныривала, успевала обежать вокруг массивной неповоротливой фигуры:

– Я тут, мохнатик. Не туда смотришь... Теперь тебя надо побрить... За мной, собачка! – воительница выбежала по выломанной двери наружу.

Оборотень, сочтя, что добыча струсила, воспрянул духом и с ревом бросился следом. Публика тоже не захотела остаться без зрелищ и ломанулась за ними.

И пошла потеха.

Эльда все больше напоминала пляшущий вихрь лунного света. Она щекотала зверя то справа, то слева кончиком меча, оставляя проплешины в густой звериной шкуре. Клочки шерсти кружились на ветру, как черный снег. Вскоре Хасер стал полосатым, словно снежный тигр, но не сумел даже задеть лунный сполох.

– Хватит, поплясали, – внезапно остановилась Эльда, в один миг

вложив меч в ножны и выхватив заткнутый за пояс кнут.

Уже ничего не соображающий от ярости Хасер налетел на замершую фигурку. Эльда хлестнула его кнутом по морде, одновременно уходя в сторону. Еще взмах. Воздух со свистом рассекла зыбкая нить света, обвилась вокруг шеи зверя. Рывок – и Хасер, хрипя и схватившись за горло, упал на колени.

– Жжет! Пощади, царица! – еле выдавил он.

– Ах, все-таки уже царица, а не самка? Пощады запросил? – презрительно искривились ее губы. – Ты двоих из своей стаи не пощадил. Ни старого, ни малого. Мне известны ваши обычаи: достаточно положить соперника, но не убивать. Я пощажу тебя, если хоть кто-то из стаи за тебя попросит, – она подняла взгляд на молчавших оборотней. Пауза была красноречивой. – Вот видишь, Хасер, они не хотят твоей жизни. И мне ты не годишься даже в качестве плешивого коврика. Пусть сама Лойт посмотрит в твое сердце и решит, достоин ли ты пощады.

Она поддержнула кнут особым движением, и петля развязалась. Но оборотень не смог встать. Из его горла вырвался клокочущий вой, тут же захлебнувшийся. Через миг полуволок упал с остекленевшими глазами, в которых застыла дикая смесь страха и звериной ненависти. Стая с облегчением вздохнула, что не укрылось от царицы.

Отвернувшись, Эльда приказала старшей стражнице:

– Берра, этих всех отвести в храм Лойт. Богиня решит их судьбу. Их семьи не трогать, пусть живут. Совсем нищих пристроить к работе.

– А Седого куда? Он, может быть, еще жив. Оборотни живучи.

– А он до сих пор не в лечебнице? – сверкнули очи Эльды, и две стражницы опрометью бросились в трактир.

– Госпожа! – возмутился один из оборотней, тоже далеко не первой молодости волк с седеющей рыжеватой гривой. – Зачем сразу к богине? По нашим обычаям, теперь ты – наш вожак. И только твое слово для нас теперь закон.

– У меня нет псарни. И строить ее ради вас я не собираюсь. Да и зачем вы мне? Для моей охоты ни псы, ни волки не нужны.

– Мы знаем тайные тропы и можем провести в обе стороны от Серых Пределов: и в страну светлых, и к трону темных, – вкрадчиво сообщил тот же оборотень. – Так, что ни один страж не заметит.

– Я теперь тоже знаю ваши тропы. У меня ваша карта.

– Она зашифрована, великая. Места баз вовсе не там, где на карте стоят значки. И тропы не там. Если не знать ключи к карте, попадешь напрямик на заставы стражей или в логова сумеречных тварей.

Эльда, вытащив карту, развернула и брови ее изумленно выгнулись:

– Ты хочешь сказать...

– Меня зовут Шуа, госпожа.

– Подойди, Шуа. Ты хочешь сказать, что это все не ваши базы контрабандистов, а ловушки? Вот эта отметка в болотах под самой моей столицей что означает?

Оборотень приблизился, глянул.

– Логово хиссы. Тварь еще совсем молодая. Один из наших вчера случайно наткнулся. Погиб, но успел предупредить. Его жена услышала предсмертный вой и поняла, что случилось.

Даже в слабом лунном свете было заметно, как побледнела Эльда. А старшая стражница Берра присвистнула, переглянувшись с подчиненными.

– Выходим в рейд вместе, Шуа, – царица свернула карту. – Как только своих похороните. Покажешь мне это логово. И будешь старшим в стае после меня, пока не поправится Седой. Если вы сумеете быть мне полезными, Лойт подождет.

«По крайней мере, пока не вернется с задания моя Лика», – решила царица. Если придется идти к ее девочке на выручку, оборотни пригодятся.

Глава 10

Лика и «тени», или Как вычислить принца?

– И какова причина опоздания, адептка Лика Тария? – не поворачивая головы, спросил принц.

– Не твое дело!

Как все-таки мне нравится, что, начав играть в официального адепта, Дьяр вынужден принять и правила чужой игры, и мне можно нагло тыкать самому принцу Тьмы. Никто из ребят не обращался к нему «ваше высочество». Да и вообще старались не обращаться. От греха подальше.

– После занятий напишешь объяснительную.

Я кивнула и отвернулась.

К тому же мучили подозрения, что на занятия приходил не принц, а его «тень».

Проблема в том, что моя метка проявлялась, только если сам Дьяр испытывал сильные чувства. Например, гнев или ярость. Да и иллюзиями Темный Трон владел в совершенстве. По мужской линии так точно, и учиться не надо. Прикрыть метку Дьяр мог спокойно, кроме приступов гнева.

Я могла отличить его по следу поцелуя селю, но одну из «теней» я, увы, тоже наградила. Да и метку на щеке они научились копировать, гады сообразительные. М-да. Что-то бы еще придумать? Если повелитель Сатарф поставил условием моего найма телохранительницей решение загадки с «теньями», то он больше и слушать не станет. Он же не знает, что после заключения договора для меня эта загадка не будет существовать в принципе – свершится нужная нам с богиней магия, и никаких тайн.

Итак, приступим. Для начала надо все-таки составить список удостоенных моего высочайшего поцелуя. Я перевернула тетрадь и начала писать с обратной стороны. Принц немедленно заинтересовался, но я прикрылась заклинанием отвода глаз, и увидеть он мог только... любовные стишки вполне подойдут.

С первого дня занятий Дьяр сел рядом со мной по левую руку, попросту подхватив под мышки Миранду и пересадив на ряд назад, к Зулии. Справа сел Ирек. Впереди пристроились двое островитян, Даг и Айрес. Вдохнув, я вписала последнее имя в список, где уже значились Дьяр, кто-то из «теней» и Ирек. Проклятая вечеринка! Чтоб я еще когда-нибудь...

Айрес, почувствовав мой взгляд, оглянулся, скользнул по моему лицу светло-карими, золотистыми, как мед, глазами. Цвет его волос был под стать глазам, и кожа – куда светлее, чем у шоколадных Зулии и Дага. На скуле красовался синяк, из гордости не замазанный иллюзией.

– Лика, мы сегодня собираемся отметить мою победу над убогими и твою над болезными, – подмигнул он.

– Кого ты имеешь в виду под болезными? – подняла я бровь. Неужели пронюхал о «шмонарях»?

– Над болезнями, – невозмутимо поправился островитянин.

– А под убогими?

Айрес ухмыльнулся, переведя взгляд на синегодемона Ханча. Тот в ответ ощерил клыки. Один глаз у него заплыл так, что и маскировка фингала не помогала.

У всей нашей маленькой группы, ворвавшейся в ряды третьекурсников, пока не складывались отношения с остальными (кроме Ирека, которого приняли на ура), но у островитян – особенно.

Адепты девчонок не задирали, принца – тем более, и всю полноту неприязни темных к выскочкам вкусили Айрес и Даг. Держались оба надменнее принца. Миранда уже шепнула мне, что, пока я лечила помятые ребра, Айрес и формальный лидер третьекурсников Ханч устроили разборку. Островитянин победил. Еще бы. С такими-то саженными плечами и ростом не ниже богатыря-куратора. Хотя у Ханча не меньше. Жаль, что я пропустила эту битву титанов.

– Айрес, я только что поклялась себе, что больше никаких вечеринок!

– Нарушение дисциплины! Адепты Лика Тария и Айрес Данорт замечены в перешептывании не по теме лекции! – наябедничала магическая сигнализация.

Старенький магистр, дремавший под звук собственного голоса, вещавшего об особенностях анатомического строения жушел, зевнул в кулак и вперил в меня сонные, болотного цвета глаза:

– А кстати, Лика Тария, скажите-ка нам, какие заклинания вы использовали для управления разумом насекомого во время вашего последнего вступительного испытания?

– Никакие, – растерялась я.

Магистр от изумления проснулся окончательно:

– Никакие? Не может быть! Даже «ментальные вожжи» не накинули? И тварь вас не пожрала, милочка?

– Э-э... нет, наверное.

– Похоже, вас ошибочно зачислили на третий курс, – скривился

магистр и побарабанил пальцами по столу. – Ментальное управление агрессивным насекомым было вам зачтено как дополнительный балл. И кто же тогда управлял хищной тварью, скажите на милость?

– Я управляла. Жужела была в тот момент оглушена импульсом Тьмы. Никакое ментальное заклятие не подействовало бы, мне же нужно было пустить ее в погоню немедленно, и я использовала только физическое воздействие – уколы кинжалом в нервные узлы.

Магистр так возбудился, что седенькие волосы вздыбились. Он создал мановением руки полупрозрачный макет твари в натуральную величину, потребовал показать и точки, и направления уколов, и длительность. И прокомментировать, какая должна быть реакция насекомого на воздействие.

– Блестяще! – сказал он, погоняя меня почти до конца пары. – Лика Тария, я ставлю вам зачет и освобождаю от обязательного посещения лекций по этой теме. И сегодняшнее опоздание вам прощается, – и ехидно посмотрел на принца.

Я быстренько убрала тетрадь в рюкзачок, подсунула магу зачетный лист, пока он не передумал, и помчалась к выходу, но подзадержалась на пороге – старичок снова удивил:

– А вам, Ирек Гил, тоже уже незачем повторно прослушивать мой курс. Вы его блестяще сдали и подтвердили знания на последнем испытании. Лучше проводите даму. Теперь у меня будет несколько вопросов к вам, сударь Айрес Данорт. Какую тактику использовала ваша группа в бою с жужелами по пути в столицу и как вам удалось приручить тварей?

* * *

Ирек догнал меня в холле, где я смотрела расписание четвертого курса. Половина его бывших однокурсников были на той вечеринке, а раз уж передо мной стоит задача составить полный список запечатленных поцелуем сельо, то нечего и откладывать.

– Лика! – окликнул Ирек.

Вот не знаю, как теперь на него глаза поднять. Что он думает обо мне из-за мерзкой печати принца? Щеки у меня вспыхнули при воспоминаниях о вчерашнем вечере.

– Ты на меня обиделась за то, что обманул тебя?

И это тоже. Обещал кабак с танцами, а привел в лапы к самому

владыке.

Я молчала, изучая расписание. У четверокурсников стояло практическое занятие по фехтованию. Магия магией, а физподготовку никто не отменял. Вон какие все накачанные – я покосилась на второгодника.

– Лика, не сердись.

– Интересный у тебя друг, – буркнула я, не удержавшись.

– Лучший, чем многие ровесники.

– И как тебя угораздило обзавестись таким крутым приятелем?

Он промолчал. Я повернулась и направилась к переходу в башню с фехтовальным залом. Там еще есть замечательная галерка: можно наблюдать за занятиями, не показываясь на глаза.

Ирек пошел рядом. Не отстанет.

– А как там дела с кинжалом? – поинтересовалась вежливым светским тоном. – Нашли что-нибудь?

– Мы действительно разворотили оружейную лавку, но след привел не туда. Ты не поверишь, где мы его подцепили. В палатке торговли женскими украшениями и амулетами – там наиболее концентрированный след. Торговку еще не нашли.

– Женскими?

– Именно. Интересная лавочка оказалась. Подпольно торговала и амулетами богини Лойт. Хозяйка, скорее всего, жрица.

Я резко остановилась, словно налетела на кулак, ударивший в солнечное сплетение. Судорожно вдохнула. Повернулась.

– Ирек, жрицы Лойт не торгуют ни амулетами, ни зельями. Ничем и никогда не торговали.

– Ну, она же богиня любви, – пожал он плечами, – а любовь к деньгам и власти – это тоже...

– Жадность, а не любовь, – сорвалось резкое. – Инстинкт хищника, а не любовь. Чтобы верить и любить, амулеты не нужны. Любовь – это магия сердца, ее невозможно ни купить, ни продать.

Мы были одни в коридоре, но Ирек сразу поставил вокруг нас двоих купол молчания – в уши слегка давило, словно мы опустились под воду, а звуки из фехтовального зала, к которому мы подошли, доносились совсем глухо.

– Возможно и так, тебе лучше знать, Лика, раз ты носишь пояс жриц, – его черные глаза сощурились. – Но любить по приказу богини ничем не лучше, чем продавать любовь.

Темные. Дремучие. Уроды.

Я втянула выпущенные когти. Улыбнулась. Хищненько.

– Не могу судить, Ирек. Никогда не слышала о таких приказах, никогда не продавала любовь и никогда не любила ни по чьему приказу. Твой опыт, наверное, богаче, если ты так уверен в том, что из перечисленного лучше.

И направилась к двери на галерку.

Меня душили слезы, но ни капли не пролилось. Лунные девы не плачут из-за каких-то непроходимо темных идиотов. Что бы понимали демоны в любви!

Я тоже еще не знала любви. Но я – жрица богини, и через нее чувствовала эхо множества других сердец. И прекраснее песни не бывает.

* * *

Меня ухватили за плечи, развернули, прижали к стенке. От резкого движения заколка на его гриве щелкнула и отлетела, черно-золотые волосы перьями упали на плечи, одна прядь перечеркнула яростно сверкавший глаз, и в этот момент Ирек почему-то до безумия напомнил раненого властелина Темного Трона, хотя внешне – ну ничего общего, кроме смугло-золотистой кожи и мускулистой высокой фигуры.

– Да, Ли́ка! – прошипел он. – Похоже, что больше. У меня появился такой опыт. Когда ты меня поцеловала. И я осведомлен, что через поцелуй жрицы передают приказы Лойт жертвам, и те начинают сходить с ума. Тогда на вечеринке я готов был убить каждого, кто к тебе прикасался, кого ты целовала на моих глазах. И убил бы, если б старый маг Доббер не сообразил наложить на всех нас заклятье. Так вот, я – не жертва! Можешь вычеркнуть меня из своего списка, – он кивнул на рюкзак, зажатый в моей руке.

– Ой, – спохватилась я, – надо же туда еще владыку вписать! Я его тоже поцеловала, представляешь? Ну-ка, отпустил меня быстро!

Ошеломленный демон разжал руки, я сползла по стеночке, выхватила тетрадку из рюкзака и вписала: «Сатарф (уточнить срок давности предыдущего поцелуя селю и последствия совмещения поцелуев)».

– Издеваешься? – Ирек сел рядом на корточки.

Я захлопнула тетрадь и честно-честно призналась:

– Нет. Вычисляю, который из вас – принц. Чтобы даже случайно меня не задел наглыми лапами.

– Тогда владыку и меня зачем вписала?

– На всякий случай. Я с этими вашими «теньями» скоро с ума сойду. А

иллюзии! Даже высшие маги не разберутся без «вороньего глаза». Пока у меня только одна точная примета: мой поцелуй. Вот скажи, только честно, ты точно не сын владыки?

Парень побледнел и опустил глаза.

– Ирек?! – похолодело в груди. Я вскочила. – Ты... ты... Убью, Дьяр!

Он поймал меня за руку, удержав ее в миллиметре от щеки, с опаской покосился на выпущенные когти. Перехватил и вторую руку.

– Я открою правду, Лика, в обмен на правду. Идет?

Я кивнула.

– Я – сын владыки, но я – бастард. Вообще-то это тайна, – вздохнул он, выпустив мои сжатые в кулачки руки.

Я раскрыла тетрадку, вычеркнула Ирека и, подумав, владыку, а вот запись в скобках оставила – уточнить срок действия поцелуя все-таки надо.

– Айреса тоже вычеркни, – хмуро сказал второгодник. – Он точно не сын владыки. И Дамира.

– Какого Дамира?

– «Тень». Он тоже, как ты понимаешь, не наследник Сатарфа.

Вписав имя рядом со словом «тень», я добросовестно зачеркнула строку. Ирек фыркнул, но комментировать не стал. Протянул ладонь.

– Мир?

– Это и есть твой вопрос, на который нужен правдивый ответ?

– Нет. Я оставлю на потом право его задать.

– Хорошо. Мир, – я положила ладонь на его ладонь.

Он осторожно сжал, поднес к губам и, улыбаясь, поцеловал каждый пальчик.

– Эй, ты же не жертва! – я попыталась освободить руку.

– Нет. Но зачем отказывать себе в удовольствии?

Прозвучал мелодичный сигнал, означавший конец пары, и коридор тут же заполнился толпой адептов Тьмы. А все они – верзилы как на подбор. Досадно. На галерку, где все были бы как на ладони, я не успела, и теперь приходилось тянуться на цыпочках, чтобы разглядеть выходявших из фехтовального зала демонов.

Когда я для улучшения обзора забралась на высокий подоконник и села, свесив ноги, Ирек поинтересовался:

– Кого ты ищешь?

– Жертв! – и я хищно прищурилась на троих четверокурсников, вышедших последними. – Ирек, вот тот ненормально белый тип, это кто? Почему я его раньше не видела?

Эхо прикосновения селю шло от того, кто был в центре, – высокого

(покажите мне среди высших демонов коротышку! Вултона не предлагать!) альбиноса с бледной, как подснежник, кожей, белыми волосами и красными глазами. Белая куртка поверх кровавого цвета майки смотрелась среди студенческих мантий, как балахон палача. Если учесть, что белый цвет ненавистен демонам, то этот – либо мазохист, либо пацифист.

– Это Эльяс Генти, – процедил Ирек. – Но ты его видела. Даже трогала. На вечеринке. Ты что, забыла?

– Совсем все забыла, – раскрыв тетрадь, я вписала имя. – Ирек, он ведь тоже не принц?

– Нет, – Ирек подобрался, когда Эльяс, глянув поверх голов, направился к нам. – Он его злейший враг.

Зачеркнула и поставила крестик. Явно хороший демон этот альбинос. Но как я умудрилась одарить поцелуем это чудовище? Нарисовала на полях винную бутылку и перечеркнула косым крестом. Клянусь не пить ничего крепче кефира!

Я уже порадовалась, что оказалась не столь и развратна, если из всех бывших однокурсников Ирека отмеченным оказался всего один.

Но дверь снова открылась.

Вот не понимаю я себя. Не понимаю! Ирек хотя бы красив, островитянин впечатляющ, альбинос эффектен. А этот, нахотеленный, как воробей, – сущая «серая тень». Стального оттенка волосы, серо-голубые глаза, серая хламида формы. Ничего особенного – пройдешь и не заметишь.

– А вот тот, серенький, кто? – толкнула я локтем Ирека.

– Шан Марух.

Вписала.

– А... – я не успела спросить о венценосном статусе Шана, как дверь снова открылась, выпустив мастера меча Паллера и пятерых адептов. – Ирек, – задрожали у меня руки. – Скажи, что было на той вечеринке, если я всю Академию перецеловала?

– Не всю, к счастью для Академии, – усмехнулся второгодник. – Потом расскажу, что помню. У меня, как ни стыдно признать, тоже заклинанием память отшибло, хотя я и выставил защиту. Но старина Доббер, когда разозлится, и высшего мага наверняка зашибет.

– Потом так потом. Сейчас мне нужны имена вон тех пятерых.

Ирек перечислил, я старательно записала, но он не успел уточнить, кто из них – не принц. До нас добрался альбинос, раздавая по пути тычки и затрецины и уворачиваясь от встречных, и остановился напротив меня так близко, что едва не касался коленок.

– Привет, малышка.
– А со мной поздороваться, вежливый ты наш? – лениво протянул Ирек.

– Привет, малыш, – альбинос на него и не посмотрел, в упор разглядывая меня.

– Два шага назад, Эльяс, и поздоровайся еще раз, – завелся второгодник.

– Обойдешься. Тебе место сейчас в детском саду, маленький, а не в обществе взрослых.

Так. Вот пикировок нам тут не надо. Я, протянув руку, потрепала белые волосы, улыбнулась:

– Привет, старичок, – и повернулась к Иреку. – Пойдем отсюда, раз тут такие все грубые, старые и нудные.

И соскользнула с подоконника, на миг пожалев, что на мне уже нет бронелифчика – толчок в грудь альбиноса был бы ощутимее, а так получилось весьма пикантно. Альбинос забыл дышать, но тут его аккуратно взяли за шкурку и переставили.

– Я тоже хочу поздороваться.

– Ну, здорово, – Ирек, заслонив меня, протянул руку еще одной «серой тени» – почти полного близнеца Шана Маруха, только насмешливые глаза чуть ярче да челка длиннее.

Рука была проигнорирована.

– Имя? – строго спросила я, взяв карандаш на изготовку.

В это время Эльяс вывернулся из хватки и попытался отодвинуть незнакомца, но его перехватил Шан.

– А ты не помнишь? Я Ронар, – улыбнулся серый.

Вписала.

– Вы близнецы? – указала я карандашом на Шана.

– Можно и так сказать. Это важно?

– Надеюсь, ты не принц? – прищурилась я.

Парень засмеялся:

– А что? С принцами не здороваешься?

– Желать здоровья таким гадам – не в моих привычках.

Тут Эльяс двинул локтем Шана, и тот отлетел.

– Прошу прощения, леди, – поклонился Ронар. – Я вынужден немного отвлечься. Долг крови зовет.

С этими словами он налетел на Эльяса, занесшего кулак для удара, сгреб в охапку и, открыв дверь в аудиторию, сунул туда соперника и захлопнул дверь, для верности шлепнув ладонью по замку. Тот послушно

щелкнул.

– Так на чем мы остановились? – лениво подошел Ронар, демонстративно отряхивая руки.

Дверь содрогнулась: Эльяс пытался ее вышибить, но двери в Академии сделаны на совесть.

– Сестричка, гони от себя эту сволочь! – глухо донесся голос альбиноса.

– Интересно, когда у меня появился такой белобрысый и красноглазый братишка? – округлила я глаза.

Собравшиеся вокруг бывшие одноклассники Ирека переглянулись и расхохотались.

– А ты не помнишь? – подал голос один из последней пятерки, чьих имен я еще не выучила. – Мы же все побратались на той вечеринке и приняли тебя с подружками в сестры.

– Кроме Шана, его там не было, – уточнил второй.

– Не было Ронара, Шан был, – возразили ему.

Так я выяснила наконец обстоятельства массовой раздачи поцелуев. Какое облегчение!

Я крутила головой от одного новоявленного братца к другому, пока не обнаружила, что Ирек куда-то запропастился. Да и обе обсуждаемые «серые тени» тоже. Зато кто-то выпустил Эльяса, и альбинос пытался выяснить, почему очаровательная Зулия не пришла на последнее свидание.

Прозвучал сигнал на следующее занятие. Подхватив рюкзачок, я растолкала старшекурсников и помчалась на лекцию в соседний корпус. Опоздала, конечно.

– После занятий напишешь объяснительную о причине опоздания, адептка Лика Тария, – мстительно сказал принц. Точнее, лжепринц. Теперь я точно знала, под чьей личиной прятался в Академии настоящий Дьяр.

Последнюю лекцию я почти не слушала: механически вписывая в тетрадь слова, мысленно прокручивала получившийся список. Верховная жрица говорила, что принц тайно обучается на старших курсах – либо четвертом, либо пятом. В списке – двенадцать имен, если не считать владыки. И два из них – Дьяр, под своим именем и под чужим.

И с «теньями» непонятно: сколько их на самом деле? Две точно есть, принять они могут любой облик и подменить наследника в любой его ипостаси. Везет же некоторым: прогуливай себе лекции, никто и не заметит, объяснительных не потребует. А вот экзамены наверняка он сдает сам, из гордости.

Потому так важно было вычислить его до каникул. Как раз на это

время и выпал срок Лунной Мистерии, и очень необычной – совпавшей с полным лунным затмением, когда богиня будет наиболее слаба.

Задумавшись, я не услышала сигнала с уроков. Вздрыгнула, когда передо мной лег лист бумаги:

– Пиши.

– Что? – я подняла глаза.

Лжепринц с нудно-скучающим выражением лица сунул мне в руку карандаш.

– Объяснительную.

Ну, я тебе сейчас напишу, лживая «тень»!

Девчонки, подмигнув мне на прощание, знаками показали, что ждут за дверью. Ирек тоже что-то просигналил, почему-то положив ладонь на горло, словно сам себя хотел придушить. Аудитория опустела, а лжепринц сел так, чтобы перегородить мне путь к бегству. Еще посмотрим, кто куда сейчас побежит.

«Дорогой Шан! Я так хотела тебя увидеть, что, презрев девичью гордость, ждала всю перемену, когда ты ко мне подойдешь, но ты даже не посмотрел на меня. А я из-за тебя опоздала на лекцию, между прочим. И утром – тоже из-за тебя, потому что с тех пор, как ты меня поцеловал, я ни одной ночи не могу уснуть спокойно, думая о тебе. Сволочь ты последняя, Шан. Ненавижу тебя. Вот именно это я и хотела тебе сказать сегодня. И убери от меня своих серых шестерок, надоели! Если еще хоть один из них посмеет ко мне прикоснуться, то ректор и твой папочка узнают, кто сдает за тебя экзамены. А пока спи спокойно. Лика».

Сложив листок, протянула его лжепринцу:

– Передай по назначению, староста.

Он развернул, прочитал, и я с наслаждением наблюдала, как вытягивается и сереет (да-да!) его лицо.

– Передам, – лжепринц спрятал «объяснительную» в карман.

– А какое у тебя настоящее имя, «тень»?

– Дьяр.

– Лжешь. Покажи мне истинное лицо, Дамир.

Чужая личина слезла с него, как наволочка с подушки, и я узнала того парня, который был спутником принца при нашей первой встрече. Мышиного цвета волосы, небольшие темно-серые глаза, чуть вздернутый нос. Он вскочил, с трудом удерживаясь, чтобы не придушить меня, даже протянул скрюченные пальцы, но сжал кулаки и оперся о столешницу, нависая с перекошенным злостью лицом.

– Кто тебе сказал имя?!

– Догадайся. Значит, это тебе принц Дьяр поручил столь грязную и приятную работу, как изнасиловать «сельскую девушку». Противоядия тебе, кстати, больше не требуется?

Он прошипел:

– Не с-с-стоит беспокоиться обо мне, с-с-сельо. Лучше о себе побес-с-покойся. Ты еще жива только потому, что владыка вмешшшался.

– Да, этот мужчина поприятнее, чем его сыночек и исполнители его гнусных поручений. А скольких девушек ты принудил к соитию под личиной принца, Дамир? Сколько их рыдало от счастья, подчиняясь приказу мерзавца, который не имел права приказывать именем принца? – я привстала, подалась вперед, поймав его бешеный взгляд, и не отпускала, властно вглядываясь в тьму зрачков. – Именем богини Лойт заклинаю тебя, Дамир. Отвечай. Приказывал ли тебе принц Дьяр брать девушек насильно?

– Нет, – хрипло выдавил он, не в силах отвести глаза. – Только соблазнить, если получится.

– Знает ли Дьяр о том, что ты использовал его личину для совращения девушек?

– Да.

– А о том, что ты приказывал им его именем?

– Нет.

– Ты докладывал ему о своих победах?

– Да.

– А о жертвах насилия?

– Нет.

«Богиня! – воззвала я к Лойт. – Ты видишь оскорбившего тебя. Приказывай, я исполню». – «Я возьму эту месть на себя, жрица», – зазвенел ее гневный голос. Селенис в колье – невидимом, скрытом иллюзией на моей груди – озарился лунным светом, отразившимся в расширенных зрачках «серой тени».

– Я, богиня Лойт, проклиная тебя, демон Дамир! – произнесли мои губы. – Ты будешь желать, но не сможешь взять. Ты будешь любить, но не изведает ответной любви. И будет так, пока ты не искупишь вину передо мной и всеми девами, тобой обиженными, и пока не простит тебя каждая из них.

Голос богини умолк, Дамир покачнулся, осел на скамью и хрипло хохотнул:

– Ха! Напугала, лунная шлюха! В гробу я видел твои проклятия. Ты дорого заплатишь мне за это идиотское колдовство. Магия сельо запрещена во всем Тархареше. И не забывай, что это я заключил с тобой пари.

– На поставленном тобой штампике значится другое имя, – усмехнулась я. – С каким-то там Дамиром я не заключала никаких пари. Ступай, ты меня более не интересуешь. Не забудь передать письмо своему не менее отвратительному господину.

Разъяренный парень попытался еще что-то сказать, но я прищурилась на его губы, отмеченные поцелуем сельо, и из них не вырвалось ничего, кроме мычания.

– Вряд ли ты сможешь еще кого-то поцеловать, Дамир, – добавила я довесочек к проклятию богини. – И уж, конечно, больше не сможешь приказывать девушкам от имени принца. И руки твои, – мой взгляд скользнул на его сжатые для удара кулаки, – будут гореть от невидимого яда, они не поднимутся ни на меня, ни на одну из женщин.

Взвыв, Дамир кинулся на меня, но ударил лишь скамьей, на которой я только что сидела. Ногой. Дерево треснуло. Меня там уже не было – перепрыгнула на стол.

Стол тоже разлетелся. И соседний. И еще.

Славно попрыгали. Бедная Академия. Теперь кого-то точно отчислят. Не меня, надеюсь. Это же не я тут все разношу в щепки.

Если бы не ворвался Ирек и не впечатал «тень» в стену, дров было бы больше. Дамир не успел натянуть личину, вырвался, отпрыгнул в затененный угол и исчез.

– Что тут произошло, Лика? – Ирек сгреб смеющуюся меня в охапку. – Он тебя ударил? Убью скотину!

– Нет, не надо, – смеялась я и не могла остановиться, хотя уже текли слезы. – На меня у него рука не поднимется, а себя он сам убьет, не лишай его хотя бы этого удовольствия.

– Успокойся, маленькая, – парень усадил меня на колени, крепко обнял, прижав мою голову к груди, и гладил по волосам, как ребенка, то щекотно дуя на макушку, то вдыхая запах моих волос. Наверное, решил, что я головой ушибленная с рождения, как принц Дьяр. И все же истерика быстро прошла, и я уже просто млела и слушала, как сильно бьется его сердце. Неужели он и правда испугался за меня?

– Лика... – судорожно вздохнул он, целуя многострадальную макушку.

Я подняла голову, и он тут же принялся снимать губами дрожавшие на ресницах слезы. Потом оказалось, что слезинки скатились к уголкам моих губ. И скопились их там целые озера, судя по глубине и длительности поцелуя.

Но дверь опять с треском распахнулась.

– Ирек Гил, убери от нее руки!

А вот и принц Дьяр пожаловал собственной персоной. Возможно. Ишь как щека полыхает и синие глаза яростно светят.

– С какой стати? – назло врагам, меня обняли так крепко, что я опять пожалела об отсутствии бронелифчика.

– Я приказываю! – рывкнуло высочество.

– Неправомерный приказ, Дьяр, – процедил Ирек. – Даже ты не имеешь права вмешиваться в личную жизнь подданных Темного Трона. Ты еще нам не владыка.

– Вмешиваюсь по праву замещающего владыку на время его отсутствия. Лика Тария нарушила запрет на магию сельо.

– А разве она нарушила? – Ирек обвел взглядом потолок. Сигнализация, сидевшая по углам глазастыми паучками, пискнула и лопнула, запахло дымом. – Кто видел? Кто докажет? Магические слухачи сломаны, к сожалению. Совершенно случайно.

Принц иронично скривил губы, присел на уцелевший стол преподавателя.

– Мог бы и не ломать, а стереть кристаллы памяти. Не дури, Ирек. Имеется пострадавший.

– Ой, как его жалко! – всплеснула я руками и... обняла второгодника за шею. – Это, опять же случайно, не адепт по имени Дьяр? А он правда пострадавший? Что-то не заметно. А там, за дверью, есть свидетельницы, что я оставалась в аудитории именно с ним. И вдруг он, не выходя, снова входит. Вот чудеса!

– Да, Дьяр, – широко улыбнулся Ирек. – Я тоже свидетель, что ты тут оставался с Ликой наедине. А потом тут, в Академии, оказался посторонний. Может, объяснительную напишешь, староста?

– М-да... Нехорошо получилось, – в глазах принца вдруг мелькнули смешинки. Отходчивый какой. Только что изображал бурю с молниями и громами, и вот уже прикусил губу, чтобы не заржать.

И эти нюансы никак не вязались у меня с образом Дьяра.

– Пусти меня, Ирек, мне надо выйти на минутку, – я расцепила руки державшего меня парня, обошла по дуге рассевшегося на столе, как у себя дома, принца и выглянула за дверь. Миранда и Зулия ждали у окна в конце коридора.

– Миранда, ты случайно не заметила... только не думай, что я свихнулась... кто сейчас вошел в аудиторию?

Надо было видеть их глаза!

– Шан с четвертого курса, а что?

– А до него кто входил?

– Ирек. А что случилось?

– Пока ничего, все еще живы.

Задумавшись, я тихо вернулась в кабинет и уловила обрывок разговора.

– И никаких идей, куда он пропал, – обеспокоенно говорил Ирек.

Оба демона были заняты восстановлением мебели, и получалось у них очень слаженно, залюбуешься. Принц складывал обломки, а Ирек скреплял их заклинанием, словно сшивал черными паутинками молний. Наложенная сеть мгновенно впитывалась, не оставляя следов, и поверхность выглядела безупречно целой. Темная магия умеет работать с неживыми предметами, как никакая другая. Вот только почему Дьяр, который должен быть сильнее как наследник Темного Трона, на подхвате у бастарда?

– А еще раз позвать? – с тревогой спросил принц.

– Даже мне не отзывается.

И тут принц совершенно плебейски присвистнул.

Я привалилась к закрытой двери, сложила на груди руки, перекрывая солнечное сплетение. Почему-то мне так легче было концентрировать силу лунной девы. Мысленно воззвала к двуликой богине Лойт и выдохнула:

– Шан Морух, верни свое лицо.

Оба оглянулись, парень с личиной принца окинул меня задумчивым взглядом, пожал плечами:

– А зачем? И с чего ты взяла, что то лицо, которое видели твои подружки, – мое собственное?

– С того, что это так и есть.

Ирек, присев на стол, засмеялся:

– Давай, Шан, возвращайся. Тебя раскололи. Как ты догадалась, Лика?

– Ты же была уверена, что я – Дьяр, – обиженно проворчал Шан, возвращая себе неброскую внешность с серыми глазами.

– А, значит, мое послание сработало! – порадовалась я. – Видишь ли, я потому вручила Дамиру провокационную записку, чтобы Дьяр или его «тени» подумали, что сумели меня запутать. Шан был Шаном, когда шел по коридору, но надел личину принца, когда вошел в дверь. Но дело в том, Шан, что сейчас настоящему принцу, вздумай он сюда прийти, не было нужды принимать эту личину – ему логичнее было бы явиться сразу в кабинет с помощью магии Тьмы. Никто же не видел, что лжепринц, точнее его «тень» Дамир, отсюда сбежал. Так кто у вас пропал?

Парни переглянулись.

– Дьяр и пропал, – вздохнул Ирек, опуская глаза.

– Да неужели? – усмехнулась я – А если я помогу его найти?

– Не надо, мы сами справимся, – они дружно отказались от помощи.

– А я очень переживаю за наследника и хочу помочь, – проникновенно сказала я и, шагнув вперед, положила пальцы на невидимый селенис в колье.

– Шан, оставь нас, – вдруг приказал второгодник, резко поднявшись со стола.

Сероглазый демон дернул плечом, поморщился, но спорить не стал – отступил в тень и растаял.

А тот, кто походил на Ирека как две капли воды, прищурился на меня теплые Ирековы глаза:

– И чем же ты поможешь, Лика?

– Знаешь, что меня удивило сегодня в тебе... Ирек? – я погладила селенис. – Ты с утра ничего не спросил о колье.

– А почему я должен о нем спрашивать?

– Потому что настоящий Ирек спросил бы, почему я его не надела, хотя он просил.

– Да, кстати, почему ты его не надела? – улыбнулся он уголком губ. – Не подошло к майке и штанам?

– Сними личину, Дьяр.

Протянув руку, он поправил прядку моих волос, заведя ее за ухо, вздохнул:

– У твоего верного вывода неверные предпосылки, Лика. Заклинание невидимости на это колье наложено моим отцом, и я узнаю и его руку, и то, что им спрятано. Ирек тоже узнал бы. Мне самому надоела эта чехарда с масками, – он картинно провел ладонью по лицу, и через миг на меня смотрели внимательные синие глаза принца Дьяра. Ну просто день разоблачений!

– Надоело, говоришь? – от злости у меня аж скулы свело. – Что-то незаметно по тому представлению, какое вы тут устроили с Шаном и другими «тенями». Ради чего? Нравится издеваться над девушками? Представляю, как вы потом ухахатывались. «Ирек Гил, убери от нее руки!» – передразнила я. – Ночью тоже был ты, а не сам Ирек?

– Ночью – не я, – скрипнул он зубами. – И я же сказал: мне разонравилась эта игра. Признаю, что она была глупой. Я предпочел бы целовать тебя не под чужой личиной.

– Зато чужие предпочитают действовать под твоей!

– И я отвечаю за все их действия, совершенные от моего лица и моим именем, – бесстрастно заметил он. – Твоя богиня прокляла двоих.

Ничего подобного: проклятие богини касается только настоящего

виновника, то есть Дамира. Но я прикусила губу: если узнает владыка – а он, конечно, узнает, – то мне не поздоровится. Никто не будет разбираться.

– А где настоящий Ирек? – спросила я. – Это он пропал?

– С ним как раз все в порядке. Я отправил его выстраивать поисковый круг – у него эти заклятия получаются лучше, как ни удивительно. Мне пришлось заменить его на лекции, иначе ему опять за прогулы влетит. Меня могут «тени» выручить, а у него нет таких слуг.

Надо же, брата прикрыл собственной грудью. Это наш-то эгоист Дьяр? Не ожидала от темного такого праведного поступка.

– Тогда кто исчез? – по моему встопорщенному, как терновый куст, и решительному виду принц понял, что заслужить прощение за бесчестную игру иллюзий он может только чистосердечным признанием.

– Отец, – вздохнул он. – Снова. Ты видела, что с ним сделали, даже когда вся сила была с ним? А сейчас... – принц резко отвернулся, и голос его дрогнул. – Сейчас он совсем беззащитен...

И столько боли прозвучало в его словах, что я простила этому избалованному, высокомерному и бессердечному негодяю все. Почти все. Ну, кое-что, если быть точной. Даже и не знаю, что именно.

– Лика, ты последняя говорила с Сатарфом. Скажи, что произошло после того, как вы ушли из той лачуги? Он вернул тебя в Башню трех принцесс, это я уже знаю. А потом?

– Там с ним говорили Кикируса, Шурш и... богиня Лойт.

– Богиня? – изумленно взлетела смоляная бровь. – О чем?

– Не могу сказать.

Глаза Дьяра потемнели, тени по углам аудитории приобрели зловещую глубину.

– Лика!

– Не могу, Дьяр. Но я скажу, что владыка был сильно огорчен, когда богиня показала ему мою мать.

– Фальшивую или настоящую?

– Настоящую.

– И что же его так огорчило?

– В тот момент она была с мужчиной.

– Понятно, – принц помолчал, как-то странно оглядев меня потемневшими глазами, словно только что увидел и зрелище его не обрадовало. – Будем надеяться, что у отца просто приступ гнева. Тогда я знаю, где его искать. Спасибо, Лика!

Он порывисто обнял меня за плечи, чмокнул в щечку и тут же исчез, закутавшись в крылья. Я даже не успела рассердиться. Или не захотела, кто

меня поймет?

Миранда и Зулия были очень удивлены, когда, устав ждать, заглянули в аудиторию и обнаружили меня одну-одинешеньку.

– А где Ирек и Шан? И принц?

– Я их убила и развеяла. Надоели все.

– О! Тогда идем обедать. Это дело надо отметить.

Отметить мы решили в башне, но там выяснилось, что все запасы съестного пожрал Шурш. А Шу и Шурку мы обнаружили в корзинке с последней бутылочкой вишневого ликера. Обе тварюшки присосались, выпустив тончайшие волосинки, проникшие даже сквозь поры пробки.

– Сволочи! Алкашки! – отодрала Зулия ставшую темно-красной шкурку Шурки, невыносимо пахнувшей проспиртованной вишней.

Шу при нашем появлении забила в угол и благоухала мятой. Мятной настойки в наличии тоже уже не было. Вздохнув, девчонки отправились в город пополнять припасы, а меня отправили выпрашивать у Кикируси птичью клетку для провинившихся хеммо.

Глава 11

Царица Эльда выходит на охоту

Обряды прощания у оборотней заняли немало времени, и Эльда успела и отдохнуть, и сверить полученные карты с данными тайной стражи – не соврали ли прожженные контрабандисты, чтобы себе цену набить. Дурой царица не была и в волчью преданность не верила ни на грош.

И навестила главный храм Лойт, чтобы поругаться с богиней, позволившей некоторым старым темным прохиндеям и юным негодьям лицезреть царицу в неподобающий момент. Но даже не это приводило ее в бессильную ярость. Таковую, что почти пролетела недлинный путь от дворца до главного храма, идеальной перламутровой полусферой возвышавшегося в самом центре столицы.

Царица, не обращая внимания на жриц и внутреннюю храмовую стражу, ворвалась в главный зал, где сидела на большом мраморном троне статуя богини, одетая лишь в серебристые цветы, спугнула стайку семилетних девочек, готовившихся к первому посвящению.

– Оставьте меня все, – приказала Эльда, и зал за минуту опустел. «Хоть какая-то привилегия», – усмехнулась царица, – как бывшей старшей жрице, ей позволено было обратиться к богине без посредников.

– Как ты допустила, Лойт, чтобы этот темный мерзавец прикоснулся грязными лапами к Лике? Ты могла защитить мою девочку! – Эльда непочтительно облокотилась о колено сидящей статуи Лойт и даже пристукнула по нему кулачком. – Богиня ты или истукан бессердечный?

– Кулак не отбей, дорогая, – вяло огрызнулась богиня. Каменные губы статуи чуть шевелились, и зрелище было жутковатым, но царица, как бывшая жрица, и не такое видела, чтобы пугаться. – Подумаешь, невинный поцелуй...

– Она еще ребенок!

– Ее совершеннолетие через две луны, какой ребенок? Ревнуешь, Эльда?

– Нет!!! – рывкнула, с такой силой обрушив кулак на неповинный камень, что и впрямь отбила руку. Затрясла, дуя на пострадавшую конечность.

Богиня тихо засмеялась.

– Ревнуешь. До сих пор. Я же вижу в твоём сердце, не спрячешься. Он, кстати, тоже взбесился, когда тебя увидел с этим... И целовал он не Лику, а

тебя, глупая. Твоя дочь в парике так похожа на тебя, точнее, на ту невинную девочку, которая передо мной трепетала лет двадцать назад. Конечно, не на эту мегеру, какой ты сейчас стала.

– Ты сговорила с моей суэнни!

– И что с того? Я не хочу потерять тебя, Эльда.

– Я давно уже не твоя жрица! Скорее, ты хочешь любой ценой заполучить Сатарфа и вернуть свои храмы в его страну. Но ты не учла, что демоны и любовь несовместимы. Лику я им не отдам. И уж тем более не такому бессердечному старому хрычу. Он ей в деды годится!

– О нем и речи нет, – поспешила согласиться Лойт.

– И его сын тоже ее не получит! Никаких темных, хватит!

– И это я слышу от демоницы?

– Не чистокровной, прошу заметить. Я еще и сельо. Ты все время это забываешь.

– У Сатарфа есть еще один сын. Славный мальчик.

– Бастард? Да ни за что! Никаких темных, я сказала! К демонам демонов!

– И что ты сделаешь?

– Я царица на этой земле. Закрою твои храмы по примеру соседей.

Лойт помолчала с минуту. Вздохнула.

– Ты же не пойдешь на это безумие, дорогая? Ты же первая лишишься всей лунной магии.

Вот она, оборотная сторона сделки с богами. Царица задумчиво оглядела посиневший кулак.

– Еще как пойду, если с моей дочерью что-нибудь случится. А сила... Магия сельо, повелительниц драконов смерти, была и до лунной богини, она от самих Серых Пределов, от земли нашей изначальной. Мне хватит и того, что останется, чтобы удержать царство. И, кроме того, я темный магистр. Забыла?

– Ты поклонись Сатарфу? – приподнялась каменная бровь. – Иначе как ты вернешь себе благословение Тьмы?

– Все равно ты не удержишь своих обязательств, Лойт. Обратни сказали, что под моим носом, чуть ли не под стенами дворца, завелась хисса. Почему ты не сообщила мне? Она же была твоей девой, прежде чем превратилась.

Статуя, оживленная присутствием богини, опустила каменные веки слепых глаз. Сказала с грустью:

– Эльда, ты не понимаешь, что происходит. Этого даже моя верховная не понимает... Я слепну и глохну. Я перестаю слышать своих жриц. Только

через посвященный мне селенис. А много ли их у нас? Потому и не сказала о хиссе, что услышала о ней только от тебя. Потому и не увела вовремя Лику от владыки.

Царица с сочувствием погладила каменное колено истукана.

– Что, так все плохо?

– С каждой новой жертвой злодея все хуже, – прошептала Лойт.

– Получается, моя девочка, ушедшая по твоему приказу в сердце Тьмы, там сейчас беззащитна?

Богиня не ответила.

– Молчишь?! – тут же вспыхнула Эльда. – Ты же знала, что не сможешь ей помочь, если понадобится, и все равно отправила ее туда! К убийце в лапы! Приманкой! Ты не богиня, Лойт. Ты кровожадное чудище!

Развернувшись на каблуках, царица выбежала из храма.

* * *

Едва стих грохот ее каблуков, из боковой двери, скрытой за колонной, выскользнула женская фигура в белом плаще с низко надвинутым капюшоном, почтительно склонилась перед статуей. Затем придирчиво осмотрела мраморное колено – нет ли трещин.

– Какое кощунство! – проскрипел голос старой девы. – Эльда совсем теряет разум. Не пора ли нам сменить владычицу Серых Холмов, моя богиня?

– Уж не на тебя ли, верховная?

– Почему бы и нет? Мы объединим духовную власть с мирской, и это будет расцвет твоих храмов. Уж я-то никогда не поднимусь против тебя, богиня. Мои жизнь и сила полностью в твоих руках, – жрица подняла голову, чтобы взглянуть на бесценные селенисы, украшавшие голые груди статуи, и капюшон слетел, открыв моложавое, тщательно припудренное длинноносое лицо. Но никакая магия, никакие снадобья уже не могли скрыть ее старости.

Селенисы в ожерелье богини мягко осветились.

– Я подумаю, Вайра. Следи пока за каждым ее шагом.

– Непрерывно слежу, богиня. Но сегодня – самый подходящий момент. Эльда собирается устроить облаву на болотах. На молодую и голодную хиссу. Тварь может оказаться неожиданно сильна, если ты поможешь ей, как бывшей лунной деве, и одновременно лишишь Эльду своего благословения за кощунство. Пусть царица попробует сражаться без

лунной магии. Тогда эта нахалка поймет, на кого посмела поднять руку, и ее гибель станет назиданием для остальных.

– Ты так боишься, что она станет верховной вместо тебя?

– Ей не стать, ее сердце давно мертво. Там нет места для любви, а значит, и для тебя, великая госпожа.

Смех Лойт раскатился по огромному храму чистым хрустальным звоном.

– Уж не читаешь ли ты в сердцах лучше меня, Вайра? Ты стала чересчур стара и завистлива. И твое сердце уже давно не радует меня. Позаботься лучше о своем, а не о чужом.

* * *

Последней каплей для Эльды стало возвращение во дворец, где она обнаружила, что в ее защищенном стенами и заклинаниями кабинете, на ее собственном столе, обладавшем дополнительной защитой, лихорадочно мерцает белая лилия. Словно маяк в бурю.

– Какого Хурга! Опять любовное письмишко! Как он посмел?!

Царица брезгливо подняла цветок за кончик стебля и только собралась вышвырнуть, как белые лепестки осыпались, сложившись на лету в лист бумаги, испещренный рунами. Эльда, мгновенно выхватив взглядом слово «Лика», рухнула в кресло и вчиталась. Из дрогнувших в отчаянье губ вырвался стон:

– Боги! Этого и следовало ожидать. Мерзавец! Берра!

– Что случилось, госпожа? – стражница тут же явилась и замерла в изумлении, увидев слезы в уголках глаз царицы.

– Алиан прислал письмо.

– Да он каждый день достает то цветочками, то бабочками, не успеваем отлавливать, – смутилась начальница охраны.

– На этот раз счастье, что не уничтожили письмо. Алиан сообщает, что получил послание от Сатарфа. Владыка Темного Трона взял в заложницы нашу дочь. А Лойт, эта... рррр... даже не намекнула мне, дрянь бессмертная!

– И каковы требования Сатарфа? – осторожно поинтересовалась воительница.

– Алиан не написал. Та еще бестия! Ты не помнишь, куда я зашвырнула его слишком болтливый портрет?

Берра хмыкнула, почесала изящный носик.

– Помнится, в клочки порвали еще лет десять назад.

– Не может быть! Его и Хург не порвет. Он же магический. В воде не тонет, в огне не горит, дерьмо такое. Самовосстанавливающийся и, лихо его заberi, самовозвращающийся из любой задницы!

– Тогда надо посмотреть в вашей заброшенной спальне под подушкой, – улыбнулась стражница.

Впервые портрет появился именно там, вспомнила царица. Потому и пришлось ей бежать из собственных комнат в собственном дворце. Выселил ее, гад такой.

– А в моих прежних покоях еще осталась подушка?

– Если не рассыпалась от старости. Там ничего не трогали. Вы же замуровали дверь, когда не смогли от портрета избавиться.

– Да... припоминаю... – Эльда нахмурила лоб, с ненавистью глянула на письмо, словно в нем и заключался источник всех ее бед. И носил этот источник имя Сатарф. – Что ж, пойдем ломать стену.

Обе отправились в замурованную спальню коротким путем: через купальню, куда прежде тоже был выход из заброшенного помещения. Долго спорили, где именно была дверь, пока Эльда в раздражении не снесла полстены заклинанием. Когда осело каменное крошево, открылись унылые, серые от пыли покои, заставленные резной мебелью. Резьбу уже было не видно под паутиной.

А ведь прежде они были волшебно прекрасными, как и полагалось царице Серых Холмов: серебристо-жемчужные, с нежнейшими лунными оттенками задрапированных узорным шелком стен и покрывал на ложе. Когда-то узоры на них были живыми – плавно меняющимися под взглядом пейзажами удивительной красоты. Теперь же в комнате все мертво застыло.

Эльда прошла к роскошному ложу под когда-то белоснежным кисейным балдахинном, выглядевшим теперь, как картон.

– Откуда здесь столько пыли и паутины? И на кого тут охотятся пауки? На пыль? – удивилась Эльда и чихнула. Берра пожала плечами.

Царица, осторожно приподняв подушку в батистовой (теперь материал напоминал ржавый железный щит) наволочке, извлекла небольшой, с две сложенных ладони, портрет в тонкой светящейся рамке. Вот на нем не было ни пылинки. И голубые глаза изображенного светловолосого мужчины ярко блестели, как живые. Портрет улыбнулся, когда царица провела по нему кончиками пальцев, активируя заклинание.

– Здравствуй, возлюбленная моя Эльда, – проникновенным баритоном заговорил мужчина.

– Твоя? – фыркнула царица. – Никогда не была твоей, Алиан.

– Никогда?

– Один раз не в счет. И лучше не напоминай. Не начинай старую песню, иначе я отдам твой портрет на съедение дракону смерти. Уж тогда-то твоя магия не сможет его мне снова всучить.

– Хорошо, не буду, – Алиан смиренно опустил длинные ресницы. – Ты позволишь войти?

Эльда, кивнув, прислонила портрет к подушке и отошла к креслу. Но садиться побрезговала. Скрестила руки на груди, вздернула подбородок, наблюдая, как из портрета проливается поток света, как из лучей ткется и наливается осязаемой плотью фигура высокого немолодого воина – с мощными богатырскими плечами, узкой талией, перехваченной широким узорчатым поясом. Такие же узоры из переплетенных лилий виднелись на головном обруче, удерживавшем шапку светлых волос длиной ниже плеч.

Берра, топтавшаяся у входа, восхищенно вздохнула. Все-таки не понимала она царицу. Такой мужчина! Ну, светлый маг, и что? Для сельо неважно. Ну, староват. Так ведь по нему и не скажешь! Ну, лицо слегка женственное – красивое, большеглазое, с мягкой линией губ и тонким аристократическим носом. Зато какие плечи! Уж чем-чем, а силой и волей боги не обидели архимага Алиана. А Эльда нос воротит. Демоница она наполовину, видите ли. А ведь он, рискуя жизнью, спас ее когда-то от гибели, и у царицы от него – единственная дочь.

Эльда, бросив взгляд на стражницу, прекрасно увидела бесхитростные мысли, отразившиеся на девичьем личике. Никто никогда не понимал царицу, кроме суэнни Раганы. Да и можно ли кому-то объяснить, что один лишь вид светлого мага Алиана причинял Эльде безумную боль, возвращая ее память в ту кошмарную ночь, когда она едва не стала тварью?

Да, он ее спас. Он рисковал первым погибнуть от ее клыков и когтей, если бы превращение завершилось. А не завершилось оно лишь потому, что могучий и опытный архимаг Алиан нашел ее, связал магией и изнасиловал. Из благих намерений. Спасая ее жизнь и разум. Но разве женщина когда-нибудь простит такое?

– Ты все так же прекрасна, Эльда, – вздохнул Алиан, подходя к замершей царице.

– Больше ни шагу. Я уже не маленькая, обезумевшая от боли и ужаса девчонка. На этот раз я с тобой справлюсь.

Архимаг остановился, поморщившись, как от зубной боли.

– Я не собираюсь на тебя нападать, дорогая. Спасибо, что вспомнила обо мне.

– Лишь затем, чтобы спросить, что потребовал Сатарф за

освобождение моей дочери.

– Нашей дочери, – уточнил Алиан. – Это не требования. Это издевка. Достать луну с неба.

– Что-о?!

– Сатарф весь в этом. Я ему написал, но он пока молчит. Я сам приду за Аэликой.

– Каким образом? Через Серые Пределы я не пропущу ни одного твоего мага. Ваша война с Темным Троном мне не нужна.

– Мы можем пойти в обход, через океан. Но о войне пока речи нет. Я пойду один за моей дочерью.

– Лика МОЯ дочь! – гневно крикнула царица.

И мгновенно в комнате появилось четвертое лицо – маленькая сухонькая старушка со спицей в руке. Погрозила царице пальцем, и та сникла, взяв себя в руки. Эльда повторила уже тише:

– Моя дочь! Ты решил, что получил повод уволочь ее в ваше светлое логово? Чтобы я больше никогда ее не увидела?

– Почему же никогда? – мягко спросил Алиан. – Ты можешь прийти за ней ко мне.

– Чтобы уже не выйти из твоего замка? Ну уж нет. Я сама разберусь с Сатарфом.

– Но темный прислал письмо не тебе, а мне, Эльда. Как отцу Лики. С тобой он и разговаривать не будет.

– Мне и не надо, чтобы он со мной разговаривал. Я найду и уведу мою дочь по «лунному мосту». И тебя я захотела увидеть лишь затем, чтобы сказать: не смей вмешиваться, Алиан. Не тяни к ней свои светлые лапки. Ты ее не получишь.

– Эльда, ты жестока. Лика и моя дочь тоже. Она уже стала взрослой, а я никогда ее не видел! Я ее отец!

– Нет. Ты – мой насильник, Алиан. Результаты насилия тебя уже не касаются. Только если Аэлика сама захочет тебя увидеть, я не буду препятствовать. Пока она ни разу не изъявляла такого желания.

– Эльда, пока мы спорим о наших родительских правах, девочка в беде, – напомнил архимаг. – Какая разница, кто придет к ней на помощь?

Царица вздернула подбородок.

– Если бы она действительно попала в серьезную передрагу, я бы знала, Алиан. Я пока не понимаю, какую игру затеял Сатарф, но уверена, что ее жизнь в безопасности, иначе моя суэнни предупредила бы. Правда, Рагана?

– Правда, милая, так и есть, – кивнула старушка, улыбнувшись. – Уж я-

то присматриваю за нашим золотым клубочком во все глаза, и не только свои.

Белый маг не видел Рагану, даже не почувствовал, судя по удивлению, мелькнувшему на холеном лице, когда он оглянулся. Он тут же низко поклонился:

– Мое почтение, мудрая.

Старая ведьма скорбно покачала головой:

– Ох и льстец ты, Алиан. Да была бы я мудрой, разве допустила бы такую несуетную путаницу в ваших судьбах? Иди уж, не мучай мою девочку. Сердцу не прикажешь... Увидишь ты еще свою дочку, да не сейчас. Сатарф, баловник такой, пуще своего сердца ее бережет, волосу не даст упасть, не бойся. Ступай, Алиан, ступай.

Бросив на нее задумчивый взгляд и печальный – на царицу, архимаг поклонился обеим и исчез. Суэнни вздохнула:

– Вот ведь не повезло. Кто ж знал, что он однолюб?

И тоже исчезла, хитро покосившись на царицу.

Эльда засунула портрет архимага под матрац, лицом вниз, безгласно отряхнула перепачканные пылью ладони и кликнула слуг, приказав вымыть помещение, но не трогать ложе.

– И близко не подпущу его к моей девочке, – все еще кипела она негодованием. – За моей спиной решил снюхаться с темным, сволочь светлая! И пусть только этот Сатарф посмеет еще раз тронуть Лику хоть пальцем – постригу когти вместе с пальцами. Опыт у меня есть, не побрезгую.

– Но, госпожа, как вы до него доберетесь? – резонно спросила Берра.

– Оборотни знают тайные тропы.

– А если заведут в ловушку и сдадут владыке Тьмы?

– Ты плохо знаешь их законы. Стая – вот что для них бог и царь. Либо они оспаривают право власти у вожака и дерутся с ним, либо подчиняются. Предательства среди них не существует. Вашим и нашим они не служат. Потому любому правителю с ними трудно. И победить вожака – еще не значит стать следующим. Стая может не принять. Хасеру они бросали бы вызов до последнего щенка. Сдохли бы все, но не приняли. И знаешь, почему оборотни признали меня, Берра?

Эльда, перечитав и скомкав письмо Алиана в кулаке, отошла к окну, прислонилась лбом к прохладному стеклу.

– Догадываюсь, – с печалью отозвалась стражница. – Они почувствовали в вас... ту... вторую...

– Зверя, – кивнула Эльда, повернувшись. Ее глаза были сухи. –

Оборотня. Гиньи способны принять любой облик, и волчицы тоже, и даже волка. А это значит, милая Берра, что моя суэнни права: тварь опасно близка. И мне лучше утопиться в том болоте.

– Госпожа!

– Но не раньше, чем я вытащу дочь из лап мерзавца Сатарфа! Охота на хиссу будет хорошей проверкой боеспособности стаи – смогу ли я их повести как единое целое.

– А если там гинья?

– Вряд ли. Это слишком редкий зверь, – горько усмехнулась царица.

* * *

Когда стая, навязанная царице волею судьбы в качестве новой семьи, прибыла к парадным воротам дворца, Эльда приняла ее с почестями. Обратней было куда больше, чем боевая группа в трактире: они захватили с собой и братьев, и жен, оставив в логовах лишь старух и детей.

Царица, оглядев зубастое, скалящееся во все пасти воинство, вздохнула:

– Что скажут мои подданные на такое резкое увеличение царского рода? Да еще за счет контрабандистов! Кстати, Шуа, не вздумай терять ваши связи. Они нам еще пригодятся по обе стороны от Серых Холмов. Когда вернемся, поставлю вас в инспекцию таможенных дозоров. Будут давать взятки – бери, деньги – казначею, а список нарушителей и описи незаконно ввезенного товара подавай Берре. Прикроем и перевербуем всю паучью сеть. Утаишь хоть медный грош или чье-то имя – ходить тебе скопцом в ошейнике Лойт.

– Как прикажешь, госпожа, – содрогнулись новоявленные таможенники.

– Присягу при вступлении на государственную службу тоже потребую.

Энтузиазма у оборотней поубавилось. Но деваться им было уже некуда. Бросать вызов ведьме, сломавшей Бешеного Хасера, пока никто не решался.

– Как прика... – начал было Шуа, но его заглушил жуткий грохот.

Завибрировала земля. По периметру окружавшей дворец стены вспыхнули световые кольца – сработала защита.

– Атака темных! – ахнули стражницы, мгновенно окружив царицу и выставив мечи и магические щиты.

– Днем! Вот наглецы!

– Давненько не появлялись.

Но если это и была атака, то несерьезная: через миг все стихло. К Эльде подбежала Берра с докладом и ехидными комментариями:

– Зафиксирован прорыв шестерых демонов, госпожа. Пытались нахрапом проникнуть во дворец. Видно, совсем дурные. Их отбросило. Судя по всему, они даже не ожидали такого, идиоты. Без щитов шли, как к себе домой.

– Берра, доклад не по форме, – нахмурилась царица. – Куда отбросило?

Вошедшая в раж лунная дева скорчила виноватую рожицу, но капавший с языка яд совсем сдержать не могла:

– На север срикошетило. Аккурат в то болото, хиссе в зубки. Вот подарочек твари, не подавилась бы. Два отряда наших ловцов уже выступили из крепостей, ближайших к месту их падения, дополнительно к направленному туда первому отряду. Берут местность в окружение. Если хисса подарочек не слопают, а они ее не укокошат, возьмем всех горяченькими.

– Выступаем, – скомандовала Эльда.

– Позволь сказать, царица, – встрял Шуа. – Мы быстрее ваших коней и можем нести тебя и твоих слуг на себе. Вы, сельо, девы легонькие, наша скорость не пострадает.

– Что ж, рискнем.

Оборотни перекинулись мгновенно. Царица приподняла бровь, заметив, что на этот раз, в отличие от превращений в трактире, хитро устроенная оружейная перевязь с мечами не лопнула, а осталась на их телах. Исчезла только одежда.

– Что-то новенькое в ваших превращениях, – пробормотала она и подала пример шарахнувшемуся от таких «лошадок» подчиненным: оседлала предложенную ей рыжеватую спину Шуа и запустила ладони в густую шерсть на его загривке.

– Учимся, госпожа, – с трудом выговорил Шуа – волчья пасть не слишком приспособлена к человеческой речи. – На тебе такая же скользящая перевязь, мы оценили. От вожака нам передаются и новое знание, и новая сила.

– Вот хитрецы... – тихо засмеялась она. – То-то вы такие смирные овечки! И кто вы теперь будете? Лунные волки?

– Твои, царица. Только твои. Как вожак, ты тоже можешь принять силу от нас. Всю, до последнего дыхания. Стая едина.

– Что-то я не заметила по Седому, чтобы вы ему помогли...

– Это был не общий бой, а ритуальное единоборство, никто из нас не

мог вмешаться.

Он рванул стрелой за ворота, и стоя с всадниками, последовавшими примеру госпожи, устремилась следом.

Бег оборотня был стремительным, ветер бил в лицо, и Эльда опасалась, что без седла ее скинет с широкой спины такого неудобного средства передвижения. Но вскоре ею овладело странное ощущение слияния с мощью мчавшегося под ней существа. Ей казалось, что это она почти летит, не разбирая дороги, перепрыгивает через рытвины и овраги. Возвращалось давно забытое пьянящее чувство полета.

Оно не посещало ее с той ночи, как она утратила крылья и едва не превратилась в неразумную гинью. С той кошмарной ночи, когда она раскрылась владыке Сатарфу вся, до последнего дыхания, отдала ему сердце и душу, а он ее отверг. Если бы ее, полупревращенную, умирающую от боли, тоски и ужаса, не нашел Алиан, давно не было бы самой Эльды, не было бы и ее маленькой Лики – единственного существа, ради которого царица поклялась жить, как бы ни было это мучительно.

Жить. Без любимого. Без крыльев. Без надежды, что тоска уйдет. В вечном страхе, что когда-нибудь тварь победит, сожрет ее изнутри.

«Я справлюсь. Я сильная. Ради дочери я всегда буду сильной», – стиснула зубы царица и вцепилась в волчий загривок так отчаянно, что оборотень недовольно рыкнул.

Глава 12

Ли́ка и таинственный гость

В захлавленной каморке кастелянши на первом этаже Башни трех принцесс было пусто. Удивительно. Бабка Кикируся обычно не покидала насиженного места. Может, она поднялась на крышу кормить горгулий? Но корзины, которые ведьма поднимала наверх заклинанием, стояли в углу пустые.

И тут я заметила, что люк в подвал открыт и там мерцает свет.

– Госпожа Кикерис, – позвала я, склонившись, но не решаясь спуститься. Очень уж старуха не любила, когда кто-то суется в ее тайны. А тут – святая святых.

Снизу раздался тихий стон.

От того, чтобы бросаться одной сломя голову в темные ямы, меня давно и жестоко отучили в храме Лойт, где подобные ямы со стонущими голосами подруг были наполнены змеями. Нас, видите ли, учили различать ловушки. Голос был настоящий.

«Шурш!» – призвала я мысленно, доставая из ботфорта тонкий кинжал.

С драконом у нас давно выработана система призывов: чем короче зов, тем быстрее, тише и незаметнее он должен явиться. Дракони́к нарисовался мгновенно зыбким дымчатым контуром. Принюхался к люку, да как сверзился вниз, на лету обретя вес и сокрушив ступени. Свет внизу погас.

– Р-рва-а-а-у-ур, – донесся жалобный драконий стон.

И хриплое:

– Ты-то зачем сунулся, малыш? Кикируся нас порвет. Теперь вытаскивать придется двоих.

– Кто тут? – спросила я в темноту.

– Только не это! – ответ был более чем странным.

Здесь толку не будет, поняла я, и потянулась мысленно к дракону: «Шурш, в кого или во что ты вляпался?»

«Нинаю! – всхлипнул на языке династии Шарх жуткий по определению дракон смерти. – Ловуш-ш-шка. Темно. Липко. Страш-ш-шно!!!»

Срочно нужен свет. По идее, со светом у темных вечные проблемы. Он им не особо и нужен, и вообще противопоказан, и заклинания огня адепты

изучают на последнем курсе боевой магии, когда уже назубок заучат способы защиты от него и научатся гасить. Вот что-что, а как гасить, тушить и затемнять – это у нас в совершенстве знает даже дракошик. Знать заклинания света мне не полагалось, но к демонам маскировку, надо Шурша вытаскивать.

Едва я затеплила огонечек в ладонях, снизу донеслось:

– Не суйся сюда, девочка. Здесь «язык хамелеона» поставлен.

Голос явно не мальчишеский, скорее старческий, с характерным брюзгливым дребезжанием.

Огонек разгорелся, и я подвесила его над люком. «Язык хамелеона» – очень неприятное заклинание. Его обнаружишь только тогда, когда вляпаешься по уши. Ловушка раскрывается при приближении жертвы, выстреливает липкую магическую сеть и утягивает, спеленав по рукам и ногам. И срабатывает, пока не кончится резерв влитой в ловушку силы. Если она утянула даже дракона смерти, то резерв был большой. Кончился ли он на Шурше, проверить не хотелось.

– И как же ее обезвредить, Шурш? – спросила я, вглядываясь в еле видимые плетения, выглядевшие, как струи прозрачного горячего воздуха, дрожавшие над люком.

– Нинаю, – шмыгнул носом расстроенный дракончик.

– Найди начало плетения, – посоветовал голос незнакомца. – Оно выглядит как более темная и толстая нить-основа. Из нее вытягиваются остальные...

Инструктировал он так понятно, что я заподозрила в нем магистра. Начало плетения я нашла не сразу, зато потом, когда осторожно потянула за «ниточку», заклинание распалось быстро и без побочных эффектов.

Путь свободен, но деревянная лестница была уже сломана Шуршем. Запустив огонек в подземелье, я легла на живот и присмотрелась. Густо оплетенный паутиной Шурш лежал прямо под люком. Если я спрыгну ему на шип – мало не покажется. За драконом просматривалась еще одна спеленутая в кокон мумия.

Еще четверть часа ушло на распутывание жертв под руководством первой из них. Чем дольше говорил гость, тем знакомее казался голос, но, когда пелена спала, передо мной оказался старый слепой горбун, выглядевший под стать ведьме Кикирусе – с клочковатыми седыми волосами, морщинистым лицом, узловатыми руками и белесыми бельмами на глазах.

– Вы кто?

– Внучатый племянник мадам Кикерис, кха-кха... – горбун

закашлялся, прикрыв рот кулаком. – В гости зашел, да хозяйки дома не оказалось, а я вот решил наливочки вишневой по старой памяти... кха... да о ловушке-то и забыл.

Едва он, пытаясь встать, отвел ладонь от лица, ноги у меня подкосились, и я шлепнулась на пол. Когда, вот скажи мне, богиня любви, когда я умудрилась поцеловать и этого слепого горбатого старикашку?! Неужели в той же таверне на празднике братания? Убей – не помню! Все ли в порядке с моим рассудком? Здравым его явно не назвать.

Положив пальцы на изменчивый селенис, я прищурилась: показалось или нет, что контуры человеческого тела слегка дрожат, как горячий воздух над огнем? Сегодняшний смотр одаренных моим поцелуем сельо и последовавшее снятие масок показали две важных вещи: у личин наблюдался именно такой эффект. Теперь я была в этом уверена. Его не было у Шана, когда он вышел с тренировки, но появился, когда он вошел под личиной принца. Его не было у Ирека до последнего занятия и появился, когда маску Ирека надел принц. И у горбуна он явно присутствовал.

Не будь на моей груди магического камня, словно рожденного специально для магии сельо (потому богиня его и любила), я бы до сих пор ничего не замечала.

– Помоги немощному старику подняться, экая ты бессердечная девица! – с упреком пробурчал горбун, протягивая руку.

Я сложила руки на груди, качнула головой:

– Сначала иллюзию сними, погляжу, кто таков.

– Внучатый племянник... – затанул старик старую песню, но резко оборвал и усмехнулся щербатым ртом. – Догадайся, Лика.

– Ирек и принц сейчас заняты важным делом. «Тени»... не вижу смысла для них маскироваться под такую внешность. А вот для того, кто вынужден прятать обломок крыла на спине и отсутствие одного глаза, такой образ вполне подходящ, владыка.

Он вздохнул, сбрасывая с себя личину, сверкнул яркой синевой уцелевшего глаза.

– Умница, девочка. Но без этого камушка на твоей прекрасной шейке ты бы вряд ли догадалась. Идем, пожалуй, наверх. Кикирус вот-вот подойдет и будет очень недовольна, – владыка, прихватив с полки бутылку из темного непроницаемого стекла, задумчиво огляделся. – М-да... будь у меня прежняя сила, в ловушку бы не попал, и лестница не была бы проблемой. И через тень не уйти, паутина высосала из меня последнее. Никак не могу привыкнуть... к ограниченному ресурсу.

– Ничего, у нас где-то тут был Шурш, – бодро сказала я.

Дракончик, после освобождения обежавший и обнюхавший просторное подземелье, шебуршал чем-то в дальнем, самом темном углу, но, услышав имя, заявился с запечатанным тюком в зубах и долго не хотел отдавать добычу.

– Никогда не видел дракона смерти, которому бы так нравился запах свежего белья, – удивился Сатарф.

– А может, он копит простыни на саваны для своих будущих жертв?

– Тогда он решил угробить полмира, судя по количеству украденного. Положи на место! – строго глянул владыка на драконыша. – И отнеси нас на чердак.

– Плотивные жадины! – обзываясь на языке династии Холь, дракончик бросил тюк и вынес нас наверх.

На чердаке оказался вполне жилой, но скудно обставленный старинной резной мебелью зал с двумя закрытыми арочными дверями и крохотными оконцами под стрехой. Балки под крышей переплетались в сложный узор, с них свисали увязанные в душистые веники травы и ветки. Даже целое засушенное деревце с серебристыми листьями висело вниз кроной вместо люстры.

– Кикируся утверждает, что это был отросток дерева жизни, – серьезно сообщил владыка.

Верхушка дерева показывала в центр большого круглого стола с инкрустацией на столешнице в виде карты мира. По кругу стояли резные стулья с низкими, по поясницу, спинками – чтобы крыльям ничто не мешало.

Сатарф вынул из углового шкафчика два кубка, выбил пробку из бутылки, разлил. Одурающе запахло вишней.

– Ну, за спасение! – поднял он тост.

– А вы знаете, владыка, что ваши сыновья вас ищут даже с помощью поисковых заклятий? – я пригубила вино и отставила кубок. Хватит с меня той вечеринки на всю оставшуюся жизнь.

– Знаю, – вздохнул он. – Ирек как раз Кикирусю на помощь позвал, и наша бессмертная няня не смогла отказать. Думаю, она еще их за нос поводит. Видишь ли, я решил не сообщать никому, кроме мадам Кикерис, о моем временном пристанище. Правда, не рассчитал, что одна юная сельо, вооруженная любопытством и весьма мощным селенисом, имеет привычку соваться именно туда, где ее не ждут. К слову, о селенисе. Откуда у тебя это колье?

Я загадочно промолчала.

Владыка попытался побарабанить изуродованными пальцами по столу, но болезненно поморщился, сжал ладони в кулак.

– Ли́ка, я ведь узнал эту вещь, – без угроз, мирным тоном, но так, что озноб пробежал по позвоночнику. – Не бойся, никому ничего не будет, слово владыки. Мне просто интересно, как она к тебе попала.

– Колье случайно свалилось к нам в повозку, когда мы разворотили базарную площадь, Ирек его нашел и...

– Случайно? – хохотнул Сатарф. – Прицельно, я бы сказал. Значит, это Ирек похитил из нашей сокровищницы камень, который хранился в глубочайшей тайне несколько веков, и подарил тебе за красивые глазки. Камень действительно очень идет к твоим глазам. Я понимаю мальчишку и не хочу думать, что дело здесь в приворотной магии сельо.

– Нам нет нужды заниматься приворотной магией! – я обиделась. Столько дурных сказок ходит о лунных девах – зубы сточишь опровергать. Но чтобы в них верил владыка Тьмы и Теней? Я попыталась снять злосчастное кольцо и вернуть хозяину, но замочек не поддавался. – Заберите его, мне чужого не надо.

– Помочь? – участливо спросил Сатарф, но с места не сдвинулся.

– Не расстегивается.

– Еще бы, – по-мальчишески ухмыльнулся главный демон Тархареша.

А у Дьяра, оказывается, фамильная отцовская мимика, заметила я про себя. И вредность. Ясно, с кого противный принц брал дурной пример.

– Даже не пытайся, – рассмеялся темный на мои отчаянные попытки сорвать с себя чужое сокровище, чуть шею себе не отпилила цепочкой. – Я его заговорил ночью, когда накладывал на кольцо заклинание невидимости перед тем, как уйти. Или ты думаешь, оно само по себе стало невидимым?

А ведь принц говорил о том, что узнал магию Темного Трона. А я, занятая разоблачением заговора «теней», внимания не обратила.

– Я думала, богиня помогла, – буркнула я.

– Она его уже не видела. И даже не потому, что незряча. Я наложил заклинание, когда поцеловал тебя, – по его губам пробежала лукавая и одновременно блаженная улыбка. Дивное сочетание. – Готов поспорить, что Лойт ломает сейчас голову, как у тебя получилось создать «лунный мост» и вызвать ее.

– Но почему вы не забрали его у меня сразу?

– Когда-то я хотел подарить это кольцо твоей матери. Не получилось. Мой сын оказался решительнее. Значит, так тому и быть.

– А почему не получилось?

Он помрачнел, плеснул себе вина в кубок, но пить не стал – крутил в

руках, прищутив глаз на густую, кроваво-красную жидкость.

– Ты действительно хочешь это знать, Лика? Скользкая тема, – усмехнулся он. – И не глупо ли – говорить о таких вещах с невинной семнадцатилетней девочкой? Что ты можешь понимать в любви? Еще ничего.

– Если вы о том, откуда берутся дети, то я знаю.

– Не сомневаюсь. Особенно если учесть, что ты не только жрица богини любви, но и побывала во всех постелях Темного Трона, включая моего бастарда.

Меня обдало таким жаром, что цвет кожи наверняка затмил вишневую наливку.

– Не по своей воле.

Впрочем, в общежитие к Иреку я прокралась сама. Но меня вынудили! Хитростью и коварством!

– Вот в том-то и вопрос, – кивнул Сатарф. – Своя ли воля говорит в тех, кто полюбил сельо, или это ваша адова магия, девочка? По своей ли воле любят лунные девы? Или по приказу богини? Или, что еще гаже, за вас любит древняя старуха Лойт, используя ваши сердца, как ты используешь селенис? Любовь – дело двоих. Третья и незваная в этом процессе – это уже разврат. Если мне его захочется, то честнее и чище будет посетить бордель. Я снял пояс целомудрия с Эльды, но не взял ее. А она не стала ни о чем спрашивать. Ушла и тут же, почти на моих глазах, отдала себя первому встречному, который и стал твоим отцом, – владыка залпом опустошил бокал, и тут же налил снова.

Я съежилась на стуле. Даже мне сейчас стало плохо от его слов. Холодно и страшно. А каково было ей? Если бы мама была просто женщиной, темной или светлой, ничего такого не произошло бы. Но она была лунной девой, жрицей. Спасти отвергнутую сельо могло только чудо.

– Что с тобой, девочка? Ты шокирована?

– Нет, – я подняла на него полные слез глаза. – Такое случается. Не часто. Вы слышали о хиссах, лунных тварях?

– Не только слышал, но и убивал эту мерзость. Хиссы – другое название тех же сельо, только безумных.

– Уже не тех. Тварями становятся те девушки, кто по какой-то причине не смог умереть вместе с любимым. Обычно это происходит во сне, когда сельо видит смерть возлюбленного и попадает в ловушку его смерти. Ее душа и сердце умирают, а тело и разум продолжают жить. Она становится вечно голодной жутью, устрашающей даже демонов. Хиссы пьют чужие сердца и души, высасывают жертв до сухих оболочек, послушных их воле,

но никогда не насытятся, потому что уже мертвы.

– Зачем ты это рассказываешь?

Я потерела на шее невидимую цепочку колье. Камень внезапно потяжелел, словно запрещая раскрывать наши тайны. Но этот мужчина должен знать, что он сотворил с моей матерью.

– Для того, чтобы вы поняли, что такое лунные девы, владыка. Вы, наверное, знаете, что сельо изменяется душой и телом для любимого в момент первого соединения с ним, – прошептала я, опять краснея до слез от смущения.

Владыка кивнул, подвинув мне наполненный кубок, но хлестнул словом:

– Я знаю, что вы превращаете мужчин в тряпки.

– Неправда! – От такой несправедливости вся робость исчезла. – Все не так. Камень в воду не превратить, но вода может стать твердой. Сельо, изменяясь, становится такой, какой должна быть только для него, единственного, чтобы создать идеальную пару, звучать гармонично, как струнный лад. Это взрыв чувств и всего ее существа. Огонь и свет, в которых она плавится, чтобы принять новую форму. Но лунная дева, отвергнутая в момент ее полного раскрытия, испытывает такой ужас и отчаяние, что милосерднее ее убить! И безопаснее. Отвергнутая не может остановить изменения тела и души, но из нее уже вырвали сердце. И она перерождается в худшее чудовище, чем хисса. В гинью. И, говорят, это такая боль, от которой несчастная теряет разум.

– Гинья – это уже совсем миф.

– Если бы! Просто подобное еще реже случается, чем перерождение в хиссу.

– Предположим. Но трудно представить, как неразумная тварь может быть хуже разумной. Умный хищник всегда опаснее.

– Гинья способна, как зеркало, отражать чужой разум, пользоваться им. А пластичность нашего тела сельо в ней достигает совершенства. Это уже иное существо. Она может быть женщиной, мужчиной или даже ребенком. Жертва видит в ней отражение потаенной мечты, вожделений, страстей. Видит самое дорогое: возлюбленного, лучшего друга, сына или дочь. Гинья – идеальная убийца, и начинается она с того, кто заставил ее измениться. А потом она изменяется для каждой новой жертвы. Но чем больше она убивает, тем сильнее ее мука и жажда. Вот что было бы с моей матерью.

Побледневший до костяной желтизны Сатарф стиснул в руке серебряный кубок так, что металл погнулся. Отшвырнул испорченную

вещь и, схватив бутылку, отпил из горлышка. Скривился, словно пил уксус.

– И все эти ужасы могли произойти лишь оттого, что я ее не... гхм... – он закашлялся, сделав вид, что поперхнулся вином. – Не рассказывай мне страшные сказки, дитя. Эльда не стала чудовищем, благополучно родила тебя и сейчас вполне здорова, как я убедился собственными глазами.

– Лишь потому, что ее спасло чудо. Зная мамин характер, могу предположить, что тогда она ушла, чтобы убить себя, пока еще была в состоянии сделать хотя бы это. Но тот, кто стал моим отцом, ее остановил. Потому что любил не менее сильно, чем вы. А может быть, и более, если смог удержать ее и от самоубийства, и от перерождения в чудовище, – я вскинула взгляд на растерянное лицо владыки. – Но беда в том, что мама не ответила ему взаимностью. Она лишь приняла его любовь и выжила. Уже бескрылая, как вы сейчас. И остановленное перерождение в лунную тварь не прошло бесследно.

Если я ожидала, что Сатарф проникнется сочувствием и пониманием совершенной им ошибки, то жестоко заблуждалась. Он процедил:

– Так она теперь полутварь? Заметно. Если зная это все, Эльда отдала единственную дочь в храм паршивки Лойт!

Перед кем я тут распинаюсь? – прикусила я губу. Темного ничто не проймет.

– Это было правильное решение. Как я теперь понимаю, она долго боялась, что все-таки переродится. За меня боялась. Гиньи начинают охоту на тех, кого больше всего любили, их тянет к ним... воссоединиться... чудовищным и единственно доступным им способом. А в храме есть кому меня защитить.

Сатарф иронично скривил губы, но промолчал, а я сочла момент подходящим, чтобы перейти от прошлого к настоящему.

– Тогда вернемся к моему заданию. Владыка, я выполнила ваше условие.

Он недоуменно поднял бровь, и я уточнила:

– Я знаю, под какой личиной скрывается в Академии ваш наследник.

– Ах, это, – мужчина расслабился. Наверняка подумал, мол, где уж нам, таким юным и необразованным магичкам, раскусить самую искусную иллюзию Темного Трона. – И под какой же?

– Здесь его знают как Ронара.

– Почему ты так решила?

– Селенис помог обнаружить само заклинание изменения, мне оставалось только вычислить, кто именно прячется под иллюзией.

– Камень обладает такими удивительными свойствами? – синий глаз

вперился в мое невидимое кольцо.

Я кивнула:

– Это же камень изменчивой богини, он откликается и помогает ее жрицам.

– А Ирек, получается, знал об этом, паршивец! – владыка поднялся, достал еще один кубок взамен испорченного, наполнил. – И решил сорвать бесчестную игру Дьяра. Ладно, с этим я разберусь. Но почему ты решила, что у Дьяра одна личина?

Так и знала. Что будет теперь отпираться и юлить.

– Я понимаю, что ваш наследник в течение суток может примерить несколько личин, но Ронар – основная. И кто-то об этом знает точно, если уж он сдает экзамены. Ведь так? – прищурилась я на собеседника.

Он отпил из бокала, задумчиво провел изувеченным пальцем по ободку. Когти у него уже начали отрастать и походили на тонкое дымчатое стекло.

– Экзамены у него принимает во дворце комиссия, – сказал Сатарф. – Официально считается, что Дьяр на домашнем обучении. Что ж, молодец, сельо. И раз мое условие выполнено, хотя и не совсем самостоятельно, подумаю над просьбой Лойт. Правда, не понимаю, какой может быть телохранитель из такой хрупкой и необученной девчушки?

– А давайте посмотрим какой, – скромно потупила я глазки. – Ведь моя задача не вступать в драку, а вовремя почувствовать опасность и вызвать помощь. И нужно-то вам пойти на компромисс с богиней всего лишь до тех пор, пока не будет найден убийца. И мои услуги телохранителя ничего не будут стоить Темному Трону.

Сатарф поперхнулся глотком вина и рассмеялся. Смех у него заразительный, мягкий, красиво вибрирующий на низких нотах, и мне опять стало горько даже не за маму, а за любовь, которую он предал так пагубно для их судеб.

– Хорошо, – сказал он. – Хуже не будет, заодно и за тобой легче присматривать.

Еще полчаса мы утрясали формулировки договора.

Наконец договорились, и владыка вытащил из воздуха два листа бумаги и перо. Я написала под его диктовку. Причем на втором листе, положенном под первый, письмена проявились столь же ярко, как в оригинале.

Скрепили оба экземпляра подписями. Из невидимой воздушной щели Сатарф извлек печать, поставил оттиски. Печать исчезла, затем растаял и экземпляр Темного Трона.

Я свой тоже припрятала за пазуху, поближе к телу. Владыка отчего-то закашлялся, судорожно схватил бокал и опрокинул залпом. Сурово прищурилась: а не с подвохом ли те багрово-черные, как засохшая кровь, чернила? От этих темных всего можно ожидать.

Потом мы выпили за скорейшую поимку убийцы.

И за успешную сдачу будущей сессии.

Я пожаловалась Сатарфу на хеммо, сожравших чернила с тетрадей, но владыка отмахнулся:

– Кому они нужны, эти записи? Их никто не проверяет. Устаревшая метода. Попроси у Дьяра записывающие кристаллы за третий курс.

– А почему мне их не выдали? – возмутилась я.

– Так заговор же, – напомнил повелитель.

И поднял тост за мое благополучное возвращение домой.

Да, Ирек, у тебя действительно хороший друг, подумалось. А ведь он и правда мог стать моим отцом, и были бы мы с бастардом брат и сестра. И с Заргой. Бр-р-р. И с Дьяром...

Последняя мысль мне особенно не понравилась.

– Лика, а можно ли управлять лунными тварями? – с чего-то вдруг озарило Сатарфа.

– Нет. Никогда о таком не слышала. У хиссы уже абсолютно измененный разум. А гинья... Можно ли управлять бешеным животным?

И в тот же миг алкоголь испарился из моей затуманенной головы. Я вспомнила единственную хиссу, виденную мной совсем близко. Вспомнила яростное лицо Зарги, ее бой с тварью и хруст позвоночника под ногой демоницы. А если та хисса не умерла и Зарга ее не добила, а спрятала? Магией можно и позвоночник восстановить. А пока длится исцеление, попробовать приручить сломанную и связанную тварь. Нет ничего невозможного. Приручили же мы драконов смерти.

– Почему вас это интересует, владыка?

– Если сначала я думал, что женщина, за которой я погнался, безумно похожа на повзрослевшую за столько лет Эльду, то теперь, когда увидел царицу в зеркале, понял: мне подсунули почти идеальную копию. Те же черты, взгляд, улыбка, поворот головы. Эльда всегда так откидывала косу, словно это змея, – он улыбнулся, прикрыв здоровый глаз. Вспоминал. И лицо его озарилось нежностью. – Иллюзию я бы раскусил сразу. А если не иллюзия и не Эльда, тогда кто?

Я пожала плечами – знать бы. Не понадобилось бы нам связываться с демонами. Хотя учиться в Темной Академии мне пока нравилось. Столько приключений у меня в храмовой школе не было и за десять лет.

– По твоим рассказам, Лика, – продолжил Сатарф, – гиньи могут принимать для жертвы облик, не отличимый от оригинала, но я не следил за личной жизнью твоей матери. Из моей памяти гинья могла взять только облик юной Эльды. Это значит, кто-то, кто хорошо знает царицу Холмов, «настроил» тварь перед охотой на меня и выпустил приманкой. Кто-то, кто не мог знать о том, что я более не встречался с твоей матерью. Это исключает Заргу.

Договорить мы не успели. В зале внезапно потемнело, а уши заложило, словно на меня опустили ватное облако.

Сатарф резко поднялся, опрокинув стул – грохот донесся как издалека, но тут «облако» лопнуло. Я услышала щелканье замка, дверь, запертая еще и на засов, отошла вместе с засовом.

Я ойкнула. На пороге нарисовалась разгневанная Кикируся со спицами в руках. Одна из них была согнута на кончике, как отмычка. Над плечом ведьмы виновато моргал... предатель Шурш!

– Пьянствуешь! – ведьма ворвалась на наш уютный чердак, а владыка Тьмы и Теней судорожно спрятал бутылку за ножкой стола. – Погреб мой разграбил, ворюга! Малолетних девиц спаиваешь! А я-то, дура старая, ему еще и помогаю прятаться от собственных сыновей, со следа мальчиков сбиваю! И ради кого? Пропойца!

Владыка убрал руку с кубком за спину.

– Ради моего душевного спокойствия, нянюшка. И не убудет от твоего погреба. Я возмещу ущерб.

– Ты себе ущерб возмести, калека! – сыпанула искрами разъяренная Кикируся. – Да боюсь, не все, что потерял, вернуть можно. Совесть ты уже точно не вернешь. А вот если и сына потеряешь... Да знаешь ли ты, куда с перепугу твой ненаглядный Дьяр помчался тебя искать? И скажи спасибо, что я еще твоего драгоценного Ирека успела перехватить, а то туда же намылился, пострел!

Сатарф, ничуть не смущенный, вопросительно поднял бровь. Старуха выпалила:

– В Серые Пределы полетел наш Дьярушка!

– Что-о? – побледнел владыка.

– То! А там у них хисса голодненькая появилась. Это если еще злую-презлую Эльду не считать. Да от нашего мальчика там скоро и косточек не останется! Можешь начинать пить за упокой.

В комнате резко потемнело: так помрачнело лицо Сатарфа.

– Лика, ты побудь здесь, никуда не высывайся. Я разберусь, – сказал он.

И тут я увидела, как рождается Тьма. Жуткое зрелище. Если кто-то надеялся, что достаточно вырвать крылья и когти, чтобы лишить сил владыку Тьмы и Теней, тот глубоко заблуждался. Сатарф был еще очень силен.

Глава 13

Краткая

Эта глава появляется по пятницам тринадцатого числа в тринадцатый год каждого тринадцатого столетия. Все остальное время она невидима.

Глава 14

Принц Дьяр, хисса и прочие красавицы болотные

Когда болотная вода всколыхнулась от магического удара, хисса спала на островке, спрятавшись от дневного жара между корягами. Тварь мгновенно проснулась, выползла из убежища и принялась, подняв морду к небу, где слабо розовел терявшийся в лучах солнца лунный диск.

Луна в Серых Холмах всегда в зените, днем и ночью. Она висит в самом центре небесного купола, неподвижно, как приколотенная богами при сотворении мира.

Ночью на нее падает земная тень, и при ясном звездном небе виден огромный темно-багровый диск, окаймленный слабым ореолом. Днем, в солнечных лучах, луна становится совсем бледной. А в полной красе небесное воплощение богини Лойт являет нежно-розовый или кроваво-алый лик лишь в рассветных или закатных сумерках.

Впрочем, в Серых Пределах, как еще называют гряды сумрачных холмов, пролегшую нейтральной полосой между Тьмой и Светом, не бывает ни полной ночи, ни полного дня. Свет и тьма здесь так смешались, что породили неизбывную серую хмарь, то светлеющую до жемчужной нежности, то темнеющую до цвета грозовой тучи.

В полдень магия сельо минимальна, как и у демонов, потому многие маги считают, что сельо произошли от темных. Лунные девы лишь посмеиваются над учеными лбами: что бы те знали о сотворении мира.

И все-таки полдень – не лучшее время для их охоты.

К счастью, слабеют и лунные твари – и те, что никогда не имели ничего человеческого, и те, что переродились из лунных дев и жен, которым крупно не повезло.

Чаще всего перерождение происходит либо от сильнейшего нервного потрясения, либо во сне. Магини, увы, смертны и должны когда-то спать. И их возлюбленные, которым они отдают всю себя, тоже смертны. И если избранник погибнет во время сна сельо и она не успеет проснуться и осознать его гибель, то в мире появится полумразумная, вечно тоскующая и всегда голодная тварь.

Хиссы – обратная сторона безоглядной, обожествляющей любви лунных дев. После превращения в них остаются лишь освобожденный от человека хищник и магия. Изменившаяся, убийственная магия монстров.

Это и случилось с юной женой охотника, прикорнувшей у колыбели

сына в тот момент, когда ее муж не справился с медведицей. Сельо так и не проснулась в человеческую жизнь.

Хисса не теряет разум, в отличие от гиньи, и хищник в ней еще связан рассудком – хитрым, изощренным, уже нечеловеческим. А обрывочная память и даже речь, оставшаяся от времени, когда тварь была человеком, делают ее еще опаснее. Но все же не настолько, как гинья, меняющая облик, подстраиваясь под воспоминания и вождения жертвы.

Принюхавшись, молоденькая хисса вычленила шесть новых запахов, раскиданных по болоту, где она пряталась. Вкусные запахи шести молодых и сильных мужчин.

Особенно привлекательным ей показался запах, несомненно, принадлежавший высшему демону. От него разило особой магической силой, и это было опасно. Но и возбуждающе. С клыков твари закапала слюна. Если она выпьет эту силу, то ее жажда надолго утихнет, а магия вырастет многократно...

А на пути к самому вкусному самцу можно сделать небольшой крюк и перекусить куда более слабым демоном, тогда она точно справится и с тем, другим.

Хисса поправила заляпанное тиной, но еще не успевшее истрепаться платье, и легко, как лунный луч, заскользила по зыбким болотным кочкам.

Ей повезло с первой жертвой.

Оглушенный демон упал в самое «окно» и не утонул лишь благодаря тому, что раскинул серые крылья и старался не шевелиться. Даже его попытка отстегнуть меч едва не закончилась гибелью. Крылья намокли так, что уже не поднять. Он не мог уйти и тенями: на болоте просто нечему отбрасывать тени. Ни одной в пределах досягаемости.

Хисса вышла на него с подветренной стороны, спряталась на плоском островке за стволом полузатонувшей сосны, почти неотличимая от ржавой воды. И с минуту приглядывалась, оценивая состояние пищи.

Демон почуял чужой жадный взгляд, повернул блеклое грязное лицо. Тварь смутно припомнила, что таких сероволосых и сероглазых называют «теньями», но что это означает, уже забылось.

Поняв, что ее заметили, она поднялась, с трудом удержавшись от голодного рычания. В миг просветления, когда зверь в ее душе обращался к человеческим воспоминаниям, ее изуродованная превращением морда менялась, становясь миловидным девичьим личиком. Демон, попытавшийся сплести магический щит, расслабился – экономил силы.

– Не подходи, девушка, – предупредил он. – Тут самая топь. Утонешь.

Хисса вздрогнула. Из горла вырвался всхлип. Девушка... Когда это

было? Было ли?

– Только не реви, и без того тошно, – вздохнул парень. – Ты как тут оказалась? Заблудилась? Если сможешь, сдвинь ко мне вон ту корягу. Только не оступись.

Хисса кивнула, взялась за полузатонувший ствол, без труда развернув его в сторону тонущего.

По этой легкости демон и заподозрил что-то. Вскрикнув, дернулся прочь, но хлопнувшая трясина мгновенно засосала его по плечи. Хисса невесомо ступила на дерево, вытянулась вся. Ее руки, только что бывшие совсем человеческими, удлинились и сомкнулись на крыле жертвы, подтаскивая и разрывая кожу когтями. Демон судорожно забился, тварь свалилась с шаткой опоры в трясину, но извернулась в воздухе и упала на его спину, погрузив тело демона с головой в жижу.

Это было плохо. У мертвого не взять силу. А она нужна, чтобы подобраться к тому яркому и сладкому источнику высшей магии. Хисса, с легкостью пуха державшаяся на поверхности болота, подсунула корягу под захлебнувшегося демона. Срезала когтем с его пояса тяжелый меч, тянувший на дно. Подняла жертву на поверхность. Затем подтащила к островку, привела в чувство и, улыбнувшись, когда парень открыл глаза, присосалась к его губам, вытягивая дыхание, силу и жизнь.

* * *

Дьяр ругал себя последними словами: надо же быть таким дураком! Совсем голову потерял от страха за отца. Слишком жутким оказалось то, что с ним уже сделали. С владыкой Тьмы и Теней! Какие-то две проклятых железяки лишили сил и даже крыльев высшего мага! Уму непостижимо. Ну хорошо, древние кинжалы – не простые железяки. Но все-таки легкость, с какой неизвестный маньяк (попадись он только! Тысячу лет мучений Дьяр ему обеспечит!) расправился с Сатарфом, пугала даже демона.

И когда отец снова пропал, а Лика рассказала, какое зрелище эта их мерзкая богиня показала Сатарфу... Ее мать с каким-то мужчиной! И пусть девчонка не призналась, кто ее мать, но тут несложно догадаться. Если речь идет о Лойт, если отец впал в гнев из-за женщины, если он сразу исчез куда-то, никому ничего не сказав, то эта женщина – его несбывшаяся любовь. Эльда Интаресс, царица Серых Холмов. Такого, конечно, отец выдержать не смог, взбесился от ревности.

И куда еще, как не в Серые Холмы, он мог пойти? В его-то состоянии –

почти без магии, изуродованный!

Дьяр, едва выслушав Лику, кликнул болтавшуюся в Академии пятерку «теней» и помчался спасать отца. Ринулся к Серым Холмам, не рассуждая, забыв о том, что дворец царицы сельо выдержал бы и удар владыки Тьмы и Теней в полной силе, не то что его наследника, не обладающего полнотой темной власти. Ломанулся в защитный купол со всей дурной силушки. И получил по мозгам. Оглушило так, что и магию отшибло. Ни одно заклинание сплести невозможно.

И шлепает теперь высший демон, как простой смертный, по шее в грязи.

Крылья подсыхали быстро, магия, судя по жжению в груди, возвращалась. А вот своих соратников принц потерял – отшвырнуло их с той же силой, с какой ломились в купол. Наверняка отражатель сработал.

Принц расправил слипшееся от тины крыло, снял присосавшуюся пиявку. Ну и мерзость! Хорошо, что эта пигалица Лика не видит, в какое чучело он превратился. Вот бы позлорадствовала. Чудо еще, что он не утонул в этом дьявольском болоте.

Дьяр, остановившись, сосредоточился, пытаясь услышать связанные с ним жизни «теней». Но контуженная ударом о купол голова тоже словно тиной наполнилась – ни шепота от «теней» не проникало. Да еще и полдень – не самое лучшее время для демонов.

Удачная вылазка, ничего не скажешь. Узнает отец – со свету сживет за недостойную его наследника глупость. Лишь бы с владыкой ничего не случилось. И с товарищами.

А кто первопричина случившегося? Сельо!

С тех пор, как Дьяр встретил Лику, его преследуют неудачи. Одни неприятности от этих лунных девок! Не зря отец их всех до одной изгнал из Тархареша. Хотя Дьяр подозревал – лишь потому изгнал, чтобы лунные девы не напоминали ему об Эльде.

Принц, задумавшись, ступил мимо кочки, провалился до бедер, но вырвался, расправив ставшие тяжелыми, как драконья броня, крылья. Спину сразу же свело от напряжения, а всего-то пару взмахов сделал.

И тут до него донесся слабый крик. Откуда-то справа.

Принц, уже не обращая внимания на боль в спине, балансируя полурасправленными крыльями, рванул на звук, откуда только силы взялись.

Зрелище, представшее вскоре перед ним, огорчило и в то же время обрадовало: нашелся один из «теней». Правда, в плачевном состоянии. Весь в грязи с зелеными крапинками болотной ряски, порванные крылья

слиплись в комок. И, похоже, парень без сознания.

Над ним стояла на коленях какая-то девчонка в мокром, потерявшем под грязью цвет платье, облепившем сильное фигуристое тело. Принц сообразил, что девушка нашла его слугу или даже вытащила из трясины на твердую почву и, судя по всему, делала искусственное дыхание. Да так увлеклась, что это уже походило на страстный поцелуй. Она даже головы не повернула на крик Дьяра:

– Эй! Он жив?!

Зато судорожно дернулись ноги лежавшего демона.

Обрадованный Дьяр гигантским прыжком перемахнул на островок.

– Жив! Спасибо тебе, девушка. Отойди, я приведу его в чувство.

Оторвавшись от губ «тени», девица подняла перепачканное грязью и кровью, но красивое лицо. На Дьяра глянули глаза с серебристыми ободками вокруг расширенных во всю радужку, по-звериному мутных зрачков. Так светится ореол во время лунного затмения.

– Приш-шел, – прошептала она, и ее неправдоподобно алый рот растянулся в улыбке. – С-с-сам пришел ко мне, мой с-с-сладкий.

Откуда-то издали донесся волчий вой. Лицо девицы исказила злая гримаса. Дьяр не успел ничего понять, как она, вскочив одним движением, метнулась к нему, обняла так крепко, что едва ребра не хрустнули, и попыталась прижаться губами к губам. Но принц был куда выше этой сумасшедшей. Он задрал подбородок, одновременно отдирая ее цепкие руки, на которых появились хорошо знакомые ему коготки сельо. Когтищи, если быть точным.

– Не подпускай эту тварь! – донесся далекий крик со спины.

Кричала женщина. Потрясающе оживленное болото, подумал Дьяр, не в силах обернуться и посмотреть, что еще за напасть явилась: он тщетно отдирав от себя настырную и по-змеиному гибкую замарашку, обладавшую нереальной для девицы мощью.

– Беги, демон! – крик прозвучал значительно ближе, но совет опоздал.

Девица, не дотянувшись до губ Дьяра, с утробным рыком впиалась ему в шею, и по его телу сразу разлился обессиливающий жар. Накатила вялость, сознание помутилось. И показалось верхом глупости сопротивляться поцелую болотной красотки. Принц пошатнулся, но пришел в себя, наступив на крыло товарища, хрустнувшее под сапогом.

Остальное он видел, как в тумане: вокруг замелькали огромные волки с вооруженными всадницами на спинах. Их окружили. Болотная красотка, оставив принца в покое, с диким визгом сцепилась с темноволосой женщиной. Обе, разумеется, не удержались на крошечном островке –

покатились в болото, и через мгновение над трясинной заплесал смерч лунного света, брызжащий тиной во все стороны.

Дьяр с тревогой оглянулся на воющий смерч, пронесшийся в опасной близости. Волки тоже проводили дерущихся опасливыми взглядами. А вот десяток воительниц и бровью не повели, исподлобья, с угрозой разглядывая принца. Дьяр понял, что из этого оцепления ему не вырваться... бескровно.

– Что, милашку свою болотную жалеешь? – ухмыльнулась одна из воительниц, высокая и крепкая богатырша. – Не волнуйся, наша царица сделает все, чтобы не убить ее. Несчастливая не виновата в том, что стала хиссой.

– Царица? – вот теперь Дьяр действительно разволновался. Если Эльда скачет по болоту, то ее разборки с Сатарфом либо закончились, либо... их и не было. – Скажи, девушка, а владыка Сатарф... он... хм... приходил... э-э... с визитом?

Воительница округлила глаза.

– Владыка Тьмы? Да с какой стати?

Дьяр отвернулся, борясь с тошнотой, на коленях подполз к безжизненно лежавшей «тени». Лицо слуги распухло и посинело, как у трехдневного трупа.

– Дамир! – позвал принц, тронув его шею. Пульс не прощупывался. Попытка влить в «тень» хотя бы немного силы оказалась безуспешной.

– Посторонись-ка, вояка! – проворчала еще одна всадница, спрыгнув с волчары. Сняла фляжку с пояса и, вытащив пробку, влила в приоткрытый рот Дамира какое-то зелье. Подняла насмешливые карие глаза на принца: – Парализующий яд хиссы твоя магия не одолеет. Сейчас твоему демону полегчает.

Действительно, цвет лица Дамира стремительно менялся с синего на привычный серый, а опухоль спадала на глазах. Дьяр приложил ладонь к его грудной клетке, посылая слабый магический импульс. На этот раз его помощь не была отторгнута, и сила тихонько засочилась, вливаясь в истощенное тело. Дамир хрипло вздохнул.

– Теперь он поспит часок и встанет здоровеньким, если продолжить его лечение, ваше высочество, – удовлетворенно сказала кареглазая девушка, сделав знак подругам. Понимая, что сельо лучше знают, как бороться с ядом их тварей, принц не стал возражать, когда Дамира подняли, погрузили на спину волка, и тот, безошибочно выбирая тропу, потрусил прочь по болотным кочкам.

– С чего ты взяла, сельо, что я высочество? – спросил Дьяр.

– Глазки у тебя синенькие, как у куколки, – хохотнула воительница. – Только дикие звери не знают об этой особенности царствующей в Тархареше династии высших демонов. Но ты – явно не Сатарф. Значит, его наследник. Логично?

– Не совсем. Еще сохранились дальние ветви нашего рода, у них тоже синие глаза.

Принц не стал уточнять, что его почти забытые родственники в количестве двух или трех дряхлых демонов уже почти высохли от старости и живут не в самом Тархареше, а прячутся, от греха подальше, то ли в горах, то ли на морских островах.

Последние его слова утонули в надвигавшемся скрежете, вое хиссы и крике Эльды:

– Стой, дура! Все равно не сбежишь!

Дьяр, распахнув крылья, заслонил кареглазую воительницу. Вихрь налетел на него, споткнулся и распался на две фигуры. Хисса упала на четвереньки, хрипло рыча. С ее подбородка стекала желтоватая пена, глазищи дико сверкали. Эльда, воспользовавшись паузой, вскинула растопыренную ладонь, из которой брызнул сноп лучей. Но свет тут же иссяк, не долетев до твари. Царица недоуменно глянула на свою руку.

Этого мига оказалось достаточно: хисса взвилась спущенной с тетивы стрелой и вцепилась в запястье царицы. Брызнула кровь. Девушки из свиты вскрикнули, подняли оружие.

Их опередил Дьяр: рассек тело твари мечом Тьмы. Любое существо из плоти и крови распалось бы от такого удара надвое. Но хисса колыхнулась, на миг став туманным призраком, меч свистнул, словно прошел сквозь пустоту, а пасть твари переместилась к плечу Эльды, и клыки снова сомкнулись.

– Вот, значит, как, богиня... – прошептала царица, грустно усмехнувшись. И кулак ее левой руки в латной перчатке врезался в висок хиссы.

Тварь, снова колыхнувшись облачком, на миг выпустила жертву. Эльда отпрянула, левой ладонью выхватила клинок, и ее движения стали столь стремительны, что, казалось, в ее руке раскрылся сверкающий веер.

Она наносила удар за ударом, хисса лихорадочно мерцала, но ее тело уже не успевало преобразовываться и пропускать сталь. Призрачная плоть окрашивалась кровью. Хисса уже не рычала – жалобно выла, попыталась бежать, но ее встретили клинки воительниц. Потеряв остатки разума, тварь ринулась на Дьяра и напоролась на меч. Он вошел в правое подреберье: в последний миг рука принца дрогнула и отвела острие от сердца. На

землю упало окровавленное девичье тело.

– Сеть, быстро! – скомандовала Эльда, бросив короткий, ожегший, словно плетъ, взгляд на принца.

Девушки накинули на обессиленную хиссу плотную сеть, связали и прикрутили к спине огромного волка, и только тогда царица занялась своими ранами. Вокруг нее собрались воительницы, закрыв спинами от демона. До слуха Дьяра донеслось:

– Что произошло, госпожа? Почему не сработали заклинания?

Усталый голос Эльды ответил насмешливо:

– Это Лойт решила наказать меня, девочки. Я обидела ее статую.

– Статую?

– Ну да. Посмела стукнуть вот этой рукой. И Лойт позволила хиссе немного ее погрызть.

Дьяр скрыл удивление, сделав вид, что ничего не слышал. Поинтересовался у кареглазой воительницы, не отходившей от него ни на шаг:

– И что вы будете делать с пойманной? Показывать в клетке за деньги?

– Еще сутки назад она была нашей сестрой. Попытаемся вывести ее из сна разума и вылечить.

– От бешенства? Это часто случается с сельо?

– Только с теми, кто погас вместе с жизнью любимого, – терпеливо ответила девушка. – Человеком она уже не станет, но и зло творить не сможет.

– И много еще таких тварей на вашем болоте? Мне надо найти товарищей.

– Хисса была тут единственной. Но твои слуги уже найдены, и теперь они – наши пленники, – сообщила кареглазая. – И ты – тоже.

– Кто тебе сказал? – прищурился принц, вскинув голову.

Эльда, раздвинув девушек, приблизилась к нему. Руку ей уже перевязали. Дьяр выпрямился, с трудом выдерживая взгляд гордой царицы амазонок. Глаза у нее были в точности как у Лики – глубокие, словно океан, только оттенок не зеленый, а серый. Очень недоброжелательный ледяной океан. А ее растрепавшиеся темные волосы, окутавшие плечи, напоминали грозовые тучи.

Она разглядывала Дьяра не менее пристально, чем он – последнюю любовь своего отца. Сейчас он хорошо его понимал. Воинственная царица Серых Холмов, разгоряченная схваткой, оказалась не просто красива, а сокрушительно прекрасна. Если ее дочь Аэлика станет такой же, когда повзрослеет... то лучше забыть о ней уже сейчас. И о дурацком пари

Дамира. Вот только Дьяр не привык сдаваться.

– Это я им сказала, принц, – процедила царица, устав держать паузу. – Вы все останетесь тут заложниками.

– И кто сможет удержать меня насильно? – поднял он бровь.

– А жизни твоих «теней» для тебя ничего не значат? Если решишь биться, они умрут.

Он и не собирался драться. Даже не потому, что перед ним женщина. Демоны слишком хорошо знали, что иная демоница даст фору и нескольким мужчинам. А только потому, что эта женщина – мать Лики.

Дьяр натянул привычную маску высокомерного принца без стыда и совести.

– Биться с раненой женщиной – мало чести для воина. Я уйду тенями и без драки. Ты не сумеешь остановить. А мои телохранители... – тут Дьяр соорудил презрительную усмешку, полагающуюся темному цинику. – Значит, они достойны такой позорной участи. Где это видано, чтобы принцы выкупали собой жизни слуг?

Эльда скривила уголки губ.

– У Сатарфа не слишком умный наследник. Передай ему мои соболезнования.

– Непременно, – демон чуть покраснел. – Если подскажешь, где сейчас мой отец.

– А я должна это знать? – удивилась Эльда.

– Так он у вас тут сегодня не появлялся?

– Мне не докладывали о таком госте, – мраморный лоб царицы прочертила озабоченная складка. – Разве Сатарф не нашелся?

Помедлив, юноша признался:

– Он появлялся на пару дней, но опять исчез.

– Появился, взял Лику в заложницы, написал ее отцу хамское письмо и исчез? Где моя девочка, Дьяр?

– Что значит – в заложницы? – изумление демона нарастало. – Сегодня утром я видел ее на занятиях в Академии Тьмы. А владыка уже пропал к тому часу.

Эльда задумалась.

– Почему ты решил, что он отправился к Серым Холмам?

Дьяр объяснил и с некоторым злорадством понаблюдал, как порозовела царица. Квиты. И он решил, пользуясь моментом, заполучить союзника. Если удастся помирить владыку и царицу, отец перестанет лапать Лику, а Дьяр – мучиться от бессильной ревности.

– Он помнит вас до сих пор, госпожа Серых Пределов, – сказал он,

придав голосу глубочайшую задушевность. – И не обидит Лику. Но должен сказать вам, что вашей дочери угрожает другая опасность. Она очень похожа на вас. И отец не остался к ней равнодушным, вспомнил юность. Если Сатарф решит ее добиться, он это сделает. Тут никто владыке не соперник.

– Ну уж нет! – ноздри Эльды раздулись от гнева. – Он не посмеет!

Дьяр бросил на разъяренную царицу оценивающий взгляд из-под ресниц, скорбно вздохнул:

– Уже посмел. Он ее поцеловал. А если владыка Тьмы захочет, ни одна женщина не сможет устоять перед ним. Даже сельо.

– Не бывать этому! – пальцы Эльды сжали рукоять меча.

– Только вы можете остановить его. И спасти от него Лику.

– Да чтоб он сдох! Как?

– Не знаю. Я не знаю, что произошло между вами, отец не рассказывал. Но если вы сможете забыть о гордости и попросить у него прощения, он сразу забудет обо всех других женщинах. Потому что на самом деле ему никто другой не нужен, вот это я точно знаю.

Ошеломленная Эльда несколько долгих мгновений взирала на принца потемневшими, как море в шторм, очами. Выдохнула:

– Мне – просить у него прощения? Мне? Ты не ведаешь, о чем говоришь! Даже представить не можешь!

– Я сразу признался в неведении. Может, это ему надо встать на колени и просить у вас прощения. Так простите же его наконец! Ваша вражда никому не принесла пользы, царица.

И уж точно помешает планам Дьяра, но этого принц не стал сообщать, разумеется.

К задумавшейся Эльде подошел крупный волк, ткнулся мордой в колени и лег, показывая, что пора бы и в дорогу.

– Поедешь с нами, – приказала она Дьяру. – Мне надо убедиться, что ты не лжешь и Лика свободна. Как только я поговорю с дочерью, отпущу всех, хотя вы и нарушили границы моего царства и вторглись на запретную территорию. За ваши деяния мне ответит Сатарф... когда найдется. А пока – будь моим гостем, принц.

Глава 15

Дьяр, или Убийственные интриги

Сельо наверняка окружили невидимым защитным куполом не только дворец, но и всю столицу Серых Пределов. Зов сводного брата Ирека, переполошенного еще и исчезновением Дьяра, настиг принца на самом въезде в город, когда отряд всадниц на волках неспешно въезжал в ворота. Но, едва они пересекли черту крепостных стен, зов Ирека как отрезало. Дьяр лишь смог дать ему понять, где находится, но раскрыть подробности не успел. Хоть обратно поворачивай.

Он покосился на царицу, ехавшую рядом, сердито сведя брови, на стражниц с «лунными» мечами, окруживших его и заляпанных тиной «теней», и решил, что не стоит совершать резких телодвижений. Главное, Ирек понял, что опасности для жизни брата нет, и на том спасибо.

Эльда заметила, как напрягся и тут же расслабился сын ее врага. Только бы мальчишка никаких глупостей не начал делать. Ее сельо и без того раздражены: «теней» пришлось вылавливать с боем, и лица у нескольких девиц разукрасились синяками, а кое-кто и руки-ноги вывихнул. Хорошо еще, обошлось без крови. По всей видимости, демонам был приказ никого не убивать, но потешились они славно.

Путь мохнатой кавалькады пролег мимо величественного главного храма Лойт с огромным куполом, окруженным колоннадами. Начальница стражи Берра, слышавшая о намерении Эльды переговорить с дочерью, выжидающе придержала своего волка у дорожки, ведущей к воротам храма: «лунные мосты», позволяющие говорить с собеседником на любом расстоянии, сельо всегда строили с помощью богини. Но царица отрицательно мотнула головой, и отряд двинулся дальше.

Эльда остановилась у древней священной рощи селиатов – лунных деревьев с серебристой листвой и молочно-белыми стволами, выглядевшими как дивные свечи. Она спешила, потрепала волка по загривку.

– Я пойду одна. Ждите здесь.

И ее стройная фигура исчезла в глубине сада.

Эльды не было полчаса. А когда она вышла, ее лицо было хмурым. На вопросительный взгляд Берры она отрицательно мотнула головой и, запрокинув лицо, чуть ли не с ненавистью глянула на висевшую в небе луну, едва видимую в лучах солнца.

Заинтригованный Дьяр воспользовался магией, чтобы подслушать разговор царицы с начальницей стражи. Хорошие, плотные тени падали от волков на мостовую, сплетаясь в прочную сеть. По ней и подобрался принц как можно ближе к говорившим.

– Ты расстроена, госпожа. Плохие новости? – тихо спросила Берра.

– Пока ничего плохого. Лойт сказала, что с Ликой все в порядке, девочка свободна и действует по нашему плану, а Сатарф просто решил подшутить над ее отцом.

– Хороши шуточки!

– Но увидеться с Ликой богиня не позволила. Мстительная лунная дрянь! – в сердцах выругалась царица. – Мол, занята сейчас Лика. Интересно, чем?! Или кем?!

Эльда пустила своего волка вскачь, и отряд стремительно помчался по улицам города к белокаменному дворцу, возвышавшемуся на вершине холма.

Дьяр нахмурился: ему тоже не понравилась чрезмерная занятость бесшабашной девчонки. И до зуда в ладонях захотелось прикоснуться к Лике, узнать, действительно ли все в порядке. Но как это сделать, если он – под защитным куполом сельо, ограничивающим чужую магию?

Впрочем, у темного принца был свой, особый способ.

Он сосредоточился, не обращая внимания ни на скорость движения, ни на мелькавшие по сторонам панорамы изысканных домов и площадей чужой столицы. Потянулся к печати, поставленной на тело Лики его слугой. Почувствовал растерянность девушки. Но никакой угрозы.

Если бы ей действительно что-то угрожало, печать сразу бы дала знать принцу. Разбудила же она Дьяра, когда Ирек похитил Лику из Башни трех принцесс. И позвала, когда Сатарф прикоснулся к девушке.

Дьяр стиснул зубы, вспомнив смятение и злость, какие он испытал, наблюдая за развлечениями девчонки. Вот так из-за женщин и начинаются войны, так и вспыхивает ненависть сына к отцу и брата к брату.

Но Дьяр будет выше этого, разумеется.

Он не позволит какой-то там лунной кошке с шаловливыми коготками пробежать между ним и самыми родными для него душами. Ирека можно не брать в расчет: он не станет переходить дорогу брату. Если, конечно, Дьяр попросит. А унижаться до просьб пока не хочется. Соперничество должно быть честным.

Но вот отец... Даже искалеченный, он заткнет за пояс обоих сыновей, вздохнул принц, вспомнив взгляд Лики на Сатарфа, в котором сочувствие быстро сменилось восхищением. На Дьяра она никогда так не посмотрит.

Едва он вспомнил о владыке, как в сердце кольнуло. И вдруг принц увидел его лицо совсем близко, как наяву. Сатарф держал в руке кубок с вином. Его выколотый глаз скрывала повязка, зато уцелевший светился в два раза ярче, как синяя звезда. И смотрел он с нежностью.

Дьяр закрыл глаза, чтобы ничто не мешало сосредоточению. Активировал заклинание вездесущей Тени, вплетенной в магию Ликиной печати. И услышал голосок девушки:

– Селенис помог обнаружить само заклинание изменения, мне оставалось только вычислить, кто именно прячется под иллюзией.

– Камень обладает такими удивительными свойствами? – спросил Сатарф, сделав глоток из кубка.

И снова голос остававшейся невидимой Лики:

– Это же камень изменчивой богини, он откликается и помогает ее жрицам.

– А Ирек, получается, знал об этом, паршивец, – усмехнулся Сатарф. – И решил сорвать бесчестную игру Дьяра.

Принц покраснел, но запнул куда подальше шевельнувшуюся было совесть. Бесчестная игра? Да и плевать. Победителей не судят.

Он с такой злостью вцепился в загривок везшего его волка, что зверь зарычал и, повернув мощную лобастую голову, клацнул клыками. Это вернуло Дьяру чувство реальности, но контакт с Ликой был потерян.

Отряд уже въехал в парадные дворцовые ворота. Воительницы спешили на площади перед беломраморной лестницей, царица ругалась с лекарем, судя по обрывкам фраз.

Принц пытался удержать в памяти видение отца и определить по деталям обстановки, где происходил подслушанный разговор. Круглые стены, витиеватые решетки на узких окнах с магическими печатями, балки, переплетенные десятиконечной звездой под деревянным шатром потолка. Все это напоминало что-то знакомое – башню, например. На всех окнах зданий Академии стояли такие хитрые печати. И еще Дьяр был уверен: за эти несколько часов Лика не покидала стен Академии – Ирек сообщил бы ему, или охрана, не спускавшая с девушки глаз, видимых и невидимых.

А значит, отец спрятался там. С Ликой наедине! И сговорился с нянькой Кикирусей, чтобы его не выдавала. И блокировал связь с сыновьями. Да у него совсем разум помутился! А они с братом его ищут по всему миру, с ума сходят! У кого тут бесчестная игра, отец? Дьяр в бессильном бешенстве сжал кулаки и торопливо направился к царице.

– Ваше величество!

Эльда, отстранив назойливого лекаря, обернулась.

– Да, принц, вам выделяют апартаменты и проводят. И не обращайтесь ко мне с этими величествами, у нас так не принято.

Юный демон нервно дернул крыльями. С них слетели комья подсохшей грязи.

– Госпожа Эльда, мне нужно поговорить с вами.

– А разве ты сейчас не со мной говоришь? – насмешливо вздернулась ее бровь. Но она сделала знак стражницам и волкам отойти и начала подниматься по ступеням. – Слушаю, Дьяр.

– Подождите, госпожа Холмов. Защита вашего города блокирует мою связь с Тархарешем. Можно ее снять? Мне нужно поговорить со своими.

– Это абсолютно исключено.

– Значит, я тут все-таки не гость, а заложник? В таком случае мои планы изменились. Вы, кажется, говорили о бое со мной?

Она стремительно развернулась.

– Ты передумал, Дьяр, и мои раны уже не помеха для твоей чести?

– Быть пленником женщины – еще больший позор. Уйду только я. Жизнь моих слуг – в вашем распоряжении.

– Попробуй уйти, – снисходительно улыбнулась царица.

Дьяр выхватил клинок, и Эльда сразу ринулась в атаку. Зазвенела сталь.

Это была виртуозная схватка. Все преимущества были на стороне Дьяра – рост, вес, мужская сила, длина клинка, – но он делал все, чтобы ими не воспользоваться. Эльда была куда опытней, зато ранена и дралась одной рукой. Дьяр тоже переложил меч в левую, вызвав этим благородным жестом уравнивать шансы раздраженное фырканье сельо.

Ему пришлось очень тяжело: нельзя было показать, что он, наследник Темного Трона, сейчас сильнее. Эльда могла победить, только если применит магию. Но, видимо, богиня все еще гневалась на богохульницу: царица не использовала заклятий, хотя уже запыхалась, уходя от контратаки.

Дьяр, спохватившись, нарочно споткнулся. И так удачно, что подвихнул ногу. В тот же миг его крыло оказалось распоротым кончиком клинка Эльды. «Ничего, заживет...» – поморщился он, уворачиваясь от нового удара. Немного не рассчитал с блоком и поворотом кисти руки: выбил меч соперницы, к своей досаде. Но, пока делал вид, что туго соображает, добить безоружную или пощадить, Эльда в кувырке подняла оружие и удвоила усилия. Дьяр уже без всякого притворства с трудом сдерживал ее натиск. Пропустил удар в плечо, и по левой руке, к его радости, заструилась кровь.

«Ну где же ты, отец? Бездна дерьма, да я могу тут подохнуть!» – тщетно звал принц.

Весь смысл затеянной им игры был в том, что владыка Тьмы и Теней, где бы он ни был (если только сам не при смерти), придет к сыну на кровный зов. Но жизнь сына должна быть действительно в опасности. А Эльда щадила его, как и он ее, оба не доводили удары до конца, чтобы не нанести серьезных ран. Разве это бой? Так, потеха одна. Если бы получилось втянуть в схватку стражниц или хотя бы волков...

Они бились уже не на широкой безлюдной площади, а под дворцовой стеной, куда отошли наблюдавшие за схваткой. Дьяр отскочил от сверкнувшего над головой меча в сторону и двинул кулаком по морде ближайшего волка. Еще отскочить, и дернуть за ухо второго. Ага, не нравится! Отбив атаку Эльды, принц развернул меч и отсекал кончик хвоста третьему волчаре.

И стая не выдержала нахальных нападений. Ринулась, не слыша неистового крика Эльды:

– Назад! Он мой!

В плечо Дьяра впились клыки, такая же адская боль обожгла бедро. Стая повалила наглеца, и принц задохнулся под массой тяжелых мохнатых тел.

«Отец! – мысленно завопил он, поняв, что волчьи клыки вот-вот пробьют слабую магическую защиту на его горле. – Помоги! Я В СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ!»

Наконец подействовало! Принц почувствовал, что его зов пробил защиту селю, коснулся и брата Ирека, и всех «теней», и того, кому был направлен.

«Иду, сын! Держись!» – услышал он, и его сознание поглотила спасительная Тьма.

* * *

Эльда была в отчаянье от случившегося: взбесившаяся стая перестала подчиняться и ринулась на принца.

Откуда ей было знать, что оборотни лучше ее поняли: Дьяр послал вызов всей стае. И стая приняла и ответила. Оборотни не могли понять, почему их вожак пошла против священных традиций общего боя со смертником, решившим умереть от их клыков. Это лишь его и их дело!

И вдруг посреди кучи рычавших, жаждавших чужой крови волков

взметнулся черный фонтан непроницаемой тьмы. Обратней разметало по площади, как ворох листьев порывом ветра, переломав им лапы.

Волна тьмы схлынула, оставив рядом с распростертым на камнях принцем бескрылую фигуру одноглазого мужчины с кубком в руке.

– Неужели ты не мог сам справиться с какими-то блохастыми щенками, мальчик мой? – спросил он, опустившись на одно колено над Дьяром, провел по его лбу кончиками изуродованных пальцев с вырванными когтями, и изодранное тело принца окутала темная дымка. Лишь тогда одноглазый поднял взор на бледную, как привидение в полночь, царицу. – Здравствуй, Эльда. Все с мальчиками воюешь? Ну, за твое здоровье! – отсалютовав кубком, Сатарф осушил его и, стряхнув оставшуюся каплю на камень, с сожалением заглянул в опустевший сосуд. – Жаль, бутылку не прихватил. У тебя тут найдется какой-нибудь приличный кабак, где не пахнет блохастой псиной? Может, составишь мне компанию? Выпили бы за встречу...

Царица не ответила. Ее пальцы, сжимавшие меч, разжались, и клинок с погребальным звоном упал в полнейшей тишине.

От этого звука Дьяр очнулся. Сел, с брезгливой гримасой оборвал изодранные в лохмотья рукава. Рваные раны уже затянулись, лишь остались белые рубцы шрамов.

– Спасибо за помощь, отец. Я бы прошелся с тобой по местным кабакам, но я тут заложник, нельзя, наверное...

– И как же тебя угораздило попасть в плен?

– Тебя искал.

– Далековато забрался. Почему сразу не позвал?

– Сначала ты не отзывался, а потом... я не хотел мешать твоей встрече с Ликой, – Дьяр покаянно опустил ресницы, но покосился на замершую Эльду.

С царицей происходило что-то непонятное: ее трясло, губы кривились, грудь судорожно вздымалась, словно Эльде не хватало воздуха, ладони то сжимались в кулаки, то разжимались. И остановившиеся на изуродованном лице Сатарфа зрачки тоже то расширялись во всю радужку, то сжимались в исчезающую точку.

Даже побитые оборотни перестали подвывать и тихонько отползали к стеночке, поджав хвосты. Стражницы тоже осторожно пятились, но приготовили оружие. А их губы шептали:

– Только не это, богиня! Смилуйся, помоги, спаси нашу царицу... Не дай свершиться ее превращению, Лойт!

Рядом с Эльдой откуда-то появилась худенькая седая женщина и

ласково гладила ее по плечу. Из кармана старушки торчали вязальные спицы.

– Тихо, милая, тихо, – бормотала она. – Успокойся, все хорошо. Это тебе привиделось все. Ты видишь плохой сон, девочка. Всего лишь сон. Сейчас ты проснешься, и все развеется.

– С-с-с-о-он, – выдохнула Эльда с каким-то странным шипением, и на миг ее напряженное лицо напомнило принцу ту болотную тварь, хиссу.

– Да, милая моя, да... – уговаривала старушка. – Не взаправду все.

А сама левой рукой вытащила из кармана спицу. В точности такую же, как у Кикируси, отметил удивленный Дьяр.

И бессмертная няня темных владык, легкая на помине, тут же появилась за спиной Сатарфа. Поправила соломенную шляпку на растрепанных космах, ткнула владыку в бок кулаком. Проворчала:

– Ну, чего стоишь, дурачина, кого ждешь? Тут сейчас такое будет... Гинья восемнадцать лет стоит за порогом. Прорвется, мало никому не покажется!

Сатарф, не отрывая взгляда от глаз Эльды, плавным движением прикоснулся к сыну.

– Уходи домой, Дьяр, немедленно, – шепнул владыка. – Растворись тихонько, она сейчас и не заметит. Твоих «теней» я тоже смогу выпустить.

– А ты? – так же на грани слышимости спросил принц. – Ты же выплеснул остатки сил, я чувствую.

– Не беспокойся обо мне. У меня тут еще кое-какие дела. Вернусь, как сделаю.

Кикируся подтолкнула владыку:

– Да присмотрю я за твоим мальчиком, раз уж пришла. Ступай, Сат, время выходит. И говори с ней, говори, не дай уснуть ее разуму!

Дьяр не смог заставить себя послушаться отца и уйти. Как замороженный, смотрел на плавные движения владыки, скользящего к царице, слушал его мягкий, ставший бархатистым голос:

– Я всего лишь твой сон, Эльда. А ты – мой сон. Прекрасный, как весенний сад на рассвете, когда распускаются первые цветы. Ты помнишь? Мы впервые увидели друг друга в таком саду. Было полнолуние, и деревья стояли, словно кружевные, сотканые из лунного света. Луна в Тархареше видна не так, как в твоём царстве на Серых Холмах. Она то прячет свой лик, то открывает полностью, и он прекрасен, должен признать. Но ты, Эльда, прекраснее. Ты танцевала в ту ночь и смеялась, празднуя дни полной силы богини, помнишь?

Эльда судорожно вздохнула и прикрыла глаза, а Сатарф подошел

совсем близко, медленно поднял руки и коснулся ее плеч. Старушка, одобрительно кивнув, отступила на шаг, но спицу не убрала и смотрела настороженно.

– С-с-сон, – свистящим шепотом сказала Эльда. – С-с-сат... Сон...

– Да, любимая, – руки Сатарфа скользнули за спину царицы, он привлек ее к груди и погладил по волосам. – Только сон, как ни жаль. Разве наяву я посмел бы к тебе прикоснуться?

– Что случилось с тобой, Сат? Что с твоим глазом, с руками?

– Крылья я тоже потерял. Во сне случаются кошмары.

– И я потеряла... тогда... – прошептала царица, отстранившись, и ее лицо снова исказила жуткая судорога.

Владыка удержал ее, крепко обняв за плечи.

– Это был сон, Эльда. Неправильный, нехороший сон. Прости меня, любимая, – он опустил перед ней на колени и, поймав ее ладони, поцеловал.

Стражницы изумленно, но тихо ахнули, боясь поверить глазам. Царица вдруг обмякла, словно где-то внутри лопнула невидимая струна. Сатарф не дал ей упасть – подхватил ее на руки и побежал к лестнице, взлетел по ступенькам. Двери перед ним распахнулись.

Стражницы бросились следом. Дьяр, опомнившись, тоже рванул за ними – мало ли что. Если царица, как он понял, вот-вот обернется тварью похуже хиссы, то обессиленному отцу с ней не справиться. Но обе старушки со спицами в мгновение ока очутились у парадных дверей, захлопнули створки и, переглянувшись, непреклонно скрестили руки на груди:

– Нечего вам там делать!

– Они и без вас разберутся!

Дьяр отступил. Но проследил с помощью теней за отцом, пока тот не щелкнул сына по любопытному носу. Случилось это уже на пороге роскошных покоев, и Сатарф в этот момент, зверским взглядом отправив стражу по углам, пинком распахнул двери и поцеловал обнимавшую его женщину.

Мысленно пожелав отцу удачи в приручении дикой сельо, Дьяр отправился к побитым волкам. Часть из них смогла перекинуться, и оборотни, поскуливая, бинтовали друг другу переломанные конечности. От помощи принца они не отказались: что покалечено Тьмой, ею же всего быстрее и лечится.

После них Дьяр занялся «теньями». Им, впрочем, ничего не требовалось из магических средств, а ущемленную честь заклинаниями не

исправишь. Обменявшись с товарищами парой слов, принц в сопровождении все той же кареглазой воительницы отправился к Дамиру.

Его разместили в пристройке для слуг, что тоже проехало по воинской гордости. Показав Дьяру дверь комнаты, охраняемую двумя стражницами, девушка осталась в коридоре.

Принц вошел. Дамир даже не попытался подняться, чтобы его приветствовать.

– Это все Лика! Это ее проклятие селю помешало, мой принц, и тварь на меня навело! – зло прошипел он.

– Ошибаешься, друг мой, – процедил Дьяр. – Это все наша с тобой глупость.

Обиженный Дамир отвернулся, оставшись при своем мнении.

– Ты тут долго валяться намерен? – Дьяр, прищурившись, внимательно наблюдал.

Серый демон соизволил спустить ноги с постели, охнул и снова завалился на подушку.

– Голова кружится? – участливо спросил принц. – В таком случае останешься до излечения тут, в надежных женских руках. Я с оставшейся четверкой ухажу. Отец заберет тебя, когда освободится от здешних... кхм... дел.

– Владыка тут? – перепугался Дамир. – Я уже иду, мой принц.

– Боишься, что он заинтересуется, за какие грехи тебя прокляла лунная дева? А меня, значит, уже бояться не надо? Встать!

Побледневший Дамир вскочил, вытянулся.

– Вот так-то лучше. И голова у тебя сразу перестала кружиться, – усмехнулся Дьяр. – Ты не выдержал испытания, о котором просил, Дамир. Великая Тьма не стала тебя защищать, Тени отвернулись. Даже слабой защиты не протянули, не говоря уже о том, чтобы вытащить тебя и укрыть. И ты прекрасно знаешь, что это значит. Суд завершен. Данной мне властью Тьмы я лишаю тебя высшей силы и права быть моей «тенью» до тех пор, пока ты не снимешь с себя проклятие богини.

Дамир попытался рухнуть на колени, но оказалось, уже не перед кем: принц, завернувшись в рваные крылья, исчез.

Кареглазая стражница была весьма удивлена, когда, обеспокоенная долгим отсутствием подопечного, а также странными звуками, заглянула в палату лечебницы для слуг и обнаружила, что укушенный хиссой серый демон странно содрогается, будто плачет, отвернувшись к стене. Что невозможно, конечно.

Дьяр вернулся на дворцовую площадь за оставшейся четверкой «теней». Представшая перед ним картина умилила даже демона: на ступеньках парадной лестницы перед закрытой дверью сидели две старушки и, мирно болтая, вязали с двух концов один длинный шарф. У их ног лежал матерый седой волк, которого Дьяр прежде не видел, и еще один, рыжеватый, служивший царице. Между ними сидела, пригорюнившись, начальница стражи Берра. Ее воинственные девицы и остальные оборотни куда-то разбрелись.

– Похоже, про нас уже все забыли, – пожаловался Дьяр, подходя к живописной группе. – А ведь мне обещали выделить апартаменты, как почетному гостю.

Берра лишь рукой махнула и отвернулась с досадой.

– Да кому ты тут нужен, внучек? – даже спицы в руках Кикируси сверкнули как-то слишком насмешливо. – Иди уж домой. Успокой там девочку, а то она перепугалась, как владыка исчез. Из башни-то ей пока не выйти, а Иреку уже и не войти, папаша твой заклятье хитрое наложил, – старушка ехидно подмигнула, вынула шпильку из волос. – На вот, отомкнешь. Птичек моих покормить не забудь. Да из зеленой корзинки бери, а не из желтой, иначе гомону от них опять будет, гомону! Ну, ты знаешь. Крылышко свое сам полечишь или помочь? А то ты волчат подлечил, а о себе забыл.

Дьяр взял отмычку, покрутил в руке.

– Сам вылечу, спасибо. Как там отец?

– Справится он, даже не сомневайся, – ответила вторая старушка. – И спасибо тебе превеликое, внучек.

– Да за что же?

– За помощь. Сами Небеса привели тебя сюда, и слово ты нужное вовремя сказал. Пусть и свою корысть преследовал, но слово было правильное. Так пусть Небеса и дальше тебе помогают. Если ты не дурак, да не гордец, каким зачем-то хочешь всем казаться, то и тебе будет мое благословение. Имя мое запомни: Рагана. Пригодится.

Дьяр поблагодарил, поклонившись, а когда выпрямился, Рагана коснулась его щеки сухой ладошкой.

– Дай-ка, я тебе след от Ликиных коготков сведу.

– Не надо! – отшатнулся принц. – Пусть она сама исправляет, что натворила.

– Экие вы еще дети, и шутки у вас обоих глупые. Не обижай больше мою девочку.

– Не буду, суэнни Рагана, – обещал принц, подумав, правда, про себя: еще кто кого обижает.

А затем кликнул «теней» и, вполне довольный жизнью, отправился в Академию Тьмы вызволять Лику из плена.

«Что бы такое с нее потребовать за освобождение?» – мечтательно прищурил он ярко-синие, как у отца, глаза.

* * *

Сатарф возблагодарил Небеса за то, что вовремя пресек слежку чересчур заботливого сына, и наследник не успел увидеть битвы, случившейся через пару мгновений после того, как владыка поднял щиты и захлопнул дверь. Иначе бы Дьяр примчался, невзирая ни на что, и было бы только хуже.

Поцелуй Сатарфа стал фатальной ошибкой, испортившей и гипноз суэнни, и его старания. Эльда мгновенно почувствовала на его губах след поцелуя другой сельо, да еще и своей дочери. И тварь, уже почти оставившая ее, вернулась.

Тело царицы выгнулось дугой, разорвав его объятия, из ее горла вырвался хриплый вопль:

– Лика! Это не с-сон! Не с-с-сон! – когти на руках Эльды стремительно удлинились, а под верхней губой показались клыки.

В результате Сатарф изрядно вспотел, уворачиваясь от взбесившейся царицы, а в спальне не уцелело ни одного бьющегося предмета. К счастью, женщина вынуждена была действовать одной рукой и совсем забыла о висевшем на ее поясе кинжале, пытаясь достать врага когтями и порвать или придушить.

А вот он не забыл. Изловчившись, вытащил ее кинжал, поддел ремень на ее штанах и разрезал, стараясь не поранить (но все же оцарапал, и запах крови отнюдь не образумил Эльду), в следующий миг Сатарф распорол ей штаны (ох, как же он ненавидел эту излюбленную одежду воительниц! То ли дело юбочки демонесс), и опавшая к коленям одежда весьма стеснила движения нападавшей. Но это не помешало ей выметнуться в прыжке и все-таки достать врага.

Сцепившись, они выкатились в приоткрытую дверь купальни и добрались до бассейна, куда Сатарф и спихнул озверевшую женщину. И тут

же нырнул за ней: со спутанными ногами и раненой рукой Эльда сразу пошла ко дну.

Вытащив наглотавшуюся воды и кашляющую царицу, Сатарф быстро освободил ее от порванных штанов. Навалившись, завел ей руки за спину и, удерживая их одной ладонью, второй зафиксировал ее подбородок так, чтобы клыки не пропороли ему горло. И снова заговорил – тихо, ласково, словно ничего не случилось, глядя в ее потемневшие до черноты глаза.

– Я целовал не Лику, а тебя, Эльда. Вы с ней невероятно похожи во всем, кроме цвета волос и глаз. И твоя дочь поняла, кому был предназначен тот поцелуй. Она у тебя умная девочка. Все эти годы я любил только тебя, Эльда. Во всех женщинах я пытался увидеть тебя, но такой, как ты, больше нет и не будет. Ты – моя единственная, моя родная, моя любимая. Прости меня за то, что я потерял тебя. Прости, что причинил тебе боль. И тогда, и теперь... Прости, Эльда, любимая моя Эльда.

Он достучался до ее гаснущего разума. Извивавшаяся, пытавшаяся сбросить его царица замерла, всхлипнула, по ее мокрым щекам потекли слезы, смешиваясь с каплями воды, а глаза утратили звериную пустоту. Когда исчезли клыки, Сатарф высвободил ее руки и приподнялся на локтях.

Она осторожно подняла здоровую руку, коснулась его раны на месте глаза.

– Кто это сделал с тобой, Сат?

– Наш общий враг. Я еще не знаю ни его имени, ни истинного облика. У него... или у нее... было твое лицо, Эльда. И я легко обманулся. Ведь я так давно не видел тебя... Это существо лишило меня магии с помощью древних кинжалов, и я оказался слаб, как младенец.

Ее руки обвили его шею.

– Поцелуй меня, Сат.

– Если ты не будешь кусаться и царапаться, – улыбнулся он.

– Я постараюсь.

Он нежно прикоснулся к ее губам. Клыки не выросли. И Сатарф углубил поцелуй. И затем начал методично зацеловывать влажное тело царицы, собирая капельки воды губами. Если они и не были созданы друг для друга, то создавались в этот час заново. Через восемнадцать лет после того, как это должно было случиться.

Они оба не хотели возвращаться в воспоминаниях к той кошмарной ночи, когда владыка Сатарф снял с невесты, бывшей жрицы Лойт, пояс девственности, но не взял ее как жену. Все последовавшие годы разлуки теперь казались им дурным сном. Все минуты, проведенные вместе, – сном прекрасным, от которого не хочется просыпаться.

Но когда-то наступает пробуждение.

Как ни старался Сат мягко перехватывать ладони царицы, они скользнули на его спину, и Эльда испуганно вскрикнула, нащупав бугры и изуродованные лопатки.

– Что с твоими крыльями, любимый?

– Вырваны. Но я узнал, как их вернуть. Нужно только время.

– Как?

Он не ответил. Поймал ее ладошку, поцеловал каждый пальчик. Затем занялся ее раненой рукой – раны уже зарубцевались, но надо было исследовать языком каждый шрамик, чтобы исчез быстрее с ее шелковистой кожи.

– Пока я жив, никому тебя не отдам.

– Пока я жива, ты будешь только моим, – царица не осталась в долгу.

Он фыркнул, зарывшись лицом в облако ее волос.

– Ну кому еще я нужен, такой... старый и одноглазый?

– Вот и хорошо, что больше никому, – безжалостная воительница обняла его плечи, провела кончиками пальцев по изуродованной спине. – Ты не ответил на мой вопрос. Как ты вернешь крылья? Это невозможно.

– Чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь, что в нашем мире нет ничего невозможного.

– Не увиливай, Сат. Я уже не маленькая.

– Тебе не понравится ответ, – вздохнул он, не решаясь взглянуть ей в глаза. – Я откажусь от Темного Трона в пользу сына. Мне все равно не удержать власть. Как только мои демоны узнают, что их владыка потерпел такое поражение, лишился силы и крыльев, они поднимут бунт, а это чревато для моих детей.

– По тому, что я сегодня видела и... чувствовала... нельзя сказать, что ты лишился силы.

– Магически я почти бессилён. Сегодняшний выплеск опустошил меня так, что мне сейчас и комара не прихлопнуть.

– Считай, что я поверила. А потом? Отречение не вернет тебе крылья.

– Есть одна очень древняя легенда... За крыльями я пойду к драконам смерти.

У Эльды на миг перехватило дыхание. Она в отчаянье мотнула головой.

– О нет! – взмолилась. – Ты решил отдать им душу в обмен на крылья дракона? Нет, только не это! Я не могу потерять тебя снова. На этот раз я умру, Сат.

– Ты можешь пойти со мной, хотя это не обязательно.

Она долгую минуту изучала его профиль. Простонала:

– О богиня!

– При чем тут Лойт?

Эльда завернулась в покрывало, села на краю ложа, уткнувшись лбом в колени.

– Ты издеваешься, Сатарф! Ты снова предлагаешь мне немыслимое. Как тогда. Бросить все и пойти за тобой.

– Я сказал – не обязательно. На этот раз.

– Но все-таки предложил. Кому я оставлю корону? Лика еще слаба, не сумеет ее удержать. Я – царица, а не корабельная девка!

– Это ты намекаешь на мать Дьяра? – владыка повернулся, приподнялся на локте. – Не надо к ней ревновать. Она была милой простой девушкой, но не девкой. Она, не имея врожденных способностей к магии, сумела стать хорошей женой и настоящей владычицей. Тьма ее признала, а мои демоны – поклонились. И она умерла во время родов задолго до того, как я встретил тебя. И что плохого было в том, что я предлагал тебе тогда – оставить эти твои Серые Холмы и стать владычицей Темного Трона? Разве в тебе не течет столько же крови демонов, сколько крови сельо? Но ты отказалась, даже слушать не захотела.

– И тогда ты пошел на принцип и отказался от меня! И почти убил, – сорвался упрек. – Меня вполне устроила бы роль любовницы, а не жены. С нашими способностями, какие были тогда, расстояние не имело значения. Разве нельзя было не смешивать любовь и власть?

– Нельзя, Эльда. Я пытался тебе объяснить. Владыки принадлежат Тьме целиком и полностью. Для Лойт ничего не останется. Моя жена и владычица должна была жить в Тархареше, рядом со мной.

– Ты точно так же мог тогда оставить этот свой трон, последовать за мной и стать царем здесь.

– Тогда – не мог.

– Но и я не могла! И сейчас не могу пойти с тобой. И причина не в служении Лойт. Я уже не ее жрица. Серые Пределы были до Тьмы и Света, были до Лойт, будут и после, и богиня не имеет к этой земле прямого отношения. Здесь ее культ особенно силен лишь потому, что основа моего государства, соль этой земли – женщины, магини сельо, но лишь часть нашей силы – от лунной богини, остальное – от магии земли. Как я могу их бросить, да еще в такое время? А дети? Они без нас не справятся.

– Разве я сказал – бросить насовсем? Мы обречем крылья и вернемся. Я даже смирился с тем, что ты не будешь моей полностью, и мне придется делить твою любовь с твоей короной.

– Вернемся? Через сколько лет? И не получится ли так, что вернемся мы на могилы наших детей и руины государств?

– Не получится. Я все рассчитал. Сращение с зародышем дракона смерти займет не больше месяца-двух, а ритуал, к которому готовится наш враг, – через три. Главное для меня – пройти начальный этап обретения крыльев. Раскрыть их можно и позже, когда мы найдем убийцу. Сейчас он думает, что я растоптан, сброшен со счетов. А я вернусь в полной, еще более грозной силе. Вот тогда у него не останется никаких шансов.

– В тебе говорит только месть.

– О да! – не стал отрицать Сатарф. – Но это мой долг.

– Но не любовь ко мне.

– Не надо проповедей, Эльда. Я осведомлен, что твое ложе – тот же храм любви, но прошу удержаться.

Царица вспыхнула. Адская смесь гнева, смущения, досады. И тут же она сжалась в страхе, что гинья поглотит ее тело и разум. Но близость с любимым уже изменила ее настолько, что призрак твари отступил навсегда. Рагана оказалась права: только Сат мог ее излечить. Только единственный, кому она раз и навсегда отдала сердце.

Уловив перемену в настроении царицы, владыка обнял ее сзади, скользнул губами по ее шее.

– Ты просто забыла, что такое полет, любимая. Из-за меня ты лишилась крыльев, и я, когда узнал от Лики, на какую участь обрек тебя своей гордыней и невежеством, поклялся, что сделаю все, чтобы вернуть тебя. Чтобы ты стала такой же, как прежде. Неуловимой лунной птицей, танцующей среди звезд.

– Юность уже не вернуть.

– Сейчас ты сильней и еще прекрасней.

– Ты льстишь мне, демон. И почему ты молчишь о главном? Соединить душу с крыльями дракона возможно только через смерть.

– Не тебе. Ты – часть меня, родная моя. Моей жизни хватит на двоих. Через мою смерть и возрождение и ты вернешь крылья. Это случится, даже если ты не пойдешь со мной.

– Мне они не нужны такой ценой, Сат. Я люблю тебя и бескрылого, и... любого. И всегда буду любить. Но я не знаю, кем ты станешь. Кем вернешься? Останется ли в твоём сердце любовь ко мне? Смогу ли я любить тебя, если ты безвозвратно изменишься, станешь другим? А если ничего не получится и ты не вернешься?

Он прижался лбом к ее плечу.

– Эльда, родная моя... Это будет не настоящая смерть, не

окончательная. Просто переход из одного состояния в другое. Разве это смерть?

– Не знаю. Этого никто не знает, даже сами драконы. Слишком древняя легенда. Может, в ней нет и крупицы правды.

– Вот и проверим.

– Откажись от этого безумства, прошу тебя, – глотая слезы, она развернулась в кольцо его рук, обняла его крепко-крепко, словно в последний раз.

Он покачал головой:

– Не могу. Не сумею жить бессильным калекой. Это не для меня. Не жизнь.

– Сат, любимый... – она все понимала. Его не остановить. Да и нужно ли? Гордый демон, привыкший к силе и власти, перестанет быть самим собой, если смирится. – Я буду молиться за тебя Небесам, Сат.

– Через пару месяцев я вернусь к тебе сильным, Эльда. В конце концов, твой муж и царь Серых Холмов должен быть настоящим мужчиной, чтобы держать твоих девчонок в железном кулаке и ни у кого не возникло бы сомнений, что я имею на это право. И для Лойт это будет пренеприятным сюрпризом, что меня уже сейчас окрыляет.

– Сат! – сквозь слезы улыбнулась Эльда.

– А ты надеялась, что я соглашусь на роль безмолвного домашнего половичка для твоих стройных ножек?

– Нет, но...

– Или ты уже передумала брать меня в мужья? Да, мужского гарема у тебя не будет. И женского, – на всякий случай уточнил владыка, а то кто их знает, этих амазонок, кроме богини Лойт. – Буду только я.

– Согласна! – царица побыстрее накрыла его губы поцелуем, чтобы еще чего-нибудь не наговорил. И без того они потеряли восемнадцать лет счастья быть вместе. Счастья, которое закончится уже завтра.

Маневр удался: Сатарф охотно отвлекся на изучение еще не изученных тайн ее гибкого и чуткого тела, откликавшегося на каждое прикосновение, на каждое его невысказанное желание. Они сливались не столько телами, сколько душами, их сердца бились в такт, как одно на двоих сердце – огромное, во всю Вселенную.

Глава 16

Свободу мне, свободу!

Поглотившая мир Тьма схлынула и растаяла, и я обнаружила, что осталась одна на чердаке башни. Рванулась к двери... Проще стену проломить. А ведь только что дверь была распахнута! Вот только что! Уже все запоры целенькие и не открываются. У-у-у... демоны! Меня заперли! За что? Я-то вино не утаскивала из погреба, только владыку и дракона.

– Шурш! – заорала я.

За дверью что-то всхлипнуло, но на крыше ожили горгульи, подняв невообразимый гвалт, и я ничего не расслышала.

Чердачные окна крохотные, не пролезть. Да и высоко, под самой крышей.

А там, в Серых Холмах, мама наверняка отрывается на темном принце за все грехи его папочки. И это сейчас, когда я уже почти телохранительница!

Ушибив бока и руки о твердокаменную дверь, я принялась за штурм окон. Подвинула стол вплотную к стене, водрузила стул, на него еще один. Все равно не достала. И там наверняка магические замки.

Села на край стола и свесила ноги, пригорюнившись. Что делать? Меня тут в жизни никто не найдет, хоть заорись. Покричала, кстати. Стоило открыть рот, как грянул хор горгулий и заглушил. Шеи бы свернуть этим каменным курицам!

На полу сиротливо стояла ополовиненная бутылка вина. Отпила. Подумала. Еще отпила за упокой Дьяра. Хорошее вино – бодрит, а не пьянит. И за упокой владыки, если он к мамуле подался – а куда еще? – тоже выпила. Три раза.

Потом бутылка резко опустела. Опять какая-то демонская магия!

Взгляд обшаривал стены, но выхода не находил. Небольшой камин – и тот перекрыт. Стоп. Этот камин – у другой стены, не у той, где наш. Я оглянулась. Точно. Широченный дымоход от нашего камина тянулся по противоположной стенке. А этот – более компактный.

Заглянула внутрь, принялась. Птичьим пометом и адептами не пахнет. Но ход узкий, не пролезть, черный от копоти, а наверху – крохотное, но светлое пятнышко будущей свободы. И позорной смерти от каменных клювов.

Пятнышко исчезло: его заткнула голова чудовищной горгульи и

оглушительно гаркнула.

Ну, Лойт, богиня любви, и что твоей жрице делать? Выпить за упокой свободы и то нечего.

Но ведь я – селъо! Маленькая селъо. Беспомощная, совсем как неоперившийся цыпленок горгульи. Одинокый, всеми брошенный птенчик. Провалился в дымоход и не может выбраться...

Горгульи на крыше замерли. Потом грянул такой истошный гвалт, какого мы с девчонками не слышали, даже когда вся Академия штурмовала Башню трех принцесс.

Я приободрилась и усилила мысленные стенания. Как же мне меня жалко! То есть не меня, а цыпленочка горгульего. Ему тут холодно, голодно, страшно. Он тут умирает без мамы и папы. То есть я умираю. А за дверью меня караулит огромный и жуткий дракон смерти! А-а-а-а! Спасите цыпленка! На помощь!

Над головой загрохотало, словно обрушилась каменная лавина: чудовищные птицы с бешеной скоростью начали долбить клювами крышу. На меня посыпалось каменное и деревянное крошево, и я залезла под стол. На полу быстро появилось множество солнечных зайчиков. И стремительно превратились в солнечных крокодильчиков. Прорехи в крыше ширились.

Провалилась вниз первая горгулья. Вторая. Обе заворковали, ковыляя ко мне.

На них свалились еще три каменных чудовища. Завязалась потасовка, но утихла, когда рухнуло сразу пять птиц. Одна едва не проломила стол. Хороший стол, крепкий. Убери клюв, зараза! Ты не моя мама! И не надо всем сразу бросаться на маленького цыпленочка! У меня шок и стресс. Успокоить надо сначала. Колыбельную прочирывать, хороводиком вокруг походить...

Птички, каждая размером с летающего крокодила и с такой же зубастой пастью, закружились хороводом вокруг стола, курлыкая нежно, по-голубиному. Под их мощными лапами хрустело то, что раньше было крышей. Кикируся меня зверски убьет, ректор расчленит, а куратор сотрет в пыль мои несчастные останки.

Ну, спасайте же меня, голубочки мои ненасыт... ненаглядные!

Я вцепилась в подставленную шею ближайшей горгульи, забралась на спину, и...

Нет, это еще не свобода.

Птичка приподнялась над разрушенной крышей, оглушительно каркнула и уселась на бревно. Стоя с чувством важности порученного им

дела по охране «птенца» устроилась на оголенных стропилах вокруг такой бесценной меня.

Я с ужасом поняла, что свободу теперь буду только видеть. Вот она – протяни руку. Вокруг, конечно, уже никаких запоров, над головой – синее небо, под попой – бревно стропильной ноги, раздолбанное клювами так, что пошевелиться боюсь. И что мне не сиделось на таком гладком и удобном стульчике в такой уютной мансарде?

Горгульи постепенно угомонились и застыли неподвижными изваяниями. Их мощные когти впились в остатки крыши, перья казались каменным кружевом. Напрасно я надеялась, что они унесут меня подальше или хотя бы спустят на землю. Наверняка их держала магическая привязь.

А высоко-высоко в синем небе невидимо парил великий и ужасный, на диво трусливый дракон смерти Шурш. То есть это горгульи и прочие демонические твари его не видели – смерть всегда подкрадывается незримо, – а я чувствовала его преотлично. Жрица все-таки. Любовь и смерть, в сущности, мало чем отличаются. И то и другое, если настоящее, то навсегда. В теории. И в романтических балладах, посвященных богине Лойт.

От Шурша исходили волны паники. Малыш до смерти... гхм... перепугался мощного выплеска Тьмы, сотворенного Сатарфом.

Кстати, о чудовищах... а где грифон? Что-то его не видно и не слышно.

Я осторожно переползла к самому краю бывшей крыши. Птицы бдительно повернули клювы, но переполох поднимать не стали.

Вся Академия отсюда видна как на ладони. Вздымались толстенные зубчатые стены, темные адепты в серых хламидах казались муравьишками. Их было на диво немного: все уже разбрелись после занятий. Магистров тоже что-то не видно. И это хорошо. Не дай Небо, заметит кто-нибудь, во что превратился неприступный донжон. Хоть бы девчонки поскорее вернулись! Вместе мы что-нибудь придумали бы. И потом, именно сегодня вечером мы собирались с Мирандой и Таем забраться в архив за личными делами магистров. А я тут торчу.

Конечно, верховная жрица предупредила, чтобы я ни в какую самодеятельность не ударялась. Наживке не положено пускаться в свободное плавание. Но с лета я не продвинулась в расследовании ни на волос. На сельо никто, кроме принца и его «теней», не реагировал. Еще бы кто-то клюнул, с такой моей охраной! И в Академии вокруг всегда уйма народа. Если преступник и заметил меня, то выжидает. Он же маньяк, а не самоубийца.

Надо менять тактику. А что, если прогуляться по Кардергу в одиночку, пока я не приступила к официальному телохранительству?

Прямо подо мной, метрах в пяти, заманчиво выступал наш балкончик. Но пять метров гладкого камня надо как-то преодолеть. Горгульи на мои просьбы не реагировали. О клятве ничего не пить, крепче кефира, я вспомнила только тогда, когда начала безумный спуск. Если бы не выпитое вино, вряд ли меня потянуло бы на такие подвиги. Разбиться насмерть с такой высоты мне не грозило: все-таки крылья, хоть и спрятанные, но при мне. Раскрою, если уж совсем приспичит.

До таких крайностей дело не дошло.

Спасли меня Шу и Шурка, приползшие на запах алкоголя. Эти безропотные создания, из которых можно вить веревки в буквальном смысле, сначала едва меня не придушили на глазах у пернатых приемных мамочек. Через минуту во всем моем организме от выпитого и следа не осталось.

Обе шкурки отвалились от меня, как обожравшиеся клопы, и я, привязав их за длинные нити к стропилам, начала спуск. Рискованное занятие, скажу я вам. Хеммо могли и не выдержать.

Обошлось. Шкурки вытянулись крепкими ниточками. Единственное, что мне угрожало, – изрезать руки в кровь. Вскоре я уже ступила на балкончик, а там и Шурш опомнился.

– Налетался? – осведомилась я, затылком почувствовав дракона, трепыхавшегося за балконным ограждением.

Некогда мне было укоризненно смотреть в его виноватую мордашку: сквозь стекло я разглядывала холл, не вернулись ли девчонки. Но помещение пребывало в том же безлюдном виде, в котором я его оставила. Никто не бродил, не заботился об обеде.

Похмельный синдром после лечения зверушками все-таки давал о себе знать: я задумалась, а не приручить ли мне железную заколдованную решетку так же, как каменных птичек. Если получилось там, то почему не получится здесь?

Понимаю, что предмет неодушевленный, но это как посмотреть. Камни тоже без души, а летают... К тому же при заклинаниях маги вкладывают частичку своей души в объект колдовства, значит, и решетка условно одушевлена.

Неизвестно, какие высоты магии я продемонстрировала бы моему Шуршу, если б мое внимание не привлекли странные визгливые звуки, доносившиеся откуда-то снизу, из-за угла башни. С кем там Кикирус дерется?

Взобравшись по протянутой мне лапе на спину дракона, я полетела на разведку.

Я уже описывала устройство входа в наш неприступный донжон: входная дверь здесь была поднята на высоту нормального второго этажа, и к ней вела хлипкая приставная лесенка: две жерди с перекладинами. В древности при осаде и в современности при комендантском часе лесенка исчезала. Мне ни разу не удалось засечь, как ведьма-кастелянша ее убирает.

Внизу толпилась уйма народу. Похоже, башню берут штурмом в очередной раз.

На лестнице под дверью пыхтел и ругался Ирек, пытавшийся перепилить ножовкой дужку неимоверно огромного амбарного замка. Железо сопротивлялось и визжало не хуже сигнализации.

– Да заткни ты его чем-нибудь! – взмолился Тай, дружок Миранды. Он сидел на земле, закрыв уши жалобно мяукавшей мантихоре.

– Вот ты и затыкай, а я таких заклинаний не знаю! – огрызнулся Ирек.

А замок на диво выразительно выругался на языке династии Холь и добавил:

– Не знаешь, так и не лезь, студиозус безмозглый. Не велено никого пущать! Брысь все отседова!

Огромный пес, в котором я узнала нашего возницу, единственный заметил нас с Шуршем, зависших в воздухе за спинами. Поднял морду, но я приложила палец к губам, и понятливая собачка вильнула хвостом и отвернулась. Зато он нарычал на замок, а тот ответил с ворчливо-ехидной интонацией Кикируси:

– И нечего тут лаять, щенок облезлый! Мал еще, пасть на меня разевать. И не таких выдывали! И кошку уберите, у меня аллергия на кошачью шерсть!

Мантихора оскорбилась и зашипела.

Под лестницей толклась группа поддержки: Миранда и Зулия с двумя островитянами, нагруженными свертками и корзинками. Из одной выглядывало горлышко бутылки. А я и забыла, что мы собрались отмечать бесславную гибель развеянного по ветру принца Дьяра.

– Отмычкой попробуй, – посоветовал главарь островитян и, передав свертки Зулии, покопался в карманах, вытащил хитро изогнутую железку и бросил Иреку. Тот поймал, но только поднес к замку, как эта пудовая железная гиря колыхнулась. Ирек никак не мог попасть отмычкой в отверстие.

– Ой! Хи-хи-хи... – уворачивался замок. – Ой, не могу! Не трогай меня! Мне щекотно!

– Быстрее, Ирек! – умоляла Миранда. – А если ее там уже заклевали насмерть? Если наша Лика там умирает? Слышите, внутри кто-то стонет?

На миг воцарилась полнейшая тишина, аж уши заложило. Замолчали и мои друзья, и мантихора, и адская псина, и даже Кикирусин замок изобразил на железной морде полнейшее внимание, а скважина для ключа стала узкой, как зрачок демона.

Из башни не доносилось ни звука, а вот мой хохот уже невозможно было сдерживать, и нас с Шуршем обнаружили.

– Вот ты где! – возмутилась Миранда. – А мы тебя спасаем!

– От кого?

– Нас грифон разыскал и сказал, что тебя горгульи съели.

– А где он сам?

– Мы его отослали за ректором.

– Не надо! – перепугалась я и тут же стушеввалась под мрачным взглядом Ирека. Он что, не рад меня видеть живой и невредимой? Потом вспомнила, что бастард к этому часу, может быть, уже осиротел.

– Почему не надо? – прищурился он. – Горгульи взбесились и разнесли крышу вдребезги. Мы за тебя тут все испугались, ты же там одна оставалась. Они опасны, магистры их уничтожат.

Птичек стало жалко. Я объяснила народу, кто тут виновней всех, и под конец мне стало жалко уже себя.

– А ты не мог бы наложить на башню иллюзию, Ирек?

– Извини, я сейчас не в состоянии. Уже весь выложился.

– Тогда надо где-нибудь отсидеться, а то сейчас сюда набегут...

– Давайте к нам, – проявили гостеприимство Айрес и Даг.

– У меня предложение получше. Надоело в четырех стенах сидеть. Еда у нас с собой, – Ирек скользнул взглядом по корзинкам. – Я знаю одно славное местечко на берегу реки.

– А Лика не замерзнет? – засомневалась Зулия.

Хотя зима еще не наступила и осень выдалась на диво теплая, южанка экипировалась по-зимнему: надела свитер толстой вязки, шерстяную мини-юбку и чулки, залезла в меховые сапожки с голенищами до середины бедра. И все еще зябко куталась в палантин.

Я была в тонком домашнем костюме – широкие штаны и свободная бесформенная майка, – но не сильно мерзла. Лунные девы, живущие на границе Света и Тьмы, спокойно переносят и жару, и холод. Да и закаляют воительниц с рождения, даже если они не становятся жрицами Лойт.

Хуже, что и туфельки на мне были домашние, тонкие. Пойдет дождь – вмиг промокнут.

– Не замерзну, – храбро сказала я. – Магистры страшнее какого-то там насморка.

– Что-нибудь придумаем, – Ирек наконец улыбнулся.

– Держи пока, – Зулия протянула мне свой палантин. – А то пока эти тугодумы придумают, не для кого уже будет стараться.

И мы отправились на пикник. Свертки сгрузили на Шурша. Он рачительный, не потеряет. И у привратников вопросов не будет. Вот вносить снесь на территорию Академии – это пожалуйста, а выносить – ни одному вечно голодному демон-студизису в голову не придет, и это сразу вызовет подозрения.

Но я ошибалась. Вопросы у привратников возникли.

– Ага! Лика Тария! На ловца и дичь! – едва увидев нашу компанию, воскликнул дежурный маг – сегодня это был младший магистр зелий, ассистировавший на занятиях архимагу. И без того тощий, угловатый, с вечно клочковатой рыжей шевелюрой, сегодня он выглядел таким взъерошенным, словно швабра, только что выдержавшая атаку мышей. – Далеко ли собралась? Ах, на прогулку? А куратор разрешил? Ну да ладно, уже неважно.

Магистр, подлетев к нам черным коршуном, вцепился в мою руку и потащил к группе мракаров с сержантом во главе, отчеканив:

– Вот она, Лика Тария. Забирайте и проваливайте!

Четверо мракаров мгновенно оказались за моей спиной и еще двое встали по бокам.

– Как это забирайте?! – я отшатнулась и уперлась спиной в чей-то шипастый панцирь.

Сержант – трехаршинный верзила в черных доспехах, с которыми дивно гармонировала его багровая клыкастая морда, еле вмещавшаяся в трехрогий шлем, – возмущенно выругался:

– Хр-рюмова пасть! Эта полудохлая пигалица?! Да она же больна бледной немочью!

– А вы кого ожидали? Троллиху? – еще сильнее взъерошился ассистент, хотя это казалось невозможным. – Я ведь могу и передумать. У нее еще зачеты не все сданы, и практику она на три дня запустила!

– Судя по ночному разгрому на Куцем рынке, целую стаю троллих, – примирительно сообщил демон.

– Так она и там отметилась?

Оба вперились в меня взглядами.

– Описание совпадает. И собачка с кошечкой похожи на заявленных в розыск, – мракар покосился на оскаленную мантихору и не менее

дружелюбного пса. – А мы все удивлялись, как какая-то дохлая моль могла причинить столько бед?

– А мы-то как удивляемся до сих пор! – возвел очи к потолку ассистент. – Вы еще не видели, что здесь летом творилось по милости этой девицы! Всю Академию нам разнесла!

Я скромно потупилась. Миранда сдавленно хихикала за моей спиной, а Ирек постарался стать «тенью» Тая, пока и о нем не вспомнили.

Сержант, демонстративно выпятив челюсть, что, видимо, означало у него высшую степень брезгливости, оглядел меня с ног до головы:

– Хлипкая, как гнилая щепка, – резюмировал. – Ну, следуй за мной, болезная.

– По какому праву? – вздохнув, вмешался Ирек. – Где ордер на арест? Тогда и меня забирайте, я в той повозке тоже был.

– А тебе что, предыдущего раза мало показалось? Казенные харчи по нраву пришлись, Ирек? – ухмыльнулся мракар. Похоже, добрый знакомый нашего второгодника. – Сыты мы тобой по горло, парень. У меня высочайший приказ на задержание только одной персоны. Гуляй пока, дыши свободой.

Мы все вместе вышли за ворота Академии: я в кольце стражников, мои друзья, мантихора и адский пес. Шурш, спокойно перелетевший через магическую защиту стен, ибо смерть вездесуща, ждал нас у выхода. Можно было натравить его на мракаров, но почему-то я внезапно стала законопослушной. Наверное, потому, что диалог между Иреком и сержантом не хотелось прерывать.

– Ну, а ты что увязался? – рыкнул на второгодника трехрогий демон.

– Ты же сказал – гулять, вот я и гуляю где хочу.

– Ирек, сгинь. Мне и так смотреть на тебя тошно.

– И не подумаю. Моя свобода передвижений не ограничена, и передвигаться я могу в любую сторону.

– Вот и иди в противоположную, раз тебе без разницы.

– Не указывай мне, куда идти.

Зулия и Миранда тем временем принялись очаровывать мой конвой, а мантихора, крадучись, подошла совсем близко, даже успокаивающе лизнула мне руку и приглашающе скосила хитрый глаз: мол, давай сбежим.

Но тут сержант остановился, как почувствовал. Взял меня за плечо, развернул к себе.

– Эй! Лапы убери от нее! – немедленно вздыбился Ирек.

– У тебя не спросил, – огрызнулся мракар. И, уже не обращая на него внимания, сообщил мне: – В общем, так, Лика Тария. Бежать не вздумай,

будет сочтено за дезертирство. С этого момента по приказу владыки ты поступаешь под мое командование, как новобранец мракармии.

– Но... – я онемела и ничего, кроме противительного союза, выдать не смогла. Слабое сопротивление неожиданностям. Новобранец?

– Сейчас экипируем тебя как полагается, – сержант поморщился на мои бесформенные штаны, торчавшие из-под палантина, и домашние туфли.

– Что-о?! – рывкнул Ирек. – По какому приказу? Какая мракармия?

– Плохо со слухом, Ирек? Еще спроси, какого владыки. Лика Тария мобилизована во внутренние войска Темного Трона.

– Это противозаконно! Она еще адептка!

– А ты поди с владыкой поспорь. Приказ не тебя касается, так что марш отсюда со всей своей бандой, пока я тебе Куцый рынок не припомнил. За одно только хищение боевой мантихоры тебе грозит штраф в пятьсот монет или год рудников. А еще есть заявление об избиении возницы и краже повозки вместе с псимургом.

– Псимургом? Они же миф!

Мы дружно уставились на мифическое животное. Собака уселась на мостовую и с преувеличенным тщанием, высунув от усердия язык, принялась вычесывать невидимых блох.

– Какой же из него псимург? – удивилась я. – Что-то не видно у него крыльев.

Пес удвоил усилия: лапа с такой быстротой скребла шерсть, что казалось, зверь пытается снять с себя шкуру.

– Совершенно обычный пес. Видишь, Драхис? – заметил Ирек. – В какой легенде ты слышал о блохах на псимургах?

– Ага, дворняжка, – осклабился сержант. – Крылья у него хозяин обрезал, когда песик сбежал от него предпоследний раз. Еще не отросли. Это у него шрамы чешутся.

– Вот сволочь у него хозяин был! – Миранда, преисполнившись сочувствия и бесстрашия, почесала загривок клыкастого чудища.

– Не то слово. И у него не было лицензии извозчика. Псимурга, кстати, зовут Сорр. А кошечку вашу – Исс. Они тоже новобранцы, и им полагается полное довольствие.

Огромная кошка благодарно муркнула.

Я же только ресницами хлопала.

– А как же моя учеба?

– Не переживай, не пострадает. Днем – учишься, ночью – на службе состоишь, – пояснил мракар. – Об обязанностях тебе сообщат на месте

службы.

– А спать когда?

– Тогда и выпишься, на службе, – заржал он, ободряюще хлопнув меня по плечу. Я едва устояла на ногах. – Идем, поганка бледная, надо еще на довольствие тебя поставить. Хватит лясы точить.

Это что же получается? Пикник откладывается и грабеж академического архива тоже? Вот кто меня за язык тянул? Не могла я подождать со своими просьбами о трудоустройстве? Но быстро же приказы владыки исполняются. Только при чем здесь армия?

Миранда, поймав мой жалобный взгляд, перешла в наступление, как настоящая боевая подруга: сложила бровки домиком, сморщила носик и выдавила слезинку из глаза:

– Как же так? – для верности она еще и руки скорбно заломила. – Вот так сразу и забреете нашу Ликусю в мракармию? А как же традиции незыблемые? Как же проводы клановые? Вот вас не провожали разве, когда вы новобранцем первый раз шли? А когда второй? Третий? Каждый раз выпроваживали, оплакивали, посыпали следы пеплом и поливали кровью черного петуха. Как можно нарушать древнейший ритуал! Начнем с малых традиций, а потом что? Этак и до измены Темному Трону полшага останется!

Сержант, поначалу пропускавший бабьи бредни между рогов со всей воинской непреклонностью, внезапно посерел, заозирался. Его подчиненные срочно принялись считать пролетающих в вечеряющих небесах Кардерга ворон и высших демонов.

– Тише ты, дурища! – зашипел Драхис. – Какая измена, что ты мелешь?

– Да вот такая! – Миранда, перешла от слез к делу, уперла кулачки в бока, воинственно задрав голову на огромного мракара. – Подрыв моральных устоев темного народа! Или ты отпускаешь новобранку на вечер с нами попрощаться, или я пишу жалобу владыке на разрушение родовых столпов, на которых все государство зиждется. Мы с Ликой однокланники, весь клан Вечерних теней подпишет!

– Что? Да ты шантажировать меня вздумала, мелкота?! – разъярился мракар. – И на кой вам с ней прощаться, если она завтра снова на занятия явится?

– Традиция! А если завтра война какая-нибудь? Вон, на западе химеры совсем обнаглели, а на востоке орки вот-вот орду сколотят.

Между тем, со всеми этими пререканиями и остановками, наш отряд миновал обширный парк, отделявший Академию от городских кварталов,

пересек широкую площадь и вышел напрямую к проспекту, ведущему к месту моей будущей дислокации: каменистому холму с Темным дворцом на вершине.

Описывать его – занятие неблагодарное. Кто же не знает, как выглядят замки темных властелинов? Вот и этот был в точности такой же.

Ночную магическую иллюминацию еще не активировали, и под закатными лучами солнца гигантское черное сооружение, сегодня напоминавшее взлетающего нетопыря (вчера это была горгулья, позавчера – дракон), казалось залитым кровью сверху донизу, от царапавших облака высоченных рогатых шпилей до замшелых (в теории) подземелий.

Вполне зловещий видок, как и полагается средоточию Тьмы.

Прошагав добрую половину города и поднявшись по склону холма, мы добрались до ограды с массивной решеткой и колоннами, украшенными гербами царствующей династии. Оставалось совсем немного, с сотню шагов.

Внезапно мне стало жутко. Я остановилась, пытаюсь понять, откуда угроза.

Она ждала впереди, таилась за решетчатой оградой. А ведь, на первый взгляд, площадь перед дворцом совсем пуста.

Глава 17

Дьяр и немного дворцовых тайн

Принц Дьяр был весьма разочарован, когда, примчавшись к башне вызволять пленницу, обнаружил, что той давно и след простыл. Ректор Вултон, обнаруженный на чердаке вместо Лики, хрустел обломками черепицы и с отчаяньем взирал на зияющие дыры в потолке:

– Опять ремонт! Никакого бюджета не хватит с такими адептками! Вы были правы, ваше высочество, девушкам не место в Академии Тьмы. Отчислю. На этот раз точно отчислю!

Принц, злой, как осиный рой, подопнул обломок доски.

– Отец приказал ее не трогать.

– При всем моем почтении, ваше высочество, здесь пока еще я ректор, а не владыка Сатарф! – седой карлик гневно сверкнул глазками.

– Мы можем исправить это недоразумение.

– Ваша власть не распространяется на эти стены, юноша. Меня выбрал совет магистров, а не владыка, и только Совет может переизбрать. И по закону даже владыка не имеет права вмешиваться во внутренние дела моего ведомства!

– Неужели? – хищно прищурился принц, нашедший наконец, на кого обрушить раздражение. – Вы прекрасно знаете, мэтр, что Лика Тария – совсем не ваши внутренние дела. Она находится под покровительством Темного Трона. Это во-первых. Во-вторых, в Тархареше лишь один высший закон – слово владыки. Или вы собираетесь оспорить этот факт и лишиться себя и ваше ведомство милости Тьмы? Тогда вам придется переименовать Академию и перенести ее за пределы страны.

– Нет-нет! – спохватился зарвавшийся чиновник. – Вы меня неправильно поняли, ваше высочество. Я вовсе не это имел в виду! Конечно, владыка – наш высший закон!

– Хорошо, я не буду говорить отцу об этом инциденте. Более того, оплачу ремонт из моих личных средств, – снизошел принц. – В конце концов, вы же так и не выяснили степень вины Лики в разрушении башни. Может, действительно горгульи взбесились?

– Не может! Посмотрите на них – смиренхонькие, даже с магического поводка не сорвались.

Оба, задрав головы, посмотрели в прорехи. Птицы, освещенные заходящим солнцем, сидели неподвижными твердокаменными статуями.

– Что-то они слишком сыто выглядят, – заметил Дьяр. – И где сейчас Ли́ка Тария, хотел бы я знать? Надеюсь, эти твари ее не сожрали?

– Увы, нет. Четверть часа назад она и ее друзья, среди них и Ирек Гил, отправились в город. В сопровождении отряда мракаров. Владыка распорядился срочно доставить ее во дворец.

– Не может быть. Тогда зачем ему понадобилось запира́ть ее в башне? Нелогично. Без ключа мракары не смогли бы взять донжон даже штурмом.

– Вот его приказ, – пожав плечами, Вултон протянул свиток.

Дьяр развернул, пробежал глазами и, изменившись в лице, смял бумагу в кулаке:

– Ясно. Мне надо немедленно вас покинуть, мэтр. Смету расходов на ремонт отдайте Шону, он передаст.

– А бумага? – всполошился ректор.

– Я ее у вас заберу.

– С ней что-то не так? – Вултон не занимал бы столь высокий пост – да еще при своем малом росте, когда иному демону он будет лишь по пояс, – если бы не отличался умом и сообразительностью. Не принято изымать приказы владыки. Даже наследник вряд ли бы осмелился без веской причины. – Но печать, подпись... Я же не мог послушаться самого владыку Сатарфа!

– Все подлинное, мэтр. Тут вы не погрешили ни в чем.

Дьяр завернулся в крылья и исчез.

Старик трясущейся ладонью вытер проступивший пот, рухнул на стул и тут же с воплем подскочил: под зад попал крупный обломок черепицы.

* * *

Перемещение через Тьму мгновенно, но принц понимал, что не успеет перехватить Ли́ку. Да и как объясняться со стражниками? Они-то тут ни при чем. Приказ есть приказ, и в его подлинности никто не усомнился бы, кроме Дьяра. Подпись Сатарфа ни одно существо в мире не могло повторить – ее творило личное заклятие владыки, известное только ему и Тьме.

Безусловно, были и есть в Тархареше маги-умельцы, умудрявшиеся накладывать иллюзии подлинных подписей, но никто бы не осмелился подделать почерк Сатарфа, не говоря уже о том, что его магию способен воспроизвести только он сам. Да если бы и осмелился какой-то безумец, ничего не вышло бы: Тьма бдит, и руку преступную сгноит еще до того, как

та дорисует последний завиток.

Подпись подлинная.

Но мало ли, на каком клочке она была поставлена?

Заклятие переноса куда проще, чем подделка. И даже ректор не заметил, что подпись аккуратно перенесена с какого-то бланка на этот лист. Или предпочел сделать вид, что не заметил. Потому что посягнуть на магию царственной темной крови мог только тот, кто обладал точно такой же.

А раз сам Дьяр такого подлога не делал, то остается либо Ирек, которому, однако, весьма сложно добраться до печати Темного Трона, либо – единственный правильный ответ – принцесса Зарга.

– Пронюхала все-таки! – в сердцах выругался Дьяр.

Он облетел дворец, сразу же обнаружил на узкой улочке приближавшуюся к задним воротам Лику в окружении ее друзей, мракаров и животных. Даже к поиску через печать не пришлось прибегать. Трудно не заметить столь живописную группу: три воинственно настроенных девицы, четверо начинающих боевых магов с наглыми физиономиями, нахальная мантихора и людоедского экстерьерера псина – против жалкой семерки стражников.

Они медленно, но верно приближались к малым воротам в ограде, огибавшей холм с дворцом. Принц отлично знал, что снаружи ограда выглядит совсем несерьезной: решеточка из железных прутьев, сквозь которые легко просматриваются строения на холме.

Вот только на ограждение была наложена иллюзия высочайшего класса.

Никто, в том числе Лика и ее спутники, не мог видеть за воротами плац, кишевший магами и мракарами, и нетерпеливо прохаживавшуюся среди демонов принцессу Заргу – высоченную, мощную тварь в броне, с хвостом и массивными рогами. Сестра заранее приняла боевую форму. Лике с ней не справиться и один на один, а тут еще рота высших демонов наготове.

Горячую встречу решила устроить сестрица своей бывшей пленнице. Идиотка бешеная. Совсем у нее разум померк, если она намерена, пользуясь отсутствием владыки, захватить не просто сельо, а дочь царицы Серых Холмов. Считай, это объявление войны.

Последние сомнения Дьяра в причастности сестры к подделке приказа отпали. А значит, руки у него развязаны, и отец не встанет, как обычно, на защиту любимой, несмотря ни на что, дочери.

Принц опустился на плоскую крышу смотровой башни, слившись с

длинной тенью зубца, и несколько мгновений нервно кусал губы, наблюдая за построением на плацу.

Слишком много сил собрано. Лица может гордиться.

А там еще Ирек, который не станет спокойно смотреть на произвол Зарги. И для всех остальных он никто. Убьют, не дрогнув. Так ведь не даст бастард себя просто так убить, само собой.

Вдвоем братья скрутят Заргу, надо надеяться. Но остальные-то тоже не останутся зрителями в театре. А это – лучшие дети кланов. Ну, хорошо, самые лучшие – в гвардии владыки и наследника, но и личная охрана Зарги – не последние демоны в Тархареше. Последствия бойни – и физические, и политические – трудно представить.

Что же делать, Тьма? Причем немедленно и глобально!

И Дьяр решился на куда большее преступление, чем его сестра, – перенести дворец без санкции владыки.

А это то же самое, что захватить Темный Трон. Одно и то же. Не захватив, не перенесешь.

Никогда никто, кроме владык, не посягал на тайну живых камней. Никто иной не приказывал им. Даже наследник не имел права, пока сам не наденет корону владыки и не возьмет всю полноту и силу Тьмы.

Хватит ли у него мочи, принц даже не задумывался. Нет, конечно. Ну, не перенесет, так хотя бы пошатнет. Достаточно для того, чтобы Зарга и ее личные холоуи забыли о Лике.

Дьяр, бросив опасливый взгляд на бушевавшую внизу сестрицу – не вздумала бы она, потеряв терпение, атаковать приближавшихся к ловушке Лику с группой поддержки, – перенесся на самый нижний ярус дворца.

* * *

Вопреки расхожему мнению о подземельях, доходящих до самого Ада, в цитадели Тьмы даже погребов отродясь не бывало. Ни к чему они демонам.

Припасы хранились на государственных складах под строжайшим учетом, оружейням тоже свое место, да и демон сам себе и оружие, и оружейня.

Пленников не водилось совсем. Трупам место на кладбище. Врагов Темный Трон уничтожал на месте, допросы виновных устраивал там, где изловил, и привычки среди правящей династии не было держать кого-то на цепи и пытаться с чувством, толком и расстановкой. До рождения Зарги не

было, но и она свое родовое гнездо не пачкала.

Но слухи о жутких катакомбах, где стонут по ночам на дыбах и в тисках ободранные заживо заключенные, исправно насаждались и поддерживались правителями. Дабы всякий демон боялся и трепетал, а их враги тем более.

С ролью стенающих мучеников успешно справлялись баньши, прикормленные кем-то из владык-предшественников.

Дежурная баньши, разбуженная свалившимся ей на голову принцем, подавила зевок и издала испуганный вскрик, перешедший в душераздирающий стон.

– Отставить! – поморщился Дьяр.

Слегка светившееся полотнище потускнело и замолчало. Баньши подобрала подол савана, изрешеченный рваными дырами, присела в поклоне. Позади нее просматривался освещенный багровым коридор.

– Скажи-ка, милейшая, а как мой отец перемещает все это громадьё?

– Мановением левой руки, вестимо, – слегка визгливо отозвалось существо.

– И куда он руку возлагает? На какой артефакт?

Баньши растерянно колыхнулась, что было эквивалентно пожатию плечами.

Дьяр, приказав нежити исчезнуть, прошел по коридору.

Пара поворотов, столько же каверзных ловушек, которых он, будучи наследным принцем, и не заметил, и демон оказался перед массивными двустворчатыми дверями, запечатанными заклинанием Тьмы и усеянными такими острейшими железными зубами игл, что акула обзавидуется.

Едва он пересек невидимую черту, шипы вытянулись змеями, обвили пришельца коконом из колючей проволоки, прошли сквозь одежду и коснулись кожи напротив сердца.

Дьяр попытался шагнуть. И тут же неимоверная боль пронзила его. Одежда мгновенно намочла от крови. Принц не дернулся, затаил дыхание, понимая, что как никогда близок к смерти. Иглы придвинулись к самым глазам.

– Только посмей! – прошипел Дьяр.

Он ощущал себя бабочкой, нанизанной на шип. Голова кружилась, ноги подгибались. А если дух-хранитель не признает его право войти в сердце Тьмы?

На синие глаза охранное заклинание не покусилось. Напившись царственной крови, иглы убрались.

Железное полотнище двери стало гладким и сыто лоснилось, а на

поверхности проступили фиолетово мерцающие руны и рисунок печати темных владык. Дьяр приложил окровавленную ладонь к печати. Кожу щекотнуло, словно пес прошелся языком, и кровь исчезла, раны от игл затянулись. Но препятствие не пошевелилось.

– Открой! – приказал принц, уже искусавший губы от нетерпения.

– Да с чего бы? – вредным Кикирусиным тоном поинтересовалась дверь.

– Надо.

– А что дашь?

– Крови мало попила? Тогда – пинка.

– Тьфу, грубиян. И не стыдно?

– Некогда мне стыдиться. Открывайся! – Дьяр, разозленный, что время уходит, пока тут охрана капризничает, демонстративно занес ногу.

– Как был невежей, пиратское отродье, так и помрешь, – проворчала дверь. Створка нехотя, с издевательским скрипом, начала открываться. Принц все-таки ее подопнул, чтобы поторопилась. Дверь взвизгнула. – Поаккуратнее, больно же! Тебе вообще сюда нельзя, неслух настырный. Мал еще. Ишь, и кровищи не пожалел, лишь бы поперек батьки пойти. И чего приспичило?

– Совсем распустились без папы! – огрызнулся принц, входя в крошечный мрак зала.

Как выглядело сердце Тьмы, не смогла бы рассмотреть и она сама.

Во-первых, ни искры света тут никогда не бывало. Во-вторых, попробуйте сами взглянуть на собственное сердце изнутри.

Дьяр замер, ощущая себя лишь каплей безымянной и бессловесной темной крови, растворенной в океане первозданного мрака.

А через миг он начал падать: опора под ногами исчезла, разверзлась бездонная пучина. Принц взлетел, пытаясь удержаться, но его засасывало вниз, как щепку в гигантский водоворот.

– Кто посмел?! – оглушило его чудовищным рыком.

Что-то вошло в него, разорвав сердце в клочья. Теперь он ощущал себя то ли бабочкой со вспоротым брюшком, то ли комком вывернутой плоти: Тьма впиалась в него, копалась в мозгах, кишках и жилах.

– Недостоин! Прочь, морское отродье! – отвергла его Бездна. И швырнула в другую.

Он падал в пропасть, а со дна поднималось к нему нечто огромное, жуткое, жадное. Клокотала чья-то злобная ярость. Выстреливали навстречу огромные тугие щупальца. Дьяр не видел их, но откуда-то знал. По свисту, словно хлестала чудовищная плеть. По ледяным порывам ветра,

обдиравшим кожу и норовившим оборвать его крылья.

Принцу пока удавалось уворачиваться от ударов. Но он падал, тщетно взбивая воздух крыльями. Они его не держали.

Принц мысленно воззвал к Матери-Тьме.

Но ответил почему-то отец Сатарф, и весьма свирепо:

– Какого Хурга лысого ты сюда сунулся, мальчишка?! За моей короной явился? Невтерпеж стало? Решил, что со мной все кончено? А не рано?

Невидимая рука ухватила его за шкуру, рванула и поволокла вверх.

– Нужно дворец переставить, отец. Там Зарга ловушку Лике устроила, а мне драться не хотелось... – Дьяр задыхался: край ворота врезался в горло. – Пап, ты совсем вернулся? Ты снова крылат!

– Кабы! И я не вернулся. Я с моей любимой женщиной, а ты меня отвлекаешь, стервец. Тебя моя сокровенная Тень держит. У нее-то крылья невозможно выдрать. К счастью, об этом никто не знает.

Дьяра с размаху швырнуло на твердую поверхность. Проехавшись по каменным плитам, он едва не расшиб голову о стену. Или это был столб? Принц поднялся на четвереньки и не сдержал стога: тело ломило, словно ни одной целой кости не осталось.

– Прости, сынок, не рассчитал, – сказал голос отца, но с такой ухмылкой, что стало ясно: специально проучил.

– Злишься, пап? Не посягал я на твой Трон.

– И зря. Знаю. Не оправдывайся. И не волнуйся, перенес я дворец. Вместе с Заргой и ее свитой. Как ты? Цел?

– Местами. Отец, почему Тьма назвала меня морским отродьем? Я чего-то не знаю о своей матери?

Сатарф ответил через столь долгую паузу, что Дьяру показалось: владыка уже отозвал свою сокровенную Тень.

– Не забивай голову ерундой, сын, – ответил наконец владыка. – Тьма любую женщину рядом с нами будет воспринимать как соперницу. Она считает, что мы должны принадлежать ей безраздельно. И забывает, что тогда у владык не будет детей.

– Но она отвергла меня. Сказала, что я ее недостойн. Почему?

– Это не она, а ты сам чересчур самокритичен и считаешь себя недостойным той роли, которую тебе все равно придется сыграть. А она не любит сомневающихся. Принц Тьмы должен быть дерзким. Ты же способен лишь на наглость, свойственную слабым и трусливым, когда они прикидываются сильными.

– То есть я слаб и труслив? – оскорбился Дьяр.

– А кто прячется за двойников?

– Я всего лишь выполняю твое же требование, как послушный сын.
– Слишком послушный. Я-то уж было обрадовался, когда ты сюда полез, а ты опять не для себя старался. Ну что у меня за сыновья? Только Зарга и способна на воистину темные поступки!

– Мне что, тоже твою подпись подменить, чтобы Тьма меня признала?
– Я чего-то не знаю? – голос Сатарфа стал ласковым, как у откормленного кота.

Дьяр лихорадочно соображал, что ему выгоднее: сейчас наказать сестру руками отца или промолчать, а потом шантажировать гадину? Синица в руках показалась ему куда привлекательнее. К тому же владыка надолго отшибет у Зарги желание мстить Лике. И принц вытащил поддельный приказ. В тот же миг вещественное доказательство рассыпалась пеплом в его руках.

– Так о каком подлоге речь, сынок?
– Эмм... Это я к примеру, – попытался солгать принц.
– Врать мне ты никогда не умел, Дьяр. Тут ты в маму уродился.
– А в чем я, интересно, не в нее пошел? – зато ему удавались отвлекающие маневры.

– Ты же мужчина.
– Ну, разве что.
– Ростом. Крыльями. Цветом глаз, формой зрачка, – начал перечислять владыка. – И... и...

– И все!
– У тебя еще есть рога и когти в боевой трансформации, – вспомнил Сатарф.

– Спасибо копыт нет.
– У меня тоже нет, но я же не жалуясь из-за этого по ночам в подушку.
– Да ты и днем не жалуешься. Ты же владыка Тьмы и Теней, настоящий демон, тебе не положено.

– А ты, можно подумать, не настоящий? И боевой ипостаси у тебя нет?
– Ты прекрасно знаешь, о чем я. Я люблю новые знания, а не новые драки и новых девок. Я ненавижу нашу Академию во главе с продажным ректором. Ковен высших магов я бы разогнал к Хурговой матери. А кланы? Это постоянный вызов! При каждой аудиенции! Я бы отменил клановость в принципе. А Тринадцатый вообще уничтожу, если стану владыкой. Драконам скормлю. А все перечисленное – это столпы, на которых зиждется наша власть. Как видишь, я только все разрушу, что строилось столетиями. Сердце у меня не лежит к тому, чтобы сидеть на Троне и олицетворять Тьму.

Сатарф долго молчал после этой тирады. То, что наследник сказал «наша власть», порадовало. Но остальное... Дьяр как никогда близок к бунту. Надо поторопиться с решением.

И как убедить мальчишку, что принять власть Тьмы и Теней не равнозначно тому, чтобы потерять сердце? Да, подданные у них – твари злобные и кровожадные, лживые и хитрые. Но правителю не обязательно становиться злее, хитрее и кровожаднее, чтобы удержать их в узде. Ему нужно быть мудрее, хладнокровнее и дальновиднее, а уж силу ему даст власть Тьмы и Теней. И у Дьяра все получится, как только он решится.

Владыка понимал, откуда в его наследнике такое неприятие долга. К счастью, сам Дьяр не осознает, чей пока еще далекий зов проникает в его сердце. Не так проста была его мать, как о ней говорил сам Сатарф и какой она старалась казаться. Только в час смерти призналась, бедная. Да и умерла ли она тогда? Или, родив ему обещанного наследника, освободилась от брачных уз и ушла в родной Океан?

Как только зов ее крови станет сильнее, мальчишку не удержать. И запрет приближаться к побережью не поможет. Лишь полная власть Теней может оградить его, лишь владычица Тьма – навсегда заглушить зов материнской крови. И Сатарф перестанет бояться, что его сын когда-нибудь бросит все ради солнца в морских брызгах, ради ветра в тугих парусах, ради игр дельфинов на гребнях волн, ради блеска жемчужин и тайн морского дна. И его поглотит Океан.

– Я пойду, – сказал Дьяр, не дождавшись ответа. – Там, наверное, Ирек и Лика уже добрались до дворца, надо встретить.

– Без тебя их встретят.

– Зарга?

– Ее я отправил в другое место вместе со свитой.

– Как ты все успеваешь? – вздохнул Дьяр.

– Учись, пока я жив. Причем не по твоим любимым книгам учись. И без того ты себе зад намозолил в библиотеке, пока твои «тени» отдуваются за тебя на темном поприще. Учти, Дьяр, это тебе сейчас удастся морочить моих подданных, пока я тебя прикрываю. Но когда ты сядешь на Трон, тебя быстро раскусят. Если не удержишь подданных в кулаке, сожрут и будут правы.

– Я тебе давно говорю, что не выйдет из меня владыка Тьмы. Не хочу я.

– Мало ли, что ты не хочешь. Это твой долг. Долг нашего рода. Темная корона изменит тебя и даст недостающей твоему сердцу жесткости. Иного она сделала бы излишне жестоким, а тебе будет в самый раз.

– Все равно не выйдет. Тьма не позволит мне надеть корону, – радостно возразил принц. – Я же недостойн!

– Ага, все-таки тебя задело, – рассмеялся Сатарф. – А куда она денется? Никуда. Поворчала, но давно благословила тебя. И сейчас попугала, но не растерзала. Значит, все-таки признала достойным. Никогда не слушай слов, смотри на действия и поступки.

– Пусть Ирек тебе наследует. У него лучше получится. Он твой первенец, в конце концов.

– Это невозможно, сынок. И не потому, что Ирек – незаконнорожденный. Для Тьмы без разницы, от кого и как рождены мои дети. Но не все равно – какими. И ты знаешь причину, из-за чего наши подданные никогда его не признают. Тебе нужна междоусобица? Потому готовься принять корону и не надейся увильнуть.

– А Зарга? Вот она-то демонесса до мозга костей.

– Даже слишком. И ты прекрасно знаешь, почему ей никогда не сесть на Темный Трон. Он всегда принадлежал мужчинам. Только мужская рука может удержать Тьму и Тень. Если ни один из наследников недостойн стать владыкой, произойдет смена династии. И в этом случае никто из вас, моих детей, не выживет.

– Тогда у меня один выход: поменять эти демонские предрассудки, – пробормотал Дьяр.

– Попробуй, но даже я не смог, когда был в полной силе. А сейчас разожми-ка левый кулак.

Дьяр разжал, стряхнул бумажный пепел. Но на ладони, как приклеенная, осталась светиться подпись владыки. Невидимая рука коснулась его кожи, и подпись исчезла.

– Так-так... – пробормотал голос Сатарфа. – Вот о каком подлоге была речь. И кто же додумался, мальчик мой?

– Ну, не я же!

– А жаль. Если бы ты хотя б раз решился на отчаянный поступок ради своих желаний, я был бы спокоен за твое будущее и за Тархареш. Ну, Зарга... Кстати, из нее выйдет прекрасный генерал, но я не рекомендую тебе назначать ее главнокомандующей твоими войсками, если не хочешь получить военный переворот. Лучше заранее создать конфликт. Назначь ее главным инспектором мракармии, и демоны ее дружно возненавидят.

– Сам назначь. Ты говоришь так, словно собрался помирать.

– Нет, но о моих планах лучше говорить не здесь.

Дьяр прищурился с подозрением:

– Ты что задумал, отец?

– Встретимся утром, расскажу. Да, чуть не забыл. У тебя с утра будет новый телохранитель. Точнее, телохранительница.

– Что-о?

– Вот приказ о назначении, здесь же расписаны пределы ее полномочий и обязанности, – в ладонь Дьяра лег свиток. – Ознакомься. А я удаляюсь. И без того слишком на тебя отвлекся. У меня тут брачная ночь под угрозой. Зачем моей прекрасной жене холодный мужчина?

Голос владыки резко оборвался: Сатарф отозвал истинную Тень.

На нижнем ярусе дворца воцарилась тишина. Дьяр знакомился с повелением владыки. Алыми угольками руны проступали на пергаменте и гасли под его взглядом.

Через минуту, когда он, не веря глазам, трижды перечитал не слишком длинные письма, весь холм, до самых глубин, потряс его небывало яростный вопль:

– Да ни за что! Это позор и унижение! А мое мнение тебя не интересует, отец?!!

Как ни занят был владыка, но не мог не услышать – с такой силой, даже не прибегая к магии крови, призвал его наследник.

Перед глазами Дьяра сгустился клочок мрака – более плотного, чем окружавшая тьма.

– Совершенно не интересует, – спокойным, но продирающим до костей тоном сообщил владыка. – Вот займешь мое место, Дьяр, тогда власть будет в твоих руках и ты сможешь аннулировать мой приказ и разорвать договор.

– Это гнусный шантаж!

– Разумеется. Но теперь у тебя появился небольшой стимул все-таки стать владыкой Тьмы и Теней, как бы ты ни отвергал свое предназначение.

* * *

От предчувствия угрозы я сначала замедлила шаг, а потом и совсем замерла столбом.

– Идем, Лика, успеешь еще налюбоваться, – проворчал сержант.

Мы подползли наконец к ограде вплотную. И в этот момент этот дворец, эта темная зараза показала нам кукиш! Черно-багровые камни цитадели моргнули и бесшумно исчезли. Ни соринки не осталось.

В огромной столице было еще с десяток таких же черных лысых возвышенностей, образующих Кольцо Тьмы, по ним и перемещался

дворец, словно драгоценный камень перстня. Я давно хотела посмотреть на это зрелище, но не в этот момент!

– Чтоб тебе провалиться! – неверноподданнически выругался мракар.

Ирек тоже возмутился:

– Что еще за фокусы? Почему без предупреждения?!

– Вот видите! Он не хочет нашу Ликусю! – не растерялась Миранда, словно лично организовала бегство Темного Трона из-под нашего носа.

Я тоже не осталась в стороне, попинала основание колонны ограждения. Драконья морда на гербе сплюнула сгустком черного огня, но я увернулась.

– Осторожно! – вцепились в меня с двух сторон сержант и Ирек и едва не разорвали пополам, оттаскивая каждый в свою сторону.

Отбрыкалась ото всех.

– Как еще без ноги не осталась, – проворчал Драхис и огляделся, приставив ладонь козырьком к глазам. – И куда он подевался, этот наш блудник?

– Ты это о ком? – осведомился Ирек. – О владыке?

– О дворце! А, вон он, на соседний холм перекочевал. Совсем недалеко. Идем, что ли...

– Может, лучше завтра?

Сержант подумал, махнул рукой:

– Ладно. Только отметимся, бумаги подпишем и на сегодня увольнительную дам, рядовой... рядовая Тария. Все равно твоя служба с завтрашнего дня начнется, когда присягу принесешь. Я-то хотел как лучше, чтоб ты подготовилась, осмотрелась, форму подшила, а то на такую тщедушную комплекцию у нас во всем гарнизоне подходящей мануфактуры не найдется.

– А вот форму можно и сейчас, – заметила я, покосившись на молчавшую Зулию. Судя по покрасневшему носику и гусиной коже, южанка тихо страдала без теплого палантина.

– Тогда идем, выдам, так и быть, – соблаговолил этот милейший громила.

И мы отправились ловить сбежавший дворец.

– А зачем вообще нужны эти переходы с холма на холм? – поинтересовались островитяне. – Это же неудобно!

Им, как самым дальним от столицы провинциалам, можно и не знать столичной мифологии. А вот мне перед путешествием в Тархареш пришлось зазубривать каждую мелочь демонического быта. Сержант, устроивший южанам исторический экскурс, все же добавил пару деталей.

– С незапамятных времен у нас эта карусель завелась, когда еще не было над темными кланами единого владыки, а было тринадцать враждовавших князей. Столицы тогда еще не было, а тринадцать вотчин сходились тут клиньями. На холмах этих стояли племенные храмы с идолами рода, у каждого свой был. Но однажды пришел из Хрюмовой бездны...

– Харумановой, – поправил Ирек тоном ментора. – И не из бездны, а с небес. Харуманова Бездна – название туманности в созвездии Упыря.

– Да какая разница, – отмахнулся мракар. – Может, он и впрямь с неба свалился, когда еще Лойт и в помине не было, а наша луна юлой крутилась вокруг мира, подобно солнцу. После этого высшие маги дыру и заткнули. Пришел, в общем, в Тархареш невиданный доселе железный многоглавый монстр ростом с гору.

– И всех раздавил? – с ехидцей спросила Зулия.

– А то! Мор насрал невиданный. От одного его дыхания демоны разом обессилели и дохли, как мухи. Низших он щелкал, что семечки. А высших ловил, как мотыльков сачком, и крылья выдирал.

Ирек нервно отвернулся и ускорил шаг, а низкий бас мракара, подражавшего балладному тону менестрелей, стал почти задушевным.

– Черной кровью демонов эти холмы пропитались до самых глубин и затвердели, как скалы, – распинался он перед черноокой Зулией. – Думали – все, хана темному народу. И ведь что обидно: не с силами Света в драке гибнуть, а с невесть каким двенадцатиглавым чудищем, темнее самой Тьмы, злее самого Зла. Говорили, правда, что того монстра светлые на нас и натравили, вызвав из иномирья, но беленькие отбредались, мол, ни при чем. Короче, совсем нам туго стало, из десяти взрослых и один не выжил. Ребятня осталась и калеки. И тогда вышел один малец на бой, последний из клана Полночного звездопада. У этих кланников особенность издревле – глаза сияют, как звезды. Говорят, глаза эти им звезды и подарили. Еще на крыло тот парень не встал, так мал был. Шансов, как понимаешь, никаких. Но перед боем он жертву принес Тьме великую. Какую, знал только он сам. Душу ли отдал Госпоже, судьбы ли потомков заложил на все века вперед, о том только владыки знают.

Я покосилась на Ирека: интересно, знает ли бастард эту тайну? Или надо Дьяра пытаться с пристрастием, чтобы поделился секретами династии?

– Тьма приняла его жертву и дала взамен силу. Мощь всех павших – одному ему подарила, – с некоторой толикой зависти вздохнул Драхис. – По этим Лысым холмам и гонял мальчишка лихого вражину, на каждом холме по одной голове отрубал, пока тот дух не испустил. Но железная

бестия и безголовой уползла на тринадцатый холм. И до сих пор великая Тень первого из синеглазых владык отгоняет от Тархареша посмертный дух чужого исчадия, вот оттого и перемещается дворец без всякого порядка. Ежели долго Трон на одном месте застоит, то чужеродный дух соберет головы и оживет. Оно нам надо? Так что пущай дворец вертится. Лишь бы стражу предупреждать не забывали.

Слушая Драхиса, я изо всех сил сдерживала скептическую усмешечку. В храмах Лойт нам преподавали другую историю: тринадцать самых сильных темных кланов попросту перегрызлись за власть.

В жесточайшей междоусобной войне сгинули все их вожди, а светлые кланы, потирая ручки, скромно ждали в сторонке, когда темные сами себя сожрут, чтобы прибрать освободившиеся земли. Но тут объявился вождь из третьесортного демонического рода. Так как он не входил в число великих кланов, то его появление поначалу осталось незамеченным, а потом оказалось поздно: молодого государя поддержали, и он собрал государство железной рукой. С тех пор Трон перемещается по холмам, где раньше стояли родовые храмы, чтобы никому из великих тринадцати кланов не было обидно.

Я промолчала, не стала разрушать сказку низменными реалиями. Да и кто знает, сколько в наших исторических учебниках истины, а сколько – зависти и амбиций их авторов? Ирек, кстати, тоже помалкивал.

– Ну хорошо, с этим понятно. А почему у дворца каждый раз очертания меняются? – Зулия прищурилась на соседний холм, к которому мы подбирались, проталкиваясь сквозь толпы спешивших по делам демонов: с закатом улицы столицы оживлялись. Дворец уместился на вершину, приняв вид гнезда раздраженных кобр с раздутыми капюшонами. Змееобразные башни покачивались, как при землетрясении. Солнце уже зашло, алое небо подергивалось пеплом, как догорающие угли, и глаза кобр отсвечивали таким же золотисто-алым цветом, а узоры камней начали эффектно светиться.

Южанке ответил Ирек:

– Таким способом избыток магии сбрасывают.

– Разве может быть избыток магии? – удивился Айрес.

– Может, если Тьма шквалом придет. От обжорства тоже бывает несварение желудка. Так и тут, только еще хуже.

Сержант с подозрением окинул островитянина взглядом:

– Откуда вы явились этикие неучи, что простых вещей не знаете? Как приняли-то вас в Академию, таких невеж? Да еще и боевую специальность выбрали.

– С архипелага мы.

– А что, на островах другая магия?

– Да такая же, но ее у нас много не бывает, – лицо Айреса стало кислым, как лимонный пирог без сахара. – Нам обычных бурь и шквалов хватает, они, видать, и забирают избыток.

Я успела перехватить недоуменный взгляд Ирека, но тут мы пришли наконец к воротам в ограде замка, явно не парадным, и мракары распахнули передо мной дверь в сторожевую. На миг мне показалось, что за ней такая же черная монолитная стена, как и вокруг двери.

– Лица Тария со мной, – распорядился Драхис. – Остальные ждут снаружи. Ирек, к тебе это тоже относится.

Из погруженной во тьму каптерки раздалось зычное:

– Ирек тут? Драхис, держи его крепче! Давно мечтал лично прибить негодного мальчишку!

Второгодник не успел смыться: реакция у мракаров была что надо. Они мигом скрутили парня, втащили внутрь. Ирек, надо отметить, не особо и сопротивлялся. Драхис одной рукой подтолкнул меня, а второй – захлопнул дверь перед носом возмущенной Миранды.

Мы оказались в таком крошечном мраке, где даже ночное зрение отказывало. Тут же зажглись зеленым глаза успевшей просочиться мантихоры. Правда, в их свете все равно ничего не разглядеть.

– Попался, Ирек! – громоподобно хохотнул кто-то во тьме.

Глава 18

Лица, или Тени исчезают в полночь

Мантихора и та перепугалась, прижалась к моим ногам. А вес у киски такой, что она притиснула меня к стене, как гвоздями приколотила. Зато ее хвост, оснащенный кисточкой шипов на конце, не меня хлестнул.

– Оууу! – взвыл говоривший. – А это будущее чучело что тут делает? Ну-ка, ко мне, зверюга. Хороша! Красавица!

Мантихора притиснулась ко мне еще плотнее, едва мои косточки не хрустнули. Но тут какая-то неодолимая сила ухватила ее и подняла вверх, как котенка. Зверюга жалобно взмявкнула, попыталась уцепиться за стену когтями. На голову посыпалось каменное крошево. Я шарахнулась, налетела на что-то массивное. И меня тоже сцапали за шкуру и подвесили!

– Так, а это что за пигалица?

– Это со мной, – быстро внес ясность Ирек.

Меня бережно поставили на ноги. Как же мне надоело глазами во тьму лупать и ничего не видеть. Когда свет догадаются соорудить? Или заклинания тут не работают?

– И ты у двери не стой, Ирек. Проходи, не стесняйся, – пригласил тот же громогласный бас. – Теперь ты у меня не сбежишь, пока должок не отдашь. А на него еще проценты набежали за то время, пока ты за стенами Академии прятался от старых друзей.

– Сколько?

– Пятьдесят бутылок!

Потрясенный Ирек щелкнул пальцами, запалил развешанные по стенам магические факелы. Точнее, сначала резануло алым светом по отвыкшим глазам, а уже потом, проморгавшись, я увидела потрясенные очи второгодника. И остальных присутствующих.

Кроме семерки сопровождавших нас мракаров, в сторожке было еще два демона. Одного сложно было разглядеть за один раз – настолько огромен он оказался. Даже в сидячем положении.

Я рассматривала великана частями. Столбы ног, бревна рук, оснащенных саблями когтей. Бочкообразное туловище, прикрытое черной шипастой сталью доспеха. Мантихору он взгромоздил на колени и почесывал за ухом кончиком когтя. Впечатленная кошка не смела рыпнуться, но глаза у нее были ошалелые.

Демон улыбался, демонстрируя невиданные клыки, торчавшие кинжалами из-под верхней губищи. Три массивных рога почти упирались в потолок. Из-под тяжелых надбровий отсвечивали алым глазищи с блюдце. По идее, именно так должен выглядеть темный властелин.

– А не треснет? – выдавил наконец Ирек.

– В самый раз, – отмахнулся демонище, забыв о тесноте помещения. Сержант Драхис, стоявший к нему ближе всех, шарахнулся, едва избежав участи быть рассеченным пополам. А мне стало интересно, как это чудище сюда попало? Дверь по виду целая, но она же была для него – что для меня нора кролика!

Я потеряла Драхиса, спросила потрясенным шепотом:

– Кто это?

– Шаис, – прошептал сержант. – Был начальником дворцовой охраны и личным телохранителем владыки, но недавно ушел в отставку. Ты, пожалуй, тут подожди, а я амуницию тебе принесу.

Он бочком выскользнул в дверь. Великан проводил его задумчивым взглядом. Между тем Ирек кипел от возмущения:

– И как одна жалкая бутылка, и та початая, успела за это время вырасти до полусотни?

– Я ее поливал мечтами и кровью девственниц, – ляпнул демон и, спохватившись, покосился на меня. – Ну, фигурально выражаясь. Короче, друг Ирек, надо мне не меньше полусотни штук твоей лечебной дряни. Очень надо.

– Зачем тебе столько бальзама? Это ж на всю мракармию хватит и еще останется. Да у меня ингредиентов не найдется на такое количество!

– Десяток склянок в гарнизоне оставляю для ребят, а то их потрепало сильно в последней вылазке. Остальное поменяю на редкое противоядие для племянника.

– Опять от яда змеи варрдах?

– Не угадал. На этот раз от яда какой-то лунной твари, Хург их разберет. Хисса какая-то. Архимаг наш сказал, только твое зелье примет за валюту.

– Зачем тебе-то противоядие?

– Понимаешь, мой выродок опять влип по самые гланды. Вот веришь ли, убить его проще, чем уму-разуму научить.

– Верю. Я бы убил, – жестко сказал Ирек. – Для тебя, Шаис, неделю не спал бы, а сделал. Для ребят из гарнизона тоже не жалко. Но для него – не дам и капли, не проси.

– Эх... А я так надеялся. Обрадовался, когда принц сказал, что ты сюда

идешь.

– Дьяр здесь?

– Трон-то не сам собой переехал.

Ирек присвистнул:

– То есть как? Дьяр сам? Один?

Алые глаза опять скосились на меня.

– Ну-у... Откуда мне знать? Но стража говорит: присутствие владыки там тоже ощущалось. Недолгое.

– Хорошо, Шаис, – Ирек оценил откровенность. – Я поговорю с архимагом насчет противоядия. Уточню, какое именно и за сколько. Сдается мне, надуть он тебя решил самым наглым образом.

Демонище просиял.

– Спасибо, друг. Я знал, что ты поможешь моему непутевому родственнику.

– Не ему, – губы второгодника снова сложились в жесткую линию. – Тебе. И себе. Ты ж мне все печенки сгрызешь одним своим несчастным видом. Можно подумать, это тебя хисса покусала, а не Дамира.

Я изо всех сил делала вид, что меня тут нет, но на этот раз не сдержалась:

– Так ему и надо!

– Потихе на поворотах, детка, – повернул голову Шаис. – Дамир – мой племян, какой бы ни был, и я за него горлышко могу перекусить.

Ирек скользнул ко мне, приобнял за плечи:

– Предупреждаю, я за нее тоже перекушу кого угодно. Даже тебя.

– Бабы... – вздохнул великан, отворачиваясь. – Что вы с нами делаете?! Но я рад, Ирек, что ты оттаял после...

– А вот язык не надо распускать, – зло сощурился мой заступник.

Повисла напряженная пауза, пока трехрогая гора мускулов меряла комариное, по сравнению с ней, тело Ирека: сейчас прихлопнуть или не пачкаться? Мантихора, пользуясь случаем, соскользнула с его колен и попыталась спрятаться за меня. Ирек удержал, иначе бы я грохнулась демонам на смех.

– Кстати, по какому случаю боевая трансформация, Шаис? – спросил Ирек со сталью в голосе.

Великан смущенно моргнул.

– А, это Зарга кого-то собралась с почетом встречать. Не тебя, не радуйся. Всех построила, до кого лапки дотянулись. И я под ее ручку подвернулся ненароком.

– Так ты теперь в ее свите?

Шаис поморщился.

– И откуда ты такой понятливый?

– А что тут понимать? Принцесса может приказывать только своим телохранителям и лишь в крайнем случае – прочим, если есть военная угроза, а в замке нет ни владыки, ни наследника, ни командующего гарнизоном. Угрозы я не заметил. Командующий здесь, – Ирек коротко глянул на второго демона – серо-серебристого, изящного и потрясающе скромного, не проронившего еще ни звука. – А ты, Шаис, еще вчера был свободен от службы при дворце. Вывод очевиден.

– Все-то ты знаешь, а ведь и носа сюда не показываешь.

– У меня хорошие друзья.

Мракары, внимательно слушавшие разговор, дружно ухмыльнулись.

– Ну, в свите ейной. И что? – огромный демон потупился, как провинившийся школяр. – Жить-то на что-то надо. За мной мой клан. Туго им будет без покровительства Трона. Да и привык я уже здесь.

– Еще бы. Маг, если присосался к чистой силе Тьмы, то не оторвать, – усмехнулся второгодник. – Не переживай, Шаис. Мы тебя не бросим. Свой человек в свите Зарги нам не помешает. Правда, парни?

Тот, кого Ирек косвенно представил, как главу охраны дворца, улыбнулся и кивнул. Получается, мой однокурсник тут всех к рукам прибрал, куда там Зарге. Знают ли они, что он – бастард? Вряд ли. И он, и владыка предупреждали, что это страшная тайна. Значит, либо все тут заговорщики, либо у Ирека, изменившегося до неузнаваемости – такая властность прорезалась в веселом и добродушном рубаха-парне, – какие-то иные полномочия при дворце. С чего бы его так Шаис, бывший личный телохранитель владыки, боится? И не первый день боится, судя по всему.

Тут я заметила изучающий, слегка насмешливый взгляд серебристого демона и покраснела. Такое ощущение охватило, что он мои мысли читает. Демон тонко улыбнулся и прошелестел едва слышно:

– Ступай, Шаис. Мы и так отвлеклись от своих дел ради твоих.

– Ладно. Так мы договорились, Ирек? – дождавшись кивка, гора мускулов колыхнулась и... растаяла сизой дымкой, вытекшей в щель неплотно прикрытой двери.

Я ошеломленно поморгала на внезапно опустевший стул, на серого демона, с веселой улыбкой наблюдавшего за произведенным эффектом.

– А... о... – пробормотала я. – Вы все так умеете?

– У каждого высшего мага свой фокус, – уклончиво ответил демон. – Шаис склонен к драматическим эффектам.

Дверь рывком распахнулась, ворвался Драхис – запыхавшийся, словно

за ним гнался разъяренный... даже теряюсь, что для демонов страшнее всего. Светлый повелитель разве что.

– Вот, держи, новобранка, – грохнул он на стол объемную сумку. – И дуй отсюда побыстрее, иначе накроется твоя увольнительная.

– Новобранка? – поднял бровь глава охраны. – Приказ о зачислении в свиту Зарги какой-то фрейлины только что аннулирован владыкой. Вместо него поступило распоряжение принять Лику Тария из клана Вечерних теней на должность телохранителя его высочества Дьяра. С завтрашнего дня.

– Что-о?! – возопил Ирек.

Сержант горестно махнул рукой.

– С завтрашнего дня? – уточнила я. – Так я пока могу уйти?

– Если успеешь, – вздохнул Драхис. – Сюда сам Дьяр идет, злой, как бешеный Хург. Два бешеных Хурга. Орет, что убьет телохранительницу, но такого позора не допустит, чтобы его баба охраняла. Ну, это если я все цензурные слова расслышал.

Схватив одной рукой мешок с амуницией, другой – меня, Ирек вихрем вылетел из караульни. Едва не сшиб с ног кого-то из ожидавших нас друзей. Айреса, судя по ругательствам. Сунул ему мой мешок, показал на ездового псимурга:

– Уезжайте, и побыстрее. Ждите меня на берегу. На том, куда нас в прошлый раз занесло, помнишь, Лика? Сорр знает дорогу. А я его задержу.

– Кого? – сунулась Миранда.

– Дьяра, – и наш мужественный однокурсник скрылся в караульне.

Вшестером на одного пса, даже такого большого, мы не поместились бы. Я призвала Шурша, и мы с Мирандой устроились на его спине. Айрес и Тай уселись на Сорра, а мантихора сначала согласилась только на Зулию, но потом снизошла и до оставшегося в одиночестве Дага. И процессия направилась прочь.

– Телохранительницей? – тихонько фыркнула Миранда. – И когда ты успела, Лика?

Об аванюре с телохранительством я ей не говорила. Подслушала.

– Что успела?

– Такой пост получить, хи! – хихикнула Миранда. А еще подруга называется. – Да мы все давно поняли, что Дьяр на тебя глаз положил, – продолжила она меня изводить, – потому и приперся учиться вместе с нами в Академии, хотя мог бы сидеть у себя во дворце на домашнем обучении. И парням на курсе он всем сразу сказал, чтобы держались от тебя подальше. И, думаю, не только на нашем.

– Вот как?

Это он пари хотел без проблем выиграть, только и всего. Но о позорном пари Миранда не знала.

– А ты не знала? Мы так и поняли – влюбился с первого взгляда. И смотрины невест потому разогнал, обычно они неделю во дворце гостили. Но ты-то, подруга, хороша! Почему я не знаю, что ты в него тоже влюбилась?

– Да ничего подобного! Терпеть его не могу!

– Ага, ага, как же, – расхохоталась Миранда. – Каждый день только и слышу от тебя, какой он нехороший мальчик. Лика, кого ты обманываешь? Я, конечно, еще не видела твою боевую ипостась, может, ты какие-нибудь чудеса творишь. Но я в жизни не поверю, чтобы владыка избрал телохранителем для наследника девчонку-недоучку. А вот прикрыть подругу неженатого сына он вполне мог.

– Миранда, все не так, поверь. Я потом расскажу.

Хорошо, что она не видела моего красного от стыда и досады лица. Действительно, что еще могут подумать демоны? Но ведь этот надменный принц Тьмы мне ни капли не нравится, правда, богиня?

* * *

В тот день и вечер все шло наперекосяк. Ночь не стала исключением.

Так грустно, наверное, еще никого не провожали в мракармию. Оплакали меня по полной. Миранда щедро орошала мое плечо слезами и пророчила:

– Ну куда же ты суешься, горемычная моя подруженька?! Чует мое сердце, не увижу я тебя завтра. Ну какой из тебя телохранитель? Да этот Дьяр сам тебя сожрет и не поперхнется, гад! А его мерзкие «тени» остаточки догрызут. Вон, уже примеривались.

Зулия тоже рыдала. От смеха. Когда распотрошили мешок с обмундированием, выяснилось, что сшито оно на великана Шаиса. Даже его метка на куртке не спорота – не успели, видать.

– Этой куртки на нас шестерых хватит. А вот сапоги сняли сдохлого гнома. Какая пре-е-елость! – простонала Зулия, добравшись и до них.

Хорошие сапоги. Добротные, неснашиваемые, на полтора размера меньше, чем моя изящная, без ложной скромности, ножка. Трофейные, сразу видно по следам от чьих-то клыков на полубогрызенном голенище.

– Почему дохлого? – Айрес, устав ржать, вытер скупую мужскую

слезу.

– Ты что, гномов не знаешь? Захлебнутся, а не отдадут даже плевка. А тут – аж полтора сапога недоеденных!

Настроение у меня пребывало на отметке, близкой к нулю. Не из-за дурацких шуток. Как-то я не учла, что пациент, то есть подопечный принц, взбунтуется. За что меня убивать, такую хорошую?

И что теперь делать с грабежом академической канцелярии? Островитяне ведь увяжутся за нами. И Ирек, если он не падет смертью храбрых в схватке с разъяренным Дьяром.

Как назло, только мы расположились на берегу с корзинками, достали бутылки, соорудили бутерброды, начался противный мелкий дождь. Демоны костров не разжигают. Ну, не любят они открытый огонь. Потому согреться мне не светило во всех смыслах.

Тай не растерялся, соорудил шалаш из крыльев. С одной стороны к нему прижалась Миранда, хотя могла бы и свои раскрыть, лентяйка. С другой – я и Зулия. Оказалось, что трое островитян – не высшие демоны и крыльев не имели. А по ним и не скажешь, что они низшие. Айрес так высокомерен, словно единственный наследник главы клана. И умен. Уже успел стать лучшим учеником. Если не считать Ирека и Дьяра. Но второгоднику нетрудно, а принц вообще вне конкуренции, ему сама Тьма помогает.

Мы быстро прикончили наш невеликий запас еды и вина и уныло пытались травить анекдоты столетней давности. Скучно. Не скучали только звери, устроившие игру в догонялки. Шурш охотился на псимурга, Сорр – на мантихору, та – на дракона смерти.

– Может, ну этого Ирека? – Айрес глянул на хмурое, затянутое тучами полуночное небо.

– Что значит «ну»?

– Оставим ему записку и Сорра, а сами завалимся в кабак, раз уж комендантский час в общежитии давно наступил?

Зулия радостно поддержала. Она уже давно дрожала от холода.

– Он обидится, – Тай не одобрил идею. – Нехорошо это, друга в беде бросать.

– Это мы в беде! – Зулия чихнула и шмыгнула носом. – Даже горячительное кончилось.

– И закуска, – поддакнула Миранда, любившая вкусно поесть в любое время дня и ночи.

– Кто идет пополнять запасы? – встрепенулся Айрес.

Не успела я вызваться и вызвать Миранду, чтобы по пути и Академию

грабануть, как Тай все испортил:

– Тянем жребий.

– А может, не надо? – пискнула Зулия. – Все равно тебе идти, Тай. Ты столицу лучше знаешь, чем мы. Сам хвастался, что уже не раз тут бывал и родственников у тебя тьма.

– Один не пойду. Миранда, идешь со мной? Ну, пожалуйста! – Тай преданной собачкой заглянул в ее глаза.

Я попыталась, протянув руку, ущипнуть Миранду, но плотные Таевы крылья не дали. Подруга согласилась. Как пить дать, нарвутся на приключения. Парочками бродить по темной столице еще хуже, чем в одиночку. Демоны склонны к зависти и не отказывают себе в удовольствии полапать прекрасное.

– Тогда я тоже пойду, – заявила я.

Напасть на канцелярию мы можем и втроем, так даже лучше. Тай на шухере постоит.

– А Ирек? – напомнила Зулия. – Он же тебя просил тут его ждать.

Тоже верно. Эх...

– Миранда, возьмите с собой псимурга или мантихору, – предложила я. – Их уже вся стража в лицо знает, лишних вопросов не будет.

– Лучше обоих, – посоветовал Айрес. – Четверо идут, четверо остаются ждать Ирека.

– Если он еще жив после драки с принцем, – что-то меня совсем тоска разобрала. Непокойно как-то на душе.

– У тебя же есть дракон, – Даг, запрокинув лицо, попытался разглядеть в тучах невидимого Шурша. – Отправь его на разведку.

Точно. «Шурш, проверь, где там Ирек и, если понадобится, принеси его бранные останки», – приказала я.

Дракон проворчал что-то на языке династии Холь, но отправился выполнять. Тай с Мирандой и двумя хищниками растаяли в ночной тьме.

Ощущение опасности усилилось. Да что меня так потряхивает? С чего бы? Место глухое, никого опасного поблизости не ощущается. Да и наши звери, играючи, всех потенциальных врагов распугали.

Может, что-то с мамой происходит? Раз и Дьяр благополучно вернулся, и присутствие владыки во дворце засекли, то, получается, царица Серых Холмов с ними не справилась. Почему?

– Холодно! – стуча зубками, Зулия придвинулась, обняла меня за талию.

С другой стороны ко мне подсел Айрес:

– Давай согрею! – его рука легла на плечо.

– Ты свою подружку согрей, я не мерзлячка, – я дернула плечом, но его пальцы плотно обхватили меня. – Руку убери, пока не покусала.

Он засмеялся, но не внял. А ладонь у него теплая, уютная. Ладно, потерплю.

– Долго ты еще там, Даг? – спросил он.

Третий островитянин зачем-то отошел на несколько шагов от реки. На фоне кустов его стройная фигура почти терялась. Но для чего тогда ночное зрение?

Что он делает? – с удивлением наблюдала я за плавными движениями Дага, очертившими круг. Руками как-то странно машет, бормочет что-то напевное. Танцует? Хороший способ согреться, но от мелкого дождика не спасет.

– Готово! – торжествующе выкрикнул Даг и замер, распахнув руки, словно крылья.

А через миг между ним и нами вспыхнуло невозможное, ослепительное солнце.

– Быстрее! – скомандовал Айрес.

Меня, полуослепшую, ничего не понимающую, подхватили четыре руки и швырнули в разгорающееся зарево. Я и пикнуть не успела, только произнесла мысленно: «Шу-у-у-урш!» И щит машинально выставить. И когти вырастить, полоснуть предателя Айреса. Не знаю куда, но попала, судя по его воплю. И лягнуть предательницу Зулию левой ногой в домашней туфле. Туфля слетела. Еще я успела двинуть Дага локтем по ребрам, когда мимо него пролетала.

И больше ничего не смогла.

В следующий миг меня что-то спеленало по рукам и ногам и аккуратно уложило на твердую поверхность. Слишком ровную и теплую для каменистого речного берега. Да и света вокруг многовато для полуночи.

* * *

Ирек сидел на стуле, положив ногу на ногу, а руки скрестив на груди, и от скуки рассматривал голенище своего сапога. Плохо почищен сапог. Пятнами. Ну нет у него ни слуг, ни денщика, по статусу не положены. И по легенде. Откуда у бедного сироты, каким его считали все, деньги на слугу? Самому приходится крутиться. А где времени на все взять?

Серебристый демон тоже скучал – стоя, подперев плечом наружную входную дверь. Внутреннюю, ведущую на плац перед дворцом, плотно

прикрыли мракары, исчезнувшие, как только в караульню ворвался разгневанный принц. Драхис предусмотрительно слинял, и глава охраны мгновенно накинул на помещение заклинание бесшумности. Увы, оно не позволяло звукам просочиться наружу, но совершенно не препятствовало шуму внутри.

А его высочество Дьяр орал уже полчаса.

– Кто посмел отпустить ее в увольнительную, Янге?! Кто вообще посмел поставить ее в мою охрану без моего согласия?!

– Приказы владыки не обсуждаются.

– Я и не обсуждаю. Я не при-ем-лю! Пойми разницу! Почему ты отпустил эту прохиндейку?!

– Ты уж определись, мой принц, – вздохнул серебряный. – Лика – твоя телохранительница или ты категорически против?

– Против! Я на такое издевательство никогда не соглашусь!

– Тогда к чему столько шума? Ну, отпустили. Баба с возу – кобыле легче.

– Никто не имеет права распоряжаться моей личной телохранительницей!

– Значит, все-таки она – твоя телохранительница? – пошел Янге по двадцать пятому кругу.

– Нет!!! – взревел Дьяр.

Ирек возвел очи к потолку.

– Если нет, то какая тебе разница, наш великолепный принц, где девушка проводит свое личное время?

– Объясняю для особо одаренных! – сверкнули пронзительно синие глаза. – Лику не имели права отправлять в увольнительную, так как, во-первых, на службе при моей особе она не состоит! Во-вторых, даже если бы состояла, то только я могу отпускать моих личных слуг. Только я, а не какой-то там Драхис! Где этот мерзавец? За превышение полномочий я его в порошок сотру!

– В увольнительной, – стараясь не улыбаться, сообщил серебряный демон. – Я отпустил.

– Мр-р-ра-ак! В Хургову бездну все! – принцу тоже надоело орать понапрасну – пар он выпустил еще полчаса назад, – и он уселся прямо на стол, обиженно опустив встопорщенные крылья.

Компания похоронно помолчала.

– Раз уж речь о телохранителях, точнее, соглядателях, то напомним, что моих хотели снять, – Ирек повернулся к Янге. – Когда?

– А чем они тебе мешают? – начальник охраны поднял бровь. – Их

никто не видит, даже ты.

– Тем и мешают! Не вижу, но ведь чувствую. Лучше бы я их видел.

– Нельзя, – Янге пронзил строгим взглядом пространство за спиной второгодника.

Ирек страдальчески поморщился.

– Вот видишь, принц, я свою охрану даже видеть не имею права. Может, у них такие рожи, что кошмары обеспечены до конца жизни. А тебе опять повезло: такая красивая девушка будет рядом. Хоть есть на что посмотреть.

Дьяр зло сощурил глаза.

– У меня и без нее найдется на что посмотреть!

– Ну, я пойду, – привстал Ирек.

– Сидеть! – взвился Дьяр. – Мне что, одному все это расхлебывать?

– Ну, а я при чем? – Ирек покорно опустил на стул. – Я вообще тут никто и звать никак.

– Не прибедайся! Забыл, что ты с лета в тайном сыске наблюдателем состоишь? Так я напому! Кстати, где отчет за последнюю неделю? Магистр Сэйван жалуется, что ты нагло манкируешь обязанностями.

Ирек поморщился, снова привстал.

– Ну, я пойду отчет строчить.

– Спихватился! С чего такая спешка? И опять ни слова не будет об этой противной девчонке! Ирек, будь другом или хотя бы нормальным врагом, распиши в отчете, что Лика Тария совершенно не обладает боевыми качествами и не годится на роль телохранительницы. А я тебе...

– Брось. С радостью напишу, – перебил второгодник. – Даже брать с тебя ничего не буду взамен. Думаешь, мне эта идея с телохранительством нравится? Отнюдь. Чем Лика от тебя дальше, тем лучше для нее.

– Для тебя, не лукавь, – ухмыльнулся принц. – Уж напиши. Я и на Сэйвана надавлю. Может, отец прислушается к умным демонам.

– О, наконец-то ты оценил мой ум по достоинству! – осклабился Ирек. – Так я пошел?

– Нет! Знаю я, куда ты торопишься.

– А я и не скрываю. Не хочу я ее одну с островитянами оставлять.

– Девушка там не одна, – вмешался Янге. – Помимо зверушек и проверенных демона и демонессы, за ней мои «тени» тайно приглядывают. Да, а что там с островитянами?

– Внешне ничего. Но не нравятся они мне, все трое, – Ирек, временно смирившись с деспотичным принцем, облокотился о спинку стула, подпер щеку кулаком. – И ни единой зацепки против них, ни ректор ничего

подозрительного не усмотрел, ни магистры. Но сельо они тоже не опознали. Такое ощущение, что сканирующие амулеты в Академии массово испорчены. Хотел их селенисом проверить, но ожерелье я... э-э-э... не донес.

Дьяр фыркнул, но комментировать не стал, а его лоб опять прочертила гневная складка. Янге кивнул:

– Знаю, мадам Кикерис тоже ничего об островитянах не вынюхала. Говорит, плотная завеса на них, что само по себе подозрительно. Что-нибудь поконкретнее бы.

– Ничего, говорю же. Разве что слишком эффектно они явились, с вызовом.

– А сам-то! – напомнил Дьяр.

– Меня заставили, сам знаешь кто. А эти... Ни с кем не сошлись на курсе, кроме Лики и двух ее друзей. К остальным – или тихая ненависть, или чувство превосходства.

– Обычное поведение для низших демонов, – пожал плечами глава охраны. – Но, будь они чужаками, за столько времени – и ни одного прокола?

– Только косвенные. Да хотя бы знание элементарных темных заклятий. Они вроде и знают, но чисто теоретически, словно в жизни никогда не применяли ни проклятий, ни призыва Тьмы, ни приворотов-отворотов, не говоря уже о мелкой бытовой ворожбе. Да ты, принц, тоже с них глаз не спускал первое время, пока на меня эту заботу не спихнул.

– Ирек прав, – кивнул Дьяр. – Они слишком... безупречны для демонов, даже драки исключительно по кодексу. Хорошо, иди. Но предупреждаю: ни на что не посмотрю, порву за мою телохранительницу, если ты хоть пальцем...

– А, значит, все-таки твоя телохранительница? – заржали собеседники.

Дьяр не успел на них рыкнуть. Его глаза широко распахнулись и тут же зажмурились, как от резкой вспышки, а тело свела болезненная судорога.

– Печать! – прохрипел он, согнувшись в три погибели. – Лика!

В тот же миг взвыли сигнальные трубы по всему городу.

– Портал светлых! – Янге тоже получил ментальное сообщение от наблюдателей, не такое убийственное, как принц. – Что с принцем, Ирек?

Дьяр судорожно бил крыльями, как летучая мышь, нанизанная на пику.

– Он же сказал – печать! – Ирек разрывался между братом и необходимостью мчаться на место прорыва. – Он через Лику получил рикошетом.

– Ничего не понял, но щит не помешает, – глава охраны бросил в Дьяра заклинание, растекшееся мерцающим темным облаком. Принц, дернувшись последний раз, обмяк и повалился кулем. Ирек едва успел подхватить брата.

– Мне надо туда, Янге.

– Там и без нас стянуты силы. И уже поздно. Портал закрылся. Пару мгновений всего продержался, – серебряный озвучил полученные сведения. – Островитяне, точнее белые маги, ушли.

– А Лика? – без особой надежды спросил Ирек.

– Похищена. Владыка с нас головы снимет.

Дьяр открыл потемневшие, как ночь, глаза.

– Чуяло мое сердце, что нельзя было ее отпускать, – он поморщился и щелчком пальцев развеял темный щит. – Янге, я смогу пройти за ней. Связка с печатью поможет настроить портал.

– С ума сошел! – серебряный демон от возмущения забыл о субординации. – Прямиком к светлым? Ты не имеешь права так рисковать! Ты наследник! Да тебе никто и не позволит. Костями лягу, а не пущу!

– Я могу пойти, – предложил Ирек. – Ты перебросишь меня по этой нити.

Дьяр смерил его взглядом.

– Не получится. Потому что третий лишний. Пока я не чувствую прямой угрозы жизни Лики. Девчонка потрясена, но не напугана. Через печать почти не слышно, что там происходит, но ее ощущения я воспринимаю довольно ясно. Ирек, ты немедленно займешься системой безопасности Академии.

– Раскомандовался, – проворчал второгодник.

– Ты что-то имеешь против? – прищурился Дьяр. – Тогда идем к владыке. И он нас обоих приберет. Вместе с нами три месяца ошивались светлые! В Академии Тьмы! А мы с тобой ни ухом ни рылом! Ладно мы, недоучки. Но Вултон? Магистры? Представляю, как над нами потешаются все белые!

Янге хмыкнул:

– Гхм... Я посмотрю, как они повеселятся, если узнают о наших лазутчиках в Академии Света. Есть и на преподавательской должности.

– А ты уверен, что все наши магистры – действительно темные?

– Они проходят такие испытания кровью, смертью и Тьмой, что ни один светлый не выдержит. Это будет с их стороны предательство, отречение от заповедей Света. Где вы видели, например, белого некроманта?

– Если они на самом деле проходят испытания, а не пыль в глаза пускают, – возразил Ирек. – Я не зря заподозрил, что со сканирующими амулетами что-то не то. Может, не только с ними?

– Вот и займись ими вместе с Сэйваном, – принц умолк на мгновение, а взгляд стал отутствующим. – Он уже у ректора. Тебя проводить?

– К белым, будь любезен. Ты не в курсе, кто отец Лики?

– Нет. А ты?

– Да. Не зря же я получаю жалованье в тайной канцелярии Тьмы, – ухмыльнулся Ирек во все клыки. – Но тебе не скажу. Отправь меня к Лике. От меня там больше толка будет. К утру я доставлю тебе твою телохранительницу.

– Она не... – опять завелся принц, но осекся под насмешливыми взглядами. – Хорошо, пусть будет кем угодно. Только вытаскивать ее от светлых пойду я. Не спорить, Янге. На время отсутствия отца я его наместник, и я считаю, что прямой контакт с Белой империей необходимо неофициально возобновить.

Глава 19

Ли́ка в светлом плену, или Спасайся кто может!

Предатели! Шпионы! Гады светлые! Кто еще, кроме них, мог создать такой портал? А ломота в костях и трепыхавшийся у горла желудок не оставляли сомнений, что меня протащили бездна знает куда.

И воздух тут совсем не речной. Сухой и теплый. Только не вижу ничего. Глаза после вспышки ослепли и слезились. Это, пожалуй, злило больше всего. Еще подумают эти предатели, что я плачу.

– Она не дышит! Лети за архимагом, Айрес, – раздалось над ухом испуганное. Кажется, это Даг.

– Да жива она. Видишь, слезы текут? Мертвые не плачут.

Ох, и злая же я.

– Это нервное, идиот, – прошипела я. – Зато вы, с-с-светлые с-с-сволочи, у меня сейчас-с обрыдаете-с-сь! Прокляну, мало не покажется! А ну, быстро развязал меня и отправил обратно в Кардерг!

Меня как не слышали.

– Зулия, ты отправила сообщение мэтру? – спросил Айрес. – Отлично. Даг, поддержи ее, я зрение восстановлю.

Только о себе и думают. А как же мои прекрасные глазки?! Руки бы освободить и заняться ими, да кто ж даст?

Чья-то ладонь легла мне на веки. Я дернулась изо всех сил и клацнула зубами.

– Убери клешни, светлый! Откушу!

Убрал. И что я дергалась? Подлечил бы, а уж потом я не промахнулась бы.

– Ли́ка, не злись, – подала голос Зулия. – Мы тебе все объясним!

– Темному Трону будешь объяснять. Лично. В моем присутствии. Втерлась ко мне в доверие, змея подколотная.

– Да ради твоего же блага, дура!

– Вон как заговорила, лицемерка. Что же ты меня, дуру, подругой называла? Скажи мне, кто твой друг...

– Ли́ка, прости, так надо, – как же тут без веского мнения Айреса. – Ради тебя. Ради нас.

– Ага, щас-с. Ради мира на земле, забыл добавить.

– А если и так?

– Любите вы, светлые, мир спасти чужой кровью. Ты своей рискни.

– А я и рисковал! Мы трое. В самое сердце Тьмы за тобой пришли! Три месяца среди демонов маскировались, ждали момента.

– Дождались, поздравляю, – я не только языком трепала, усыпляя бдительность врагов, но и проверяла путы на прочность. Как каменные. И лишь через пару минут вспомнила, что на мне еще и собственные щиты. – Зачем я вам? Темной жертвы на светлом алтаре не хватило?

– Ну какая ты темная? Можешь уже не притворяться демоницей-полукровкой из клана Вечерних теней, а быть сама собой, сельо.

– Ах, могу, да? Быть сама собой? Какое счастье! Премного благодарна за разрешение!

Ну, получите. Заклинанием копыя сломала щиты. Наложённые поверх них магические путы опали и перемешались, и я тут же в них увязла. Ненадолго. Структура сдерживающих заклинаний повреждена, осталось доломать и развеять. Рывок. Треск. Искры такие, что я даже сослепу увидела. А после них еще темнее стало. Богиня, помогай!

Я вскочила и сразу попала в захват мощных рук. Эй, а ломать позвоночник не надо! Если это Даг, то он не такой высокий, как Айрес. Голову резко откинуть назад. Хрясь! Попала! Что-то хрустнуло. Хорошо, если вражеский нос. Плохо, если мой собственный череп.

Захват ослаб – державший охнул и убрал одну руку, – и я вывернулась. Прыжок в сторону. Ой, стена!

– Держи ее! – истерично завопила Зулия.

Жаль, что я в тапках. В одной тапке. Дрыгнула ногой, отправляя последнюю обувь в полет. Целилась на голос Зулии. Шлеп! Кажется, не промахнулась. Не смертельно, но должно быть обидно.

– У-у, бешеная! – злобно выкрикнула бывшая подруга.

Их трое. И они меня видят, а я их нет. Почти. Если не считать слабого следа от моего поцелуя сельо на губах Айреса. Какой ни есть, а ориентир.

«Лунный» меч! У меня же на самый крайний случай есть тайное оружие!

Я мысленно воззвала к мечу. Этот обидчивый зараза еще и покочевряжился, делая вид, что заржавел. Но через миг в ладонь легла прохладная тяжесть. Прижавшись спиной к стене, я выставила перед собой меч и непрерывно им вращала.

– Не подходи!

Не выход, конечно. Кисть руки быстро устанет, и меня опять повяжут. Я снова подняла щиты. Вовремя. Айрес швырнул заклятие. Парализующее, судя по отдаленному ледяному эху.

Бочком, не забывая быстрыми и резкими движениями рассекать воздух

– со стороны это должно выглядеть, как светящийся ореол, – я двинулась вдоль стеночки. Ох, тут еще и мебель имеется? Хрясь! Что это было? Стул? Долго придется склеивать. Обломок я перехватила левой рукой и бросила в Айреса.

Звон стекла сообщил мне о промахе.

Я снова наткнулась на что-то круглое. Ваза? Тоже сгодится. Сколько грохота! И ветра! Окно я добила, можно попробовать спрыгнуть. Интересно, на каком мы этаже? Судя по сквозняку – высокомерно должно быть.

– Зулия, заходи слева, – деловито скомандовал Айрес. – Даг, сдвинь секретер.

Что-то заскрежетало справа по ходу. Это они мне подставу готовят. На месте Айреса я бы запрыгнула на стол. Если я оторву спину от стены и начну обходить мебель, то он сможет захватить ничего не подозревающую меня.

Что-то оглушительно хлопнуло. Лицо обдало горячим воздухом.

– Что тут происходит?! – раздался приятный мужской голос.

– Играем! – ощерилась я. Нижнюю губу оцарапало клыками, более длинными, чем у чистокровных сельо, – вылезло мамино темное наследие, проявляющееся в самые экстремальные моменты.

– Демонесса! – сориентировался гость.

– Нет! – успел крикнуть Айрес.

Но меня уже шарахнуло чем-то убойным. Меч, поймав заклятье, зашипел, и толку от него теперь, как от простой железяки, пока магия не восстановится.

Еще хлопок. И еще. Сколько тут вас прибыло? Не сдамся!

– Диэлларэн, стой! Не смей! – скомандовал новый голос, непрекращаемой властью похожий на голос владыки Темного Трона.

– Здесь демонесса, мэтр Алиан!

С моих губ сорвалось рычание. Это я-то – демонесса?

– Если ее привела наша троица, то вряд ли, – справедливо усомнился мэтр. – Думаю, это та, кого я столько лет ждал. Я не ошибся, Айрес?

– Нет, господин Алиан. Это она.

Разбирайтесь без меня. Грохнув заклинанием уничтожения по секретеру (или что там под ноги сунулось), я рванула не вдоль стеночки, а от нее, к разбитому окну.

Полетать мне не дали.

Что-то перехватило меня в прыжке, и я сначала словно бы погрузилась в пружинистую пелену, а проскочив ее, уткнулась носом в нечто твердое,

обтянутое тканью. Шелк, поведали ощущения. Руки оказались заведенными за спину и связаны пуховым, но непрошибаемым заклинанием. Мягко тут стелют.

Где мой меч? – спохватилась я. Ладони были пусты.

– Потерпи, девочка, – посоветовал тот же властный тип. Лба коснулась прохладная ладонь, скользнула на глаза. Снова стало горячо, как на сковородке ершу, и вертелась я так же, пытаюсь вырваться. Бесполезно. А мэтр увещевал: – Тише, дорогая моя, тише. Сейчас... Я всего лишь восстанавливаю твоё зрение. Потерпи...

Зрение вернулось с ощутимым щелчком. Р-раз, и словно повязку сдернули с глаз.

От неожиданности я замерла и часто-часто заморгала. Опять выступили слезы, и очертания комнаты казались размытыми. Да и темновато тут для обители Света.

Маги настороженно замерли, наблюдая за мной. Их тут оказалось штук шесть, и все незнакомые и светловолосые. Пять мужчин разного возраста и одна девица. А где же подлые «островитяне»?

Тусклые световые шары плавали высоко под круглым сводом, а в разбитое окно (зря надеялась выпрыгнуть, на нем еще и решетка!) заглядывали крупные звезды. Надо же, тут тоже ночь.

Это все, что я смогла разглядеть из-за широкого плеча державшего меня высокого мужчины, самого старшего из присутствовавших.

– Пожалуйста, успокойся, Аэлика, – сказал он, ослабив хватку. – Не надо разрушений.

– Отпустите меня.

Я подняла голову, вглядываясь в строгое немолодое лицо с большими голубыми глазами и гривой волос. Да он совсем седой! Или мне кажется в полумраке?

– Хорошо, – улыбнулся он. – Только дай слово, что ты спокойно меня выслушаешь и не попытаешься бежать куда-то сломя голову. Здесь довольно высоко, кстати.

– Стою, не двигаюсь. Говорите.

– Лучше присесть. И не здесь, а в более уютном и менее разгромленном месте. Разговор не на пять минут.

– И потом меня отправят туда, где взяли, – жизнеутверждающе предложила я.

– Если захочешь. Но я буду рад, если ты согласишься погостить подольше.

Убедившись, что я не желаю расплосковать личико о шипастую

решетку, мэтр Алиан снял связующие заклинания и, не сводя с меня внимательного взгляда, отступил на шаг. Сказал вполоборота замершим у стеночек светлым:

– Благодарю вас, магистры. Все свободны. Завтра в полдень жду группу Айреса в моем кабинете.

– Ваша светлость, у меня не терпящий отлагательств доклад, – дернулся один из парней. Удивительно знакомый голос.

– Хорошо, идем. Но выслушаю тебя чуть позже. Прошу, – мэтр взмахнул рукой, и в шаге от меня образовался светящийся контур портала. Вот это по-нашему, без разрушительных последствий для сетчатки глаз. – Позвольте, леди...

Он осторожно взял меня под локоток и увлек в светящуюся дыру. Блондинистый парень поспешил за нами.

* * *

А ничего, симпатичное местечко. Золотисто-бежевого оттенка стены со светло-зелеными вставками, ворсистый ковер на полу тех же оттенков. Босые ноги утонули в нем по щиколотку, и ощущение было такое, словно я ступила в теплую целебную воду – так невесомо-ласково льнули ворсинки к коже.

Мебели негусто. Полосатые кресла вокруг столика с полупрозрачной столешницей из какого-то странного материала. На нем – высокие хрустальные бокалы и кувшин. Есть что разбить, если доведут.

Высокие окна без решеток, прикрытые легкой полупрозрачной тканью. В углу – камин с теплившимся золотистым огоньком. Явно магическим, угли так не горят. Свет исходил и от россыпи маленьких светочей на потолке, спускавшихся на стены шаловливыми солнечными зайчиками.

Умиротворяющая обстановка. Нежненькая, как и полагается светлым.

– Мой дом – это твой дом, Аэлика, – маг сделал приглашающий жест в сторону кресел, но я осталась стоять.

– Ваш – это чей? Нас почему-то не представили.

– Я – Алиан Даркиэн, если кратко.

Что-то знакомое. Где-то мне встречалось это имя. Память напряглась и выдала историческую справку: Алиан Даркиэн Гвентиаль и так далее (имя занимало две строчки убористым почерком), сильнейший архимаг светлых, бессменный ректор их Академии последние лет сто. Ветеран всех магических войн, какие только были за два века. Сколько ему лет, никто

толком не знал, даже сама богиня Лойт, раз в храмовых учебниках по геополитике этих сведений нет.

– Надо же! Сам ректор и профессор конкурирующих наук меня тут торжественно встречает! И чем я, скромная адептка Академии Тьмы, заслужила такую честь? – вырвалось со смешком.

Мэтр, наоборот, погрузился. Это мне грустить надо. Тут даже Шурш не поможет бежать. Попросту не доберется до меня мой дракончик. Мал он еще, с самым архимагом Алианом связываться. Этот и стаю драконов смерти почикает. Вон, выправка какая молодецкая, плечи широченные и мускулы отнюдь не стариковские.

А если учесть, что этот древний маг – Великий князь Света, состоявший, по слухам, в каком-то дальнем родстве с императорским домом, то... впрочем, я и сама царица. Не перед этим светлым мне трепетать, будь он хоть трижды архимаг.

Кашлянув и покосившись на блондинистого парня, Алиан как-то смущенно поведаль:

– Кроме того, что я ректор, Аэлика, я еще имею честь быть... твоим отцом. Здравствуй, дочка.

У парня отпала челюсть. Моя удержалась, но вот ноги подкосились, и я плюхнулась бы на ковер, если бы твердая рука архимага не подхватила меня под локоть.

– Что?! – бокалы тонко задребезжали от моего вопля.

– Я твой отец. Прости, что так позд...

– Ах, отец?! – я вырвала локоть, уперла кулаки в бока. На меня накатило. – Объявился! Дочку соизволил разыскать! Да еще и похитить! А где ты раньше был, когда я чувствовала себя чужой всему миру, ненужной собственной матери и отцу? Когда меня наказывали розгами в храме, избивали тупым мечом, ставили коленями на горох перед статуей Лойт? Когда я напоролась на баньши и едва не сдохла? Когда я провалилась к змеям? Когда попала в лапы мерзкой Зарге и молила всех богов, чтобы кто-нибудь пришел и спас?! Где ты был, так называемый отец?

Губы у архимага жалко кривились и дрожали, он пытался что-то сказать, но я и слова не дала вставить. Вошла в раж. Слишком давно мечтала об этой встрече, мечтала, чтобы все ему сказать, все, что накопилось, и даже больше.

– Ты даже ни строчки не написал мне за все годы! Ни разу с днем рождения не поздравил! Если ты архимаг, как выяснилось, то ты смог бы найти и забрать свою дочь из подземелья с крысами, куда меня после побега бросила верховная. Я не жила, а выживала. Знаешь? На спор

верховой с Лойт. Меня для тебя не существовало. Зачал и свалил! И только сейчас спохватился, что у тебя есть дочь. Похитить меня приказал этим... белым выродам, подлым предателям. Это ведь ты приказал? Ты! Я тебе не нужна была столько лет, а сейчас вдруг понадобилась? С чего бы? Так вот, ты мне тоже не нужен! Выросла я, и в тебе не нуждаюсь. И видеть тебя не хочу! Нет у меня отца. Не было, нет, и не надо. Выпусти меня отсюда!

Во время этой бурной речи в честь воссоединения семьи я, сжав кулаки, наступала на пятившегося архимага. А блондинистый симпатяга, оказавшийся свидетелем неприглядной сцены, постарался слиться со стеночкой. И у него почти получилось растаять, но Алиан об него споткнулся.

– Айрес, принеси воды, – шепнул потрясенный архимаг.

Парень, схватив кувшин со столика, шустренько выскочил в дверь. Если это был отвлекающий маневр, то он удался.

– Айрес? Он? – изумилась я. То-то его голос показался знакомым. В отличие от его белобрысой внешности и чистых, как незамутненный родник, глазниц. Однако каково же у светлых искусство иллюзий, если они всех темных магистров провели!

– Да. Лучший выпускник нашей Академии. Магистр боевой магии Света и... Впрочем, не о нем речь. О нас.

– Нас?! – фыркнула я, но запал уже прошел. Скучно скандалить не на публику.

– Лика, я только пять лет назад узнал о тебе и не сразу поверил. Эльда ни слова не говорила о ребенке. Меня она видеть не хотела и близко не подпускала все эти годы. Я и подумать не мог...

– Ну, где же тут подумать. Вы еще скажите, что не знали, откуда берутся дети! – расхохоталась я.

Маг вздохнул, обошел меня и, сев в кресло, опустил голову в сцепленные у лица пальцы. Голос его звучал глухо и срывался через слово:

– У меня не было детей. Никогда. Богиня Лойт прокляла меня, когда я был безусым юнцом, много веков назад. Я не смел и надеяться когда-нибудь снять ее проклятие. А когда узнал, что есть ты, мое дитя... Ты понимаешь, какое это для меня долгожданное счастье? – он поднял взгляд. В голубых глазах стояли слезы. – И какое горе, что я узнал о тебе так поздно? Я был лишен самого драгоценного в мире – видеть, как растет мой ребенок, помогать, направлять. Любить. Прости меня, если сможешь, Аэлика. Хотя бы не отталкивай сейчас.

Умеют же эти светлые давить на жалость.

Я чуть было не прослезилась, но тут память подсунула страницу учебника о политическом устройстве империи, где Великий князь Света Алиан Даркиэн Гвентиаль (и так далее) занимал вторую строку в табели о рангах.

– У тебя же были дети, – напомнила я. – Целая куча сыновей. И один даже захватил трон в вашем очередном междусобойчике полтора века назад, тогда ты и получил титул Великого князя.

– Приемные сыновья. И не куча, а пятеро, пока я не разобрался, что мое проклятие настигает и их в третьем поколении. Можешь вписать в ваши храмовые хроники сведения из первых рук, – усмехнулся он. – Императорами стали двое. Нынешний правитель Элеар – внук втайне усыновленного мной мальчика. И уже ясно, что он бездетен. Кроме них, я удочерил двух девочек, но лучше бы этого не делал. Они умерли во время родов. Их детей тоже не удалось спасти. Ваша богиня – мстительная особа.

– Значит, и преступление было велико. Просто так она никого не проклинает. Так за что Лойт тебя покарала?

– За то, что мы ее изгнали из империи. Я принимал в этом весьма деятельное участие. Собственно, был инициатором.

– Но это же было так... давно.

– Почти четыре столетия назад, если быть точным.

Надо же, какой долгожитель. А что скажет учебник? Замусоленная древняя хроника послушно развернулась перед мысленным взором.

– Неправда. Инициатором гонений на жриц богини Лойт был Каролен Лэрский, так называемый Потерянный Император. Последний, кто имел полное право называться владыкой Света, – уличила я новообращенного папулю во лжи. И в доказательство процитировала главу учебника противным голосом нашей верховной жрицы: – Каролен убит при мятеже в двадцатилетнем возрасте собственным дядей. После Каролена в империи сменилось семь правителей, но магов, достойных звания владык Света, среди них уже не рождалось. С тех пор белые императоры имеют чисто мирскую и военную, но не магическую власть и считаются владыками Света по традиции, а не по существу. Потому тут так влиятелен ковен магов. По сути, в империи двоевластие.

«Садись, пять», – похвалила я себя. И таки села в уютное кресло. Не стоять же, как провинившаяся девочка, перед этим... папашей.

– Отличная память. Не зря темные взяли тебя сразу на третий курс, – без тени усмешки сказал светлый. – Но хроники пишутся не богами, а людьми, и они не всеведущи. К примеру, разве летописи говорят поименно о «тенях» Темного Трона? Нет. Их имена неизвестны. И о тайных

советниках сил Света – ни слова, на то они и тайные. У императора Каролена был друг, такой же юный маг. Оруженосец. Во время мятежа он выжил.

– То есть ты и был тем магом-оруженосцем? А почему ты говоришь о себе в третьем лице? – спросила моя подозрительность.

– Привык. Все это – в прошлой жизни. Я бежал из империи, несколько раз менял имя и внешность, затем вернулся, поступил в Академию Света и стал магистром. Был замечен новым императором, но не признан. Я принял пост тайного советника при нем... при убийце моего друга. И продолжил начатое. Пережил два века войн и мятежей... История не раз повторялась, и теперь у меня коллекция дипломов всех наших факультетов. Покажу потом. Гнев Лойт пал на меня, как на единственного уцелевшего виновника ее поражения. Моя внешность, какой бы ни была за столетия, а была она очень разной, не могла обмануть богиню.

Если это правда, то у Алиана была бурная молодость, аж завидно. Но правда ли?

Моя скептическая ухмылка не укрылась от мага, и он сердито прищурился:

– Что тут смешного?

– Как жрица, скажу тебе, что даже гонений на сельо и разрушения храмов мало, чтобы так прогневить богиню. Любовь терпелива. А божественная любовь – божественно терпелива. Почти бесконечно. Темные тоже изгнали Лойт, но их она не наказала бездетностью. И уж тем паче не наказывает приемных детей в третьем поколении. Дети не в ответе за деяния отцов, тем более не родных.

– Резонное рассуждение, – кивнул он. – Что ж... Признаю, я не был божественно терпелив. Напротив, излишне жесток. Мятеж, свергнувший Каролена, тоже не просто так вспыхнул, одних интриг тут было бы недостаточно. Тебе что-нибудь говорит имя Эрик Тар?

– А как же. Был у вас, светлых, такой урод. Наш злейший враг. Инквизитор. Охотник на сельо, ведьм и колдунов. В наших храмах до сих пор стоят стелы в память о его жертвах.

– Это я.

Как удар под дых. Я задохнулась и окаменела. Алиан пристально следил за реакцией.

– Эрик Тар – моя лучшая маска. Костры в тот век горели по малейшему подозрению. Я не щадил никого. Ни женщин, ни стариков, ни детей. И не всегда степень их вины соответствовала каре.

– Наслышана, – в горле встал комок. – Ты их заживо жег целыми

деревнями, как чумных. За что?

Он прикрыл веки, вспоминая давние события, а лицо ожесточилось.

– Как чумных, ты права. Они такими и были, только болезнь их сидела внутри, а не снаружи. Мы назвали ее «серая хмарь». Я не буду оправдываться даже перед тобой. Сейчас я поступил бы точно так же.

Помолчали. Память услужливо листала страницы хроник. Имя Эрика Тара было на первом месте среди проклятых и жрицами Лойт, и самой богиней. Даже демонов переплюнул. Какой ужас. И этот жестокий тип, сотни лет назад утопивший империю в крови невинных и виноватых, – мой отец? Пожалуй, мама, ты права, что не позволила нам встретиться раньше.

– Объясни мне. Ты настолько жесток?

– Думай, что хочешь, – устало обронил маг. – Тебе не представить, что тогда творилось. Ты живешь сейчас, спустя сотни лет после тех событий, а этот мир уже другой, куда более безопасный и спокойный. Моими стараниями.

Какая гордыня.

Он все-таки не выдержал осуждающего взгляда.

– Аэлика, историю каждая сторона подает в самом выгодном для себя свете. Нет в мире абсолютной истины, существуют только интересы сторон. Для жриц Лойт инквизитор Эрик Тар – убийца и изверг. Для Белой империи – национальный герой. Посмертно награжден высшим орденом Света. Самый популярный и любимый персонаж наших баллад.

– Поздравляю.

Его передернуло от моего брезгливого сухого тона.

– Не с чем. Официально Эрик давно мертв. Если бы мы были мягче, здесь была бы пустыня. В те годы наша империя едва не погибла. Лойт второе столетие была в темной ипостаси. Из Серых Холмов во все стороны полезла мерзейшая нечисть и захлестнула нас. Одна хисса могла выжрать целую провинцию. Одна ведьма – соблазнить и заразить «серой хмарью» легион. Люди впадали в безумство, становились людоедами, разлагались заживо и несли эту заразу дальше. Темный Трон тоже не дремал. Их адепты уже не прятались, они появились везде, и даже паладины Света переходили на сторону Тьмы. Надеялись, что она защитит, раз уж их собственный правитель, молодой владыка Света, не в состоянии. Все это можно было только выжечь. Разом. И я... мы с императором Каролоном стали палачами. Иначе заразу было не одолеть.

В горле у меня пересохло. Что-то долго предатель Айрес ходит за водичкой...

– То есть опять Лойт и сельо виноваты?

– Косвенно. Что-то случилось на вашей земле. Ты должна знать, что и у вас тогда начался хаос. Эпидемии, мор и нашествия нежити. Набеги морских орд, гибель семей селю и массовое появление хисс. «Затмение Лойт» – так у вас называется та эпоха бедствий.

– И вы воспользовались нашей слабостью, чтобы разрушить наши храмы.

Он не ответил. Опять похоронно помолчали. Хороша встреча, сказать друг другу уже нечего. Где же этот проклятый Айрес? Мне тут неуютно наедине с таким отцом. Мама, ты не того мужчину выбрала мне в папы! Впрочем, был ли у нее выбор?

– Поужинаешь со мной? – вдруг спросил маг.

– Нет, – еще не хватало затянуть вынужденный визит. Да и не буду я делить трапезу с палачом! И тут меня осенило. Эрик Тар выглядел на миниатюрах совсем другим – рыжим горбуном с омерзительно обвисшим носом. – А у тебя сейчас не истинный облик?

Я сделала вид, что закашлялась, и дотронулась кончиками пальцев до невидимого селениса, открывающего иллюзии. В отличие от Дьяра, когда он прикидывался Иреком, и от Сатарфа в облике старца, черты лица и фигура Алиана выглядели совершенно нормально, не «поплыли». Только прямо в лицо ему почему-то невозможно было смотреть. Камень внезапно начал стремительно нагреваться, и я отдернула руку, испугавшись, что сейчас он взорвется огненной кометой.

«Магия селениса не выдержала противостоящей ему магии?» – охнула я про себя.

– Истинный, за исключением одной мелкой детали, – с легкой хитрецей ответил архимаг.

– Носа? – ляпнула я.

Алиан рассмеялся. Смех у него пугающий до мурашек, потому что глаза оставались безучастными, словно в глазницы были вставлены блестящие, равнодушные ко всему миру драгоценные камни. Или я это себе придумываю, помня скупые хроники об ужасном Эрике Таре?

– Нос у меня тот, с каким я уродился. Маской был Эрик и многие другие. Но теперь уже мне незачем прятаться. Бояться мне некого. Кто помнит об оруженосце одного коронованного мальчишки? Никто. Но лет до двухсот приходилось скрываться по самым разным поводам. Потом надоело, и я остепенился во всех смыслах. Поседел вот, пока коллекционировал дипломы и должности, вплоть до ректорской.

– Неплохая карьера для беглого оруженосца. И какова же та мелкая деталь?

Он бросил насмешливый взгляд из-под ресниц.

– Ты спросила из простого любопытства? Ты говорила, что видеть меня не хочешь. И сейчас готова проклинать меня следом за Лойт и, я же вижу, стыдишься и презираешь такого отца. Или у тебя появилось желание лучше узнать меня и – не смею даже надеяться – понять?

– Из любопытства.

– Тогда потом как-нибудь покажу. К тому же мы тут уже не одни, – он покосился в сторону плотно прикрытой двери. – Айрес, хватит подслушивать. Ты и так вынюхал больше дозволенного, пока мы тут изнемогаем от жажды и от нечего делать сочиняем исторические сказки по мотивам популярных баллад. На что только не пойдешь, чтобы заинтересовать своей скучной персоной искушенную ученицу демонических школ!

Айрес не вошел в дверь, а материализовался в шаге от нее и выглядел сильно пожеванным. Одежда измята, лицо измученное, глаза слезятся. Кто так его потрепал?

Парень судорожно выдохнул и обессиленно разжал руки. Выскользнувший кувшин не разбился – завис в полуметре от пола. Крышка в виде голубка отлетела и цокнула клювом о стену. Архимаг досадливо поморщился, а в глазах промелькнула опасная изумрудная искра.

– Я не подслушивал, ваша светлость, – проямлил Айрес.

– Кому ты говоришь? И когда ты научишься стучаться?

– Простите, мэтр, я торопился и прошел порталом. Но застрял в вашей сети.

– Разумеется. От излишне любопытных и стоит защита. Ох уж эти твои тишайшие порталы! Веришь ли, Аэлика, мой ученик переплюнул меня в искусстве перемещения. Иногда мне кажется, что он врет о порталах, а просто переносится, аки бесплотный дух, думая, что невидим и неслышим. И никакого магического возмущения!

Парень потупился.

А ведь «тени» принца Тьмы тоже не вызывают магических возмущений, задумалась я. Так на кого ты работаешь, Айрес? Может, ты – двойной шпион? Потому в Академии Тьмы и не заметили светлого, что его нет? А Дага и Зулию ты просто обдурил? Все равно они без тебя, своего предводителя, и шагу не могли ступить.

Под сердитым взглядом Алиана забытый кувшин слевитировал к столику, наполнил три бокала прозрачной жидкостью. Один из них повис передо мной. Протянув руку, я взяла предложенный напиток.

А вкусная водичка. Освежает. Даже головная боль прошла после пары

глотков.

– Спасибо, – поставив бокал, я поднялась. – Пойду я, пожалуй. Не проводите? Раз тут такие мастера порталов, то и отправьте меня туда, откуда взяли.

– Ты куда так торопишься, Лика? – архимаг тоже поднялся. – Погости хотя бы недельку-другую.

– Не могу. Меня там верные друзья ждут, – я стрельнула глазками на блондинистого Айреса. – Потеряли подругу, беспокоятся. Живности у меня полная башня, кормить надо. Дракон смерти беспризорным шастает, как бы не натворил чего. Он не переносит одиночества. И главное, ты же сам – ректор, и понимаешь, что нельзя мне занятия пропускать!

– И учись на здоровье. В Академии Света. Правда, уже почти середина учебного года, но я тебя по знакомству устрою, – Алиан лучезарно улыбнулся.

А ведь не выпустит он меня, с тоской подумала я. Дочь долгожданную обрел, начнет наверстывать упущенное, воспитывать, учить, нотации читать... Чего еще ждать от палача? Надо срочно спасаться!

– Это невозможно! – вообще-то я имела в виду мое отсюда бегство, но и учебу под папочкиным крылышком тоже. Да не хочу я учиться белой магии! Чем они занимаются в своей империи? Цветочки разводят, котят гладят и потом лечат их от облысения? Световыми мечами размахивают? Ну, еще иллюзии и порталы у них неплохо получаются, так они и у темных хороши.

– Почему невозможно? – поднял он бровь. – Можно даже на третий курс. Ты ничего не потеряешь.

– Как это не потеряю? А знания? Чему тут меня могут научить? Ни проклятие наложить как следует, ни приворот качественный навести, ни тонкий яд сварить, ни черного петуха выпотрошить и погадать на печени, ни мертвеца допросить, а они – единственные, кто не способен лгать... А нам эту прелесть уже преподают, и скоро сессия!

Айрес, зараза, заржал:

– Скажи еще, на жужельках летать понравилось.

– Вот именно!

– Обсудим за ужином, – Алиан сделал приглашающий жест к двери. – Все равно я тебя голодную никуда не отпущу.

– А сытую?

– Ну, куда ты пойдешь на ночь глядя? Босая, раздетая...

– Я вполне одета, а босиком ходить полезно для здоровья, – я пошевелила голыми пальчиками, с которых белый гад Айрес не сводил

глаз.

Да-а, хороша я, наверное, раз больше смотреть не на что. И то сказать, форму Шаиса подогнать по фигуре не успели, и я так и осталась в штанах и линялой майке. Даже домашние туфельки бездарно потеряла, а у них в каблуке веревочка волшебная спрятана, а под подошвой – нестачиваемая дисковая пилочка.

– Извини, дорогая. Но этот кошмар ты называешь одеждой? – притворно ужаснулся архимаг.

Богиня, это он меня сейчас воспитывать начнет?!

Глава 20

Черно-белое с лунной начинкой

– Ты же не будешь возражать, что к ужину надо хотя бы умыться?

Я и пикнуть не успела, не то что возразить. Алиан с огромной скоростью протащил меня по анфиладе помещений.

– Это твои покои, если ты захочешь здесь жить или просто погостить. Здесь твой кабинет, гардеробная, будуар, спальня.

Обстановку я не успела рассмотреть, осталось общее впечатление – что-то воздушно-светленькое, все в шелках, золотых и серебряных орнаментах и гирляндах цветов. Слишком пышно. Мне мрачная лаконичность Башни трех принцесс нравилась больше.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила я. Меня такая тоска взяла, что я уже и не сопротивлялась. Если тут все мое, то папаша долго готовился к встрече. Или – я покосилась на воодушевленного мага, выглядевшего лет на сорок, если не обращать внимания на седину, – эти покои от какой-нибудь его содержанки остались?

– А вот и купальня, – маг впихнул меня в обширное помещение с матовым окном и мраморным бассейном и захлопнул дверь с той стороны. На замок.

На вешалке материализовались два полотенца и платье цвета мяты с декольте до пояса и длинной юбкой в разрезах до талии. Это у них такая мода? В борделях такое носить!

Пока я возмущенно пялилась на платье, не решаясь даже в руки взять, на пуфик легла золотисто-дымчатая рубашка. Вот ее, подивившись тонкости работы, я взяла. Чтобы рассмотреть получше – никогда такого чуда не видела. Тончайшая – в горсти уместится! – полупрозрачная, с длинными рукавами с вышитыми древним орнаментом манжетами и воротником-стойкой. Ткань дивная, словно из рун соткана – так причудливо переплетались золотистые нити-паутинки, – но очень прочная, я подергала, каюсь. Юбка широкая, длиной до пят и тоже с разрезами.

На освободившееся место спланировали ажурные чулки на кружевной резинке, рядом еще какие-то тряпочки. Белье? А по полу – бзеньк! – цокнули каблук босоножек.

Это он меня решил наряжать, как куколку? Мра-а-ак!

Я подергала дверь за ручку. Бесполезно. На окне мерцала защитная сеть, отсюда видно. Не сбежать. Ну, тогда ждите, пока я накупаюсь!

Раздевшись и спрятав под одежду свиток с договором, я нырнула в бассейн и отвела душу.

Раскинув руки, закрыв глаза и положив голову на полукруглый бортик бассейна, я обдумывала, что же мне делать. При мысли, что в Тархареш мне еще долго не вернуться и некоторые невыносимые синеглазые личности могут лишиться глаз, крыльев и жизни на каком-нибудь злодейском алтаре, я содрогнулась от ужаса. Я же ничего не смогу сделать. Не успею, даже если принц Тьмы примет наш договор и скрепит каплей крови. А он даже этого еще не сделал! Он даже не знает, что я – его единственная возможность спастись! И так больно стало сердцу, что даже богиня встрепелась.

«Уж не влюбилась ли ты, Аэлика?»

«Ничего подобного! – с жаром возразила я. – Мне его даже не жалко, пусть лапы не распускает на маленькую меня, но я же не выполню свою миссию!»

А нарушить прямой приказ богини – это лишиться ее покровительства. Еще проклянет, как она прокляла Дамира, с нее станется, и я никого никогда не полюблю, или моя любовь всегда будет безответной. Даже представить страшно. Я что, всегда буду носить этот проклятый пояс невинности?! Лойт ничего не ответила, даже если услышала мои мысли.

Надо усыпить бдительность белого мага. Притвориться любящей дочкой. А там посмотрим.

Приняв решение, я вылезла из бассейна. Дверь не открылась, пока я не напаялила-таки на себя этот позор.

Странно, но все пришлось впору, словно Алиан снял с меня мерки. В зеркальной стене отразилась зеленоглазая блондинка в воздушном, крайне неприличном наряде. Нижнее платье не скрывало ничего, верхнее обнажало все, что можно. Вот теперь я точно выгляжу раздетой. Еле нашлось местечко, чтобы перепрятать свиток с договором – прикрепила заклинанием на спину. Но переправить его в храм по «лунному мосту» я не могла: рано, заклинание, вплетенное в печать богини, еще не скреплено Дьяром.

Чувствуя себя капустой на ходулях, я таки выбралась из купальни. Держась за стеночку.

Алиан подхватил меня под руку и сопровождал в зал с накрытым на троих столом. Белобрысый Айрес ждал нас там стоя, но, увидев меня, открыл рот и нагло сел. Мимо стула.

– Ох, bht! – выдохнул он на неизвестном мне языке.

– Что ты себе позволяешь, магистр? – укорил архимаг.

Парень покраснел, извинился, и мы, расположившись за столом, приступили к трапезе.

Кусок в горло не лез. Я у демонов привыкла к мясной диете, а тут какие-то паштеты непонятно из кого, травянистые салатики, словно я овца на пастбище, подозрительные фрукты... Пить тоже не стала. Только глоточек, когда Алиан поднял тост «за встречу», и все. Вчера вот хлебнула с владыкой, и крышу у башни снесло.

Ковырнула салатик. Аппетита решительно не было. Да еще этот предатель Айрес так пялится на мою грудь. Или он ожерелье с селенисом разглядел даже сквозь иллюзию, наложенную владыкой Тьмы?

Алиан тоже едва притронулся к еде и кубку с вином. Наверняка или колдует втихаря, или решает, как бы покрепче меня запереть.

– Эмм... папа, – я понаблюдала, как вздрогнул архимаг и неверяще глянул мне в глаза. – Спасибо за угощение, я сыта. Так что там с моим возвращением?

– Ты обдумала мое предложение?

– Да. Я уже выбрала учебное заведение и бросать не собираюсь. Не по рангу мне такая непоследовательность. Вот закончу, тогда и посмотрим. Коллекция дипломов – это интересная идея.

– Останься хотя бы на день. Посмотришь столицу империи Света. Она того стоит.

– Не могу. У меня дела в Тархареше. Срочные. До утра мне их надо сделать. Понимаешь, я влюбилась в нашего куратора и хотела взглянуть на его личное дело. Вдруг он женат?

Подлюга Айрес расхохотался.

– Не верьте ей, мэтр. Они терпеть друг друга не могут, весь курс знает.

– Магистр, моя дочь еще не давала мне повод для недоверия, – отрезал ректор. – Иди пока, подготовь доклад в письменном виде.

– Я же вам уже все доложил.

Архимаг так свирепо глянул на нахала, что тот не сходя с места, тихонько, без всяких спецэффектов, растворился в воздухе.

– Вот шельмец. Но каков искусник!

Я не разделила папочкиных восторгов и смотрела хмуро. Кто теперь меня доставит в Тархареш? А еще я мечтала добраться до предателя и раз и навсегда отучить его красть юных девушек.

– Личное дело куратора, говоришь... – вспомнил маг.

– Не только. Я бы по всем делам прошла.

– Неужели ты влюблена во всех темных магистров? – изумленно округлились его глаза.

– Нет, но вдруг пригодится, мало ли... Я девушка увлекающаяся. Жрица богини любви все-таки.

Он и бровью не повел. А через пару секунд я ошеломленно взидала на стол. Тарелки исчезли, вместо них на скатерть посыпался внушительный ворох черных папок, едва не сшибив оставленные два фужера и початую бутылку вина.

– Это копии личных дел преподавателей твоего курса из архива Академии Тьмы. Для начала. А вот и бумаги Грида Сайка, – Алиан провел над грудой раскрытой ладонью. Затем кончиками пальцев подцепил и вытащил черную папочку. – Наши сведения о нем попополнее будут, – щелчок пальцами второй руки, и в его раскрытой ладони появилась еще одна черная папка, раза в три толще первой. – Читай, и обойдемся без рискованных затей. Мы наших извечных противников регулярно грабим, обращайся.

– Оу! – только и могла я сказать, жадно посверкивая глазами на вываленные передо мной сокровища. – А можно мне это с собой взять? Я бы на досуге посмотрела. С друзьями быстро управимся.

– Если кто обнаружит хоть листок в твоей комнате, у тебя будут крупные неприятности. Мне не жалко копий, их у нас не одна и не две, но здесь безопаснее. Ты можешь приходить сюда каждый день и читать. И друзей с собой бери. Тут вам никто не мешает. Амулет с порталом я тебе дам.

Он снял с мизинца кольцо, протянул мне. Теплое такое колечко, легкое, как перышко. По виду и на ощупь – из какого-то дерева.

– Надень на мизинец, Лика. Не спадет, не бойся. И никогда не потеряется.

Надела. И почувствовала себя в кандалах. Кольцо налилось тяжестью металла, потемнело и больше не снялось, как ни дергала. На губах архимага промелькнула улыбка. Точно, какая-то подстава с этим кольцом! А я попалась, дура. Права была Зулия в оценке моих умственных способностей. Расслабилась я, поверила в отцовские чувства палача!

Ну, я тебе сюда армию демонов приведу. Всех однокурсников, и с четвертого побратимов, и всех их подружек. Захватим сначала дом ректора, потом Академию Света, имперскую столицу и...

– Мой загородный дом полностью в твоем распоряжении, – расщедрился Алиан, а глаза этого жуткого существа смеялись, словно он прочел мои кровожадные мысли. – Все равно он пустует. Здесь, в глухом лесу на задворках империи, и слуг-то держать совестно. Так что придется вам самим себя обслуживать. Еда и все необходимое здесь будут уже к

полудню.

На задворки засунул любимую дочку, вот как?! Я едва не оторвала себе палец с впившимся в него кольцом. Сдавшись, протянула руку.

– Сними с меня это.

Светлый изверг, доставшийся мне в отцы, склонился и принялся внимательно изучать мою ладонь.

– Как интересно... Хорошая линия жизни.

Он еще и хиромант!

– Сними! Пожалуйста... – я дополнила просьбу выросшими на полтора дюйма когтями с янтарными капельками яда на кончиках.

Алиан опасливо отодвинулся.

– Ты и сама можешь снять. Запомни заклинание. Всего-то пять слов на древнем. В переводе: «Катись, колечко, подальше от сердечка».

Я повторила вслух.

Украшение упало и покатилося. По ворсистому ковру. По каменным плитам пола. Вошло в стену, как камешек в воду, даже круги пошли.

– И куда оно делось?

– Куда приказано. Будет искать самое дальнее место от твоего сердца.

Маг, усмехнувшись, раскрыл ладонь. Кольцо спокойно лежало на ней и не шевелилось.

– Это что было? Трюк с иллюзиями? – догадалась я.

Алиан кивнул с грустной улыбкой. Развлекается тут за мой счет, разозлилась я. «Катись, колечко!»

– Попробуем еще раз, дочка? Без трюков. Только пойми, тебе не нужно меня бояться. Я никогда не причиню тебе вреда, не надену кандалы, не буду привязывать к себе хитростями и обещаю не надоедать. Это всего лишь портал, который можешь открыть только ты. Мне он будет недоступен, и через него я ни достать тебя не смогу, ни наблюдать за тобой.

– И следить не будешь?

– Следить – нет. Но присматривать буду другими возможными способами. Просто для того, чтобы знать, что ты жива-здоровая, не более.

– Не надо. И не нужен мне твой портал. Лучше я своими силами личные дела магистров добуду. К тому же с сегодняшнего дня я буду очень занята, не до загородных прогулок. У меня, помимо учебы, еще работа появилась.

– Если тебе нужны деньги, то у меня и темная валюта найдется.

– Деньги всегда нужны, но я их сама заработаю. Тут дело чести.

– И какая же работа?

– Телохранительницей. Надо же с чего-то начинать карьеру боевого

мага. Ректор Вултон обещал зачесть за практику.

Правда, сам Вултон об этом еще не знает, но узнает же когда-нибудь.

– Хорошо, – светлый вздохнул с сожалением. – Не буду настаивать. Хотя мне очень хочется запереть тебя и никуда не отпускать, и в охрану поставить роту архимагов, чтобы и волос с твоей головы не упал. Но ведь с тобой этот номер не пройдет.

– Да ни за что! – воскликнула я с жаром.

– Так я и подумал. Что ж... Иди, – он повел ладонью в воздухе, и в двух шагах от меня замерцали контуры портала.

В клубящемся тумане просматривалась знакомая комнатуха с койкой, столом у зарешеченного окна и жутким бардаком студенческого быта принцессы в башне. Маг должен хорошо представлять конечную точку выхода, чтобы настроить портал, иначе никуда не дойдет.

– Разве ты там бывал?

– Нет. Зулия спрятала амулет в твоей комнате. Я его сейчас активировал, но он одноразовый и разрушится, как только ты перейдешь. С постоянным я не стал рисковать. В твоей башне, судя по донесениям, проходной двор с зоопарком. Еще залетит сюда какая-нибудь горгулья, совет гнездо, птенцами обзаведется. Замучаюсь каменный помет с ковра отскребать.

Я покосилась на ворох папок. Вздохнула.

– Не дам, – Алиан качнул головой. – Читать можно только здесь.

И протянул амулет портала. Интриган древний. Знает, чем подцепить рыбку.

– Ладно, – я взяла колечко. – Но я его на цепочке буду носить.

– Хоть в ухе. Этот амулет под любое украшение можно замаскировать. Просто представь, каким хочешь его видеть, и он трансформируется.

– Ну, я пошла. Не скажу, что очень рада была с тобой познакомиться: обстоятельства встречи не располагали. Похищение – не самая лучшая идея.

– Согласен. Прости. И возвращайся. Пожалуйста.

– Я подумаю.

Сколько писано в учебниках: нельзя долго держать портал раскрытым. Не только потому, что магический потенциал амулета, если переход открыт с его помощью, не бесконечен. Но и потому, что всплеск магии привлекает самых разных существ и тонкого, и плотного мира.

Мы получили наглядную иллюстрацию.

Пока я, отвлекая отца трогательным прощанием, пыталась втихаря слевитировать личное дело куратора, с той стороны в портал ринулась

какая-то тварь.

От неожиданности я испугалась до колик, взвизгнула и шарахнулась в сторону. Живот скрутило судорогой боли, словно в него ввинтилась чья-то растопыренная огненная лапа и потянула на себя кишки. Вокруг меня мгновенно выросло защитное кольцо, не мной поставленное. Архимаг разрушил портал, но чудовище уже ворвалось и с лету врезалось в стол.

И понеслось.

Папки разлетелись, листочки вспорхнули, заметались белыми птицами по комнате, сведя видимость к нулю. Чудовище тоже металось, уворачиваясь от воздушных петель архимага. А я с трудом дышала.

– Ох, мамочки! – прижав к телу ладони, я, без пяти минут боевой маг, позорно повалилась на пол. Режущая боль рвала мое тело в области пупка. Печать! Эта Хургова печать!

Меня запорошило бумагами поверх щита. Сквозь этот сугроб, я пыталась рассмотреть бой мага с увертливым чудищем. Что-то в этом крылатом существе с куриными лапами, львиной гривой и орлиным клювом мне до жути знакомо... Да это же наш грифон!

– Не убивай его! – простонала я. – Это моя охрана!

От окна раздался грохот и звон разбитого стекла. Что-то еще влетело – огромное, черное на белесом. И огненная лапа отпустила мои внутренности.

– Лика! – заорало черное.

«Хозяйка!» – радостно взвыло белесое на языке династии Холь.

– И этих не убивай, папа, – попросила я. Мельком осмотрела себя. Никаких ран. На руках крови нет. Одежда цела. Что со мной было?

Алиан не стал меня расстраивать и убийственных заклятий не применял – лишь пытался связать нежданных гостей. В него летели черные молнии. Архимаг отбил их световым щитом, им же, как мусор веником, отмел нападавших.

Грифон кувыркнулся и попал точнехонько в пустой камин, заткнув его немаленькой тушей. Каминная решетка с лязгом придвинулась и заперла пойманного.

Сверкавший злыми синими глазами Дъяр, не удержавшись, слетел с нагло присвоенного им Шурша, впечатался в стену. Его тут же опутало золотой сеткой, в распластанные крылья вонзились световые иглы. Принц затрепыхался бабочкой в паутине, тщетно пытаясь разрубить мечом и разорвать когтями бесчисленные, выраставшие из стены и множившиеся нити.

Оставшийся без седока дракончик проехался по полу, усыпанному

бумагами. Шуршавшие листочки его на миг отвлекли, как погремушка младенца. Но только на миг. Он обиделся на неласковый прием, зашипел и сердито разинул пасть на архимага. Между клыков за клубился смертоносный дымок.

«Шурш! Не смей!» – мысленно завопила я.

Пасть захлопнулась. Дракон, подавившись нереализованным заклятием, раскашлялся, взвевая бумажный вихрь.

– Дочка, ты в порядке? Не ушиблась? – Алиан протянул мне руку, помогая подняться.

Пшшш... – донеслось от стены. В комнате резко потемнело. Бзеньк! – лопнула паутина, державшая принца. Дьяр отодрал крылья, встряхнул. Пи-у! Чпок! – просвистели припилившие его световые иглы над нашими головами – мы едва успели пригнуться – и воткнулись в противоположную стену.

– Не тронь ее, маг!

– Какой настырный гость! – поморщился Алиан. На кончиках его пальцев затрещали золотые искры. – И какой характерный цвет глаз. Твой отец написал мне, что взял мою дочь в заложницы, но я ее вытащил. А ты решил стать моим пленником в качестве компенсации? Похвально.

– Ты меня еще не пленил, маг. Силенки не хватит.

Сейчас они точно убивать друг друга начнут! – струхнула я, взглянув в искаженное яростью лицо темного наследника и на раздраженного архимага. А мне, как телохранительнице, достанется больше всех.

– Прекратите! – я решительно встала между ними.

– Лика, в сторону! – рявкнули оба.

И меня отмело сразу двумя метлами – угольно-черной и сияюще-белой. Спасибо, не в разные стороны раскидали, а то неизвестно, что бы от меня осталось.

«Шурш! Завесу смерти!» – приказала я.

Дракон мгновенно оказался рядом, обвил меня хвостом. И от души чихнул, целясь в середину комнаты.

Между враждующими сторонами промелькнула ослепительная комета, растаявшая где-то за разбитым окном. Но след от нее, протянувшийся, как лохматая туманная нить, мгновенно расширился кверху и книзу, встав посреди комнаты полупрозрачной белесой стеной толщиной в руку. Я эту штуку видела с ребра как большое веретено от пола до потолка.

В эту пелену вошли и сорвавшиеся с когтей принца черные стрелы, и золотые молнии Алиана, окрасив ее каруселью красивых сполохов. Но не вышли. Осыпались мертвым серым пеплом внутри завесы. Подобное

зрелище и породило легенды о возникновении Серых Пределов между Тьмой и Светом.

Протянув руку, я потрогала зыбкое ребро завесы смерти. Хотелось посмотреть, как отреагируют разведенные по разные стороны барьера соперники.

Одинаково отреагировали. Хором грянуло:

– Не смей, Лика!

Завеса дернулась и прогнулась в том месте, где я попыталась прикоснуться к ней.

– Она меня боится, видите? – успокоила я светлую и темную половины помещения и их обитателей. – Вот потому драконы смерти и подчиняются только нам, и даже владык Тьмы и Теней лишь терпят, как союзников. Но Тьма не может приказывать смерти. А сельо – могут. Правда, Шурш?

Дракончик скосил на меня хитрый глаз, подгреб к себе ворох мятых бумаг и зашуршал. Дорвался до любимых игрушек.

Грифон остался на темной стороне, и Дьяр смог безнаказанно разрушить каминную решетку и вытащить несчастное чудище. Звероптиц мгновенно оценил обстановку и, гордо глянув на архимага, улегся у ног принца.

Алиан с недовольным видом сложил на груди руки.

– Меня всегда удивляло, как жрицы богини любви стали хозяйками драконов смерти?

– По взаимовыгодному договору. Любовь – это маленькая смерть. А где маленькая, там и большая. Сельо и наши драконы существовали еще до появления богини Лойт. Жрицами мы стали позже.

– Убери эту гадость! – попросил архимаг, показав на завесу.

Дьяр рыкнул:

– По какому пр-раву ты пр-приказываешь адептке нашей Академии? Командуй своими адептами, светлый!

– По праву хозяина дома. Ты не в Тархареше, темный, если еще не заметил.

Лишенные возможности дубасить друг друга магией, смертные враги перешли к словесной перепалке.

– Плохой из тебя хозяин, – презрительно бросил принц. – Охрана никакая. Ты даже грифона не смог уничтожить!

– Только по просьбе дочери я его пощадил.

Ну, не только. Я-то заметила, что Алиан сразу не захотел травмировать психику новообретенной дочери убийством на ее глазах. Светлые вообще трепетно относятся к любой живности, надеясь приручить. Теперь мне

даже трюк Айреса и его команды с жужелами стал понятен.

– Не стоит недооценивать противника, темный мальчик, – посоветовал архимаг. – Ты прорвал защиту дома и проник сюда только благодаря дракону смерти. Увы, смерть вездесуща, – тут Алиан угрюмо покосился на наш с Шуршем тандем.

– А любовь всепобеждающая, – ввернула я.

Реплику Дьяра мы не смогли разобрать в презрительном фырканье. Отец лишь головой покачал. Его голубые глаза на миг подернулись печалью, но тут же сверкнули льдом, когда он перевел взгляд на принца.

– Так зачем же ты явился сюда, темный?

– За однокурсницей, – улыбнулся нахал во все клыки. – Как староста группы, я обязан пресекать дисциплинарные нарушения. Во время комендантского часа адептам запрещено покидать территорию Академии Тьмы.

Вот гад! Как будто не знал, что за мной явились мракары!

– Что же ты сам покинул эту территорию? – поднял бровь архимаг.

– Имею право, как лицо не только привилегированное, но и уполномоченное.

Папуля нравился мне все больше – ведь он даже оправдываться не стал, когда я обвинила его в похищении, а оказывается, он спасал дочку из плена! Алиан скептически приподнял уголок губ:

– А разве ваш ректор Вултон не в курсе, что на самом деле ты учишься на четвертом курсе под маской, а на третий курс отправляешь свою «тень»? Причем уже магистра, давно закончившего вашу Академию. Хоть бы парня пожалел, ему же скучно.

– Не указывай мне, светлый!

– Не рычи на моего отца! – возмутилась я.

Дьяр ошеломленно моргнул. Скривил губы:

– Подумать только, кого мне папа подсунул в телохранительницы! Дочь белого архимага! Думаю, по неведению.

Алиан с удивлением воззрился на меня.

– Лика, ты собралась охранять наследного принца Тьмы?

– Да, я лично заключила такой договор с владыкой Сатарфом.

– Тогда еще хуже... – помрачнел Алиан. – Что же этот интриган задумал?

– Как недипломатич-ч-чно! – зашипел Дьяр. – Кто тут еще интриган?

– Скажи спасибо Лике, что ты еще жив и на свободе, – недовольно пробурчал отец. – Лика, это безумие. Дочь светлого, да еще и архимага, не может быть телохранительницей темного принца! Это нонсенс! Это

слишком опасно для тебя.

– Я тоже так думаю! – с довольненькой улыбочкой поддакнул Дьяр. – Вообще не понимаю, как тебе удалось уговорить отца на такой бред. Ты же ни Хурга не смыслишь в темной магии. Да еще и девчонка! И даже хуже – сельо! Надеюсь, он протрезвеет и разорвет договор.

– А вот и не разорвет!

– Спорим?

– Опять пари? Хватит с меня одного.

– Какого? – сразу заинтересовался архимаг, уже начавший благосклонно поглядывать на принца.

– Неважно! – ответили мы с Дьяром, обменявшись убийственными взглядами.

Алиан, сцепив руки за спиной, принялся рахаживать по своей половине комнаты. Бумаги зашуршали, к радости дракончика. Шурш, уже давно порезавший когтями на полоски свою добычу, потянулся за новой порцией. Принц тоже заинтересовался, чем тут пол усыпан в светлом доме. Поднял листок. Но Алиан, щелкнув пальцами, развеял все до последнего клочка.

И выдал тем самым, что завеса смерти для него вполне проницаема!

Дьяр, похоже, не понял этого открытия. Успев выхватить пару строк из поднятого листочка, он снова вскипел:

– Да это же... это же из архивов нашей Академии!

– Совершенно верно. Передай своему отцу, что мы готовы отозвать наших агентов в обмен на депортацию моей дочери в целости и сохранности за пределы Тархареша.

– Папа!

– Ты можешь сейчас остаться здесь, дочка, и Белой империи не придется идти на такие жертвы.

– Всех агентов? – деловито уточнил принц.

Алиан вздохнул:

– Всех. Лица, может быть, ты останешься? Внедрить светлого агента к демонам – это рискованный многолетний труд. Они-то своих не отзовут.

– Не останусь. У меня договор.

– Передам непременно, – разулыбался гадкий принц. – Но сейчас мы уйдем вместе.

– Хорошо, я проведу вас через древний портал. Он остался еще с незапамятных времен, когда Тьма и Свет заключили перемирие, и была одна Всемирная академия Единой магии. Мне всегда хотелось узнать, в рабочем он состоянии или разрушен с той стороны.

Я ему что, подопытной крысой подрядилась?

– И не жаль вам дочери? – укорил Дьяр, а у самого глаза зажглись любопытством, до того, видать, захотелось посмотреть на древний портал.

– Жаль. Но что поделать? Как представлю рожу карлика Вултона, к которому в кабинет, защищенный всеми мыслимыми и немыслимыми заклинаниями, свалится какая-то третьекурсница, да еще и пришедшая со стороны Белой империи, то и не на такие жертвы пойду.

Я тоже представила. Это таким способом отец спровоцирует мое отчисление? Ну уж нет!

– Никаких порталов! Я на Шурше долечу, папа.

– И оставишь мне заложника? – улыбнулся он.

– Принц полетит со мной.

Дьяр, к моему удивлению, не стал возражать.

– А грифон?

– Пусть остается, – приговорила я. – В следующий раз подумает, прежде чем меня пугать!

Почувствовав, что его сейчас бросят на съедение светлым, задремавший было звероптиц забеспокоился.

– Ты же его не обидишь, папа?

– Нет, конечно. Пусть дом охраняет. Место тут глухое, вокруг дичи для охоты полно. Да и визитеров нежданных будет кому пугать. Ты согласен, малыш?

«Малыш», ростом с теленка, жалобно пискнул. Принц потрепал его по шее:

– Соглашайся. Нам тут свой в охране не помешает.

«Шурш, уברי завесу».

Пелена исчезла почему-то с шорохом, словно бумажная.

Когда Дьяр уселся на драконью спину позади меня и нагло обнял за талию, лицо Алиана исказила судорога боли, но архимаг сдержался. И даже нашел силы улыбнуться в ответ на мой благодарный взгляд.

– Я буду беспокоиться за тебя, Аэлика.

– Со мной все будет хорошо, папа. Ты же понимаешь, этот договор меня защищает.

– Понимаю. Но лучше бы тебе учиться в нашей Академии. Мое предложение остается в силе, ты в любой момент можешь его принять.

– Я помню. Спасибо.

Мама, тебя такие мужчины любят! – вздохнула я, погладив селенис в невидимом ожерелье. И почувствовала ответную улыбку. Хотя, может быть, это улыбалась богиня Лойт.

Секретарь воспользовался тем, что в кабинет ректора Академии Света ему было позволено входить без приглашения. И, едва обозначив свой визит предупредительным стуком в дверь, тут же вошел. От него не укрылось, что Алиан еле успел что-то спрятать в столе.

– Что за срочность, Диэлларэн? – проворчал архимаг, уперев взгляд в лежавший перед ним гримуар с заклинаниями. – И почему тебе не спится?

– Простите за беспокойство, но... Учитель, что все это значит?

– Что именно, Диэлларэн?

– Та демоница. Кто она?

– Моя будущая ученица, – не поднимая головы и лениво листая гримуар, пояснил архимаг. Когда он переворачивал тяжелые листы, на них, к изумлению секретаря, вспыхивали изумрудные отсветы. Но ректор, казалось, не замечал странностей. – И демонической крови в ней четверть, не более. У нас немало таких адептов. Почему тебя это удивляет?

– Но три наших соглядатая демаскированы!

– Они и были отправлены за ней.

– Чем же так ценна эта девчонка? Я не заметил в ней особой силы.

– Диэлларэн, мне кажется, ты излишне любопытен для секретаря, – строго сказал Алиан, но глаз упорно не поднимал. – Кстати, почему ты не сразу среагировал, когда сработал портал? Они там все разнесли! Если тебе не спится, займись устранением последствий погрома.

Диэлларэн поклонился с недовольной гримасой. Но, прежде чем исчезнуть, сообщил:

– К вам только что явился магистр первой ступени Рам Айриунес.

– Айрес? Ему и его товарищам назначено на полдень.

– Он говорит, вы приказали ему подать доклад в письменном виде, и вручить он его желает непременно сейчас и лично вам.

Алиан поморщился, потер переносицу, стараясь не смотреть секретарю в лицо.

– Хорошо. Я приму его минут через пять.

Когда секретарь скрылся за дверью, ректор Академии Света торопливо выдвинул потайной ящик стола, вытащил пузырек из синего хрусталя. На гранях от его взгляда заиграли изумрудные отсветы. Архимаг отпил глоток и, прикрыв веки, подождал, когда подействует. Уже через минуту страдальческая гримаса на его лице разгладилась.

– Нужно что-то делать, Эрик... – устало прошептал он, обращаясь к

самому себе. – Эликсира хватает все на меньший срок, особенно когда сваливаются такие потрясения... и искушения в виде наследных принцев Тьмы. Самому себе поражаюсь, как я удержался и не скрутил его настоящей силой?

Вошедшего Айреса встретил спокойный и чуть насмешливый взгляд голубых глаз.

– Ваша светлость, – поклонился вошедший.

– Доклад ты мог принести и в полдень. Оговоренное вознаграждение за успешно выполненную миссию вы трое уже получили. Но ты, как я понял, не удовлетворен, магистр?

Уши Айреса слегка покраснели. Но в нагловатой улыбке был вызов.

– Как я понимаю, ваша светлость, никто не знает, что ученица Академии Тьмы – родная дочь ректора Академии Света? К тому же она сельо. Зулия рассказывала, что на ней пояс жрицы Лойт. Какой скандал, не правда ли? Вряд ли это понравится ковену магов. И в этот знаменитый кабинет может въехать другой хозяин, – магистр преувеличенно внимательно оглядел роскошную обстановку, драгоценные магические артефакты и золоченые корешки фолиантов в шкафах.

Алиан, усмехнувшись, откинулся на спинку кресла. Ладони расслабленно лежали на подлокотниках.

– И какой наградой за молчание ты удовлетворишься, Айрес?

– Денег и должностей мне не нужно. Отдайте мне в жены вашу дочь, мэтр Алиан.

Архимаг расхохотался.

– Магистр, боюсь, ты переоценил и себя, и меня. Сельо сами выбирают себе мужей, и мнение родителей тут не учитывается. Но, если ты сумеешь понравиться Лике, я вас благословлю, так и быть. Куда я денусь...

Щека Айреса дернулась.

– Вы знаете, как влюбить в себя сельо, если у вас дочь от одной из них. Научите меня.

– Глупец, – вздохнул архимаг. – Ты меня разочаровал, Айрес. Уйди с моих глаз со своим глупым шантажом. Советую пойти напрямик в библиотеку и прочитать о лунных девах хотя бы популярные брошюры. Ну а если рискнешь распустить язык, то не забудь, что онемение на тридцать часов – мелкое, но не самое приятное наказание. Это на первый раз. На второй – три года. Если и это не научит молчанию, счет пойдет на три десятилетия.

Пальцы ректора слегка шевельнулись, незаметно погладив вырезанные в подлокотниках цветы эдельвейса – мощнейшие артефакты, о которых

знал только сам архимаг. Собственноручно вырезал как-никак. И вот уже двести лет напивался заклинаниями на все случаи жизни.

Молодой маг насупился, сунул руки в карманы, но так и не решился ни на слово, ни на дело.

– Постой-ка, – остановил Алиан незадачливого шантажиста, когда тот дернулся к двери. – Моя маленькая негодница тебя целовала?

– Д-да. Дружески, – парень покраснел до корней волос. – Как побратима, но...

– Все с тобой ясно, – в голосе архимага мелькнуло сочувствие. – Да ты, милейший, попал под магию Лойт!

– Если бы знал, что она сельо, и близко не подошел бы. Когда я ее увидел на испытаниях, то еще не знал, кто она. Лика мне сразу понравилась. А потом эта вечеринка, и...

– Не тлей уже в твоём сердце искра, она бы не разгорелась в пожар. Но это колдовское пламя, Айрес. Я помогу тебе погасить его.

– Не надо. Не хочу. Вы говорите так, словно я болен.

– А давай проверим, – блеснули голубые глаза. Покопавшись в бесчисленных ящиках стола, архимаг извлек пурпурный флакон, горевший, как яркий уголек, и походную фляжку с забористым коньяком. – Если твое чувство не магической природы, то мое лекарство не подействует. Ты будешь любить, как любил, только чувство станет чище, и ты сам не захочешь добиваться взаимности любой ценой, даже самой мерзкой. А если дело в каверзах Лойт, то ты уйдешь из-под влияния лунной богини и оставишь ее с носом.

Айрес мялся в нерешительности.

– Почему вы хотите помочь мне, мэтр? Ведь я оскорбил вас.

– А я наказал, – в уголках глаз мага появились смешливые морщинки. – Так что мы в расчете. Видишь ли, за свои годы я научился различать, где оскорбление, идущее из глубин затемненной злостью души, а где растерянность и отчаяние, прикрытые напускной наглостью. А помогаю из мужской солидарности. Кроме того, я давно зол на богиню Лойт, отнявшую у меня единственную дочь.

Ректор призвал кубок из шкафа, плеснул в него коньяк и капнул из флакона пять капель, вспыхнувших искрами. Жидкость в прозрачном стекле заиграла закатными красками.

– Выпей, – Алиан подвинул кубок к краю стола. – Самый лучший антидот от лунной отравы. Мы снабжаем таким зельем всех наших послов в Серых Холмах.

На негнущихся ногах молодой магистр подошел к столу, настороженно

глянул на улыбавшегося архимага.

– Не бойся, не отравлю, – успокоил тот. – Но вот закуски нет. Пять глотков надо сделать.

– Да тут и для одного маловато, – решившись, Айрес мелкими глоточками выцедил коньяк. Постоял, выпучив глаза и не в силах вздохнуть. И рухнул на ковер.

Ректор кликнул секретаря.

– Диэлларэн, помоги перенести магистра в гостевую спальню.

– Что с ним?

– Переутомление, нервы и алкоголь с дозой успокоительного. «Драконья звезда» уложит и тролля с одного глотка. Проследи, чтобы к полудню Айрес проснулся и позавтракал. Что-нибудь мясное. Резкий переход адептов Тьмы от демонической диеты к светлой пище плохо сказывается на их характере.

– Все-таки он – соглядатай Сатарфа? Вы получили доказательства?

– Последнее доказательство дал мне он сам. Как я и подозревал, его хитрые, якобы лично им разработанные порталы – маскировка. Сегодня он, побоявшись оставить меня наедине с Ликой, подслушивал и подглядывал за нами из тени. Как ты знаешь, это недоступная светлым магия.

– И что теперь? Суд ковена?

– Зачем? Используем этот факт на благо Белой империи. Пусть Сатарф будет уверен, что мы не раскусили его фигуру в наших рядах. Оставим пока все как есть. Просто будем держать нашего перевертыша подальше от серьезных дел и кормить тщательно выверенной дезинформацией.

– Учитель, я не могу понять, как с такими подозрениями вы доверили ему такую миссию?

– Я очень боялся, Диэлларэн. Очень. Но рискнул и отправил с ним еще двоих. Ставка была на то, что Сатарф не захочет провалить своего агента. Его внедрили к нам очень чисто, и карьеру он тут начал хорошо. На будущий год возглавил бы кафедру. Ну, понесли бедолагу.

– Я справлюсь и один, мэтр. А вот вам бы отдохнуть не мешало.

Секретарь набросил на лежавшее тело заклинание левитации, приподнял спящего на полметра над полом и, направляя легкими пассами, вынес за дверь.

Оставшись в одиночестве, Алиан брезгливо развеял кубок, из которого пил Айрес. Достал из шкафчика чистый сосуд, плеснул на доньшко коньяка и задумчиво повертел в руках рубиновый флакон, рассматривая горевшую алую звездочку.

– Еще раз попробовать, что ли. Вдруг когда-нибудь и на меня

подействует. Или не переводить добро зря?

Он уже отвинтил крышку, но торопливый стук каблучков за дверью заставил его спрятать в секретный ящик флакон и флягу и поспешно сунуть кубок на полку с книгами. Повыше, под самый потолок.

– Вы на месте, мэтр? – в кабинет, не постучав, ворвалась перепуганная женщина лет тридцати, с уложенными в корону рыжеватыми волосами. Если бы не гримаса ужаса на лице и не чересчур длинные, как опахала, искусственно выращенные ресницы, ее можно было бы считать красавицей. – Скорее, там магистру плохо. Он умирает!

– Какому магистру, милочка?

– Раму Айриунесу!

– Айресу?

– Да! Я шла по коридору, а Дил с ним навстречу. У Айреса начались корчи и рвота. Он отравлен!

– Не может быть, Эмина! – побледнел ректор. – Где они?

– Дил его в гостевые апартаменты нес. Наверное, уже там.

Архимаг, не вставая с кресла, исчез в слабой вспышке.

Женщина с облегчением выдохнула, поправила растрепавшуюся челку и огляделась. Довольная улыбка заиграла на ее лице, когда она обнаружила под потолком кубок, смотревшийся среди книг весьма чужеродно.

Вытащив из кармана золотистую коробочку, гостя распустила белые крылья с рыжими прожилками и взлетела. Не прикасаясь к кубку пальчиками, она высыпала из коробочки в жидкость несколько полупрозрачных крупинок.

– Какая удача! Надеюсь, этого хватит, – прошептала отравительница, опустившись на пол – в точности на то место, откуда взлетала. Спрятала крылья. И, цокая каблучками, поспешила прочь.

* * *

Довольно быстро вернувшись в кабинет, Алиан первым делом запер дверь, чтобы никто не побеспокоил, и водрузил перед собой кубок с полки. Усмехнулся, проведя ногтем по стеклу от края до изящно выгнутой ножки.

– Век живи – век учись. Кто мог подумать, что коктейль из элитного коньяка «Драконья звезда» подействует на замаскированного демона как рвотное? Вот и решение, как выявить темных лазутчиков. Безумно дорогое, правда. У всего ковена магов не хватит средств на тотальную проверку, придется выборочно. И нужно придумать новую рецептуру эликсира

«Анти-Лойт», специально для темных. Так, а это что у нас такое?

Под его ногтем, достигшем уровня жидкости, коньяк приобрел зеленоватый цвет. Алиан провел ладонью над бокалом, скривился:

– Опять приворотное средство! Такой напиток испортить! Не прощу. И когда они поймут, что я и воду из родника не выпью без проверки на яды? Но и Эмина туда же! Вот уж не ожидал. Диэлларэн!

Замок под его взглядом щелкнул. Дверь приоткрылась, в щель просунулась голова измученного секретаря.

– Пригласи ко мне мэтрессу Эмину, – распорядился ректор. – И приготовь распоряжение о ее переводе в Горвудский филиал Академии. Там как раз освободилось место завкафедрой травоведения. Кто там был, запомывал?

– Магистр Тиуль. А что с ним случилось?

– Он назначен заведующим главной кафедрой травоведения Академии Света на освободившееся место госпожи Эмины Шарт, уехавшей в провинцию поправлять пошатнувшееся после нашей с ней беседы здоровье.

– Учитель, я вас обожаю! – сонные глаза секретаря заискрились смехом.

– Но-но, Диэлларэн. Обожай прекрасных девушек, а мне даже говорить о таком не смей. Ты не в моем вкусе, и зовут тебя не Эльда.

Глава 21

Собака на сене

Я попросила Шурша сделать круг над местностью. Дьяр, сидевший за моей спиной, уверенно положил ладони мне на талию, а на мое шипение ответил совершенно серьезным тоном:

– Я боюсь, вдруг ты упадешь.

Ну не гад?

Загородный замок мага Алиана действительно стоял очень далеко от столицы Белой империи. И вообще от какого-либо города. Его белокаменные стены сияли, как жемчужина в центре огромного леса, тянувшегося до границы с Серыми Пределами. С высоты драконьего полета я увидела на горизонте характерную серебристо-серую полосу.

Я сразу узнала волнистую линию высоких холмов моей родины, протянувшейся между землями Тьмы и Света. Отсюда не видно, конечно, но на востоке холмы превращались в неприступные горы, где обитали драконы смерти, а на западе – в песчаную пустыню, где какие только ядовитые твари не прятались в песках и оазисах.

Шурш пыхтел под нашим с принцем весом, но исправно махал крыльями. Как только мы пересекли границу Пределов, видимость резко упала, а нежно-зеленый цвет листвы светлых лесов сменился на серебристо-серый лунных роц, придававших нашей земле неповторимый облик.

В воздухе пахло туманом и приближавшимся рассветом. Надо было торопиться, но я не могла не покружить над холмами. Соскучилась. Да и Шурш, лопоча на языке древнейшей династии Шарх, выпросил привал. Устал малыш. Тяжеловато ему нести сразу двоих.

Дьяр уже вполне серьезно, без всяких подначек, хотел облегчить ему груз и лететь рядом, но я запретила. И вовсе не потому, что мне нравилось, как нежно этот презренный демон обнимал меня и горячо дышал в шею.

Совсем не нравилось. Вот еще.

Просто не хотелось, чтобы его засекли наши охотницы. Придется ведь защищать охраняемое тело. А узнает кто во мне жрицу, начнутся расспросы, просьбы о молебне, если в селении нет других служительниц Лойт, обязательная кормежка путников, а там и солнце взойдет, и я опять на лекции опоздаю.

Потому для привала я выбрала безлюдное место, там, где холмы

превращались в голые скалы и жилья в теории не должно было быть, насколько я помнила карту.

Плохо помнила, как выяснилось, потому что Шурш вынес нас прямо к хижине, прилепившейся к горному склону.

Родник он тут почуял, видите ли. Испить ему захотелось чистой горной водицы.

Последняя надежда, что горное гнездо – нежилое, рухнула, когда из домика быстро спустились – почти бегом по отвесным камням! – три женские фигуры и окружили нас с принцем.

– Приветствую, сестра, – поклонилась мне старшая из девушек, но ее глаза как приклеились к Дьяру. – Что привело вас в нашу обитель?

– Жажда. Сейчас мой дракон напьется, и мы улетим, – я показала на Шурша, осторожно сунувшего нос в выложенную простыми серо-крапчатыми камушками чашу, откуда и бил родник. Странный цвет для священных родниковых камней. Из-за него и вода казалась пепельно-серой. Обычно чаши обкладывают перламутром или, за неимением оно, голубым и белым кварцем.

Девушки недоуменно переглянулись. Ну да, я же совсем забыла, что дракона смерти можно увидеть только тогда, когда он захочет. Значит, не захотел.

– Куда такая спешка, сестра? Особенно если у тебя такая... драконья жажда, – девица хрипло хихикнула. – Если ты жрица, освяти нашу пищу и раздели ее с нами.

Я замешкалась с ответом. Согласно легенде, рассказанной владыке, я еще не жрица. Но и отказать в освящении невозможно.

– Или ты уже измененная и потеряла право освящения? – прищурилась девушка. Черты ее смуглого лица были резкие. Острые скулы, нос с хищной горбинкой, черные, как у низшей демоницы, глаза.

– Еще нет, – покраснела я и, покосившись на принца, решила на ложь. Все равно он ничего не поймет. – Но на пути к изменению.

– Этот юноша – твой избранник для изменения? – вмешалась вторая девица, поприятнее первой, но с таким же горбатым носом. А ее волосы в растрепавшейся косе казались черной проволокой.

Странные они тут какие-то. Таких откровенных вопросов не задают. Я начала злиться.

– К чему такие вопросы, сестра? Я не на исповеди в храме богини.

– Если он – просто твой сопровождающий, то одолжи нам его на несколько часов. Нам очень нужны мужские руки. Наши мужчины уехали надолго, и еще не скоро вернутся.

– Только руки?

Девыцы рассмеялись.

– Ну и остальное, если такому красавчику не жалко. Тяжело нам долго без мужской ласки. У нас тут не монастырь.

Удивительная просьба. Сельо никогда не позарится на чужого мужчину, если есть свой. И даже если нет, она будет хранить себя для будущего супруга. Для единственного. Они не сельо! Кажется, мы нарвались на неприятности.

– Мы торопимся, сестры, – спокойно улыбнулась я. – К тому же и одолжить его не могу.

– Ты откажешь нам в такой мелкой просьбе, сельо? – из-под верхней губы старшей показались клыки.

– Откажу, – сердито сощурилась я и решила на совсем уж откровенную ложь. – Он – мой избранник.

– Лжешь! – выкрикнула самая младшая горянка – хрупкая девчонка лет пятнадцати, стоявшая у меня за спиной.

«Шурш! Ко мне!»

Дракон вдруг оглушительно чихнул, испарив всю воду из чаши. Исчез и сам родник, и камни, и струившаяся по каменному желобу тонкая струйка.

– Наша вода! Ты уничтожила наш родник! – ахнули девыцы.

– Простите. Я нечаянно. Очень пить хотелось.

«Что ты наделал, драконище!»

Шурш, к моему изумлению, вовсе не выглядел виноватым. Подобрался, угрожающе обнажил клыки на горянок. А их лица между тем начали чудовищно меняться.

Руки Дьяра сомкнулись на моей талии. Рывок, и земля унеслась из-под ног как раз в тот момент, когда, хищно оскалившись, девыцы бросились на нас. Над головой, словно туча, простерлись черные крылья принца Тьмы.

– Шурш, не... – я хотела крикнуть «не смей», но твердая ладонь Дьяра закрыла мне рот.

– Не мешай ему! – приказным тоном прошипело высочество.

Мешать было уже нечему. Все уже закончилось.

Шуршдохнул три раза туманной дымкой, коснувшейся горянок, и втянул ее обратно. По камням покатались три мертвых, наполовину преображенных тела. Два – в клочках черной шерсти, а одно, самое хрупкое, в перьях и с крыльями вместо рук. Дракон смерти не только напился, но и наелся.

Я всхлипнула. Меня затрясло.

– Ты никогда не сталкивалась с оборотнями, телохранительница ты моя незадачливая? – спросил Дьяр. – Это были горные медведицы и орлица. Гости у них остаются навечно в виде косточек.

– Нет, никогда, – по щекам, как я ни сдерживалась, покатались крупные слезы. – Они даже не увидели, кто их убил. Шурш обычно не питается разумными существами. Он у Кикируси на крыс и мышей охотится вместо кошки. Что на него нашло?

– Он тебя защищал, глупая девчонка. Оборотни так же опасны, как ваши хиссы. Было бы кого оплакивать. Демоны на них охотятся, как на диких зверей.

– И ты тоже?

– Да. Я их убивал в облаве. В Тархареше они вне закона, но все равно проникают и заражают низших демонов. Высшие от их укуса не становятся оборотнями, но умирают весьма долго и неприглядно. Хуже этого только смерть от светлой магии.

– Верни меня на землю, их похоронить надо. И тебе нельзя раскрывать тут крылья. Сейчас еще слетятся любопытные, начнут демона ловить.

– Не поймают. А слетятся, так пусть они и хоронят ту падаль, я рук пачкать не буду. Скажи дракону спасибо и прикажи ему лететь без нас в Башню трех принцесс.

– Почему без нас?

– Не спорь, Лика. А то не успеем смыться. Вон, уже летят твои подруги.

В небе справа и слева засеребрились быстро приближавшиеся лунные блики. Много, с полтора десятка.

«Шуршик, спасибо. Ты нас спас, малыш. Лети в башню без нас, у Кикируси наверняка свежие простыни появились, а у Миранды – варенье. Скажи ей, что я разрешила отдать тебе целую банку».

Меня окатило волной благодарности. Дракон исчез, превратившись в стремительно удалявшуюся полупрозрачную комету.

В тот же миг нахлынула тьма.

* * *

Ну, конечно, куда еще он мог меня притащить?

В спальню. Еще незнакомую.

Посадил на ложе – на удивление узкое и твердое, больше похожее на широкую лавку, по-солдатски застеленную грубым и тонким шерстяным

покрывалом. И смылся. Но вернулся быстро, не успела я толком рассмотреть погруженное в темноту помещение. Пока я перестраивалась на ночное зрение, перед глазами появился кубок с водой.

– Не реви. На вот, попей. Тоже мне, боевой темный маг. Нам надо поговорить, Лика.

– На нарах? Ты что, в тюрьму меня притащил? Из-за того, что мой отец – белый маг?

– Гхм, – принц подавился и отпил воды из принесенного – мне! – кубка. – Ты не поверишь, но это мои покои.

– Ужас. А почему бы не поговорить в моей башне?

– Там шпионы светлых могли оставить какие-нибудь амулеты, и сейчас донжон чистят от крыши до погреба. И крышу ремонтируют заодно. А тут и мы никому не помешаем, и нас никто не подслушает, даже Кикируся.

Мне показалось или я расслышала чей-то тихий старческий смешок?

Не только мне послышался ехидный шум.

Принц щелкнул пальцами. Вспыхнули магические светильники, озарившие ну совсем не дворцовое помещение, если не считать его величины. Посторонних не обнаружилось, и спрятаться им было решительно негде.

Я узрела голые стены из черного камня со следами соскобленной лепнины. Каменный пол, не прикрытый коврами. Два окна, плотно закрытых коваными узорчатыми ставнями. В простенке между ними – вышеупомянутую узкую койку, поставленную торцом к стене и с кованым гербом в изголовье. К ней примыкал с одной стороны длинный стол, сооруженный из трех массивных плит черного мрамора. Могильных.

На столе – грудa книг и тетрадей, пестревших закладками, канделябр (брусок с дырками) с тремя черными свечами, чернильница (куб с крышкой) и писчие перья, пучком воткнутые в стакан. С другой стороны – еще один мраморный стол, но пониже, вровень с койкой. На нем – стеклянный графин с прозрачной жидкостью и кубок. Похоже, только что поставленные, так как вода в графине еще колыхалась.

Три кованых двери. Одна пошире и две поуже. Скорее всего, узкие вели в умывальню и гардероб, ибо платяных шкафов в спальне не обнаружилось.

Напротив – пустая стена без единого пятнышка, если не считать плавающих бликов от светильников. Даже оружие нигде не развешано.

И последнее из мебели – единственный стул, на который и сел принц, повернув его спинкой вперед.

– Не нравится? – поинтересовался Дьяр.

– Мрачновато. А где же царская роскошь? Где изысканный готичный дизайн, полагающийся наследнику Темного Трона? Не похоже, что это ваша спальня, ваше высочество, – от потрясения я даже вспомнила о статусе этого синеглазого.

– Моя. Причем это официальные покои, – он показал на герб.

– В какой тоскливой тюрьме вы живете! Сочувствую.

– Привык, не жалуюсь. Лика, что значит «избранник для изменения», что за изменение и почему ты на пути к нему?

– Ничего не значит. Я им соврала.

– И сейчас врешь. Если ты претендуешь на роль телохранительницы при мне, то отучайся лгать.

– Разве ты ничего не читал о жрицах Лойт?

– В наших хрониках и учебниках о вас говорится либо плохо, либо очень плохо.

– Как и в наших – о демонах.

Мы одновременно усмехнулись, и это была первая искра понимания между нами.

– Хорошо, зайдем с другой стороны, – вздохнул он. – Почему оборотни спрашивали тебя именно об изменении? Почему сразу на нас не набросились? Они же голодные были, я видел. Почувствовали в тебе что-то? Изменение – это оборотничество?

– Нет, но чем-то похоже... – чтобы не смущаться, я уткнулась взглядом в собственные руки, сцепленные на коленях. В конце концов, это же написано во всех наших учебниках, и можно представить, что я просто рассказываю урок старшей жрице. – Неужели ты никогда не слышал, что сельо, когда вступает в брак, изменяется душой и телом для любимого? Она становится такой, какой должна быть идеальная для ее избранника женщина. Такой, чтобы соответствовать его душе и телу. Это происходит один раз в жизни жрицы, и она уже не может служить Лойт. Не потому, что потеряла девственность, а потому, что теперь она сама – богиня для своего бога.

Внутренне сжавшись, я замолчала. Ожидала язвительного смеха, но его синие глаза подернулись задумчивой дымкой. Принц тихим эхом повторил:

– Богиня для своего бога... И как далеко могут зайти изменения?

– Те убитые девушки когда-то были лунными девами. Но они встретили оборотней, полюбили и изменились для них.

– А может, все проще, и их просто покусали?

– Оборотни обычно не кусают сельо, поэтому мне ничего не грозило.

– Боятся отравиться? – съехидничало несносное высочество.

– Да, – кивнула я со всей серьезностью. – Им дозволено жить в Серых Холмах, пока они не нарушают наших законов. И еще те девушки соблюдали традицию освящения пищи, они еще помнили о ней. И как быть с другими расами, ведь сельо не только за оборотней выходят замуж? Получается, белые маги тоже кусают и превращают своих любимых в подобных себе? Сельо, вышедшая замуж за светлого, становится светлой, если ее избранник в глубине сердца не хочет иного.

– А за темного?

– Как правило, она становится демонессой. Демоны слишком эгоистичны, – не забыла я о шпильке. – Они могут ненадолго увлечься экзотикой, но истинная любовь, даже если и случается такое чудо, у них бывает лишь к отражению самих себя. Исключений нет или о них нам неизвестно.

– Хм... – Дьяр подавился и закашлялся. – А когда-нибудь сельо остается сама собой, неизменной?

Я чувствовала его пристальный взгляд, но смотреть в эти колодцы не было сил. И внезапно подумалось об одной очевидной вещи: почему моя мать, дочь демона и лунной девы, сумела сохранить магию сельо настолько, что осталась царицей, хотя и бескрылой?

Ну, хорошо, Эльда не успела измениться или не смогла. Но почему лунные девы, изменившись, не всегда теряют свою магию? А вот те оборотницы – потеряли. Похоже, это как-то зависит от изначальной силы девы.

И принц прав – мы действительно оборотни. С той разницей, что оборачиваемся в иное существо один раз в жизни, и обратного процесса нет. Только, если смертельно не повезет, сходим с ума и деградируем в хиссу или – еще реже – в гинью.

Задумавшись, я не сразу ответила и очнулась, только когда принц взял мою ладонь и потерев пальчики.

– Лика, ты где? Ты меня слышишь?

– Что? – я вскинула ресницы. Наткнулась на мерцавшие и очень серьезные глаза. – Да, слышу. Встретить единственного и остаться неизменной – это, с одной стороны, еще большая редкость, чем перерождение в гинью.

– Неужели вас самих никто никогда не любил такими, какие вы есть? И не случалось так, что кто-то не хотел, чтобы вы менялись непонятно во что, совсем незнакомое?

Вот пристал. Я вырвала ладонь.

– Почему же? С другой стороны, у нас есть и мужчины. Для них лунные девы остаются такими же селью.

– Ни одного мужчины у вас не видел, хотя читал, что есть где-то. Вы держите их в гаремах или в храмах?

– Там же держим, где вы – своих низших демонов, – огрызнулась я. – Ваши низшие редко бывают сильными магами и все бескрылы. Так и у нас. На наших мужчинах – пашни, зодчество, коневодство, кузни и прочее, где не обойтись без грубой силы. Не каждой деве так везет, чтобы встретить своего единственного, и она либо навсегда остается жрицей Лойт, либо выбирает мужчину из селью для рождения ребенка. Девочкам, рожденным не в любви, может повезти, и они когда-нибудь раскроют силу. Мальчикам уже не повезет.

– Как я теперь понимаю, путь к изменению – влюбленность?

Ни за что не скажу.

– А избранник для изменения – это возможный муж? – продолжал он допытываться. – То есть жених?

Молчу. Синеглазый укоризненно качнул головой.

– Лика, мне не трудно заглянуть в книгу, но я хочу услышать от тебя.

– Да. И не просто жених, а именно тот, кто способен изменить лунную деву, кто может стать для нее богом. Но, разумеется, не в нашем с тобой случае. Я так сказала, чтобы от нас отстали.

Принц криво усмехнулся. Глаза сузились.

– Жаль. А я уж было обрадовался, что близок к выигрышу.

– Ну ты и гад!

– Статус принца Тьмы обязывает меня быть самым гадским из всех гадов, – дернул он плечом. – Я предлагаю тебе сделку, селью. Ты быстренько умнееешь, отказываешься от глупой идеи с телохранительством, а я снимаю с тебя мою печать. Это щедро с моей стороны. Если ты еще не поняла, через эту печать я могу и подслушать, и подсмотреть, и отследить тебя хоть на краю света, даже в Белой империи, даже в защищенном доме твоего светлого отца.

– Так вот как ты узнал, где я! А я думала – Айрес сообщил.

Айреса он пропустил мимо ушей. И даже не удивился, что странно.

– Не только узнал, но с помощью вложенной в печать магии смог перенестись очень точно. А с помощью Шурша прорвал охранные барьеры.

Вот оно что! И в парк, когда на меня напали «шмонари», он тоже очень вовремя примчался.

– А обо мне ты подумал?! Я едва не сдохла, когда эта магия тебе

помогала! Зачем ты вообще сунулся? Тебя звали?

– Почувствовал твою истерику. Любопытно стало, кого ты там так испугалась. Вот потому я и предлагаю сделку. Не хочу в следующий раз тебя угробить без всякого для меня удовольствия.

Ох, какой соблазн! Я досчитала до десяти, борясь с искушением. Напомнила себе о великой... ну, хорошо, о важной задаче. И мотнула головой:

– Нет. Договор заключен не с тобой, а с владыкой, и будет исполнен. У меня встречное предложение. Я сниму с твоей щеки свою метку, а ты с меня – свою. Я тоже могу через нее наблюдать за тобой, мой принц.

В теории. Надо будет попробовать.

– Твой? – осклабился он во все клыки.

– Мой поднадзорный принц, если быть точнее. По договору.

– К Хургу этот идиотский договор! – взорвалось высочество. – Ну какой из тебя телохранитель, девчонка!

– Я и не претендую. Я – телохранительница, – подчеркнула я последний слог. – И сегодня я уже дважды досрочно сохранила твое драгоценное тело. Надеюсь на премиальные.

– Нахалка. И не ты сохранила, а твой Шурш. И второй раз – я сохранил тебя, вовремя заткнув твой очаровательный, но слишком болтливый ротик.

Он мазнул взглядом по моим губам и... пренебрежительно усмехнулся! «Не обращай внимания, Лика! – сказала я себе. – Это он специально дразнит».

– Какая разница, если я – хозяйка дракона, а ты – жив и невредим? Так что насчет моего предложения?

– Хорошо, – пополз в улыбке уголок его рта. Опять что-то задумал, мерзкий демон! – Снимай метку, а я сниму печать. Подвинься.

Вместо того, чтобы повернуть щеку, Дьяр сдвинул меня к изголовью и разлегся, положив голову мне на колени.

– Приступай, сельо.

Сцепив зубы, чтобы не выругаться, я откинула с предъявленной мне щеки прядь черных волос. Красивые волосы. Густые и шелковистые, на удивление мягкие. У Ирека куда жестче. Так. Не отвлекаться!

И щека очень гладкая. Там, где ее не рассекают безобразные шрамы. Неправдоподобно белая кожа. Усталые голубоватые тени под глазами. И ресницы длинные, загибающиеся на концах.

– Хватит спать, ваше высочество.

– Уже все? – взлетели ресницы, выпустив на волю яркий синий свет.

– Да.

– Моя очередь, – он с неохотой поднялся, провел ладонью по щеке, проверяя мою работу, второй похлопал по покрывалу. – Ложись.

Демон проклятуший, я же в вечернем платье! Легла.

Пожаловалась:

– Жестко. Теперь я понимаю, почему ты всегда такой злой.

– Что поделаешь, – с притворной горечью вздохнул он. – Демоны – ребята жесткие, а чаще – жестокие. Привыкай. Тебе меня от них охранять придется, если не договоримся по-хорошему о досрочном прекращении твоих обязанностей.

– Не договоримся.

– Тогда закрой глаза, пользуйся моментом поспать. Нам скоро на занятия. Спи, разбужу.

Никогда не верьте демонам. Никогда! Едва я закрыла глаза, как он уже начал меня будить – я почувствовала на губах поцелуй.

– Тиш-ше, – прошипел темный наглец, когда я дернулась в панике. – Мне надо настроиться. Я в тот амулет бухнул от злости столько силы, что теперь его быстро не снять. Расслабься. Ты же хочешь, чтобы я снял с тебя... печать? Тогда терпи.

И он, перехватив мои запястья, неспешно продолжил поцелуй. Как он целуется, богиня! Почти как Ирек. Даже лучше. Интересно, это у них семейное?

– Лица, ты о ком думаешь?

Это он через печать почувствовал?!

– О твоём брате. И о владыке Сатарфе. Сравниваю поцелуи. А что?

Злобный рык. Так он и не настроится, пожалуй. Я обняла отстранившегося и пышущего гневом поднадзорного и сама поцеловала. Вот так-то лучше. Даже слишком... хорошо. О, Лойт! Надо это прекращать.

– Настроился?

– М-м-м... почти.

– Снимай.

– Что?

– Печать снимай!

– Только ее?

Тут уже я зарычала и показала четвертьдемонические клыки. Фыркнув мне в волосы, принц сел. Его ладонь скользнула по моей ноге и потянула вверх подол платья.

– Что ты делаешь?! – взвилась я.

– А как, интересно, снять печать, если на тебе одежда? Сквозь ткань не подействует.

– Дай мне ножницы, я дырку прорежу.

– Извращенка! – возмутился он. – Такую красоту портить! Мужичка! Не смотри, если не нравится.

Верхняя юбка взлетела и накрыла меня с головой. А его ладони медленно заскользили по ногам, собирая кверху нижнюю юбку. А за ладонями – нежно и невесомо – горячие губы и – ай, щекотно! – влажный язык. Интересно, он у этого гада уже раздвоенный или еще нет? Я сдернула с себя подол, приподнялась на локтях. Не раздвоенный, надо же.

– Зачем ты меня лижешь? Это негигиенично!

Принц, добравшийся уже до моих колен, поднял смеющиеся глаза.

– Ох, бездна! Я с тобой досрочно сдохну, телохранительница. Ляг и не мешай мне сосредотачиваться на процессе снятия печати. У тебя такие гладкие и вкусные ноги!

– Людоед. Как поставить печать – так один бесчестный миг. А как снимать...

– Исправлять ошибки всегда труднее, особенно чужие, – посерьезнел он. – А мне нужно исправить чудовищную ошибку.

Неужели осознал? Вот если бы он еще извинился! Но где же этому гордецу...

– Выше не смей целовать! – прошипела я.

– Выше начинается кладбище с останками несчастной змеи варрдх. Должен же я, как гадский гад, почтить память безвинно погибшего пресмыкающегося!

– Ну, я предупредила, – откинувшись на подушку, я вперила мученический взгляд в потолок.

Демон внял, как ни странно. Или ему стало неприятно прикасаться к пупырчатой коже варрдх – полужмеи-полужабы, из которой был создан мой пояс целомудрия. На это мы с мамулей и рассчитывали – на неприятности для покушающихся.

Бесконечное платье было наконец поднято. Обнажив мне живот, Дьяр легонько погладил его подушечками пальцев.

– Все? – спросила я. – Снял?

– Еще только осматриваю фронт работы. Я же объяснил: магии вбухано много, печать глубокая и сильная. Даже порталы способна открывать. Придется вычищать постепенно.

Склонившись, он начал тщательно зацеловывать мой животик. Точнее, печать. Неужели она такая большая? Ох, а в пупке ее следов точно не было! И пряди его волос так щекочут!

Я хихикнула, брыкнув ногами:

– Щекотно!

– Ли́ка, ты невозможна! – и этот хищник легонько куснул меня.

– Ты решил ее выгрызть? Без соли?

Дьяр захохотал, уткнувшись лбом мне в живот. Но вдруг светильники разом мигнули, и он замер, оборвав смех и к чему-то прислушиваясь. Потом резко вскочил.

– Прости, Ли́ка, меня отец зовет. Ты пока поспи. Я ненадолго. Никуда не уходи. Да тебе и не уйти, тут заперто надежно.

– А печать?

– Одну букву я убрал. Позже продолжим, – Дьяр завернулся в крылья, и его не стало.

Мои когти рассекли воздух.

– Одну букву?! – я была вне себя от ярости. Лживый демон!

Осмотрела себя. Вокруг пупка красовалось: «О, е! Дьяр». Запятой стала легкая царапинка от клыка.

Короткий вдох. Длинный выдох. Дыхательная гимнастика прочищает мозги.

Успокоившись, я задумалась: и как мне уследить за охраняемым телом? Верховная жрица сошла с ума – о богине стараюсь не думать! – если поручила мне такую задачу. Либо у меня есть способ уследить. Тогда почему мне о нем не сообщили? Впрочем, у наживки скромная роль: привлечь акулу. Что-то тут не так. Что-то тут сильно не так.

А не могу ли я, на четверть демоница, через эту печать проследить за принцем?

Я провела пальцами по контурам букв, сосредоточилась. Светильники приглушенно мерцали, колыхались какие-то подозрительные тени по углам. Тишина стояла такая, что звенело в ушах от недостатка внешних раздражителей. Или это чьи-то смутные голоса?

Нет, так я усну, а засыпать в этом каменном мешке мне страшно.

И... у меня же занятия! А по договору на время занятий я свободна от службы по охране сбежавшего темного тела! Где там драгоценное папино колечко?

Не успела я о нем подумать, как почувствовала слабое жжение на мизинце правой руки. Вот же оно! Сверкает, как солнечный луч. И совсем не тяжелое. Я встала, одернула платье и представила свою комнатку в Башне трех принцесс.

И с места не сдвинулась.

Может, заклинание какое надо прочесть? Мизинец зачесался. Я поднесла ладонь к глазам. На амулете вспыхнули руны. У Алиана явная

тяга к народному фольклору. По ободку вилась надпись: «Катись со мной, колечко, до нужного местечка».

Не успела я прочитать, надпись отделилась от кольца. Дочитывала на лету, пока вокруг меня кружились гигантские световые буквы. Откуда-то донесся громовой раскат, мгновенно смявшийся в невразумительное эхо.

Запоздало мелькнула мысль, что Темный Трон может нервно отреагировать на светлую магию в своем сердце...

Но я уже была в своей комнате на третьем этаже Башни трех принцесс – узнала ее по завиткам решетки и виду из окна. За окном переливалось жемчугами осеннее предрассветное небо, на фоне которого четко проступали очертания черных крыльев – символа, венчавшего шпиль главного учебного корпуса Академии Тьмы.

Глава 22

Сквозняки и ураганы перемен

Эльда проснулась еще до рассвета – счастливой, впервые за много-много лет. Но тут же ее сердце сжалось: Сатарфа рядом не было. Он даже не попрощался!

Вскочив, она наспех оделась без помощи слуг, выбежала из спальни. И замерла.

Ее любимый мужчина сидел в смежной комнате на стуле, подозрительно похожем на обычный трактирный табурет с наспех приделанной низкой спинкой – и где только ее такую девушки откопали, чтобы побережь его искалеченную спину? – и беседовал с двумя зыбкими полупрозрачными тенями, занявшими два кресла напротив. При ее появлении тени спешно поднялись, а владыка вскинул голову, улыбнулся, но тут же нахмурился:

– Кто посмел так тебя расстроить, любимая?

– Я подумала, ты уже ушел.

– Не попрощавшись?

– Я пойду с тобой, Сат.

– Позже поговорим об этом. Сейчас позволь представить тебе моих сыновей. Дьяра ты уже знаешь, – тень справа от владыки поклонилась, сверкнув синими очами. – А второй – Ирек Гил, мой бастард, еще не узаконенный официально. То есть о его существовании никто не знает, кроме членов моей семьи. Сын, прими приличный вид, а то и посмотреть не на что.

Тень слева обрела цвет и плоть. Перед царицей предстал молодой человек в черной форме. Он обладал фигурой атлета, бронзово-смуглой кожей и волнистыми волосами цвета черного золота, искрившимися в свете магических световых шаров. Под стать и глаза цвета очень темного меда. Загляни в них солнце, и засияют золотыми искрами.

Тоже красив, как все дети Сатарфа, отметила Эльда, задумавшись, кто мог быть матерью Ирека и где сейчас эта женщина. Гил – не настоящая фамилия, разумеется. Этот молодой демон, несмотря на простецкую улыбку во все клыки, сразу показался ее опытному взгляду далеко не простым. Даже посложнее загадка, чем наследник Дьяр, сын владыки от дочери пирата, проще говоря, от корабельной шлюхи. «Хотя, может быть, я слишком предвзята к синеглазому мальчику», – одернула себя царица.

Сатарф подошел к ней, обнял за плечи.

– Дети мои, я хочу познакомить вас с моей любимой женщиной и женой – Эльдой Интаресс, царицей Серых Холмов. Извольте любить и слушаться, как меня.

Эльда удивленно вскинула бровь: когда это они успели сочетаться браком? Но промолчала, улыбнувшись. Жена так жена. Как ни назови, лишь бы он жил и любил ее. Желательно вечно.

Словно услышав ее мысли, демон поцеловал ее в висок.

– Получается, Лика теперь наша сводная сестра? – спросил Ирек, и в его голосе проскользнуло недовольство.

– Да ни за что! – вспыхнул Дьяр, тоже облекшись плотью ради такого случая. Чтобы возражения были весомее. В глазах метнулись злые сполохи. – И вашего официального брака с царицей еще не было, отец. Какая может быть сводная сестра? Хватит нам Зарги!

Сатарф нахмурился. Эльда вздохнула. Похоже, у ее девочки могут быть проблемы из-за нее.

– Конечно, Лика моя дочь по рождению, и я люблю свою девочку, но... тут все сложно, – голос царицы звучал мертвенно и ровно, глаза оставались сухи – эту боль она давно пережила. – Лика – внебрачная дочь. Она еще до рождения посвящена богине Лойт и считается ее дочерью.

Сатарф крепко обнял Эльду, снова почувствовав, как же он виноват перед этой женщиной.

– То есть статуса царевны у Лики нет? – почему-то довольно улыбнулся принц, сразу успокоившись.

– По рождению она наследница, но по нашим традициям, пока Лика – жрица, она не имеет права наследования короны. Даже если она откажется от служения богине ради служения земле и народу, ей нужно будет сначала подтвердить избранность, стать одной из многих претенденток и победить их как мага и воину.

Дьяр облегченно выдохнул:

– Видел я ваших воительниц. К счастью, Лике ничего не светит.

Эльда улыбнулась про себя: для кого, интересно, к счастью? Уж не для самого ли Дьяра? Ох, напрасно наследник недооценивает ее девочку, напрасно.

– Все-таки она жрица! А ведь как отпиралась, лгунишка! – хохотнул Ирек.

– Младшая.

Эльда покосилась на Сатарфа, но тот ободряюще сжал ее пальчики и улыбнулся:

– Мы это сразу поняли, можешь за нее не волноваться. Твоя девочка под покровительством Темного Трона. И мои сыновья сейчас же и при тебе поклянутся, что не обидят ее ни словом, ни делом. Дьяр, Ирек!

Ирек поклялся сразу, но Дьяр – неохотно и со множеством уточнений, что именно будет считаться обидой. В конце концов остановились на том, что не должно быть нанесено существенного вреда жизни и здоровью девушки. Но и тут въедливый наследник пытался вступить в теоретическую дискуссию: считается ли, например, укусы при поцелуе нанесением вреда здоровью? Все-таки у демонов есть клыки. Не говоря уже о большем вреде, который может случиться с невинной девой там, где полно brutальных темных магов.

Эльда начала бледнеть от гнева, и Дьяр спешно перешел к следующему дискуссионному вопросу: а как быть с клятвой, если, мало ли, понадобится отшлепать провинившуюся телохранительницу или применить магию, дабы уберечь ее же жизнь и здоровье?

Сошлись на том, что ради блага допускается причинить меньшее зло во избежание большего, но Сатарф вспотел, удерживая, с одной стороны, разъяренную Эльду, а с другой – устал метать на Дьяра гневные взгляды. Мальчишке как вожжа под хвост попала.

– Хватит! – положил владыка конец спору, в голосе проскользнули нетерпеливые нотки. – Теперь можете оба нас оставить, дети.

– Но, отец! – опять вскинулся Дьяр.

– Мы уже все обсудили ранее. Ты вполне созрел, сын, чтобы принять всю полноту власти. Когда я стал владыкой, мне не было и пятнадцати лет. В отличие от меня, у тебя есть на кого опереться.

– Зарга не смирится с твоим решением, и мне придется начать с военных действий.

– Благословляю. Вот и покажешь клыки сомневающимся в твоём праве. Кстати, неплохо бы тебе объявить бал и выбрать невесту, загладить вину за срыв летних смотрин. Тоже заранее благословляю. Когда я вернусь из путешествия, чтоб невеста уже была, ясно?

– Ты свою как долго искал? – взъерошился Дьяр.

– Ты, главное, ищи, брат, а Заргу я возьму на себя, – вмешался бастард, и в глубине темных глаз мелькнула очень недобрая искра. – Давно хотел ее выпороть, да отец все мешал. Неловко как-то было при нем.

Сатарф хмыкнул, но ничего не сказал. Ему было некогда: спрятав улыбку, он целовал макушку Эльды. Его руки переместились на ее талию, и царица почувствовала по жару ладоней его желание, и сама мгновенно вспыхнула.

– Ты с сестрой не справишься, – буркнул Дьяр Иреку.

– Посмотрим. В конце концов, кто мешает нам срочно выдать ее замуж? Правда, придется связать, посадить в мешок и насильно выдавать, но что поделать...

– Да кто ее возьмет!

– Принцессу? С богатым приданым? Да первый же безродный и нищий орк или тролль. Только свистни, толпа набежит!

– Сколько же будет свадеб Зарги и похорон ее женихов! Ежедневно. Разоримся! – Дьяр скорбно возвел глаза к потолку.

– Ничего не разоримся. Зато какие спектакли! А боевка! Со зрителей деньги будем брать. Казну увеличим раза в два.

– Вот такие они у меня буйные, – шепнул Сатарф, куснув ушко Эльды. Царица рассмеялась.

– Ну, мы пошли, у меня уже руки чешутся, – Ирек потянул за крыло взъерошенного и расстроенного Дьяра. – Удачи тебе, отец. Мы тут справимся, даже не сомневайся в нас. Счастья вам, госпожа Эльда.

– Возвращайся быстрее, отец. Госпожа Эльда, мое искреннее почтение, – Дьяр, поклонившись, накрыл крылом брата, и оба исчезли. Сатарф тут же развернул к себе женщину и нашел губами ее губы.

– Ох, Сат, – простонала она, когда смогла перевести дыхание. – Как я жила без тебя?

– Больше я этого не допущу.

Потом, когда они все-таки перебрались в спальню, уже прибранную служанками, оставшимися незамеченными, Эльда спросила:

– Мне показалось или у Ирека нет крыльев?

– Есть, он же – высший демон. Но парень предпочитает их не раскрывать лишний раз.

– Почему?

Владыка намотал прядь ее волос на ладонь, потянулся к ее губам.

– Сат, это нечестный прием, – Эльда увернулась от поцелуя.

– Очень честный. Я хочу тебя. Опять. Всегда.

– А кто мать Ирека? Он ведь старший твой сын? – Эльда зашла к интригующему ее вопросу с другого конца.

– Старший. Я потом тебе все расскажу, любимая. Сейчас жаль терять время на посторонние темы. Поцелуй меня. Или мне уже пора в путь?

Шантажист! Пришлось сделать паузу в расспросах.

...А потом он все-таки ушел. И не взял ее с собой, попросив присмотреть за детьми. Попрощался со всей нежностью, какая накопилась у него за долгие годы, излил на нее целый водопад слов, поцелуев, ласк и обещаний, что все будет хорошо, все получится и эта разлука будет недолгой.

Потом Эльда стояла у окна, прижавшись лбом к стеклу, и с трудом дышала, стараясь не плакать. Он воин и будет бороться до конца. Она, сама воительница и царица, понимала его, как никто другой.

Она не стала его останавливать властью селю. Хотя могла: их сердца и души связаны. Он возненавидит ее, если она помешает. И она не сможет смотреть, как угасает его сердце.

Она ничего не просила больше. Ни лишнего дня, ни часа, ни минуты.

Селю знала, что не переживет того момента, когда умрет он. Ненастоящей, временной смертью. Но разве смерть бывает ненастоящей? Он возродится, крылатый и сильный, но ее уже не будет.

– Я люблю тебя, Сат, – прошептала она. – Люблю больше жизни. И я отпускаю тебя. Лети, любимый...

* * *

Сколько часов меня не было в нашей с девчонками Башне трех принцесс? За это время нас обчистили до нитки! Где мои вещи? Учебники? Одежда?

Мебель – и та исчезла!

В комнатах подруг – та же пустота. И во всей башне – я не пожалела времени и обшарила ее сверху донизу – шаром покати. Первозданная чистота. Ах да, принц же обмолвился, что у нас тут ремонт. А в чем мне на лекции идти прикажете?

Шурш сонно отозвался с крыши, где дрых, прикинувшись по моему недавнему примеру горгульим птенцом. Раз он там уместился, значит, крышу уже отремонтировали.

Вялая и одинокая Шу висела в купальне забытым махровым полотенцем. Обрадовавшись, как щенок, она вскарабкалась мне на голову и распустилась по моим плечам длинными черными локонами.

На лекции я безнадежно опоздала. Часа два я убила на поиски пропавших вещей. Два часа! Даже вскрыла хранилище Кикируси: готова была переодеться и в простыню – сойдет за саван. Но и лоскутка не нашлось.

Пришлось отправиться на занятия голодной, без тетрадей, в вызывающем вечернем наряде, изо всех сил стараясь не спотыкаться на каблуках. Удивительное платье. Сколько испытаний ему выпало за ночь, а оно смотрится, как новенькое.

В коридорах учебного корпуса было пусто.

Вздохнув, я толкнула высокую дверь с вырезанными на ней химерами. И тут не повезло: явилась я к середине лекции по искусству иллюзий, а ее читал наш куратор.

– Простите за опоздание, магистр Сайк. Можно войти?

– Вы не ошиблись резиденцией, леди? – нахмурился куратор. – И что делают посторонн...

– Лика?! Жива! – раздался вопль, и врезавшийся в грудь красноволосый тайфун по имени Миранда едва не вынес нас обеих в коридор.

Я успела заметить смятение на круглом лице куратора, а в следующий миг на меня налетели все однокурсники: каждый счел долгом убедиться, что перед ними не привидение.

– Говорили, что тебя арестовали...

– Тебя разве не похитили?

– ...что ты убила Ирека за приставания...

– ...и казнили после зверских пыток...

– ...за разрушение башни!

– Бардак в аудитории! – поверх гвалта верещала сигнализация.

Куратор, покрасневший, как свекла, применил массовый мини-портал с экзекуцией – перетаскиванием за шкуру и наложением кляпов – и распахал брыкающихся и мычащих темных адептов по партам. Ни Дьяра, ни заменяющей его «тени», ни Ирека еще не было.

– Адептка Лика Тария! – рявкнул Грид Сайк, наложив на всех еще и заклятие пут. – Опоздание на полчаса, срыв занятия, приход на лекции в развратном виде и, по слухам, нарушение комендантского часа! С твоим уже имеющимся списком нарушений половины этого хватит для отчисления. Но, учитывая, что тобой лично занялись столь высокие покровители... – он с сальной усмешечкой оглядел меня с головы до ног, – я накладываю лишь небольшое взыскание: дополнительные три часа занятий после уроков. Садись.

Взмахом руки он развеял путы и кляпы, и в помещении опять поднялся гвалт.

Я процокала каблучками, остановилась перед куратором и безмятежно улыбнулась:

– С сегодняшнего дня, магистр Сайк, все взыскания, претендующие на мое личное время, накладываются только по согласованию с его темнейшеством, владыкой Тьмы и Теней Сатарфом или с его сыном, наследным принцем Дьяром. Ректор Вултон должен быть в курсе. Странно, что он не поставил вас в известность.

В аудитории разлилась вязкая, как смола, тишина.

– К ректору! – процедил наш богатырь. – Немедленно! Я буду ходатайствовать о вашем отчислении.

Повернувшись, я направилась к двери.

Не дошла. Перед носом сгустилась пелена тьмы и вытолкнула в явь две фигуры. И тоже не в студенческой форме. Оба сына Сатарфа были экипированы в строгие черные мундиры военного образца, на плечи наброшены плащи. Никогда не понимала, зачем плащи тем, у кого есть крылья?

У Дьяра на груди висел парадный знак с гербом – черная крылатая и весьма зубастая тварь на серебряном поле. Герб слегка отличался от того, который висел во дворце в изголовье его солдатской койки: у этой твари было четыре крыла вместо двух. Принц прикрыл знак плащом так, что аудитории и куратору он был не виден.

Ирек обошелся без украшательств, зато на его рукаве блестели антрацитами четыре капитанские нашивки. Он сверкнул улыбкой, встретившись с моими ошалелыми глазами, и подмигнул.

– Простите за опоздание, магистр Сайк, – поклонился Ирек.

– Адепт Ирек Гил, – куратор нашел новых жертв. – Тебе вменяется опоздание на сорок минут, появление не в студенческой форме и нарушение комендантского часа. Адепт Дьяр Раджахашт... К ректору! Все трое!

Принц, открывший было рот, захлопнул его, смерил магистра тяжелым взглядом. На меня он даже не посмотрел.

Точку поставила сигнализация, она же – внутренняя система оповещения, прогремевшая незнакомым командирским голосом:

– Магистр Грид Сайк, немедленно подойдите в зал совещаний, ваше присутствие обязательно на собрании академического ковена.

Куратор недоуменно пожал плечами, процедил:

– Вам повезло, прогульщики. Займите свои места.

– Это запоздалое предложение, магистр, – на сурового Дьяра было страшно смотреть, хотя форма ему идет, должна признать. – Я приглашен на ковен, а Ирек Гил и Лика Тария будут меня сопровождать.

Куратор опомнился, на кого вякнуть посмел, и спорить не стал.

Мы вышли цепочкой. Впереди – принц и бастард, потом я, шествие замыкал куратор. Прежде чем уйти, Грид Сайк сотворил наблюдателя – собственную копию. Такие в студенческом фольклоре почему-то назывались «варежки». Да еще, выйдя, наложил на дверь запирающее заклятие, чтобы адепты не разбежались.

За дверью оказался батальон мракаров во главе со знакомым мне сержантом Драхисом.

В полном молчании мы спустились на пару этажей. Еще недавно пустовавшие коридоры оказались заполнены демонами в военной форме, а то и вовсе в боевой ипостаси. Все они при виде нас вытягивались во фрунт и отдавали Дьяру честь. Он благосклонно улыбался и кивал, улыбался и кивал. Особенно много мракаров в боевой экипировке собралось в холле перед дверями в зал собраний.

Похоже, у нас тут военный переворот.

Принц остановился, перебросившись парой слов с трехрогим демоном из охраны. Куратор прошел вперед, кося на нас встревоженным взглядом. Ирек в это время шепнул мне на ухо:

– Потрясно выглядишь, Лика!

– Угумс. А ты не скажешь, что тут происходит?

– Захват власти и напоминание ежикам, что их иголки могут расти внутрь. Ты так не вовремя удрала из дворца, мы не успели с тобой переговорить. Твоя задача отследить точки ненависти. Сумеешь?

Я пожала плечиком:

– Не знаю. Это противоположное тому, чему меня обучали.

– Тогда пойдем методом исключения. Отследи точки любви, если такие будут. Считай, что это испытательное задание на должность телохранительницы. Справишься?

– Попробую.

Странное задание. Как они проверят, справилась я с ним или нет?

– А за бред с телохранительницей я тебя позже отшлепаю на правах старшего друга, – предупредил Ирек. – Владыка разрешил.

– Если догонишь.

Мы вступили в обширный полукруглый зал.

Здесь оказалась тьма демонов. Скамьи, спускавшиеся к площадке с возвышением посередине, были заполнены магистрами. Видимо, многие прибыли порталами из провинций. Были даже демонессы, и немало: женские школы тоже прислали представительниц. Вот это крутой срыв занятий!

– Ваше высочество! – кланяясь на ходу, выкатился навстречу нам

карлик Вултон.

– Ваши сведения устарели, ректор.

Дьяр, не обращая внимания на ошеломленно замершего Вултона, прошел мимо коротышки на возвышение с полукругом из тринадцати кресел. Одно пустовало, в остальных сидели высшие архимаги, неохотно поднявшиеся при нашем приближении. Встали и все присутствовавшие в зале. Склонив к плечу голову, принц окинул архимагов долгим взглядом, и они, к моему удивлению, быстренько освободили возвышение, убравшись куда-то в зал.

Принц садиться не стал. Развернулся к аудитории. От его ног на плиты пола упали пять крылатых теней и слились в сплошной круг тьмы. Мы с Иреком оказались внутри.

Все тоже почтительно стояли. Мракары – все в боевой ипостаси – рассредоточились по периметру зала. Демоны почему-то избегали смотреть на принца. Может, потому, что уже тысячу раз его видели, надоел уже. Мракары разглядывали магистров, те – меня. Точнее, пялились на едва прикрытые нежной тканью выдающиеся части моего скромного тела. Лишь бы никто селенис не разглядел.

Я тоже разглядывала сборище высших темных магов. Некоторых лиц не увидела, как ни всматривалась. Не было ректорского секретаря – его место должно быть в первых рядах, не было нашего мастера меча – его седая голова была бы издалека видна.

Принц обвел собрание угрюмым взглядом. Тишина наступила довольно быстро. Мертвая, густая, хоть ножом режь.

– Приветствую вас, темные магистры, – Дьяр даже не улыбнулся, словно на похороны пришел. – Догадываюсь, зачем здесь собрался цвет Тархареша. Все высшие демоны должны были почувствовать значительные изменения в источнике вашей темной силы, происшедшие в последние месяцы. Сегодня утром изменения достигли апогея. Как вижу, здесь присутствуют сильнейшие – те, кто понял это первым. Но с вашей стороны было крайне неосмотрительно созывать ковен и не сообщить об этом Темному Трону. При желании Трон может счесть вашу инициативу попыткой переворота.

Жаль, что я не вижу лица принца. Дьяр за каких-то полтора часа, пока мы с ним не виделись, разительно изменился. До жути. Даже демонов пробрало.

Зал молчал. И не прибегая к зрению сельо, я видела, как испуганы и раздражены магистры, как напряженно они сжимают боевые жезлы. Никто не садился: сидя сложнее атаковать.

Я подготовила щиты, чтобы накинуть их на себя и принца за долю мига. «Шурш! Ты можешь понадобиться».

– Не бойся, Лика, – едва слышно шепнул Ирек. – Они не нападут. Давно уже поняли, что нечем. Жезлы-то у них пусты.

Знала бы об этом Белая империя, повеселела я.

Дьяр вскинул голову, и я порадовалась, что таки не вижу его лица. Похоже, он все клыки выставил в улыбке – столько яда сочилось в его голосе:

– Не слышу опровержений. Значит ли это, что подозрения Трона обоснованны? – по рядам пронесся робкий гул, но принц не дал ему перерасти в оглушительный. – Вероятно, вы сочли, магистры, что состояние источника темной силы таково, что вы сообща сможете его расщепить и овладеть им? А затем установить в Тархареше либо власть ковена, либо, если не получится первое, двоевластие по примеру Белой империи? Я решил уберечь вас от ошибки. Я намерен своим визитом придать вашему собранию легальный характер и обсудить накопившиеся проблемы. У кого-нибудь есть возражения?

– Где владыка? – выкрикнул кто-то.

Его тут же поддержал целый хор голосов.

– Почему он не является своим подданным?

– Сатарфа никто не видел с лета!

– Или у Тьмы и Теней уже нет владыки?

– Почему наши жезлы пусты? Говорят, светлые проникли в город!

– Что происходит с Темным Троном? Мы имеем право знать!

– Хотим видеть владыку!

Шум нарастал. Еще немного, и демоны накинутся на нас даже с пустыми жезлами и побьют ими, как палками. И наконец всех перекрыл чей-то громогласный, эхом отскачивший от стен выкрик:

– Убирайся, мальчишка! Сын шлюхи! Зовем владыку!

Я не смогла засечь кричавшего, но оказалось, Ирек тут не для красоты стоял.

– Это магистр Эйшах, – шепнул он. – Пятнадцатый ряд, восьмой слева.

От ног Дьяра выметнулась тень и ударила в зал. В пятнадцатом ряду внезапно выстрелил в потолок высокий фонтан пепла, свился смерчем и исчез. Вместе с одним из демонов в магистерской мантии с фиолетовыми нашивками на рукавах.

Я и охнуть не успела – такой быстрой была расправа.

– Моей волей магистр Эйшах отправлен к Теням за оскорбление владыки и моей матери, – пояснил Дьяр в полной тишине. Он расстегнул

застежку на плаще, и тот картинно упал к его ногам и растаял. По залу волной пронесся гулкий вздох. Все увидели герб на его груди. – Отныне я – ваш правитель. Полная сила Тьмы и Теней теперь принадлежит мне.

Вот так, скромненько. А куда делся Сатарф? Неужели моя мама его все-таки добила? – похолодела я.

Аудитория ответила на сногшибательную новость тем, что кое-как поклонилась – вразнобой, явно приходя в себя от потрясения. Но никто не возмущился узурпаторством. Единственной демонстрации силы оказалось достаточно. Хотя и оду никто не воспел. Повисла угрюмая, настороженная тишина. Мне и к «зрению сердца» не надо было прибегать, чтобы ощутить атмосферу страха и даже ненависти.

Дьяр опустился на стул, вальяжно закинул ногу на ногу и сцепил ладони на колене. Мы с Иреком встали за его спиной.

– Дозволяю сесть, магистры, – кивнул новоявленный владыка.

– Лица, ты помнишь о задании? – шепнул все тот же Ирек. – Пора.

Спохватившись, я перестроилась на внутреннее зрение селю. Если уж мне разрешена моя магия, то можно не особо стесняться. Но и не раскрываться полностью. Все-таки, по легенде, я – слабенькая полукровка. И где-то здесь может сидеть убийца, который не станет связываться с полноценной лунной девой – ее смерть не подарит ему сердце. А с полуселью он может и рискнуть.

– Ритуальная передача власти состоялась сегодня, до первого луча зари, – милостиво сообщил Дьяр. – Советую отпустить адептов из аудиторий и объявить трехдневные каникулы в честь моей коронации. На закате во дворце начнется официальная церемония и принесение присяги. Я счел возможным разделить таинство и принять здесь и сейчас вашу присягу, магистры. Очень кстати, что все, имевшие какой-то вес в ковене, собрались в одном месте и мне не придется рассылать по провинциям приглашения на аудиенцию.

Стараясь не вслушиваться, чтобы не отвлекаться от задания Ирека, я блуждающим взглядом обшарила помещение. Пространство расцветилось пульсирующими пятнами, игравшими сотней оттенков. Никто не пылал ко мне особой любовью. Ничего удивительного. Теплились огоньки интереса и симпатии. Фиолетово светилась неприязнь и раздражение. Но, в основном, блеклой молью серело равнодушие. До меня собравшимся не было никакого дела. И правильно, тут такое творится.

Ну хорошо, я не буду делать вид, что не поняла Ирека. Разумеется, он имел в виду отношение магистров к Дьяру. Но я даже объяснить ему не успела, почему это задание пока мне не по плечу. Без капли крови Дьяра я

слепа и могу уловить только общую картину. Потому будем исходить из того, что имеется.

Переход на внутреннее зрение сродни подводному плаванию без магических приспособлений. Мир предстает иным, и долго в нем нельзя пребывать, как невозможно дышать водой тому, кто дышит воздухом. Иначе можно навсегда тут остаться и умереть для внешнего мира. Так и появляются призрачные «лунные утопленницы» – мертвые существа, присасывающиеся, как пиявки, к чужим эмоциям.

Жрицы всю жизнь тренируют «взгляд из сердца», но мало кому удастся продержаться дольше пяти минут. А для меня и минута – предел. И я никогда еще не погружалась в такую чужеродную среду. Сельо предпочитают не заглядывать в сердца демонов так глубоко. Это быстро истощает.

Голос Дьяра доносился словно издалека:

– Но прежде я считаю своим долгом уведомить вас, магистры, что данной мне силой и волей я слагаю с мэтра Вултона обязанности руководства Академией Тьмы. К вечеру вам надлежит избрать нового ректора и представить его мне на приеме.

Две угольно-черных вспышки привлекли мое внимание. Я спешно перешла к внешнему зрению. И встретила с устремленным на меня ненавидящим взглядом Грида Сайка. А второй кто же? Но засечь не успела: аспидное пятно, мелькнувшее далеко в задних рядах, уже растворилось в серой хмари равнодушия. Завеса. Как же ее пробить?

От обилия чужих эмоций у меня кружилась голова и подступала к горлу тошнота. Я задыхалась. Еще немного, и я позорно упаду.

Вынырнула. Уфф...

– Думаю, мне не надо объяснять, за что вы разжалованы, мэтр Вултон? – Дьяр повернул к нему голову. Ректор втянул голову в плечи и стал еще меньше. – Магия Тьмы не вернется к вам до окончания следствия. Уведите его.

Мракары, подхватив завизжавшего, бившегося в судорогах карлика, исполнили приказ.

– И за что его разжаловали? – все-таки кто-то тут оказался не осведомлен.

– Об этом скажет советник тайного сыска... Ирек Гил.

Ирек склонился в приветствии и приступил к разъяснениям:

– Тем, кто прибыл издалека и еще не знает о беспрецедентном происшествии в столице Темного Трона, будет полезно узнать, что белые маги проникли в стены нашей Академии. Они были приняты ректором

Вултоном сразу на третий курс и учились у вас, уважаемые магистры. Не хочу никого обвинять, пока не завершено следствие, но почему-то никто из вас их не разглядел у себя под носом, даже мастер иллюзий и куратор группы магистр Грид Сайк.

Сайк вскочил, но тут же рухнул в кресло и, опустив голову, закрыл глаза ладонью.

– Какой же тогда он магистр? – фыркнул его сосед в мантии боевого мага.

– По сведениям Трона, все трое светлых обладают степенями магистров Света, – продолжил Ирек. – Увы, и тайный сыск совершил промашку. Сегодня ночью светлые похитили одну из двух обучавшихся в Академии демонесс – адептку Лику Тария. За агентами Белой империи велось непрерывное наблюдение, но наша оперативная группа не смогла перехватить шпионов – такой невероятной мощности был портал. Многие видели вспышку даже с другого края города.

Многочисленные головы согласно кивнули: трудно было такое не заметить.

– Обращаю ваше внимание, магистры, – вмешался Дьяр, – что с таким амулетом они могли и полстолицы унести. Нам нужны разработки, способные этому противостоять.

Ирек кивнул:

– Точно. Очень нужны. Его темнейшество Дьяр... правда, ночью он еще был высочеством, но не важно... Дьяр лично отправился в Белую империю, чтобы вернуть похищенную. И вернул. Вот она, перед вами, – Ирек положил ладонь на мое плечо. – Жива и невредима, как видите.

Аплодисменты. Бурные и продолжительные.

Ну просто герой. Да если бы не мой Шурш и не мое добровольное возвращение, ничего бы он не сумел!

– И как там светленькие поживают? Совсем побелели? – спросила демонесса, сидевшая в почетном первом ряду. Кончики ее черных волос были окрашены в сиреневый цвет, как и ее длинные когти. Такие же искры расцвечивали черные радужки больших глаз. Красотка. Со звездой пятой степени, кокетливо приколотой к большому сиреневому банту на мантии.

– Судя по их представителям здесь, чернеют потихоньку, – ответил Дьяр, окончательно растопив лед. – О них мы позже поговорим. Не будем терять времени, дамы и господа. Кто готов принести мне клятву верности?

Я и не ожидала, что взметнется лес рук или все магистры наперегонки побегут преклонять колени. Но от малочисленности поднявшихся

сторонников стало почему-то обидно за Дьяра. Выходит, Ирек был прав, и Академия оказалась гнездом бунтовщиков? Ай да Вултон!

Посмотреть, как темные магистры приносят присягу владыке Темного Трона, мне не позволили. Дьяр, не поворачиваясь, сказал негромко:

– Ирек, сейчас я с ними и один справлюсь. Будь другом, уведи Лику во дворец.

Уже переступив порог зала, я услышала, как Дьяр с угрозой бросил магистрам:

– Мой отец правил слишком мягко, если позволил созреть бунту у себя под носом...

Тут во мне шевельнулась царская кровь. Подумалось: вот зачем он их еще сильнее нагибает, а? Ему бы компромиссы искать. Впрочем, это же демоны. Они уважают только силу в любом ее проявлении, и любой компромисс для них – слабость. Ирек не дал послушать речь будущего тирана – дернул меня за руку и захлопнул дверь.

В сопровождении группы Драхиса мы прошли по коридорам к выходу из здания. Из-за дверей доносились занудно бубнившие голоса: в аудиториях фантомные «варежки» морочили головы молодым демонам, не подозревающим о свершившейся в стране смене власти.

Глава 23

И темные вихри враждебные

На улице у ворот Академии нас ждал крытый экипаж, запряженный двумя огромными псами. Спасибо, на этот раз не придется тащиться пешком. Дворец откочевал на самый дальний от Академии холм, и пришлось ехать через весь город.

Нормальные города освещаются ночью. У демонов все наоборот: днем они обычно спят, а улицы затемняют от солнца магической дымкой. Лучи все равно проникали сквозь полог, и каменные строения казались серыми и безжизненными, хотя сегодня наблюдалось оживление: на каждом перекрестке бдела стража. Наш экипаж никто не останавливал, из чего я сделала вывод, что страже хорошо знаком устрашающего вида вензель на дверцах или возница.

Ирек сел напротив и сразу устало откинулся на подушки, прикрыв веки. Видать, хлопотная это работа – военные перевороты.

Когда карета тронулась с места, я целую минуту решала мучительную дилемму: обидеться на то, что мастер тайного сыска прикидывался другом, а сам шпионил за мной и Мирандой, или затаить обиду, но выяснить хоть что-то. Победил гуманизм.

– Где настоящий владыка, Ирек? – спросила я.

Он сонно пробурчал:

– Дьяр и есть теперь самый настоящий владыка.

– А Сатарф?

– Ты так о нем волнуешься? – приоткрылся один глаз.

– Он единственный, кто мне понравился из всей ва... великотемнейшей семейки, – я все-таки остереглась совсем распустить язык. Хотя мы ехали в карете одни, но мало ли какие «тени» сидят по углам. Может, они не в курсе, кто такой Ирек. – Сатарф жив?

– Да, – Ирек снова закрыл глаза. – Отец уехал в дальнейшее путешествие поправлять здоровье.

Ага, значит, можно говорить свободно.

– Разве на церемонии его не будет?

– Нет. Зачем? Он уже отрекся от Трона и передал власть наследнику. Тьма и Тени приняли Дьяра, наделили силой владыки. Осталось показать это подданным.

– А что тут показывать? – фыркнула я. – Порвет парочку демонов в

пыль, и все остальные поклонятся.

Ирек покачал головой.

– Если бы ты была демонессой, Лика, ты бы увидела, что на самом деле происходило в зале. Во-первых, Дьяр ударил по ним превентивно, еще до появления там армии, иначе была бы драка. Мы блокировали их источники, разрядили артефакты и перехватили внутреннюю связь у Вултона. Потому тот, кто не понял утром, что Трон пошатнулся – а в момент передачи Трон наиболее слаб, – не услышал призыв на ковен. Их вызвали позже, когда мы уже накинули колпак на все собрание. Потом мы с Дьяром и армейцами обложили магов, и брат направил против них часть отобранной у них же силы. И, пока мило болтал, держал их за горло. Всех до единого, понимаешь?

– То-то они так шумели.

– Магически держал, а не буквально. Я не зря говорил о ежиках. Представь, что твои когти начали расти внутрь, в тело. Болезненный процесс. А тут – их личный кусочек силы вдруг стал враждебен. Они и пошевелиться не могли, чтобы самое простенькое заклятие сотворить. Это круто.

Меня передернуло от его восторга. Улыбайся, Лика, улыбайся.

Даже если хочется удавиться от одной мысли, что теперь мой синеглазый кошмар – полновластный владыка, а в его сердце отныне одна царица – Тьма. Я, конечно, знала, что это случится. Но, богиня, почему так рано?

– Так чисто еще никто не проводил захват ковена и Академии, – Ирека просто распирало от эмоций. – Еще бы они не признали в нем владыку. Не дураки, хотя идиоты, раз решились на переворот.

– Как раз пока не признали.

– Раз земля не дрожит, молнии не летают, Академия не рушится, значит, признали. Может, и не полным составом. Но и остальные не самоубийцы. Принесут присягу, никуда не денутся.

– Но если Сатарф отрекся, зачем было захватывать магов, да еще и с применением пыток?

– Мы демоны, Лика. Мы признаем только силу. Того, что стало с Сатарфом, магистры не видели. И долго еще не увидят. Показать им в таком виде – катастрофа не только для отца, но и для всего нашего рода на многие поколения. В Тархареше никому не прощают слабости. Отречения Сатарфа никто не слышал, кроме Тьмы, Теней и нас, его детей. Причем Зарга узнала последней, когда Дьяр уже принял силу и благословение. Для нее отцу пришлось повторить отречение. Это было весело. Она до сих пор

в бешенстве, пришлось связать. Но присягу у нее вырвали, так что наша кобра теперь присмирееет.

– Дьяр – наследник, с чего бы ей в бешенство впадать?

– Его могли обвинить в узурпаторстве и, объединившись, убить. Очень высокая вероятность была. Теперь меньше. Но она будет, пока его связь с Тьмой не окрепнет. У Дьяра мало преданных сторонников. Половина наших аристократов его втайне презирают – не могут забыть происхождения его матери. Ты же слышала. Многие поддерживали Заргу.

– Женщину? Разве на Темном Троне не всегда был мужчина?

– Всегда. Но власть темных владык двойственна, тем и крепка. Как плеть, сплетенная из двух ремней. Для Теней не важен пол, важно первенство. Чем ближе к первоисточнику, к первенцу, тем они гуще и сильнее.

– А для Тьмы пол принципиален, это я знаю.

– Да. Женщине она не подчинится и пожрет ее. Тьма будет править женщиной, а не наоборот. Вот потому часть магистров на стороне сестры.

– Не вижу логики.

– Все просто. С Заргой они могли бы разделить власть на две ветви: отдать ей Теней, а себе взять Тьму. Если бы она им подчинилась, конечно.

– Но на что-то они рассчитывали?

– Конечно. Наши клыкастые и крылатые почувствовали, что ослабела связь Тьмы с Троном, когда отца перемололо теми кинжалами. Мы с братом в лепешку расшиблись, прикрывая собой брешь. Три месяца держали! А тут еще ты...

– А что я?

– Отвлекающий фактор, – Ирек прикрыл зевок кулаком и закрыл глаза, уютно пристроив голову на валике.

Ладно, пусть дремлет. Потом выпрошу. Но от одного вопроса не могла удержаться:

– А когда ты успел стать мастером тайного сыска, если еще учишься на третьем курсе?

– Сегодня утром и стал. Дьяр назначил. Надо же было чем-то прикрыть мое непосредственное участие в этой заварушке. Но вообще-то меня туда с лета припрягли, когда отец пропал. Да и деньги там хорошие, не помешают. Лица, моя служба никак не влияет на мое к тебе отношение.

– Разве ты не по приказу со мной подружился? – вырвалось у меня.

Он порывисто наклонился, взял меня за руки и заглянул в глаза.

– А ты? Разве ты не по приказу богини поцеловала меня?

Я вырвала руки. Отвернулась. Квиты.

В цитадели Темного Трона – сегодня она походила на перевернутый, поросший шипами конус – не спал никто. Внизу, под острыми зубьями сталактитов – словно черная громада сначала полурасплавилась, а потом внезапно замерзла, – суетились мракары. В воздухе то и дело хлопали крылья высших демонов, маневрировавших между зубцами. Некоторые сталактиты угрожающе покачивались.

Я поехала: рискованные ребята эти демоны. А если сооружение рухнет? И мокрого места от летуна не останется.

– И к чему такие архитектурные закидоны? – проворчала я, выглянув из экипажа, когда он остановился. – Это же каждый раз по новой запоминать надо, где что внутри находится!

Нас встречал сержант Драхис. Он подал мне ладонь, чтобы помочь сойти по ступенькам, хохотнул:

– Ха! На то и рассчитано: запутать несведущих. Просто ты внутри не бывала, рядовая Тария. Помещения поделены на секторы и блоки, их структура поддерживается неизменной. Магия-с! А для внутренних переходов из одного блока в другой используются порталы.

– Бывала я внутри, но, скажем так, точно, без путешествий по коридорам. А не может так случиться, что пойдешь в туалет, а окажешься в бальном зале?

– Тут все может случиться, цыпа, – пробежавший мимо мракар приостановился и подмигнул. – Может и в портале перекрутить так, что рога внутрь прорастут.

– Не пугай мне новобранку! – рыкнул на него Драхис.

В двух шагах бесшумно возник серебристо-серый демон, которого я уже видела накануне в каптерке. При ближайшем рассмотрении и при дневном свете он оказался еще симпатичнее: узкое лицо с раскосыми темно-серыми глазами, аристократический тонкий нос и бледные чувственные губы небольшого рта. Его прямые длинные волосы струились, как живая ртуть, ниспадая на доспех, покрытый черной патиной. Такие же крылья за плечами отражали и отсветы багрового солнца, и мельтешащих мракаров, и качающийся сталактит.

– Драхис, отправляйся обратно, – распорядился он. – Я займусь новенькой.

– А, тогда ладно, – с явным облегчением разулыбался сержант. – Лирика, не дрейфь. Командир Янге – хороший мужик. Даже если голову сгоряча

откусит, то потом приставит, как было.

Янге, улыбнувшись, взмахнул рукой, обрисовывая черный контур портала, мгновенно заполнившийся непроницаемой тьмой.

– Лика, Ирек, нас ждет глава тайного сыска. Идемте.

Ирек душераздирающе вздохнул.

– Что, опять отчет не подготовил? – насмешливо сверкнули серебристые глаза Янге.

– А когда мне было? То одно задание, то другое, то заговоры, то перевороты! – огрызнулся второгодник. – На личную жизнь ни минуты, а еще какие-то отчеты! Бюрократы!

* * *

Глава тайного сыска оказался синекожим шкафоподобным демоном с такими массивными плечами, что шеи почти не видно – треугольники мышц подпирали крупную голову с квадратным подбородком. К такой комплекции амбала, которой обычно обладали низшие демоны, прилагался на удивление высокий лоб, увенчанный четырехрогой короной, и умный взгляд черных глаз. Между рогов забавной щеткой торчали короткие черные волосы. Этакий рогатый черный одуванчик.

Даже сидя за массивным столом, амбал был вровень со мной ростом, а кулачищи, лежавшие на пустой столешнице, с успехом заменили бы кувалду.

Кроме стола, в квадратном и глухом, без окон, помещении располагались ряд кресел по периметру и – на стене за начальственным креслом – контурная карта материка без каких-либо отметок и надписей. Светильники на потолке довершали скудный интерьер.

– Ну, здравствуй, Лика Тария, – улыбнулся хозяин кабинета, показав внушительные клыки. Бас у него тоже был дивный: низкий вибрирующий рык. – Мое имя Сэйван. Присаживайся, поговорим... – он кивнул на ряд стоявших вдоль стены кресел. Я прошла, села. Ирек и Янге заняли места по бокам, и я почувствовала себя арестованной на допросе. Глава сыска начал не с меня. – Ирек, успокой мое сердце. Отчет принес?

– Конечно! – с энтузиазмом воскликнул второгодник. – Устный.

– Вот наглец! И ведь не уволишь теперь, – пожаловался синекожий серебристому. – Как в Академии прошло? Не надорвались?

– А то не знаешь, – усмехнулся Янге. – Почти без жертв. Главы кланов не явились, но это еще ничего не значит, могли и представителями

обойтись. Если кто и возражал против Дьяра, то глубоко про себя.

– Насколько глубоко, хотелось бы знать?

– Мы не с детьми имели дело. Магистры умеют ставить защиту даже с минимумом сил, и они не идиоты, чтобы не признать свой явный проигрыш. Потому и не рыпнулся там никто. Затаились.

– Тогда вся надежда на сельо, – Сэйван перевел взгляд на меня. – Лика, что-нибудь удалось заметить? Нам нужны имена.

Я душераздирающе вздохнула. Не люблю такие ситуации. Вроде бы и не виновата, а чувствую себя как предательница. Но я же не специально вводила их в заблуждение!

– Видите ли, большинство присутствовавших магов мне незнакомы, – начала я издалека.

– Не беда! – отмахнулся Сэйван. – Сейчас вычислим. Ирек, приступай.

Бастард прошептал заклинание, свел ладони, а затем, раскрыв, взмахнул ими, словно выплеснул воду из горсти. Пустая стена напротив нас внезапно пошла рябью, как поверхность воды под ветерком. Заиграли тусклые цветные блики и сложились в картинку. Нарисовался зал совещаний Академии, заполненный магистрами. Даже тот демон в пятнадцатом ряду, превратившийся в пыль, еще сидел на месте. Проекция стала яркой и четкой.

Не теряя времени, я набросила сверху сеть разноцветных огоньков и пояснила значение каждого условного цвета.

– Примерно так. Но где-то тут... – под моим прищуром левый верхний угол проекции окрасился серым почти полностью, – была черная вспышка ненависти, и я не успела зафиксировать источник. Еще одну я идентифицировала точно. Магистр Грид Сайк.

– Неожиданно, – Сэйван поднял бровь. – Исходя из этой картины, магистров ничто не колышет. Что-то не верится, чтобы в такой момент... Да тут должен быть просто взрыв эмоций! Кроме того... не буду скрывать, мы рассчитывали, что нового владыку поддержит несколько больше подданных. Но магистры Гондас, Бутар, Унген – абсолютно достоверные сторонники Дьяра, а у тебя они отмечены равнодушным серым.

– Гхм... – в горле внезапно запершило. – Простите. Я не успела сказать... Здесь показано отношение магов к моей скромной персоне. Почти всем, как видите, абсолютно наплевать на нее, и это вполне объяснимо.

Ирек тоже поперхнулся и раскашлялся. Проекция на стене сразу рассыпалась. Янге начал тихо ржать, а у Сэйвана задержалась щека.

– Ирек, ты как сформулировал задание?

Парень возвел глаза к потолку, припоминая:

– Ну-у-у...

Я решила спасти друга-сыщика от начальственной взбучки:

– Он сказал «отследить точки любви и ненависти» без указания объекта, на который они направлены. По умолчанию, объектом считается сама жрица. Но дело не в этом. В иной формулировке я бы ничего не смогла увидеть.

– Вот как? – недоверчиво сощурился синекожий. – По нашим сведениям о сельо, сканирование эмоционального фона – лишь часть ваших возможностей.

– Да, но для того, чтобы отследить эмоции, вызванные другим объектом, и определить их источники, сельо должна находиться с этим объектом в более плотном контакте.

– В каком именно, жрица? Уж не в любовном ли?

– Вот еще! – возмущенно фыркнула я. – Достаточно минимального уровня доверия между нами.

– Минимального уровня? Это как быть чуть-чуть беременной, девушка. Доверие либо есть, либо нет. Разве договора, заключенного тобой с владыкой Сатарфом, недостаточно для взаимного доверия?

– Не с Сатарфом, а с Темным Троном в его лице, – уточнила я. – Пока это лишь бумага с подписями сторон. Договор должен быть скреплен каплей крови субъекта, охрана которого мне доверяется. Только тогда сельо может применить лунную магию от имени охраняемого лица.

– Почему мы лишь сейчас узнаем такие принципиальные нюансы?

– Я думала, Сатарфу известны детали процедуры найма сельо.

Сэйван гулко вздохнул:

– Э-эх... Думала она... А предупредить в голову не пришло? Наша промашка, впрочем. После стольких столетий, прошедших с того времени, как из Тархареша была изгнана последняя жрица, даже наши архивариусы не упомнят всех деталей. Что ж... Янге, окажи любезность, обрадуй его темнейшество, что договор с Ликой Тария недействителен.

– Как это недействителен?! – возмутилась я. – Подписи стоят, печатями заверены. Разорвать его можно только с обоюдного согласия, а я его не дам! Я и без капли крови Дьяра... то есть его темнейшества, могу выполнять обязанности по его охране. Но не все способности сельо будут задействованы.

– А надо – все! – гроыхнул Сэйван и одарил меня раздраженным оскалом. – Что, даже под пытками не согласишься аннулировать эту пустую бумажку?

– Насчет пыток там тоже есть пунктик, – очаровательно улыбнулась я. Синекожий дал отмашку серебряистому:

– В общем, друг Янге, скажи ему как есть. Пусть сам разбирается.

Серебристый направился к двери, но исчез на полпути, едва коснувшись тени, падавшей от стола.

Глава сыска задумчиво пригладил ершик на голове и сменил тон на занудно-следовательский.

– Ли́ка Тария, сегодня незадолго до рассвета во дворце Темного Трона была зафиксирована светлая магия. Наша защита среагировала, в результате бывшие покои принца Дьяра практически уничтожены.

– Оу! – восхитилась я.

А Ирек напрягся, сверкнул на меня глазами:

– Ты что делала в его покоях?

– Ирек, не лезь не в свое дело, – отрезал Сэйван, хвала ему. – Ли́ка, это был разовый амулет портала?

Подумав, я подняла ладонь, продемонстрировала кольцо.

– Нет. Вот он, готов к работе.

– Среди твоих вещей еще вчера амулета не было. Тебе его дал твой отец?

Я кивнула.

– Сними, – приказал глава сыска. – Придется сдать его в наше хранилище.

– Невозможно. Вот, смотрите сами, – я демонстративно подергала кольцо, даже Иреку дала подергать. Не снялось, конечно. Заклинание-то я не стала читать, само собой. – Отец говорил, даже если палец с кольцом отрубить, кольцо вернется ко мне.

– А если проверим? – Сэйван поднял руку, выпустил и многозначительно погладил огромный и острый коготь, которым и мою шею можно легко перерубить, не то что тонюсенький пальчик.

– А успеете? – моя улыбка стала такой же светлой и опасной для окружающих демонов, как и руны, засветившиеся на колечке. Я-то слиняю, а вот присутствующие... Сэйван тоже понял, что перед ним магическая бомба сидит, даже его темно-синяя кожа посветлела до голубого оттенка. Это он так побледнел. – Предположим, вы сумеете получить его вместе с образцом моего маникюра... Но, боюсь, тогда и от вашего хранилища останется столько же, сколько от покоев Дьяра. Они, кстати, мне не понравились, туда им и дорога. Может, его темнейшеству в каземат переселиться? Дизайн тот же, разницы не заметит.

Синекожий закусил губу, стараясь сохранить строгость на морде.

– Ну, и как я могу допустить тебя к телу владыки, если у тебя еще и портал есть к светлым?

– Мне к самому телу и не надо. Мне бы рядышком. И заметьте, я же ушла не к светлым, а в башню. И потом, у нас договор, а там расписаны гарантии. Пока он действует, повредить объекту охраны я не смогу при всем желании.

А каким сильным оно бывает, я умолчала, но алчно улыбнулась, чтобы все поняли.

– Патовая ситуация, – вздохнул глава сыска. Поднялся из-за стола, и в комнате сразу стало тесно, а я почувствовала себя мелкой-мелкой и слабой-слабой. – Ладно, пусть у нового владыки голова болит, что с тобой делать. Перейдем к другому вопросу. Я в курсе твоей здесь задачи в том виде, в каком ты изложила ее Сатарфу. Как я понял, твоя роль – стать наживкой для убийцы. Мне не нравится, что наживка будет находиться в непосредственной близости к владыке Дьяру. Очень не нравится. Но, пока твой договор с Темным Троном не разорван, будем исходить из того, что агрессия против тебя столь же нежелательна для нас, как агрессия против его всетемнейшества. Ирек, воспроизведи-ка покрупнее тот серый уголок зала.

Глухая стена ожила, расцветилась бликами.

– Составим список, кого там накрыло завесой. У полукровки Сайка есть причина для вспышки ненависти: с уходом Вултона, покровительствовавшего полукровкам, его пребывание в Академии под вопросом. Но в том уголке я не заметил полудемонов.

В пределах пятна оказалось десятка два магистров. Эпицентр показывал на пустое кресло.

– Скорее всего, центр смещен для маскировки, – заметил Ирек.

– Если убрать слабую периферию, остается восемь ближайших к центру мест. С них и начнем проверку.

– Трое из провинции, их можно сразу отбросить.

– Нет, – покачал головой Сэйван. – Они часто бывают в столице, а девушки погибли не только тут. Стоит проверить алиби магистров. Это я поручу своим демонам. А тебе, Ирек, нужно выяснить в Академии, чьи интересы существенно пострадали с уходом Вултона. Как я понял, катализатором вспышки, пробившей защиту изнутри, послужило объявление о его отстранении. Это тоже любопытная деталь.

– Сделаю.

– Завтра жду хотя бы первые предположения. Пропуск в архивы у тебя есть.

Глаза у меня хищно сощурились. Надо срочно мириться с Иреком! Я тоже хочу такой пропуск. Вдруг светлые еще не все успели скопировать у темных? Или что-то из скопированного не донесли до моего папы?

– Лика, присмотришь ко всей двадцатке. Мы устроим вам еще одну встречу, даже если твой договор не будет подтвержден владыкой Дьяром.

В кабинете гроыхнуло.

– Вр-ряд ли будет! – еще и прорычало знакомым голосом.

Над тем кусочком тени, где таинственно и бесследно канул серебристый демон, в воздухе образовалась черная трещина. Раздвинулась на ширину прохода, в котором ни зги не просматривалось.

– Лика Тария, приглашаю на аудиенцию, – донеслось из трещины, – обсудим этот Хургов договор.

– У нее кольцо портала светлых, ваше темнейшество, – отрапортовал вытянувшийся до потолка Сэйван.

– Я уже понял. Поторопи ее, долго мне еще ждать?

Глава сыска поднял меня за локоть и безжалостно швырнул во тьму, как котенка в воду.

* * *

Ну сколько можно! Никакого разнообразия в конечном пункте приглашений от Дьяра. Спальня! Кто бы мог подумать... иное?

В этом помещении, кроме деревянного ложа – пошире, чем прежняя узкая койка, но даже матрасиком не застеленного, – совсем ничего не было. Конечно, если не считать мебелью новенького, с иголки, владыку Тьмы и Теней.

Он стоял в трех шагах, сложив руки на груди и раскинув за спиной внушительные мглистые крылья (они у него подросли раза в два!). И даже не моргал. Глазищи сияли – злющие, как у баньши на охоте. Ни дать ни взять – орел, нацелившийся на несчастного, притопленного котеночка.

– Ну вот, синяки же будут! – укорила я. – Как мне теперь на лекциях сидеть?

Дьяр угрожающе молчал – пытался морально раздавить и взглядом испепелить. И желваки у него на скулах играли. Это он меня мысленно уже загрыз три раза. Какие-то односторонние переговоры получаются. Ладно, попробуем грубую лесть.

– Красивые крылья, владыка. У вашего отца такие же были, да?

Что-то дрогнуло в этом клубке ярости. И вдруг в синих глазах

плеснулась чудовищная боль. Он тут же, скрывая слабость, опустил ресницы. Крылья обмякли и с шелковым шелестом опали. Губы горько изогнулись.

– Ваше темнейшество, – перешла я к официальному тону. – Янге, наверное, доложил вам, что для полноты исполнения моих обязанностей, кроме договора, еще требуется махонькая капелька вашей темнейшей крови...

– Я в курсе, – оборвал он меня. – Я изучил договор. Отец обманул, его нельзя просто так разорвать, а приказ о твоём назначении – отменить.

– Нельзя, – сделала скорбное лицо довольнехонькая я. – Нужно добровольное согласие обеих сторон, а я не соглашусь.

– Так я и думал. Пусть. Потерплю. Но прежде выслушай мои условия. Во-первых, я не настолько слаб, чтобы нанимать девушек в охрану. Поэтому у тебя при дворе будет другая должность. Официально ты будешь считаться моей фавориткой.

– Никогда!

– Ты против из-за того глупого пари или из-за сплетен? Если первое, то это не будет считаться. Дамир заключал пари не на формальное, а на фактическое... гм... осуществление... э-э...

– И то и другое, – оборвала я его красноречие.

Едва сдерживаясь, он сделал круг по комнате, вернулся и встал надо мной, давя ростом и авторитетом.

– Лица, у меня слишком много врагов, кроме того таинственного маньяка. Рядом со мной ты будешь особенно уязвима, если не получишь дополнительную защиту. Фаворитка – это не просто статус, это покровительство Теней моей избраннице.

– И ревность Тьмы. И меня ваши многочисленные любовницы сразу порвут. И это я вас должна охранять, а не вы меня.

– Да нет у меня никаких... – вспыхнуло темнейшество. – Впрочем, неважно. По договору я имею право назначить тебя на любую должность при Темном Троне для маскировки истинных целей и введения противника в заблуждение. Фаворитка – это официальная должность. Не согласна на эту формальность? Замечательно! Я получаю право аннулировать договор.

Я скрипнула зубами. Стыд какой. Позор. Вот гад-гад-гад! Чешуйчатый! А интересно бы посмотреть на его боевую ипостась...

– Не на любую, – возразила я. – Если должность унижает честь и достоинство, я имею право отказаться, и вы обязаны предложить мне другую. Должность телохранительницы, например.

– Никогда! Это унизит меня как мужчину и воина. Это не поймут мои

подданные. Это не понравится ни Тьме, ни Теням. Для них нужен более веский повод, чтобы оставить тебя рядом. Фаворитка – самое то.

– Нет.

– Да пойми ты, я же боюсь за тебя! – почти проорал он, сжав мои плечи ладонями и наклонившись почти к самому лицу. Даже потряс, как яблоньку, вдруг согласие свалится.

– А я за тебя! – почти с ненавистью прошипела я, приемом «скользящий луч» освобождаясь от захвата.

Дьяр удивленно посмотрел на внезапно опустевшие ладони, выпрямился, гордо вздернул упрямый подбородок, откинув со лба черную прядь волос.

– Хорошо. Предлагаю последний вариант, Лика. Есть еще старинная должность, ее давно никто не занимал при Темном Троне, но демоны вспомнят. Это... как бы объяснить понятнее... просто хранительница. Вроде ключницы. Согласна?

– Ну если просто... вроде ключницы... тогда согласна.

Он вздохнул с облегчением.

– Ну, наконец хоть что-то. Ты уже заняла место, где будешь проходить службу, если мы не договоримся по-хорошему разорвать этот клятый договор.

– Здесь? – я еще раз оглядела филиал тюремной камеры.

– Именно. К вечеру мои новые покои обставят, как полагается. Если уж ты вознамерилась охранять мое тело, то будешь делать это в непосредственной от него близости. Чем меньше расстояние, тем лучше. Потому в постели обойдемся без одежды. За исключением твоего дурацкого пояса, так и быть.

Внезапно забыв, как дышать, я молча взирала на это чудовище.

– Хотя мне понравилось, как ты выглядишь в платье, – холодный взгляд синеглазого прошелся по мне с головы до ног и обратно. – Когда ты будешь меня куда-либо сопровождать, твоей служебной формой станет открытое платье, чтобы мне было приятно на тебя смотреть. Либо короткое, как у наших демонесс, либо вечерний вариант, обязательно с высоким разрезом. Никаких штанов, курток и комбинезонов. В случае холодов, кроме платья, позволяю чулки на завязках и элегантный меховой плащ. Обувь – на каблуке. Оружие – на усмотрение Янге. Ему ты подчиняешься в случае моего отсутствия.

Я в бешенстве вскочила. Но злость наглухо заткнула мне горло. Я даже звука не могла выдать. Только проклятие, но – нельзя. Договор, чтоб его! Дьяр сделал паузу, надеясь на мои вопли. Не дождется!

Не дождался. Продолжил:

– Либо ты соглашаешься на мои требования, Лика, либо мы разрываем договор по пункту, не требующему твоего согласия, а именно: «неподчинение телохранительницы прямому приказу, не влекущему прямой или косвенной угрозы жизни и здоровью охраняемого объекта или его охраняющей».

Крючоктвор! Кто бы мог подумать, что он так въедливо изучит договор и воспользуется каждой крохотной дыркой?

– Ну так как, разрываем? – уголок его губ ехидно вздернулся. Это и привело меня в чувство.

– Насчет косвенной угрозы могу поспорить.

– Попробуй.

– Моему психическому здоровью будет нанесен непоправимый вред.

– Это еще доказать надо, а такие доказательства всегда предъявляются постфактум.

– А не треснет, ваше темнейшество? – не выдержала я.

Синие глаза торжествующе блеснули.

– Нет. Кстати, напоминая, грубость и нарушение субординации тоже плюсятся в список прегрешений, влекущих за собой односторонний разрыв договора. Я жду решения.

– Ты... вы не имеете права на внесение таких изменений. Про список там ни слова.

– Имею. Параграф двенадцать, пункт шестой: условия службы стандартные, принятые при темном дворе, либо по усмотрению владыки.

– Но владыкой был Сатарф!

– Мои соболезнования.

Я в отчаянье рухнула на ложе. Поморщилась: мой копчик!

– Ваши условия можно интерпретировать, как сексуальные домогательства. Смотрите пункт двадцать девятый в разделе «Права и обязанности»...

– Нельзя, даже не надейся. Кстати, давай уточним, что имеется в виду под таковыми. А то, может, я тебя по плечу похлопаю, как боевого товарища, а ты размечтаешься, будто это ласка и домогательство.

Еще полчаса уточняли. Мой послужной список пополнился за это время аж семью нарушениями субординации (хотя, если бы я озвучила все, что думала об этом деспоте...).

Эта синеглазая зараза так и не признала, что требование спать с ним в одной постели и ходить в мини-юбке имеет отношение к домогательствам с его стороны. Это, видите ли, обеспечение его физической и – о богиня! –

эстетической безопасности!

Мало того, он еще и процесс снятия печати исключил из списка. Точнее, это было оставлено на мое усмотрение. Мол, если хочу считать сие домогательством, то он не прикоснется ко мне, и печать останется, и я сама буду в том виновата. А если хочу, чтобы Дьяр выполнил обещание и снял печать, то я должна воспринимать все это как лечебную процедуру без сексуальной подоплеки... Еще и ресничками этак недоуменно похлопал:

– Лика, я и подумать не мог, что мои прикосновения как-то иначе будут тобой восприняты. Неужели они тебе так... приятны?

Демон наглый, изворотливый, чтоб тебя Хург пожрал! Молчи, Лика.

– Ты можешь отказаться, – торжествующе улыбнулся он, а в ладони появился свиток с его экземпляром договора. – Ну что, уничтожаем эту макулатуру? Давай быстрее, у меня еще куча дел.

И провалить задание богини? Ну нет! В конце концов, она предупреждала: легко не будет.

– Я согласна с вашими дополнительными условиями... владыка, – я запнулась. Не могу привыкнуть к его новому статусу. То ли дело «тыкать» принцу Тьмы, когда мы были почти равны.

– Что? – Дьяр выпучил глазищи и едва не взвыл от разочарования. – Ты согласна даже на эти издевательства?

– Заметь, ты сам... вы абсолютно верно классифицировали ваши требования. Теперь будьте любезны, ваше темнейшество, скрепить печать каплей крови.

– А той, что ты у меня уже выпила, недостаточно?

Ш-шуточки у него. Молчи, Лика, молчи!

К моменту, когда он соизволил капнуть на договор каплю крови, скрепляя его окончательно, мы уже яро ненавидели друг друга. Уж эту эмоцию я могла прочесть и не прибегая к внутреннему зрению.

– Могу я задать вопрос? – я свернула документ и, не смущаясь обстановкой, отправила его на хранение в главный храм Лойт.

Выглядело это так, словно свиток впитался в мою ладонь. К счастью, охранные системы дворца на эту магию не сработали. Да и с чего им? Присутствия Лойт в моем сердце они почуять не могли, а капля крови Дьяра растворилась в моей вместе с заключенной в ней крохотной частицей магии владык Темного Трона. Мое личное противоядие от искушений.

– Спрашивай, – Дьяр, внимательно наблюдавший за процедурой, но не заметивший самого главного, кивнул.

– Сатарф вернется? – меня этот вопрос волновал уже не только из гуманизма, но и в целях собственной психической безопасности.

– Отец поклялся, что вернется, – уверенно ответил он, но почему-то синие глаза подернулись пепельной печалью. – Больше ничего не могу сказать, Лика. Сейчас Янге тебя проинструктирует и покажет твою комнату. Дашь ему список, что тебе еще необходимо из вещей и оружия. У тебя есть немного времени, чтобы отдохнуть, пообедать и переодеться к вечерней церемонии. Твою задачу Янге сформулирует на этот раз правильно.

Дьяр отступил на шаг и растворился в упавшей невесте откуда тени.

Серебристый демон появился через пару мгновений.

Глава 24

Ками-рани

Моя комната оказалась смежной с покоем Дьяра, и попасть в нее можно только из спальни темнейшества. Это до крайности меня взвинтило, но отступать некуда.

Комната была приятная – большая и уютная, со стенами, обитыми нейтральной бежевой тканью, с мягкой кроватью и огромным шкафом, где были сложены мои вещи. Рядом со шкафом приткнулся стол с аккуратной стопкой моих тетрадей и учебников. Вот куда они все делись из башни. То, что кто-то рылся в моих вещах, не добавило хорошего настроения.

С другой стороны, это такие мелочи, если вспомнить, что до меня уже полтора десятка лет ни одна лунная дева не смела переступить границы Тархареша под угрозой немедленной расправы. Любой низший вправе был, поймав нарушительницу, либо казнить, либо оставить ее себе в качестве наложницы.

Что и пытается сделать Дьяр, с досадой покосилась я на разделявшую наши спальни дубовую дверь. Глаза слипались, поспать бы, но Янге и не думал оставлять меня в одиночестве.

Занятия в честь коронации нового владыки отменили, сообщил серебристый, но бездельничать мне не дал: весь день он обучал меня тонкостям этикета Темного Трона и знакомил с дворцом.

Я так устала, что знакомство, по сути, не состоялось. Только и запомнила, как активировать круги внутренних порталов, переносивших слуг и стражу в разрешенные пропусками места. Мне пропуск пока не выдали, что сказало мне о всей глубине недоверия тайного сыска к моей персоне, несмотря на улыбочки Янге.

– Ключнице не полагается? – фыркнула я, вспомнив о своей новой должности.

– Ключнице? – изумился серебристый.

– А вам разве не сообщили, что я тут служанкой устроена по знакомству? Дьяр категорически не согласен вписать меня в официальный табель как телохранительницу. Позор для него, видите ли. И мы нашли компромисс.

Янге бросил на меня долгий задумчивый взгляд.

– Вот как? А ты не вспомнишь, Лика, как владыка назвал твою официальную должность?

– Хранительница, что-то вроде ключницы.

Улыбка серебристого стала запредельно ласковой:

– Надо же, какие древние традиции вспомнил молодой повелитель... И вы согласились?

Меня насторожил его предвкушающий тон.

– Д-да. А... не надо было?

– Надо, конечно, надо! Это замечательная новость! – в этот момент улыбающийся во все клыки, до неприличия радостный Янге довел меня до покоев и спешно откланялся, пообещав зайти перед церемонией.

Во что же я вляпалась? – недоумевала я.

К закату я успела и поужинать (поднос с едой появился на тумбе у моего ложа), и даже отдохнуть, хотя голова опухла от инструкций и впечатлений.

Выдали мне и вечерний камуфляж – черное декольтированное платье с открытой до попы спиной. Надеть такое лунной деве – себя не уважать, и я нашла компромисс: постирала свое нижнее золотистое одеяние в примыкающей к моей комнате маленькой купальне, высушила заклинанием, а вечернюю тряпочку натянула сверху.

Времени хватило на то, чтобы полюбоваться из окна моей комнаты и закатом, и вечерней столицей Темного Трона, над которой стаями поднимались высшие демоны, приглашенные во дворец.

Луну отсюда не было видно, но я помолилась.

«Все получилось, богиня», – думала я, прислушиваясь к темной искорке, болезненной занозой вошедшей в сердце. Больно, но скоро пройдет. Все-таки и моя кровь на четверть темная, потому я вообще смогла принять эту каплю.

Зато теперь я смогу ни на миг не выпускать Дьяра из внимания даже на расстоянии. И сейчас я чувствовала его присутствие не так далеко, где-то внизу. Вероятно, в знаменитых подземельях Темного Трона. Можно было и точнее проследить, но я боялась обнаружить свои новые способности. Вряд ли они понравятся великой Тьме и тринадцати Теням Темного Трона.

Но, прекрасная Лойт, ты же помнишь, почему я согласилась пойти в Тархареш?

Положил ладонь на селенис, в котором теперь навсегда запечатлен след «лунного моста», я жарко взмолилась: «Помоги моей маме. Прости ее и помоги Эльде, Лойт!»

И услышала сердцем: «Эльда уже никогда не станет гиньей, девочка. Но моей заслуги в этом мало. Что ты хочешь взамен?»

На миг замерев от нахлынувшей радости, я попросила: «Пусть Сатарф вернется. Пусть он снова обретет крылья!»

Потому что, если он не вернется, мама умрет. И только богиня любви может помочь. Потому что любовь сильнее смерти. Но захочет ли Лойт помогать врагу?

«Это уже две просьбы, милая девочка, – в ее голосе сквозило недовольство. – Я помогу ему обрести крылья, но он не вернется. Или я помогу ему вернуться живым, но крылья он не сможет взять даже у драконов смерти. Никто не согласится принять его душу, уж я постараюсь для любимого врага. Одно из двух. Выбирай».

Драконы смерти? Так вот что задумал Сатарф! – похолодела я. Это же безумие! Он погибнет, не добравшись до цели. Или он умрет наверняка, если доберется.

«Если он не вернется, моя мама умрет».

«Да, милая. А если он не получит крылья, то быстро угаснет. Полгода. Год – самое большее. Он высший демон, ему не выжить без магии Тьмы».

– И тогда мама умрет чуть позже, – горько прошептала я.

«Вы смертны, девочка, и когда-нибудь это все равно случится. Но я могу выполнить обе твои просьбы, и они оба проживут еще долго, хотя не скажу, что мне нравится эта пара. Твоя мать слишком своенравна, близость твари наложила на нее отпечаток. А Сатарф слишком упрям. Я помогу ему и выжить, и вернуть крылья. И тем продлить жизнь твоей кровной матери. Но только в том случае, дорогая, если ты не только доведешь до конца порученную тебе миссию, но и исполнишь еще одно мое желание».

«Какое?»

«Я хочу, чтобы следующей моей верховной жрицей стала ты, Аэлика. Ты согласна?»

Нет! – прикусила я губу, чтобы не закричать. Не хочу! Тогда не будет для меня ни Темной Академии, ни Светлой. Никогда не будет любимого. Единственного. Даже старшая жрица еще может уйти в мир, создать семью, родить ребенка. Но не верховная. Не хочу!!!

А ведь когда-то я мечтала о такой власти. Когда-то надеялась, что, владея всеми тайнами лунной магии, я по вековым традициям сельо, а не по праву унаследованной крови стану царицей Серых Холмов и сделаю землю моей родины самой прекрасной в мире.

Так что же мне теперь так тоскливо?

И даже мысль, как бы обмануть богиню, приходится гнать на самый краешек сознания. Тень мысли брезжит, тень намерения. Не более.

Но ведь можно договориться даже с богами.

«Конечно, госпожа. Но и у меня есть условие...»

* * *

– Вы готовы, Лика? Я могу войти? – вопрос, озвученный голосом Янге, прозвучал из затененного угла рядом с окном.

– А разве вы еще не вошли?

– У меня нет привычки посягать на личное пространство подчиненных без их согласия или без санкции на их арест, – в воздухе словно разлилась мягкая улыбка.

– Тогда войдите.

Серебристый демон выступил из тени и, попав в сноп закатных лучей, сам стал как сполох пламени. Все-таки не устаю удивляться разнообразию внешнего вида темных.

– Если я не ошибаюсь, вы из клана Зеркальных, Янге? Virtuозы отражений.

– Не все из нас виртуозы, – он оценивающе оглядел меня, задержал взгляд на Шу, свившей на моей голове сложное гнездо. Несколько локонов хеммо выпустила, и они вились черными змеями вдоль шеи, спускаясь на грудь и спину. – А вы неплохо экипировались. Но не думаю, что на церемонии вам понадобится доспех. Вряд ли кто-то решится напасть на вас при самом владыке и всей его охране.

Я непонимающе моргнула. Это что – издевка?

Ну да, крой черного вечернего платья – облегающий лиф, оставляющий открытыми плечи и спину, и узкая юбка с высоким разрезом – не предполагал такого издевательства, как нижняя сорочка с глухим воротом и рукавами. Нижнее платье топорщилось на груди, высовывалось из разреза некрасивыми складками, и выглядела я крайне нелепо. Но ведь условия соблюдены, а в остальном Дъяр перебьется.

– Даже не надеялся, что когда-нибудь увижу знаменитую «нежную кольчугу», – восторгался Янге, оглядев меня со всех сторон. – Полагаю, ее вам тоже отец подарил? Сэйван говорил, что в вашем гардеробе подобного не было, и просил проверить на предмет спрятанной светлой магии.

– Что вы имеете в виду?

– Ваше золотистое одеяние. Бесценная вещь, считавшаяся утерянной еще в эпоху Шарх. И не пробиваемая ни магией, ни иным оружием, кроме созданного тем же мастером. Даже синяков от удара не останется. Секрет его создания, увы, умер вместе с творцом.

– Вот это? – я потеряла рукав из тончайшей кисеи. Ай да папа! «Ты примешь от меня подарок, дочка?» После того, как хитростью заставил меня его натянуть!

– Именно. Наш род очень древний, и кое-какие легенды передаются из поколения в поколение. При создании «нежной кольчуги» использовалась зеркальная магия, и уж кому, как не мне, ее узнать? По легенде, этот доспех может менять цвет и форму, становиться совсем прозрачным или приобретать вид стальных лат. Но было бы здорово исследовать. Вы позволите?

– Сейчас? – я отпрянула, когда пальцы демона с трепетом коснулись плеча.

– Я бы с радостью, но нам уже пора. У нас только несколько минут, чтобы привести ваше одеяние в приемлемый вид. Насколько мне известно, у вас неплохие оценки по теории и практике иллюзий? Принцип преобразования «кольчуги» похож: вам нужно сосредоточиться, представить конечный итог и раздвоить структуру магических потоков, создав искаженное «эхо», заглушающее истинный источник до полной неузнаваемости. Как и в случае с иллюзиями, начальная структура остается неизменной, но здесь вы манипулируете «эхом», отражением. И подменяете его на другое.

– А не проще ли мне переодеться?

– Нет, ваша сложная прическа проснется, поползет куда-нибудь, придется ее ловить, и мы потеряем еще больше времени, – засмеялся Янге. – Я попробую сам преобразовать ваш доспех. По моему усмотрению, если не будет возражений. Смотрите мне в глаза, Лика.

Он взял мои ладони в свои, чуть наклонился, пристально глядя в глаза. Жуть какая: отсвечивавшие алым закатом очи серебристого демона отразили мои. Причем не иллюзорно карие, а истинного бирюзового цвета.

Через миг мне казалось, что я смотрю в зеркало на саму себя. В полный рост. Меня пробрала жуть – на миг показалось, что передо мной гинья, принявшая мой облик. Это Янге, напомнила я себе.

Внезапно золотистое под черным платьем растаяло, обнажив бледную кожу рук и плеч, с которой давно сошел легкий летний загар. Несколько избежавших стремительного таяния нитей потемнели, рассыпались крохотными черными алмазиками и опутали шипастой татуировкой левое плечо. Терновник вылез на ключицу, обвинил шею и, судя по ощущениям легкой щекотки, спустил веточки на спину. В ямке между ключицами блеснул крупный черный алмаз-ягода, в котором горела раскаленная капля закатного луча. Мой невидимый селенис, по счастью, оказался ниже

конкурирующего украшения.

– Отлично, – улыбнулось мое отражение, отступило на шаг, отпустив мои ладони, и морок пропал. Я поежилась: опаснейшие существа – зеркальные демоны. Лучше с ними дружить.

Янге удовлетворенно оглядел результат эксперимента.

Я бросила взгляд на свои руки: кожа от плеч до кончиков пальцев едва заметно золотилась, словно в нее впиталась исчезнувшая ткань. Ноги тоже обтянулись почти невидимыми чулками. Вот из чего пояса целомудрия надо шить!

– И как это теперь снять? Соскребать?

– Вернете вид доспеха, какой был, и снимете.

– А татуировка зачем?

– Для красоты. Вместо драгоценностей, полагающихся к вечернему платью дамы, – он неодобрительно глянул на мои уши без сережек, вытащил из кармана коробочку и раскрыл. – Наденьте.

– Да вы что! – ахнула я. – А если потеряю? Откуда у бедной адепки такие деньги?

– Спишем. Это часть казенного обмундирования – парадные амулеты связи, дамский вариант. Будете отчитываться мне прямо на церемонии, не привлекая внимания.

Надену, не жалко. Тем более длинные серьги с черными бриллиантами вполне сочетались с «татуировкой».

* * *

Когда Янге перенес меня на место церемонии, стал понятен замысел архитектора, избравшего именно такую форму дворца на эту ночь – конус, опрокинутый вершиной к земле.

И время заката выбрано удачно. Само солнце оказалось ниже ушедшей в тень церемониальной «залы» под открытым небом, поднятой на внушительную высоту – к звездам, зажигавшимся в темной магической дымке.

Пространство огромной площади, кишевшей демонами, как муравейник, было разбито на тринадцать секторов воздушными стрельчатыми арками, охваченными огненными сполохами. На востоке их освещали магические светильники, а на западе – естественные лучи заходящего солнца.

Секторы сходились в точке, смещенной к северу, где на возвышении

вздымался Трон. С большой буквы, да. Массивный и антрацитово-черный, как полагается. В виде четырехкрылой рогатой твари с герба темных владык. Рассчитанный, по меньшей мере, на коронованного слона. Двух слонов. Столь велико оказалось его сиденье. На таком сооружении смотрелся бы карликом и глава тайного сыска Сэйван, и даже гигант Шаис, чью куртку мы с Мирандой так и не успели перешить на шестерых.

А вот и сам Шаис. Его колоссальная фигура утвердилась на площадке у подножия Трона, кончики его рогов едва достигали огромного подлокотника в виде оскаленной морды какого-то хтонического существа. Возможно, живого. Морда повернула к нам с Янге алые глаза.

Но мне было не до странностей Трона. Рядом с Шаисом я увидела принцессу Заргу и полуголую свиту ее демониц, одетых в лоскуточки и прозрачные накидки.

Сама Зарга предпочитала боевую ипостась, не изменила себе и сейчас, соперничая по массивности плеч с Сэйваном (до своего охранника Шаиса она все-таки не дотягивала). Чудовищная рожа с торчавшими из-под губы клыками и напозавшей на щеки чешуей никогда ее не смущала. Черные, усеянные острыми шишками латы закрывали ее накачанную грудь. Гребенчатые наплечия на мощных когтистых лапах и шипы, растущие из локтей, – это изыски ее собственной природной формы. И рога, вестимо. Длинные, воловьи, с загнутыми вперед кончиками.

Мой давний шрам, уже почти невидимый под правой лопаткой, заныл, напоминая о чудовищной ране, когда ее рог порвал меня, словно тряпочку.

Краем глаза я уловила, как Зарга стремительно развернулась в нашу сторону. Знакомый ощупывающий взгляд демоницы медленно прошелся по моей фигуре, и меня передернуло от омерзения.

Но Янге как бы невзначай сместился, закрывая меня от ее взгляда, а затем мы заняли места по правую руку от Трона на безопасном расстоянии от рогатой акулы, рядом с Сэйваном, Иреком и десятком еще незнакомых мне высших демонов.

Увы, едва я расслабилась, как над ухом раздалось:

– Откуда эта цыпочка, Янге?

Зарга прошла тенью и – удивительное дело – сбросила драконью ипостась, представ перед нами в девичьем облике, без рогов и хвоста. Правда, и эта ее ипостась отличалась излишней резкостью лица и мускулистостью фигуры, облаченной в черную кожу штанов и корсажа, расшитого кровавыми рубинами. На поясе висели плетка и длинный кинжал. Что меня сейчас особенно в ней раздражало – так это фамильные синие глаза.

– Там таких больше нет, ваше высочество, – поклонился Янге.

Я тоже соблюла этикет, поклонилась, но глаз не поднимала, сосредоточившись на папином колечке – не пора ли бежать в Белую империю? Стало жалко Янге, он такой смерти не заслужил.

– Эксклюзивный экземпляр? – осведомилась принцесса.

– О да. Специально для его темнейшества Дьяра.

– Это твой подарок ему в честь коронации? Он уже видел?

– Видел и одобрил.

– В качестве его официальной фаворитки? – презрительно усмехнулась моя врагиня.

Янге позволил себе чуть злорадства в ответной усмешке:

– Что вы, ваше высочество, такую красоту нельзя унижать неподобающим статусом, но подробности огласит сам владыка. Я не уполномочен.

Ой, как мне это все не нравится! Что они задумали?

– Что бы там ни было, а невестой он тебя точно не назовет, крошка, – когтистые пальцы демоницы попытались коснуться моего подбородка, но наткнулись на невидимый щит и быстро убрались. – Хм... боишься? Зря. Тебе моего братика нужно бояться. Знаешь, между нами говоря, он – циничная скотина. Только у меня ты будешь не подстилкой, а настоящей воительницей. Не хочешь стать моей фрейлиной? С Дьяром я договорюсь. Он мне должен.

– Благодарю за честь, ваше высочество, и не сочтите за дерзость, но быть фавориткой самого владыки Темного Трона куда престижнее, чем даже фрейлиной темной принцессы.

– А ты – не менее циничная дрянь, – хохотнула Зарга. – Надо поздравить братишку с таким подарочком. Но если он наскучит тебе, крошка, приходи, развлечемся.

Я выцедила улыбочку:

– Вряд ли мне захочется разделить ваши развлечения, ваше высочество.

И подняла глаза. Узнает? Не узнает?

Не узнала. Хорошая у меня маскировка. Качественная.

Зарга оскалилась – «Посмотрим!» – и исчезла, появившись через миг с той стороны Трона.

За инцидентом наблюдали почти все демоны, оказавшиеся в пределах видимости. Надо же как-то развлекаться в ожидании властелина. Где он, кстати?

Явление повелителя народу было обставлено со всей помпезностью.

Едва солнечный диск скрылся за горизонтом, с неба разом исчезли все краски. Мрак сгустился мгновенно – непроницаемый, даже звезды погасли. Ни малейшего огонька, кроме светившихся глаз демонов. Колыхавшееся у подножия Трона море глаз.

И лишь этот зыбкий и тусклый свет, и внезапный порыв ветра позволили уловить гигантскую тень, пронесшуюся в воздухе.

– Шшаахххххшшш, – выдохнуло что-то огромное в небе, и свечечки глаз разом погасли.

Демоны опустили на колени и поклонились Трону (хотя, может быть, кто-то просто закрыл глаза).

Я лишь склонила голову. Неудобно же мне в таком узком платье на колени вставать! Но что-то так меня придавило, что ноги подогнулись сами. Магия-с, как выразился бы сержант Драхис.

В этой давящей тьме вспыхнули две ослепительно-синих звезды и тут же померкли. После вспышки темнота стала полной, хоть ножом режь.

Я перестроилась на ночное зрение и вздрогнула: Трон уже не пустовал! Обрисовались контуры огромного многокрылого тела. Мамочки, вот это габариты! У Шаиса будет комплекс неполноценности.

Парадная ипостась владыки Тьмы и Теней оказалась невероятной и никак не увязывалась с образом пусть и наглого гада, но все же вполне антропоморфного принца Дьяра. А теперь я не могла разглядеть ни единой знакомой черты в этом зверо – или, точнее, драконоподобном чудовище. Да я вся, если свернусь клубочком, умещусь в его лапе! На одну ладонь положит, второй прихлопнет.

И где фамильные сине-звездные глаза?

Тьма бездны смотрела на нас. Кошмарный, засасывающий, космический мрак.

Я невольно ойкнула.

– Это третья ипостась, которой обладают только наши владыки, она у них одинакова. Его слияние с Тенями дает такой эффект колосса, – очень тихо, почти беззвучно пояснил Янге. Голос его звучал из моих амулетов связи. – Боевая ипостась Дьяра не настолько... громоздка. В бою важнее маневренность.

Слияние с Тенями? То есть они его просто поглотили? Богиня, на такое мы не договаривались! Я хочу обратно привычного синеглазого Дьяра с такими сильными руками и нежными... эм-м-м... о чем только я думаю?!

Выдержав паузу, владыка громовым рыком, весьма гармонизировавшим с его новой внешностью, поприветствовал подданных, дозволил встать с

колен и толкнул короткую речь, пообещав править во благо демонам и во зло их врагам.

И началась долгая и нудная церемония присяги, поздравлений и жертвоприношений, то есть подношения даров. А описывать официальные церемонии столь же тоскливо, как присутствовать на оных. К тому же Дьяр никого не убил, и его пока не пытались.

Я то и дело погружалась во «внутреннее зрение», исследуя каждую группу темных подданных, приближавшуюся к Трону. И вынырнув, долго не могла отдышаться. Дьяр, заметив мое состояние, пошел на нарушение церемониального протокола и превращал в небольшую беседу каждое преклонение колен. Иначе я выдохлась бы гораздо быстрее.

Выныривая после каждого «взора сердцем», я шепотом коротко отчитывалась Янге и Сэйвану, с какими эмоциями приносили присягу главы кланов, военачальники, наместники провинций и правители городов. Разумеется, с обожанием и священным трепетом, но истинные эмоции можно было уловить до или после присяги, когда демоны были уверены, что внимание владыки отвлечено на других.

Общий настрой был далеко не в пользу Дьяра. Его боялись. Еще бы, такого-то монстра. Его уже не могли презирать, потому ненавидели. А в пяти случаях священный трепет перед новым владыкой выглядел диким ужасом, под которым проглядывала лютая ненависть. Одним из таких демонов оказался глава «шмонарей», вторым – глава ковена темных магов Энвиль. Был в этом списке и градоправитель Кардерга. Еще двое – Шаис, ставший главой охраны принцессы Зарги, и наместник какой-то провинции.

– О них мы давно знаем, – кивнул Янге на мой короткий доклад. – Молодец, наблюдай дальше.

Владыка не стал одарять милостью Тьмы главу Ночных шорохов.

– Недостоин! – обронил Дьяр и, шевельнув огромной дланью, отшвырнул князя. – Не наказываю, но даров не будет, дурным головам они не нужны. Каждый второй из твоего клана, достигший зрелости, отправится завтра добывать мою милость в бою с северными химерами.

– И ты говоришь: не наказываю? – возмутился «шмонарь».

– Я оказываю тебе величайшее милосердие, не лишая тебя и твоих демонов не только жизни, но и оружия. При условии, если оно будет обращено на врагов Тархареша. Если заветное будет нарушено, оно обернется против вас.

Умно. Я даже восхитилась. Одним взмахом Дьяр решил две проблемы: лишил противников его царствования мощного боевого звена и защитил

границы. Стравил одну головную боль с другой.

С архимагом Энвилем, чье участие в заговоре пока не было доказано, этот сумасшедший владыка решил разобраться самолично. Когда тот подошел и, на миг поколебавшись, собрался поклониться, Дьяр остановил:

– Не становись клятвопреступником, мэтр Энвиль. Если ты сейчас принесешь присягу, завтра тебе придется ее нарушить. Потому что я вызываю тебя на дуэль за оскорбление моей матери. До моих ушей дошли твои слова, которые ты произносил перед тайным собранием магов, готовя переворот. Если тебя оболгали, скажи об этом, чтобы все услышали. Если нет, принеси извинения. Я приму твоё служение только вместе с покаянием.

Даже Янге, услышав такое, не выдержал, прошептал:

– Великая Тьма, останови его! Что он творит? У него же сейчас эйфория от хлынувшей силы, а завтра будет откат!

Архимаг Энвиль – эффектный сухощавый демон с черной кожей и багровыми волосами – вскинул голову, сверкнул алыми угольками глаз.

– Я принимаю вызов, сын Сатарфа.

И ушел прочь, провожаемый вспышками интереса и даже сочувствия. А ведь он тоже князь, под его рукой – мощный клан Багровых туч, давший Тархарешу немало архимагов.

А бесконечная река выносила к подножию Трона новых подданных, спешивших поклониться олицетворению Тьмы и зачерпнуть от него еще немного силы для себя.

Я страдала, тонула в этом океане лицемерной почтительности и подобострастия, какая открывалась моему взгляду. Против Дьяра была едва ли треть. Чуть более половины высших демонов демонстрировали полное равнодушие к тому, кто будет владеть Темным Троном. Эти приспособленцы примут даже белого мага, ручаюсь.

Зато оставшаяся малая часть готова была порвать за Дьяра всех остальных. Клань Серых и Вечерних теней расцветали оранжевыми вспышками радости и симпатии, да еще некоторые градоправители и наместники приграничных областей озарялись надеждой.

Но Дьяр, похоже, поставил задачу лишить себя и этих сторонников.

– Я принимаю клятву твоего клана, то не твою, Вечерний князь, – пророкотал он, когда преклонил колени и принес присягу Тьор, глава Вечерних теней, которому я приходилась внучатой племянницей.

– За что немилость, владыка? – прошелестел побледневший князь.

– Ты утаил от Трона особо важные сведения о своей... родственнице. Ты преступил клятву, принесенную тобой владыке Тьмы и Теней. Ты

должен уйти.

Со стороны клана Вечерних раздались возгласы недоумения и испуга, но Дьяр поднял... лапу, да. Эту массивную конечность с огромными железными когтями иначе не назвать.

– Пусть твой клан выберет нового князя! – гроыхнул он. – Я приму его служение. А ты, Тьор Вечерний, отныне – изгой. Отныне Тьма не с тобой, низложенный. Отныне Тени оставят тебя. До тех пор, пока твое преступление не будет искуплено.

Тьор Вечерний на меня не смотрел. Но я видела в его сердце горечь, сожаление, искру темной ярости. И эта искра сразу погасла под пеплом смирения. Бывший князь весь словно покрылся белесым пеплом.

– Ты можешь просить пристанище в Серых Холмах, – добил его Дьяр. – Или предатель, не имеющий темной силы и власти, не нужен даже там? Иди. Ищи искупления сам. Если не найдешь в течение лунного круга, искупи смертью.

– Как прикажешь, владыка, – прошептал Тьор, поклонившись, как низший демон, почти распростершись. И в этом самоуничижении одного из тринадцати высочайших чудился вызов.

Мне было больно наблюдать – ведь это все из-за меня. По просьбе моей матери ее дядя принял меня и спрятал. А теперь его лишили магии и рода, оставив лишь жизнь. Но я даже просить за него не смела. Молча глотала подступившие слезы.

– Тебе дается прощальная милость, демон, – равнодушно сказал новый владыка Тьмы и Теней. – Последний шаг тенями к границам моей страны. Ты волен выбрать путь, которым уйдешь, и на этом пути я дарую тебе неприкосновенность.

Разжалованный вскинул голову.

– Тогда позволь мне уйти через земли Тринадцатого клана.

Все окружавшие нас демоны колыхнулись, вскипев яростью и гневом. Будь их воля, Тьор больше и шагу бы не сделал. Больше, чем самих вампиров, чем даже белых магов, в Тархареше ненавидели отступников.

– Шан, проводи, – приказал Дьяр.

Напоследок, уже шагнув к серой тени, распростершей крылья над изгоем, брат моего деда подмигнул мне и слабо улыбнулся. Или мне почудилось в неровном свете магических огней?

Зато Дьяр принял присягу у Шаиса, бывшего начальника дворцовой охраны и нынешнего главы охраны Зарги – демона, которому напрасно доверял Сатарф. Где вот он теперь? А у гиганта Шаиса и крылья остались, и оба глаза, и власть над целым кланом Серых теней при нем, и новая

должность при дворе ненамного ниже прежней. И вот ведь что странно: все его родственники лучились симпатией к молодому владыке Дьяру, их преданность не вызывала сомнения. А их глава таил в сердце жгучую ненависть.

– Не понимаю, Янге, – прошептала я. – Почему Тьора Вечернего наказали, а Шаис чуть ли не благодетельствован? Вы не сообщили Дьяру, что он – потенциальный предатель?

– Тут много потенциальных, это еще ничего не значит, пока нет доказательств.

– А случившееся с Сатарфом? – возмутилась я, повернув голову к серебристому главе охраны. – Ведь это Шаис допустил, чтобы он попал в ловушку! А Дамир, племянник Шаиса Серого, он же обманывал принца, создавая ему ужасную репутацию! Это же подрывная деятельность!

– Трудно удивить демонов ужасами, – снисходительно улыбнулся Янге. – А правитель должен быть справедлив, даже если он темный владыка. Иначе его правление не будет долгим. Дьяр пока радуется, он судит по делам, а не по замыслам. Против Шаиса нет свидетельств.

Наши перешептывания не остались незамеченными, хотя и проходили с помощью амулетов связи. Принцесса Тьмы и моих личных кошмаров вдруг сделала шаг вперед и повернулась к Трону.

– Мой венценосный брат, дозволю спросить! – сверкнули в улыбке ее клыки. И, не дожидаясь дозволения, громогласно спросила, показав на меня зажатой в кулаке плетью: – Кто эта невоспитанная демонесса, своей болтливостью нарушающая торжественность церемонии? Все кланы уже принесли клятву верности, но я не видела, чтобы эта девчонка поклонилась Трону. Отдай мне ее на воспитание, я научу ее этикету!

Янге сжал мой локоть, словно опасался, что я сбегу со страху. Гора мрака на Троне, которую мозг отказывался воспринимать как моего поднадзорного синеглазого изверга, колыхнулась, породив целую россыпь прошивших ее багровых молний. А на миг раньше я почувствовала по капле крови, бережно сохраненной в сердце, как гнев обуял Дьяра. Он опустил на сестру взгляд, затем повернул ко мне венценосную рогатую... морду, да. Меня обдало волной произвольного ужаса, и ладонь Янге, поддерживавшая меня за локоть, оказалась кстати.

Владыка Тьмы и Теней пророкотал:

– Тут, как минимум, две невоспитанные демонессы, Зарга. Я не позволял тебе говорить. Ты нарушила протокол. Я удивлен твоей несдержанностью. Какой дурак мог сделать на тебя ставку? К тому же ты невнимательна. Не все кланы предстали перед Тьмой и Тенями. Сейчас

очередь Тринадцатого. Или ты не считаешь их бессмертной опорой Темного Трона?

Зарга стала бледнее мела: Дьяр прилюдно показал осведомленность о ее участии в заговоре, но так же продемонстрировал, что не считает ее угрозой для себя и ни во что не ставит как потенциальную правительницу.

Демоны настороженно притихли. Вот сейчас, замерла я. Либо Зарга попрет на рожон и использует последний шанс, либо покорится и окончательно проиграет.

Судорожно сжав кулаки, принцесса поклонилась и отступила. Я выдохнула. Янге тоже расслабился. Оказывается, мы оба затаили дыхание. Переглянувшись, мы торжествующе улыбнулись.

– Он их сломал, – шепнула я.

– Я и не сомневался.

Жаль, серебряный не видит то, что открыто мне: всего несколькими словами Дьяр перетянул к себе сердца сотен сторонников. Демоны уважают только силу. Если кто-то из них сомневался в том, что сын корабельной девки способен не только взять власть, но и удержать ее, то сейчас они приняли его владычество над собой.

Жаль, не вижу, как отреагировали Неупокоенные. Признание их на церемонии коронации опорой власти Дьяра, да еще и бессмертной, – отличный политический ход. Конечно, простой лестью их не купишь, значит, были предварительные переговоры.

Но где же Тринадцатый клан?

Сколько ни напрягала я «ночное зрение», вампиров до сих пор не обнаружила. Самое печальное, даже «взор сердцем» в этом случае слеп. Потому как вампиры – мертвецы, и сердца у них холодны и не бьются по определению.

– Дозволяю явиться, Зан-о-Мьир! – раскатился голос владыки в напряженной тишине.

В воздухе прошелестели десятки крыльев. Демоны брезгливо потеснились, и на площадку перед Троном опустились бледные фигуры вампиров. К моему изумлению, князем Неупокоенных оказался самый невзрачный и уродливый из них. Невысокий, хрупкий, похожий на подростка с пятнистым лицом старца. Особенно страшны были его рыжие и тусклые, как ржавчина, мертвые глаза. Он постоянно кривил тонкие губы и притопывал ногой, словно слышал беззвучную музыку.

Янге снова напрягся, но никаких эксцессов не случилось. Вампиры вели себя безупречно вежливо, никаких новых привилегий за свою верность не потребовали, никаких претензий не озвучили. Смирненно

принесли присягу и быстро убрались с этого праздника демонической жизни.

– Что-то мне это не нравится, – пробормотал серебристый демон.

– Что они задумали? – так же тихо отозвался синекожий Сэйван, впервые за всю церемонию подавший признаки жизни.

Мне что-то тоже стало тревожно, хотя после ухода делегации вампиров демоны, плюнувшие им вслед мелкими алыми, фиолетовыми и синими молниями, успокоились и атмосфера разрядилась во всех смыслах, обдав послегрозовой свежестью. Запах мертвечины развеялся.

Дьяр выждал несколько мгновений, пока не затихли шум и треск, повел лапой... хорошо, будем вежливыми даже в мыслях... дланью. И даже стал как будто еще выше. Словно собрал разлитую в воздухе энергию.

– Мои грозные подданные, повелители темных сил и властители ночи! – неожиданно высокопарно начал он. – Мой отец, владыка Сатарф, оставляя мне корону Тринадцати Теней и власть Тьмы, взял с меня слово, что я выберу невесту в течение года. Если великая Тьма будет ко мне благосклонна и даст мне победу в завтрашней дуэли. Но меня тяготит осознание, что этим летом я нанес многим из вас оскорбление невнимательностью к вашим прекрасным дочерям, и сейчас признаю вину. Простите ли вы меня?

Еще бы они не простили. Громовое «Да-а!» едва меня не оглушило. И лишь один, самый старый на вид демон, князь клана Черного тумана, иронично заметил:

– Простим, если только наш владыка лично извинится перед каждой обиженной его невниманием девушкой.

– Справедливо, – кивнул Дьяр. – И я непременно это сделаю. Но я обязан поставить вас в известность, что отныне ключ от моего сердца не в моих руках. По древнейшей традиции я избрал себе хранительницу. Ту, которая выберет мне невесту. Янге, представь всем мою Ками-рани.

Янге, подхватив под локоть, вытащил меня и поставил перед всеми, спиной к Трону. Под сотнями ощупывающих взглядов я почувствовала себя голой. Проклятушие демоны засвистели, загудели, слышались выкрики:

– Где Тьор прятал такую милашку?

– Женись на ней, владыка!

– Клятву, Дьяр! Пусть и она принесет кровную клятву! – перекрыл все истеричный визг Зарги.

Дьяр глянул на сестру страшными очами.

– А ты надеялась подсунуть мне свою наушницу и отравительницу? Теперь уже точно не выйдет! – скривились его губы. И бездны глаз, в

которых ни единой звездной искорки не проглядывало, обратились на меня. – Подойди ко мне, Ками-рани!

И не подумаю! Ни за что! Выбирать ему невесту? Да я... я... НЕ ХОЧУ!!!

Сэйван и Янге вдвоем подхватили меня под белые рученьки и подтолкнули к Трону. Поставив меня перед сооружением, оба отступили на шаг и застыли по бокам изваяниями.

Скопище мрака, говорившее голосом Дьяра, нагнулось ко мне, протянуло огромную конечность. Не успела я отшатнуться, как оно двумя огромными пальцами схватило меня за плечо. Я почувствовала себя маленьким комариком. Трепыхнись – и раздавит. Он просто не осознает своей мощи. И гигантских размеров.

– Раскрой ладонь, – очень тихо, совсем дьяровским голосом шепнуло чудище. – Темному Трону нужна всего лишь капля крови, чтобы убедиться в твоей чистоте, – и еще тише, даже не думала, что такое большое существо способно шептать почти беззвучно, – давай же, Лика, или можешь показать свой проклятый пояс невинности, тоже сойдет.

Я раскрыла ладонь и протянула ему.

Аккуратно, нежно и совсем не больно Дяр коснулся ее кончиком гигантского острейшего когтя. На подушечке моего пальца выступила крохотная капелька крови. Я ошибалась: он отлично осознавал свою мощь и умел виртуозно ею управлять.

– Моя Ками-рани, – торжественно провозгласил он. – Я принимаю каплю твоей крови, свидетельствую о твоей невинности, а взамен отдаю тебе право читать в моем сердце и клянусь не посягать на твою чистоту. Пусть великая Тьма и Тринадцать Теней будут свидетелями! – и гораздо тише этот несносный тип заявил: – И, так и быть, признаю, что пари я проиграл. Ты никогда не была и не будешь моей фавориткой.

Капелька, казавшаяся черной в свете звезд и тусклых магических факелов, стекла с моего пальца, капнула на подставленную ладоницу его темнейшества и бесследно впиталась. Что-то мне это напомнило. Очень сильно напомнило.

Нас провели, богиня!

Я спешно отдернула руку, бросила взгляд налево, в ту сторону, где над горизонтом обычно виднелся небесный лик Лойт, занавешенный сейчас то ли тучами, то ли магической дымкой, чтобы богиня не подглядывала за демонической церемонией.

И этот краткий миг решил дальнейшее.

Я зацепила взглядом искаженное лицо принцессы Тьмы, ее

трепещущие, втягивающие воздух ноздри. Она учуяла запах моей крови. Она прекрасно его знала и, как оказалось, помнила.

– Аэлика Интаресс! Это ты, я узнала! – прорычала демоница, раздуваясь в боевую форму. – Я убью тебя, лунная тварь!

– Не смей! – прогремел владыка, вздымаясь то ли волной мрака, то ли горой.

– Тогда сначала тебя, глупый мальчишка! – рявкнула обезумевшая от ненависти Зарга. – Ты заигрался в повелителя!

И она метнула в него заклинание «мертвый прах» – пылевой смерч, лишаящий зрения и воли. А с ее левой руки под прикрытием первого удара сорвалась еще одна молния, металлическая, целившая слишком высоко над моей головой – в сердце Дьяра.

Доля мига у меня была. Всего лишь.

Мои крылья рванулись из щелей, разрывая наложенные заклинания и швыряя меня вверх. Распростерлись перламутровыми парусами, заслоня владыку.

Острая молния ударила в грудь, чуть ниже и правее невидимого селениса, и бросила меня на шипастый доспех преображенного Дьяра. Я прилипла к нему, как раздавленная ураганом бабочка к каменному склону скалы, не в силах вздохнуть.

Зеркальный демон Янге преувеличил достоинства моей «нежной кольчуги», созданной мастером эпохи Шарх. Синяки от удара будут огромные. И ребра теперь точно превратились в костяное крошево.

Умная кольчуга задержала оружие, не дав упасть, чтобы убийца снова им не воспользовался. Я навсегда запомнила испещренную молниями рукоять. Вот и нашелся второй «близнец Ошсах», лишаящий магии, сколько бы велика она ни была. Как он оказался у Зарги? В ее сердце не было ненависти к брату, но она метнула в него убийственный клинок. Почему?

И тут невероятно растянувшаяся доля мига закончилась. Богиня, протянувшая мне лунный луч помощи, погладила напоследок мое сердце невидимой ладошкой и исчезла.

– Лика! – услышала я отчаянный крик Дьяра. Слишком громкий, словно кричало само огромное, черное, без единой звездочки небо.

«Тише. Все хорошо. Ты жив, это главное», – силилась я сказать. Но лишь судорожно вздохнула. Острая боль пропорола меня насквозь, от макушки до пяток, и унесла сознание в блаженную темноту.

В лицо светило солнце. Я распахнула глаза и в страхе попыталась вскочить. Дуэль! Я проспала дуэль! Может, от Дьяра уже и косточек не

осталось, а я тут валяюсь.

Вскочить не получилось. На мне оказалась тонна магических бинтов, сковавших тело не хуже панциря, а сверху еще и подоткнутое одеяло. Даже пошевелиться удалось с трудом.

– Далеко ли собралась? – раздался насмешливый голос.

Я повернула голову. Тот, кого я мысленно размазала по земле, закопала, полила могилку слезами и посадила сверху цветочки, как ни в чем не бывало сидел на стуле и читал книгу. В моей, между прочим, комнате! Той самой, со светленькими бежевыми обоями на стенах.

– Как-то мы однообразно время проводим, не находишь? – Дьяр захлопнул книгу.

– Как прошла дуэль? Сколько раз вас убили и воскресили?

– В отличие от тебя, ни разу. Этот мерзавец не явился. Бежал, трус. Кто бы мог подумать? Багровые выбирают сегодня нового князя, ковен выбирает нового главу. Как ты себя чувствуешь?

– Как памятник. Монументально.

Я смотрела на него во все глаза и не могла понять, что изменилось. Те же черты – упрямый подбородок, красиво вылепленный рот, высокие скулы и невозможно яркие для владыки Тьмы и Теней синие глаза. А он словно незнакомец, которого мне нужно узнавать заново. Что не так? И лишь через долгую минуту осознала – прическа! Он постригся совсем коротко, и черный ершик смотрелся непривычно, делая его лицо резче и взрослее.

Заметив мой взгляд, он провел ладонью по волосам, усмехнулся.

– Не нравлюсь?

Я проигнорировала вопрос. У меня и свои были, целая куча.

– Что с вашей сестрой?

Дьяр помрачнел.

– Лишена покровительства Тьмы до искупления вины за покушение на тебя.

– Она покушалась на вас. Причем вторым кинжалом-близнецом Ошсах.

– Первым, – уточнил Дьяр. – Тем самым, который хранился в оружейне отца. Но она не знала, что это за оружие. Смешно полагать, что она заколола бы меня простым кинжалом. Это был жест злости и отчаянья, а не желание убить брата и владыку. Сейчас ее допрашивает Сэйван, но общий вывод уже есть: ее использовали втемную. Кинжалом снабдил ее Шаис.

– Неужели именно он – маг-убийца? – не поверила я.

– Нет, не он. Кто-то, кто успел уничтожить этого свидетеля, пока мы

разбирались с моей сестрицей. Когда мы спохватились, Шаис был уже мертв. Лика, не могу сказать, что я в восторге от твоего поступка, но ты спасла мне жизнь.

И раскрыла крылья, вздохнула я. Теперь настоящий убийца на меня и не клонет. А Дьяр между тем недовольно поморщился:

– Но ты забыла, что наш договор не предусматривает, чтобы ты спасала меня с риском для твоей жизни. А если бы на тебе не было кольчуги? – злые складки пролегли у его губ. – Что бы я делал? С Серыми Холмами и Белой империей схлестнулся бы из-за того, что не уберег тебя?

– Тогда я бы не прыгнула, – соврала я. – Но кольчуга была, я же не самоубийца. Может быть, в награду вы снимете с меня остатки печати?

– Хорошо, – подумав, согласился Дьяр. – Но ты сначала выздорей, мне не пробиться сквозь такой ледник бинтов и магии. И послушай меня, Лика, ты – моя Ками-рани, у тебя есть полное право говорить мне «ты».

– Это вам надо заслужить право, чтобы я обращалась к вам на «ты», как к другу, – фыркнула я. Но у Дьяра стало такое лицо, что я поспешила согласиться. – Хорошо. А кстати, что это за подстава с хранительницей то ли сердца, то ли ключей? С какой радости я должна искать тебе невесту? Может, еще и свечку держать прикажешь?

Темнейшество коварно улыбнулось.

– Видишь ли, милая... Ками-рани – самое близкое для демона существо противоположного пола. С ней он может разделить жизнь – и дружбу, и последний кусок хлеба, и бой, и постель при обоюдном желании. Это избранная подруга, советница, которой демон открывает свое сердце и может доверять все. В том числе – найти ему достойную супругу. Но по обычаю, если в течение года демону не понравится ни одна невеста, выбранная для него, то Ками-рани должна признать свое поражение и сама стать его женой.

– Что-о? – от возмущения я подскочила, но тут же, сраженная болью, повалилась на пол.

Дьяр мгновенно переместился и подхватил меня на руки.

– Зачем же так бурно радоваться? – он бережно уложил меня. Даже одеялком прикрыл. – И ты же сама согласилась стать моей хранительницей.

– Ты ввел меня в заблуждение! Я никогда не стану тво... – мне не дали договорить, заткнув рот самым банальным способом – поцелуем.

Целуется это синеглазое исчадие Тьмы восхитительно, но, богиня, ты же поможешь мне устоять перед его воистину демоническим коварством и обаянием? Мы еще посмотрим, кто кого!

Конец первой книги

Феникс Тринадцатого клана

Повесть

Высший вампир Даори Энриати любил свою измененную форму белой летучей мыши. Увы, не ослепительно белой, как бы ему хотелось, чтобы уж окончательно шокировать кланников, но и серовато-жемчужная шкурка ему нравилась.

Она так хорошо сливалась с серыми потолками Академии Тьмы!

Даже вездесущие паучки магической сигнализации не обращали на летучую мышь внимания, пока она не летала, а тихонько ползала по сводам. Да что там бездушные искусственные паучки, если даже вездесущие «серые тени», эти самые незаметные и привилегированные из боевых демонов, редко когда замечали крадущуюся над их головами серую на сером мышь!

Благодаря осторожности и незаметности Даори стал лучшим из осведомителей Тринадцатого клана. Почти сразу с момента заключения великого договора, когда их князь вынужден был поклониться темному владыке, каждый Неупокоенный искал любую возможность освободить вампирский клан от чуждой власти.

Мертвые не должны подчиняться живым, даже если это демоны. И уж совсем позор – подчиняться собственной пище, а демоны – горькая, обжигающе горячая, но все-таки пища.

Впрочем, Темный Трон тоже не особо рад таким подданным, но вынужден соблюдать договор и терпеть Неупокоенных, вместо того чтобы пойти войной и уничтожить всех под корень.

Вампиров даже, скрипя клыками, демоны допустили в свою Академию. Если, конечно, претендент сдаст вступительные экзамены. Надо ли говорить, что поступали жалкие единицы. Еще меньше могли выдержать многолетнюю травлю и не сорваться, чтобы не выпить обидчика.

Даори Энриати выдержал все.

У него была Цель. С большой буквы. И он шел к ней, даже будучи мертвым, Неупокоенным, презренным вампиром.

В Академии Даори старался лишний раз не попадаться никому на глаза, прятался под самым потолком, над балками креплений и трубами вентиляции. И наблюдал.

Именно форма незаметной крылатой мышки и жадное любопытство вампира помогли ему заметить на экзамене по языкам манипуляции Лики

Тария. Его тончайший мышинный слух уловил шепот заклинания, а особое зрение вампира – мертвого существа, застрявшего на грани живого мира, позволило увидеть незримое – вызванного девушкой духа.

Очень необычного духа. Даори искренне восхитился. Такого никто еще не видел. Даже не слышал.

Дух языка. Дух никогда не жившей во плоти сущности!

Это событие могло стать ключом к самым сокровенным тайнам. И кто, как не Дух языка мог раскрыть тайну любой письменности, расшифровать самые древние свитки и скрижали, скрытые от мира древними Неупокоенными!

И Даори, вцепившись маленькими мышинными коготками в балку, воспользовался правом, которое имел каждый Неупокоенный, но которым не смел пользоваться без величайшей нужды даже под страхом немедленного развоплощения – на срочный вызов самого князя.

Мертвым открыто больше, чем живым, чье зрение ослеплено слишком яркими красками дышащего мира, резкими контрастами света и теней. А Неупокоенные умели пользоваться всеми преимуществами не-жизни и не-смерти. И одна из тщательно скрываемых ими тайн – мысленная речь с тем, кто подарил вампиру вечную не-жизнь.

В случае с Даори это был сам Великий князь Зан-о-Мьир, особенно любивший светлую кровь. Князь объединил с ним свой могучий разум, конечно, крохотную его часть, но и этого хватило, чтобы молодой вампир преисполнился ужаса перед его силой.

Он получил и тщательно выполнил данные ему инструкции, но, увы, Лика не захотела раскрыть тайну вызова. Даже величайшая цена – долг клана! – ее не соблазнила.

«Что же делать, мой князь?» – мысленно воззвал Даори, получив вежливый отказ от владелицы величайшего из заклинаний.

«Наблюдай, но не нападай. Той, кто приказывает дракону смерти, мы не можем угрожать. Ищи, в чем ее слабость. У нее есть близкая подруга?»

«Миранда из Вечерних теней».

«Соблазни ее и возьми выкуп за жизнь с Лики. Если та снова откажется, мы в любом случае не проиграем, приняв в клан демоницу из Вечерних».

* * *

Едва Даори покинул главное здание Академии, на него напали.

Волной тьмы его смело и припечатало к стене. Мощная рука сгребла ворот рубахи и приподняла вампира, лишив его ноги опоры. Живое существо задохнулось бы от такой хватки. Мертвому стало немного неудобно, и только. Он посмотрел в горевшие яростью синие глаза напавшего.

– Какая честь, ваше высочество! – ухмыльнулся прижатый к стене Даори. – Вы изволили испачкать руки о вампира? Благодарю, я польщен.

– Что тебе нужно от Лики? – прорычал принц Тьмы.

Никогда вампир не видел наследника Темного Трона до такой степени разгневанным. Он его вообще мало видел и ни разу сам не попадался тому на глаза – куда Даори с мертвым рылом в демонический ряд высшей аристократии Тархареша.

Но слышал о принце немало. Надменный, холодный со всеми без исключения, кроме женщин, принц Дьяр отличался безукоризненными манерами. Если, конечно, дело происходило не на тренировочном полигоне и не в военном походе. Да-а, сегодня парень был явно не в себе.

– Просто познакомился с новенькой, – тускло произнес вампир и отвел глаза в сторону, сознательно продемонстрировав жест признания превосходящей силы, принятый у животных. Подействовало. Его поставили на землю и брезгливо отряхнули руки. – Без всяких намерений познакомился, ваше высочество. Девушки в Академии – слишком большая редкость, реже, чем даже вампиры. Хотел узнать, так же их гнобят на экзаменах, как нас, или еще хуже.

– Я выясню, с намерениями или нет, – принц не угрожал, а констатировал. Он действительно мог вытащить интересующие его сведения даже из мертвого. – Держись от нее подальше, Неупокоенный, иначе от тебя и трупа не останется. Понял?

– Безусловно.

Синеглазый демон раздраженно плеснул за спиной огромными крыльями мрака. Которые в любой момент могли оказаться для врага облаком удушающего яда. В данном случае бесполезного, о чем прекрасно знали оба собеседника.

– Мне не нужны ваши вампирские экивоки, которые вы так ловко умеете превращать в противоположность, – процедил Дьяр. – Мне нужна четкость. Ты будешь держаться от Лики на расстоянии, исключаящем даже беседу. Да или нет?

– Да.

– И передай всем своим однокланникам, в первую очередь твоему князю: Лика Тария – под покровительством Темного Трона. Впрочем,

старого кровопийцу и без тебя уведомят. Ступай.

Даори выразил свое мнение о наследнике, чтоб ему в Хурговой бездне гореть, и отношение к его приказам единственным доступным способом: вместо того чтобы «ступать», обернулся летучей мышью и порхнул прочь над самой головой врага, взвев ветром от крыльев его длинные черные волосы.

– Наглец! – гроыхнуло ему вслед, но преследовать его не стали. Велика честь.

* * *

И тогда Даори, верноподданически забыв о Лике Тария, обратил пристальный взор мертвых глаз на Миранду. И следил за каждым шагом красноволосой демоницы.

К счастью, приказ Великого князя совпал с желанием самого вампира: после небольшой стычки и брошенных в лицо оскорблений ему очень хотелось проучить дерзкую демоницу. А тут и разрешения у иерархов на ее кровь просить не надо.

Миранда иногда жалела, что родителей не выбирают. Иначе она не родилась бы непризнанной княжной, внебрачной дочерью младшего сына князя Тьора Вечернего, что давало ей право задирать изящный носик и претендовать на высокие ступеньки в иерархии.

Отец Миранды сгинул в войне с орками, не успев признать девочку, но кровь не пропьешь, если ты не вампир. Демоны, существа темпераментные и азартные, охотно закрывали глаза на законность рожденных в страсти детей. Главное для Теней – магия крови. Чем ближе к истокам, тем она сильнее, а Миранда оказалась первой и единственной в младшей княжеской ветви.

Правом на титул, желанным и уважаемым любой нормальной демоницей, девушка не пользовалась, признания принципиально не добивалась, и дед, оценив ее скромность, особо благоволил к неофициальной внучке. Она жила просто и тихо, предпочитая бурным играм и балам безмолвную книжку, а прогулкам с подругами – широкий подоконник, на котором так удобно читать.

Да у скромницы и не было в детстве подруг. Скромность для демониц не украшение, а повод для издевки в школе. А Миранда, хоть и была мирной девочкой, но боевая броня у нее всегда наготове. Драться она не любила, зато умела, а в драке подруг не заводят.

В глубине души Миранда считала себя белой вороной.

Девушка обладала вполне классической, то есть эффектной, демонической внешностью: ее треугольное личико украшали чувственные губы и большие глаза цвета вишни, подчеркнутые длинными ресницами; ее густые, закатного цвета волосы ниспадали до тоненькой талии; ее округлые бедра, обтянутые короткой юбочкой, призывно покачивались при ходьбе. Именно поэтому Миранда предпочитала ходить, а не летать. Несмотря на ее совершеннолетие, родовая магия не торопилась раскрыться во всей красе, крылья еще не выросли до нормальных размеров, и в полете девушка чувствовала себя сущей курицей.

А белой вороной она считала себя потому, что ее душа была совсем не жестокой и хищной, как полагается приличным демоницам.

Она не претендовала на роль хитрой стервы. Она никогда не мечтала доказать превосходство над отсутствующими подругами или власть женщины над тупыми рогатыми животными, называемыми демонами. Она

втайне от всех предпочитала поплакать над любовным романом, контрабандой привезенным из Белой империи. Разумеется, герои в таких книжках – сплошь белокурые и голубоглазые рыцари-маги.

И – главное – Миранда мечтала не о роли хозяйки собственного домика, где обитал бы закольцованный ее чарами мускулистый и рогатый от природы высший демон и куча демонов с крохотными рожками, нет. Она, сидя звездными ночами на подоконнике и свесив стройные ножки, мечтала о путешествиях.

И в каком-нибудь путешествии по Белой империи она обязательно встретит *его* – белого и чистого мага с голубыми глазами, золотистыми локонами и прекрасными, как перистые облака, крыльями. И, конечно, завоюет его светлое сердце.

Увы, в глуши Тархареша, Темного царства демонов, белому магу неоткуда взяться.

А загорелые стройные ножки, видневшиеся в окне второго этажа скромного дома захолустного городка, произвели неизгладимое впечатление на того самого, заранее отринутого в мечтах, мускулистого демона по имени Тай. И демон тут же начал осаду.

Миранда, за неимением лучшего, подружилась с настойчивым парнем, но упорно не соглашалась на замужество. Тай вполне устраивал ее как друг, на которого всегда можно положиться, а на его широкие плечи положить мелкие девичьи проблемы или крупные тяжелые сумки.

Вместе с Таем девушка приехала из провинции в столицу Тархареша и даже умудрилась поступить в Академию Тьмы. Конечно, благодаря находчивой Лике, ее недавней подруге, но все-таки.

И там-то, в Академии, не успела Миранда поступить, в один ужасный день она встретила свою мечту, обладавшую полным набором идеального белого мага.

У него имелись и золотистые локоны, и чувственные губы, и большие раскосые глаза с гипнотическим небесным блеском. Он обладал и широкими плечами, и накачанным торсом, и даже восхитительными жемчужными крыльями!

Увы, этот прекрасный маг ее мечты... был мертв.

Хуже того, он оказался вампиром!

Презренным ходячим трупом, один вид которого породил в душе Миранды бурю негодования. Неупокоенный красавчик Даори Энриати стал гнусной насмешкой над ее мечтами. И она возненавидела его больше, чем всех остальных вампиров вместе взятых.

Миранда не могла рассказать о своем разочаровании даже единственной подружке Лике. По части скрытности дочь Вечерних теней оказалась истинной демоницей. Эту боль она положила на дно жестокого по определению демонического сердца. И эта заноза саднила непрестанно.

И почему-то ухаживания Тая, шансы которого завоевать Мирандино сердце, казалось бы, возросли, вместо утешения стали раздражать ее особенно сильно.

Вместо карих глаз Тая, смотревших на нее с обожанием, ей грезились небесно-ангельские, безнадежно мертвые, смотревшие с укоризной после того, как она обозвала их обладателя «смердящим трупом».

А тут еще эти одержимые горгульи, дни и ночи напролет оравшие на крыше башни!

Подружки – Лика и Зулия – сбегали из Башни трех принцесс под любым предлогом. Миранда первый раз тоже напросилась к Таю. Но ее терпения хватило ненадолго. Обычно сдержанный парень словно взбесился, лез с признаниями и поцелуями. Миранда еле отбилась от обнаглевшего демона и сбежала.

А куда бежать в комендантский час? Из стен городка не выпустят, в башню вернуться – лучше уж сразу горгульям на корм.

Миранда, побродив по пустынным дорожкам, забралась на дерево в парке, спряталась в ветвях и предалась обычному делу – жалеть себя, любимую. И так увлеклась, что не заметила, как на ветку над головой опустилась белая летучая мышь.

– Не стоит он твоих слез, – услышала девушка тихий, как шелест листы, голос.

Вздрагнув, она подняла голову, но никого не увидела. Казалось, сама Тьма снизошла до измученной демоницы и заговорила... почему-то приятным и смутно знакомым мужским голосом, но неважно.

– Кто ты? – спросила Миранда.

– Друг.

– Упаси меня Тень от таких друзей, которые боятся предстать перед глазами.

– Я не могу, – вздохнул невидимка. – Я заколдован.

– Ну да, ну да, – засмеялась совсем не впечатленная девушка. – Скажи еще – заколдованный принц, и тебе нужен расколдовывающий поцелуй.

– А можно? – оживился потусторонний шепот.

– Нет! Где ты прячешься? – Миранда всмотрелась в густую листву, откуда доносился голос. – Покажись!

– Меня может увидеть только твое сердце, – печально прошелестела листва. Один листок слетел и лег невесомой ладошкой на плечо девушки. – Не бойся, я не причиню тебе зла.

– Скорее я тебе причиню! – бурно отреагировала демоница на унижительное «не бойся». – Ты что, слепой? Не видишь, что я – Вечерняя тень, боевой маг!

Будущий, но неважно, Миранда с блеском закончила магическую школу. И взяли ее сразу на третий курс Академии. Авансом, правда, но это тоже неважно.

– Вижу. Ты прекрасна, Вечерняя тень.

– Ой, вот не надо льстить, терпеть не могу! – фыркнула девушка. – Я обыкновенная. Не порти ненужными комплиментами такую чудесную ночь и вообще не мешай мне.

– Позволь поинтересоваться, чему я помешал? Что ты делаешь на дереве?

– То же, что и ты, Невидимка. Разговариваю.

– А для тебя принципиально делать это именно на дереве?

– А где? Внизу дежурные магистры бродят, караульщики бдят, да и скамеек во всем парке нет, поспать негде.

– Поспать? На улице? – изумился голос, в котором особенно явственно прозвучали знакомые нотки. Где-то Миранда его уже слышала. Но где?

– Где хочу, там и сплю, – буркнула она.

– А ничего, что комендантский час? А если тебя застукают?

– Будешь так шуметь, точно застукают, тогда я тебе невидимую шею сверну, прежде чем меня отчислят.

Голос надолго замолчал. Обиделся, наверное.

– А почему ты не можешь спать в своей комнате? – спросил он, когда девушка начала уже задремывать. – У вас же целая башня на троих девчонок. Что у тебя случилось?

И неожиданно для себя Миранда разоткровенничалась. И о проказливой Шу рассказала, и о горгульях, и о подозрительной Кикирусе, и даже о своей обиде на друга детства Тая.

– А я тебе сразу сказал: не стоит он твоих слез, – повторил собеседник. – Тем более ты его не любишь.

– Откуда тебе знать? – рассердилась Миранда.

– Твое сердце не бьется при виде его так, как должно биться, когда любят.

– А ты доктор и проверял пульс?

Голос слегка смутился:

– Нет, но я маг, и у меня отличное зрение. Например, сейчас я вижу, что ты замерзла и дрожишь.

– Ничего я не замерзла! – возразила девушка и поежилась – даже жаркая демоническая кровь не выдерживала промозглого ночного ветра.

– Я знаю хорошее укрытие, где ты можешь спокойно выспаться. Тебя никто не потревожит.

– Даже ты? – усмехнулась Миранда.

– Тем более я. Говорю же: я заколдован. И совершенно безвреден.

– Опять врешь! – не поверила демоница, прекрасно зная, что в Темной стране безвредных не бывает.

– Для тебя безвреден, – уточнил собеседник. – Если хочешь, я могу дать тебе клятву непричинения зла.

Конечно, девушка захотела. Кто же откажется, когда клянутся жизнью? И откуда ей было знать, что давший ей клятву давно мертв и слова его пусты, как высохшее дерево?

Даори Энриати объяснил будущей жертве, как незаметно забраться в подвал учебного корпуса, рассказал, где спрятан ключ от подвальной каморки, в которой хранилась всякая рухлядь. Но провожать, разумеется, не полетел. Не на ее глазах. Девчонка не дура, мигом поймет, что ее отправили в ловушку.

Которая захлопнется не сразу.

Соблазнение хорошенькой демоницы, презирующей Неупокоенных кровососов до глубины души, – интереснейшая задача, требующая времени, находчивости и терпения. А всем этим мертвый маг, имевший настоящую цель еще при жизни, обладал в полной мере.

Без присмотра он девушку не оставил – мало ли бродит по Академии желающих воспользоваться ее беспомощным состоянием. В первую очередь опасны магистры, а с любым адептом, если, разумеется, это не принц Тьмы, вампир справится.

Он проследил, чтобы девушка влезла в полуподвальное окно учебного корпуса, с которого Даори давно уже снял магическую сигнализацию, навесив вместо нее иллюзию. Забрался следом, пока она искала нужную дверь, а потом нашаривала за пыльными трубами ключ (надо, кстати, срочно сделать дубликат). У него оказалась куча времени, чтобы незаметно проникнуть в каморку и спрятаться среди рухляди, пока Миранда наводила в помещении мало-мальский порядок и вытирала вековую пыль, ворча, что невидимый доброжелатель захотел ее смерти от аллергии.

После девушка кое-как почистила заклинанием найденную простыню и мгновенно уснула, свалившись куклой на мягкую стопку сложенных в углу старых матрацев, из-под которых вампир не успел вытащить свой амулет в виде горошины, просто забыл, что сам его туда спрятал. А теперь уже поздно, не будить же девчонку.

Белая летучая мышь прокралась к спящей под простынку, обнюхала ее тело, словно примериваясь, где вкуснее укусить, и удивленно, совершенно беззвучно присвистнула:

– Еще и девственница?! Не ожидал.

Именно тогда Даори понял, что Миранда не совсем обычная темная. По крайней мере, у нее странное для ее расы воспитание. Такую девушку разве что на его родине, в Белой империи, можно встретить.

И ностальгия с головой накрыла мертвого белого мага девятым валом.

Вместо того, чтобы плести козни, шпионить для своего Неупокоенного князя или хотя бы готовиться к семинару по боевой темной магии, вампир Даори Энриати охранял сон ненавидевшей его демоницы и предавался печальным воспоминаниям о несостоявшейся жизни.

Он мог унаследовать родительские владения, получить огромную власть. Он мог стать любящим мужем и прекрасным отцом. Он мог повзрослеть, в конце концов.

А остался навсегда двадцатилетним юношей, лишь единожды познавшим женщину – опытная светлая магиня сама его соблазнила. По приказу его матери, как потом выяснилось. Лен-магиню Лолию Энриати удручало равнодушие ее чересчур хорошенького сына к прекрасному полу, и она хотела убедиться в его нормальности.

Да, сердце золотоволосого красавца Даори никогда не знало любви, если не считать сыновней. А мать он скорее боготворил, чем любил. Прекрасная светлая магиня с белокурыми локонами и васильковыми глазами стала для него идеалом женщины. Именно такой он хотел видеть свою жену. Но кроме внешности будущей избранницы, у Даори был еще целый список достоинств, которыми должна обладать невеста. И не последние из них – дар, титул и богатство. Безродная и бездарная нищенка не нужна единственному наследнику прославленного и богатейшего рода потомственных лен-магов Энриати.

Из-за его заносчивости ни одна претендентка не смогла ни окрутить красавца, ни хотя бы затащить в постель. Размениваться по мелочам гордый аристократ не желал.

Слава рода рухнула в одно мгновение, а богатство превратилось в золотой мусор, на него невозможно было купить главное – разум его матери, прекрасной Лолии. Огромного состояния едва хватило, чтобы поддерживать ее жизнь.

Но об этом кошмаре, перечеркнувшем его судьбу, Даори не хотел вспоминать. Настолько, что сквозь дрему у него вырвался громкий мучительный стон.

– Кто тут? – встрепелась разбуженная Миранда.

Даори промолчал, до боли стиснув маленькую пасть летучей мыши.

Демоница долго прислушивалась, ворочалась на матрацах, ворча и вздыхая, но все-таки уgomонилась, а следом и вампира сморило.

Он вспомнил об амулете только утром, разбуженный истошным визгом.

– Клоп! – верещала Миранда. – Каменный клоп!

Летучая мышь высунула нос из темного угла и обомлела.

Гнездо из матрацев было разворошено и раскидано, а на обнажившихся под ними каменных плитах лежала горошина его амулета, на которую он сам наложил иллюзию мерзейшего и опаснейшего насекомого, один укус которого мог парализовать даже дракона, а над «клопом» нависала перепуганная и одновременно разъяренная девушка. Миг, и стройная ножка в туфельке поднялась и с силой топнула. По его драгоценному амулету.

Незаменимая для Неупокоенных, совершенно секретная разработка, позволявшая безбоязненно передвигаться при дневном свете и охранявшая дневной сон вампира, разлетелась вдребезги под каблуком демоницы.

– Вот тебя, сволочь заразная! Вот! – с остервенением давила девушка несчастное «насекомое». – У меня из-за тебя все бока в синяках! Я всю ночь не могла уснуть!

Расправившись с врагом, неженка выпрямилась, пригладила пятерней растрепанные волосы.

– Ну, спасибо тебе, Невидимка. Мало того, что тут от грязи дышать нечем, так еще и на каменного клопа спать положил. А если бы он меня укусил? Паралич сердца во цвете лет – это очень гостеприимно!

– Предположим, я тебя не положил, ты сама напросилась... – грустно отозвался Даори из угла. – Могла бы и спасибо сказать.

– Так я и сказала – спасибо тебе, – обманчиво ласково повторила девушка и, стремительно метнувшись в угол, где среди рухляди пряталась мышь, мигом разворошила укрытие и попыталась схватить. – Так вот ты где!

Промахнулась, к счастью. Летучая мышь всполошенно заметалась по каморке, поднимая крыльями тучу пыли. Миранда закашлялась, но попыталась догнать, неловко маневрируя крылышками... через минуту еще уцелевшая в кладовке рухлядь была доломана, оба летуна, задыхаясь, вывалились в дверь, а уж там было где размахнуться.

Даори еле вывернулся и удрал через отверстие вентиляции, куда демоническая извергша при всем желании не смогла протиснуться.

– Неблагодарная! – бросил он напоследок, сам себе удивляясь, как сумел удержаться и не покусать настырную ведьму.

– Ну, я же тебя не убила, мышонок, чем не благодарность? – рассмеялась Миранда. Осторожно заглянула в вентиляционное отверстие со сломанной решеткой, болтавшейся на одном гвозде. – А ты правда заколдованный?

«Неужели еще не сообразила?» – удивился Даори.

– Я подумала сначала, что ты вампир, – тут же опровергла девушка

невысказанные сомнения в ее уме и сообразительности. – Но их форма изменения – черный или бурый нетопырь. А ты – белая летучая мышь. И я тебя почему-то совсем не боюсь. Неужели ты тоже вампир?

Даори не стал отвечать. Тихонько выбрался из подвала по трубам.

И днем на занятия не пошел, забившись в самый укромный угол обширных подвалов Академии. Все равно у него амулета не было, а платить за новый нечем. Разве что долгом чести, а бывший белый маг честью не разбрасывался даже после смерти.

Поначалу Даори не хотел просить помощи клана. И уж тем более он не думал просить самого князя, хотя имел полное право, раз уж поручение тот дал ему лично.

И без того несладкая и насытая жизнь Неупокоенного осложнилась многократно. И все потому, что Академия Тьмы упорно придерживалась традиций времен Единения, и занятия в ней шли днем, хотя все нормальные демоны и вампиры должны в это время спать здоровым сном. И хотя над столицей днем всегда висела дымка, затемняющая неприятные демонам солнечные лучи, для вампиров этой защиты не хватало.

Даори не нашел понимания у своего куратора – тощего, как сушеный кузнечик, демона с факультета ядов. На просьбу заменить присутствие на лекциях личными отчетами магистрам в вечерние часы после захода солнца Даори получил пренебрежительное:

– Кто ты такой, чтобы из-за тебя менять расписание?

Он попытался лично договориться с преподавателями, отлавливая их в самые ранние утренние часы или самые поздние вечерние, но те злорадно кривили губы и отказывали:

– Кто ты такой, чтобы я просто так жертвовал на тебя свое личное время?

И заламывали за снисходительность к прогульщику несусветные цены. А платить вампиру было нечем. Даже стипендия ему не полагалась: мертвым деньги ни к чему. Скучная стипендия Неупокоенным адептам Академии Тьмы выплачивалась из казны Великого князя, но Даори не забрал у него еще ни единой монеты.

И наконец бывший белый маг пришел к своему однокланнику – старшему вампиру с последнего курса. По правилам, в Академию разрешалось поступать только одному, но Тринадцатый клан потребовал привилегии для ученика убитой демонами вампирши. Даори приняли с ходу, без обычных издевательств на экзаменах. И это обстоятельство вызвало вспышку ревнивой ненависти со стороны еще не закончившего учебу однокланника Эсмуса.

После первой стычки, закончившейся сломанными конечностями и рваными ранами, однокланники старались не пересекаться. А так как вампиры обладали тончайшей магической чувствительностью, заменившей отмершие ткани обонятельных рецепторов, им не составляло труда

избегать друг друга.

За четыре года Даори ни разу не видел Эсмуса.

Он знал, где находится убежище недруга, но, по неписаным правилам, ни один вампир не побеспокоит другого в месте сна. Потому пришлось караулить мертвого адепта с утра пораньше.

Даори перегородил дорогу однокланнику у самого входа в учебный корпус.

Увидев его фигуру, Даори ужаснулся: длинный и тощий, как скелет, обтянутый желтой кожей, Эсмус действительно выглядел сущим трупом. Неупокоенные адепты явно голодали на студенческом поприще.

Неужели он, Даори, выглядит так же тошнотворно? – кольнуло вампира.

Он украдкой скосил глаза на свои руки и ноги, убедился, что они такие же, как пять лет назад. Из-за неспособности смотреться в зеркало вампир не мог контролировать свою внешность. Неупокоенные не потеют, им не надо мыться так часто, как белым магам, только если запачкаются, а это случалось редко – с чего бы пачкаться летающим существам? Магия удерживала волосы в идеальном порядке. Они не росли, как и ногти, как и все, остающееся неизменным годами, а у Старших и веками, тело. Но, оказывается, оно могло истончаться.

– Чего тебе? – буркнул однокланник. – Соскучился?

– Эсмус, мне нужна твоя помощь. Я случайно сломал амулет. Ты не мог бы...

– Нет, – оборвал его Неупокоенный. Взгляд тусклых черных глаз прошелся по лицу Даори, на миг оживился вспышкой зависти. – А ты все такой же чистенький, белый глист. Лучший лингвист Академии, наслышан. Полиглот. Знаток древних языков. Может, без амулета ты поменьше будешь нос задирать. Вспомнил о моем ничтожном существовании. Снизолел, надо же. Вспомнил? Забудь.

Эсмус оттолкнул его костлявой ледяной рукой и заторопился прочь, бормоча:

– Еще и тепленький, надо же. Пожрать где-то успел, а я тут голодай...

Даори ошеломленно смотрел вслед. Мимо, толкаясь, спешили демоны, но бывший белый маг не обращал внимания на тычки. Он почувствовал холод такого же Неупокоенного, как он сам. Почему? Даори давно не ел, очень давно. Того, что перепало с щедрот ректората, вынужденного соблюдать договор с Тринадцатым кланом и завозить вампирскую пищу, не хватало и на день. Тело Даори не могло быть теплее воздуха, а на дворе уже осень.

Так и не решив загадку, вампир отправился прогуливать занятия в библиотеку.

А вечером, едва он привел в порядок каморку, кое-как вытер пыль и уже собрался вытянуться на стопке матрацев, застеленных свежей простыней, как в дверь постучала Миранда.

Пришлось ночевать в вентиляционной трубе, забравшись так, чтобы демоница не могла дотянуться и вытащить.

– Прости, – извинилась она. – Мне больше негде спрятаться, понимаешь?

– Понимаю. Мне тоже. Нигде уже не спрятаться.

Она предпочла не заметить иронию.

– Я поссорилась с Таем. Лике не до меня, она с драконом смерти уроки решает. Странная она, хоть и подруга. Ей даже дракон смерти ближе, чем я. Мне обидно. У меня никогда не было подруг.

– Почему?

Зря спросил. Из прошлой жизни помнилось, что девчонки слишком болтливы.

– Долго рассказывать, – буркнула Миранда, опровергая досужие сплетни о девичьей болтливости.

– И все-таки? – удивляясь самому себе, спросил Даори.

– Если ты выползешь из своей железной трубы, расскажу. Не умею я стенам рассказывать. Мне собеседника видеть надо. Иди сюда, я больше не буду тебя гонять. Даже не дотронусь.

Проклиная свою доверчивость, летучая мышь выползла из вентиляции, но предусмотрительно повисла на трубе под самым потолком, держа на взводе заклинание иллюзии. В крайнем случае глаза девчонке ответит.

– Как тебя зовут, мышь? – спросила наблюдавшая из-под ресниц демоница.

– Так и зовут – мышь.

– А... ну, как хочешь, а я буду тебя звать Мышонок. А кто тебя превратил в мышь и кем ты был раньше?

– Ты хотела рассказать о себе.

– Это неинтересно. Но раз обещала...

И Миранда рассказала внимательному слушателю о своем одиноком детстве белой вороны, о книжных сказках, которыми наслаждалась, в то время как соседские девчонки устраивали на кого-нибудь охоту, точнее, травлю. О том, как и ее пытались травить маленькие демоницы, но у них ничего не вышло. Почти ничего. Драться Миранда научилась не сразу, и

один клык ей выбили, пришлось обращаться к пленной белой магине. Да, у них в клане Вечерних теней жила такая рабыня, наложница какого-то высшего демона.

Зуб Миранде вырастили, как новый, а пока выращивали, рабыня рассказывала девочке о Белой империи и попросила в награду принести ей книжку о ее родине. Миранда добыла у деда в библиотеке и принесла, а предварительно сама в нее заглянула. И с тех пор она заболела далекой прекрасной страной, где живут светлые красавицы, умеющие заговаривать и выращивать зубы, где скачут на крылатых пегасах белые рыцари, где вместо цветов растут сверкающие на солнце алмазы, а дорожки в благоухающих парках вымощены золотом.

Летучая мышь фыркнула: сказки темных о светлых всегда отличались смешными нелепостями. Впрочем, сказки светлых о темных отличаются нелепостями кошмарными.

- Не так там все, и алмазы на клумбах не растут.
- Откуда ты знаешь? – недоверчиво сощурилась Миранда.
- Я заколдованный белый маг, – призналась мышь.
- Расскажи, пожалуйста.

И Даори рассказывал, стараясь не упоминать о своей личности и биографии. Он описывал императорский дворец, балы, припомнил парочку легенд, даже спел балладу, под которую демоница так и уснула, не раздеваясь и обняв подушку.

Так они встречались каждую ночь, болтая почти до утра.

Ни с кем и никогда Даори не было так легко, если не брать во внимание разницу культур и традиций. Да, она полная его противоположность во всем. Он – почти мертв, она – бурлящий вулкан жизни. Он – бывший светлый маг, она – бывший враг его расы, демоница. Она – далеко не его идеал женщины. А он... он – презируемый как белыми, так и темными расами неумерший мертвец. Кровососущий труп, паразитирующий на живых организмах.

Вот кем ты стал, Даори. Даже демоница для тебя теперь слишком хороша.

* * *

Даори днем отсыпался, вечерами крал у однокурсников и переписывал лекции, а утром подбрасывал тетради обратно.

А вот Миранда совсем спала с лица. Она не высыпалась

катастрофически. И через неделю Даори прогнал ее.

– Ваши горгульи сегодня смирнехонькие и тихонькие. Я проверял, – сказал он девушке, едва она переступила порог. – Тебе надо отоспаться, Миранда. И мне. Либо мы молчим, либо я уйду, либо ты.

Бросив долгий взгляд на воинственно встопорщенного мыша, демоница процедила:

– Спокойной ночи, Мышонок. Сегодня я посплю у Тая.

И ушла к своему жениху, Даори проследил.

И пробыла у него всю ночь, вампир так и провисел летучей мышью над дверью в комнату проклятого демона.

И вышла она под утро с припухшими от поцелуев алыми губами, прекрасная и опять невыспавшаяся. Взлохматила пятерней распущенный до пояса костер волос и задрала голову, безошибочно отыскав жемчужный комочек зверька, висевшего вниз головой. Улыбнулась, сверкнув белыми клыками. Демоница, что с нее взять. Нахалка бесстыжая.

А вечером она уже не пришла.

И сидеть одному в опустевшей конуре для Даори стало невыносимо.

Миранда больше не появлялась ни в парке, ни в подвальном убежище. Даори издали наблюдал за ней и ее подругой Ликой, как мог, а мог он куда меньше, чем с амулетом.

И тосковал. С ума сойти, он тосковал по общению с демоницей! С представительницей расы, которая скормила его, белого мага, вампирам и теперь его же презирает за новую сущность.

Он слишком давно ни с кем не коротал время жизни и не-жизни за дружеской беседой. Нет, вампир не должен сблизаться с будущей жертвой. Все к лучшему.

* * *

А еще через неделю сам Великий князь, потребовавший у Даори отчета, пообещал прислать амулет, но за это наорал на нерадивого за его неуместную скромность. Что хуже всего – наорал мысленно, выев ему мозг от макушки до копчика.

После взбучки голова у Даори раскалывалась, он беззвучно поскуливал в новой норе, устроенной в каминной трубе библиотеки. Иногда срывался и на полновесный вой, и тогда по помещениям разносился потусторонний заунывный стон. Для Академии Тьмы самое то, но магистры всполошились, устроили облаву на баньши, и Даори был

вынужден бежать. К счастью, на улице царила ночь.

На свежем воздухе полегчало, вампир вспомнил о дупле в старом дубе.

Увы, о нем помнили и магистры, и оно оказалось закрыто заклинанием. Возиться с отмычками сил не было, вампир повис вниз головой на ветке, с тоской вспоминая, когда вообще последний раз ел.

Только депрессией можно объяснить тот факт, что Неупокоенный пропустил приближение красноволосой врагини.

Демоница, выследившая дичь, подпрыгнула, распустив смешные, как у подростка, крылышки, и через миг белый пищащий комок забился в ее крепких когтистых руках... снабженных магическими перчатками ловчего! Усыпляющими пойманную дичь!

– Тише, крылья ломаешь, Мышонок! – Миранда прижала пойманного к тугой девичьей груди, обтянутой лишь шелком халата.

Даори совсем запаниковал, но крыльями бить перестал, беспомощно распустив их и настороженно кося голубым глазом на мышеловчую демоницу. А ее грудь так волнующе вздымалась и казалась такой аппетитно большой... с точки зрения мышиною ипостаси, а сердце так оглушительно билось, и вся она так одуряюще пахла горячей жизнью!

Тут вражеские ладони в перчатках сжались, пальцы негодяйки особым образом переплелись, запуская заклинание сна, и опаснейший высший вампир, бывший белый маг и недоучившийся темный, позорным образом провалился в колдовской сон.

* * *

Очнулся он в тех же ладонях, прижатый к той же умопомрачительной груди, и ловкие девичьи пальчики блестящими, украшенными рубиновыми стразами коготками почесывали его голову между ушек и гладили повисшие тряпочками крылья.

– Ты такой хорошенький, у тебя такая мягкая шерстка, Мышонок, – тихонько ворковала похитительница вампиров. – Ты обиделся на меня? Я тебя неделю по всей Академии выслеживала! И все-таки поймала!

«Прости, Великий, но сейчас я укушу эту глупую демоницу без соблазна!» – вздохнул Даори, поднимая тяжелые веки.

– Смотри, Зулия, у него голубые глазки! И как это я раньше не разглядела? Подумать только, какая прелесть! – восторженно воскликнула глупая-глупая девчонка, которую так хотелось придушить. – Скажи что-нибудь, Мышонок, а то она не верит, что ты заколдованный и говорящий.

Здесь еще и Зулия!

Даори еще летом случайно узнал тайну «островитян» – подглядел за ночной тренировкой троицы, где Зулия поранилась, а вампир мгновенно унюхал светлую магию ее крови. Уж в чем в чем, а в светлой магии бывший лен-маг прекрасно разбирался. Но кто он такой, чтобы портить чью-то игру? Вот вампир и наблюдал, не сообщив никому. Ему невыносимо было даже представить, какому наказанию демоны подвергнут Зулию, если Великий решит продать информацию Темному Трону. Такому же, какому подвергли самого Даори. Хуже нет казни, как вывернуть светлого мага и превратить в противоположность, сохранив ему разум.

Нет, пусть кто-нибудь другой закладывает имперских лазутчиков, если друзья Зулии такие же – это и проверять не хотелось. А ему хватит слежки за Ликой и Мирандой.

Зулия тут явно лишняя.

Поняв, что вырваться, не покалечив вредную демоницу не получится, Даори расслабился. Руки у нее такие нежные, ласковые, так и представляешь, что они гладят не шкурку, а... да вот хотя бы кубики мужского пресса обводят пальчиками. А потом ее смуглые пальчики зарываются в его золотистую гриву, а сочные губы приближаются...

Нет, не надо на него дуть! Щекотно!

Он благоразумно молчал, прикидываясь самой обычной, немножко ручной летучей мышью. И, полузакрыв глаза, посматривал, куда бы бежать. Эта бешеная демоница притащила его в Башню трех принцесс, отсюда так просто не сбежать. Тут столько магических запоров, словно всю казну Темного Трона сложили в подвалах. Кстати, интересная мысль...

– Зулия, глянь, это точно не вампир? – Миранда потормошила разомлевшего от ласки «зверька».

– Вампир давно бы тебя цапнул, дорогая, – усмехнулась Зулия. – Если сомневаешься, положи его в клетку, а клетку поставь на солнце. Только проверь, нет ли при нем их амулета, иначе бесполезно. Они ее обычно в пасти держат. Это такая бурая горошинка, с половину ногтя размером, похожая на каменного клопа.

– Горошинка? – помертвевшим голосом переспросила Миранда, а ее когти слегка удлинились, впиваясь в белую шкурку. – Похожая на каменного клопа?

«Откуда Белая империя знает о сверхсекретном амулете?» – успел подумать Даори, как его оглушил вопль красноволосой демоницы:

– Вампир! Проклятый вонючий труп!

А его тело с размаху швырнули об стену, еле увернулся. Радостно

нырнул в каминную трубу... и разочарованно взвыл – она оказалась перекрыта! Это конец.

– Да с чего ты взяла, что эта тушка с крыльями – вампир? – засмеялась Зулия.

– Так я же раздавила его амулет, приняв за каменного клопа! Знаешь, как я перепугалась? А потом, когда вернулась в ту каморку, рассмотрела обломки и поняла, что никакой это не клоп.

– И где сейчас эти обломки? – нарочито равнодушно поинтересовалась белая шпионка.

– Выбросила, давно уже.

– Куда? Где ты, говоришь, эта каморка?

– На улицу, под дерево. Может, до сих пор там валяются. Пойдем, покажу. Никуда этот вампирюга отсюда не денется. Сейчас, только расчешусь, подожди.

Даори услышал, как по каменным плитам процокали каблучки. И замерли.

– Зулия, а что за амулет, если тебе даже обломки интересны?

– Они его называют «антизагар», кажется. Без него вампир сгорит в солнечных лучах. Конечно, у нас тут в столице магическое затемнение включено, но у этих мерзких тварей без их секретной защиты все равно будет сильнейший ожог. Это хорошо, что появились обломки, можно исследовать и научиться нейтрализовать их защиту.

«Белая дрянь», – отстраненно подумал Даори, забыв о том, что когда-то думал точно так же о Тринадцатом темном клане, пока сам не стал одной из мерзких тварей. Нестерпимо захотелось вонзить клыки в притворщицу Зулию, заставить ее на своей шкуре почувствовать, каково это – быть вампиром.

Но у него другая задача. Не говоря уже о тайной цели, давно ставшей смыслом его не-жизни.

Пока подруги болтали, он подобрался к самому устью камина и теперь следил за каждым движением девушек. Едва Зулия распахнула дверь, он перепачканной сажей стрелой вырвался из камина и не отказал себе в удовольствии, пролетая над головой «островитянки» вырвать из ее крашеной шевелюры клочок волос.

Ну, а с Кикирусей он договорится. Старуха всегда жалела вампиров, «несчастненьких порченных мальчиков». Так и получилось. Кастелянша словно караулила внизу и мигом распахнула входную дверь, выпуская летучую мышку, даже платочком вслед помахала, а вот перед носом Зулии резко захлопнула.

Миранда больше не искала его, вооружившись книгой поисковых заклятий и перчатками ловчих. Она, кутаясь в теплую шаль, сидела каждую ночь на том дереве в парке, где впервые услышала тихое, но такое верное: «Не стоит он твоих слез».

Сидела до тех пор, пока Даори не сжалился, хотя проще было покусать девку и не мучиться.

– Что, опять горгульи спать не дают? – спросил он, устраиваясь на всякий случай повыше и подальше. Мало ли, что в эту красноволосую голову взбредет.

– Ты правда вампир?

И он опять промолчал.

– Значит, правда, – вздохнула девушка. – И ты умрешь без амулета?

– Нет. Я давно мертв, – зло усмехнулся Даори, хотя мышиною пастью попробуй усмехнись.

Посланник князя с амулетом задерживался, Даори терял позиции лучшего ученика и приобретал славу худшего прогульщика, а куратор уже потирал руки и говорил о скором отчислении. Пришлось кланяться ректору Вултону и давать взятку – последние наличные деньги. Правда, князь обещал похлопотать, если и Даори ускорится с выполнением задания. А он медлил. Он явно нарывался: промедление считалось дерзостью.

– Тебе-то какое дело, Миранда? – фыркнула летучая мышь. – Одним смердящим трупом станет меньше.

– Ты совсем не пахнешь мертвечиной.

– Да неужели? – оскорбился Даори, всегда отличавшийся чистоплотностью. – Вампиры, к твоему сведению, ничем не пахнут, они не потеют и не гниют. А я – вампир, – произнес он наконец это страшное слово.

– Почему я тебя не боюсь?

– Потому что дура! – в сердцах бросил Неупокоенный.

К его удивлению, девушка даже не возмутилась. Значит, осознает собственную глупость. Не безнадёжна. Жаль, мало ей осталось для того, чтобы поумнеть.

– Мне кажется, я знаю твое имя, – задумчиво сказала она. – Я тебя видела в другой ипостаси, когда ты летом говорил с Ликой о каком-то заклинании. Ты – Даори Энриати. Так?

Зря она вспомнила. Было куда проще, когда он был для нее летучим мышонком.

– Да, Миранда, именно так.

Вот и познакомились. Славно. Теперь самое время приступить к соблазнению, но Даори стало невероятно противно. Нет, девушка привлекательна, слов нет. Ножки, грудь, талия в обхват его ладоней. Губы, созданные для поцелуев. Кровь горячая и невинная, несмотря на ее ночевку у жениха... Что может быть вкуснее для вампира? Но... настроения нет. Выпить ее хочется, а соблазнять – нет. Чисто гастрономический интерес.

– И это ты был белым шпионом? – допытывалась девушка. – И тебя после пыток скормили Неупокоенным, а они сделали из тебя такого же?

– Как видишь, – коротко ответил Даори, не желая вдаваться в кошмарные подробности короткой прижизненной биографии.

– Кем ты был в Белой империи? – спросила эта ненормальная. – Я все равно теперь узнаю у деда, наверняка он слышал о тебе, так лучше уж ты сам расскажи.

– Наследником лен-мага. Лен – это крупные земельные владения, которые белый маг обязан содержать в порядке и гармонии с соседями.

– Как у нас князь, глава клана?

– Не совсем. У вас князя делает власть над подданными. Чем больше подданных ему поклонится, тем он сильнее. Тем крепче власть. Над душами. Поэтому это – темная власть. А у нас лен-маг – одно целое со своим наделом. Земля и все на ней растущее дают ему силу и мощь.

– То есть лен-маги – это просто сильные маги земли?

– Можно и так сказать, – ему не хотелось вспоминать.

– И он вынужден сидеть в земле, как дерево? – все-таки эта девица-демоница до ужаса наивна.

– Нет, он может путешествовать. Связь с леном не физическая, она – магическая и духовная. Лен-маг может передать ее преемнику или наследнику. Или даже полностью разорвать, – и он не стал говорить, как это безумно, чудовищно больно. Хуже, чем обращение в вампира. Он равнодушным тоном продолжил: – Без земли лен-маг утрачивает право титула. Он – просто бродячий маг, черпающий силу в самом себе.

Но иногда и такие изгои очень сильны, усмехнулся он про себя. Не земля, не ветер, не лес и не вода делают мага. Дар – это Свет, который всегда с ним. Даже после смерти, в искаженном теле вампира. Это дар свыше.

– Почему же ты бросил свою землю и стал лазутчиком в Тархареше? – спросила дотошная демоница.

– Долг перед империей, – уклонился Даори от ответа.

Не мог же он ей сказать «потому что наивный легковверный идиот».

– А у тебя была там любимая девушка? – голосок Миранды показался ему напряженным.

Даори вспомнил свой единственный раз с женщиной и скривился. Вот ту магессу ему сейчас даже выпить не захотелось бы. Нашел же его князь соблазнителя.

– Нет, любимой не было, а теперь уже и не будет.

– Почему? – искренне изумилась она.

Где, скажите, в какой первозданной пустоте выросло это дитя темных? – возвел очи к небу пушистый крылатый зверек.

– Мертвое сердце неспособно любить, – терпеливо пояснил он. – Мертвая плоть неспособна к любовным утехам.

– Совсем? – не поверила Миранда, начитавшаяся контрабандных романтических историй.

– Совсем. Все сказки о страстных вампирах-любовниках – это наша пропаганда для легковверных девочек, у которых вкусная кровь. А жертвы уже никому не расскажут правду. Иди домой, Миранда, холодно.

– Это тебе холодно, ледышка, а мне и тут хорошо. Не хочу я в башню.

– Тогда занимай тот подвал, я там прибрался и новое ложе сделал. И простыни свежие взял у Кикируси.

– Можно? Спасибо! – обрадовалась самая странная из демониц. – Извини за амулет. Я правда подумала, что это жуткий клоп. Так не хочется сдохнуть в расцвете лет или превратиться от одного укуса в каменную троллиху!

Даори снова попытался усмехнуться мышиной пастью. Не получилось, к его досаде.

– А моего укуса ты не боишься?

– Нет, – девушка решительно тряхнула головой, рассыпая по плечам густую волну волос. Жаль, в темноте не видно их искристого винного цвета. – Ты еще не видел мою боевую ипостась. Я сама тебя покусая, поверь на слово. Кроме того, ты же поклялся не причинять мне зла.

– Я обманул. Я клялся жизнью, которой у меня уже нет.

Миранда задумалась. Молча прыгнула с дерева и пошла по дорожке к учебному корпусу, где Даори устроил себе убежище, уже переставшее быть тайным. Ведь о нем знали уже двое.

– Знаешь... – вдруг остановилась демоница, подняв лицо к звездному небу. – Слова – это буква. А в клятве главное – дух. И клянутся не словами, а духом. Ты не жив, но и не мертв, Даори. Пусть сердце твое сейчас не

бьется, но что-то заставляет тебя двигаться и мыслить? Не душа ли? У тебя есть душа, и она – живая. Так не этой ли жизнью ты поклялся? Или той, которая еще может быть?

Он так удивился, что расцепил коготки и грохнулся оземь. Поднялся уже на своих двоих, отряхнул помятые серые брюки, одернул рукава серебристой рубашки, рефлекторно пригладил идеально уложенные заклиниванием золотистые волосы.

Миранда наблюдала, распахнув восторженные глаза и приоткрыв от изумления губы.

Такие красивые, соблазнительные, манящие... кого-нибудь другого. А Даори голоден, он может думать только о еде. Не так ли?

О пульсирующей жилке на смуглой девичьей коже. О том, как брызнут в его холодное мертвое небо капли горячей крови, оживляя остывший труп, разогревая замершую в жилах черную кровь, запуская в теле странный процесс псевдожизни, как поднявшийся ветер запускает крылья и жернова мельницы. И его мертвое сердце снова начнет биться, легкие вдохнут полной грудью, а плоти вернется упругость. Ненадолго, пока взбурлившая в жилах жижa снова не остынет.

«Пусть сердце твое не бьется, но что-то заставляет тебя двигаться и мыслить?» – только что вопрошала эта до ужаса наивная демоница. У вампиров нет души, потому они – Неупокоенные. У них есть только Зов и Голод.

Даори на миг ощутил тошноту. Не иначе как от острого приступа неутоленной жажды, а совсем не от ненависти к себе. Вовсе нет, Великий, будь ты проклят.

– Уходи, Миранда, иначе я за себя не отвечаю, – прохрипел он, отворачиваясь, чувствуя, как вытягиваются игольчатые пустотелые клыки, которыми так удобно засасывать кровь. – Я не властен над собой, понимаешь? Я отдан Зову. Меня держит только запрет моего князя, наложенный по договору с вашим ковенom и Троном. Но иногда вампиры... иногда мы сходим с ума и превращаемся в голый инстинкт, в чистую жажду, и тогда рвутся все запреты. А я очень давно не ел.

Голова кружилась. Пробудившийся инстинкт поднимался огромной волной, которая вот-вот обрушится и оглушит. И он превратится в нерассуждающего зверя.

– То есть ты видишь во мне только пищу? – попятилась девушка.

– Да, – соврал он. – Ты – всего лишь пища. Не советую бежать, это будет вызовом хищнику, и я не сдержусь. Уходи медленно, спокойно, не делая резких движений.

Она кивнула, сделала еще один шаг назад, и вдруг ее испуганное личико исказила до невозможности шальная улыбка. Розовый язычок выскользнул изо рта, призывно провел по губам.

– Тогда лови! – выдохнула она, разворачиваясь, и помчалась во весь дух, помогая себе нелепыми, полураспустившимися, совсем еще подростковыми крыльями.

«Дура. Как есть дура», – простонал бывший светлый маг. А в его разуме уже сметались все барьеры, слетали запреты, забывались приказы и оставалась только слепая безумная Жажда.

Догнать и взять. Ее кровь, ее тело, ее жизнь. Вобрать ее всю, обладать с такой полнотой, с какой может только вампир, и растворить в себе без остатка.

Миранда отнюдь не была такой наивной дурочкой, какой была вынуждена казаться. Но что поделать, если мужчины теряют бдительность именно перед такими очаровательными дурочками, пусть даже у них демонические коготочки?

А вампир – такой же мужчина. Пусть и бывший. Может быть. Тут ее источники сведений мутили воду, утверждая прямо противоположное. И Миранде ничего не остается, как убедиться своими глазами.

Белые летучие мыши не бывают говорящими. А вот у мертвых блондинов с жемчужными крыльями и ангельски-голубыми глазами вполне может оказаться такая нестандартная ипостась.

И вел он себя нестандартно для вампиров. Уж кто-кто, а Миранда знала об их поведении не только из учебников, у нее любимая учительница, знаменитая лингвистка Эллина Вивер, добровольно ушла к Неупокоенным, а после так изменилась, что от нее осталась лишь оболочка. А потом эта тварь пришла за Мирандой, соблазняя «вечной жизнью», силой и уникальными знаниями. Зачем ей эти знания? Разве это жизнь?

Даори Энриати не выходил из головы Миранды с их первой встречи в стенах Академии. Он оказался самым странным вампиром из всех, кого видела и о ком слышала демоница. Либо он вел настолько изощренную игру, что не подкопаешься. Либо странности объяснялись тем, что он был когда-то белым магом. Причем, вздохнула девушка, магом ее мечты. Он даже после смерти вел себя как рыцарь. Как жаль, что они так поздно встретились.

После первой ссоры с Даори она поплакала, потосковала, но ее деятельная натура взяла верх. И Миранда готовилась к облаве на белую летучую мышь, то и дело гоняя верного Тая, с которым пришлось опять помириться ради такого дела, в библиотеку. Миранда изучала все, что могла найти о вампирах, от древних сказаний до современных исследований, воскрешала в памяти давно прочитанное.

Она все просчитала, как ей казалось.

Она решала собственную задачу магического взросления: и ее дед, и магические свитки утверждали, что развитие Миранды как высшей демоницы запаздывает из-за ранней смерти отца, не успевшего дать ей покровительство родовой Тени. Да еще нападение вампирши сказалось – магия Миранды оказалась выжжена, такое яростное сопротивление оказала

девочка. Книги утверждали: чтобы снять внутренние блоки, ей нужно снова пережить стресс.

Или не пережить, если вампир окажется быстрее.

Может быть, Миранда, всегда отличавшаяся осторожностью, и не пошла бы на такую смертельную провокацию. Ради одной только себя не сумела бы рискнуть. Магия когда-нибудь и выросла бы вместе с крыльями и без такого риска.

Но ей срочно понадобилось быть сильной. Настоящей высшей демоницей во всем блеске и величии. Чтобы один белый вампир увидел и проникся.

Но и внимание его нужно было не столько ради самой Миранды. Ради ее девичьего, воистину демонического тщеславия. Нет. Оно было нужно ради самого Даори Энриати.

Он должен узнать о словах бывшей ее учительницы Эллины Вивер, ставшей Неупокоенной из-за безумной жажды заглянуть в древнейшие свитки Тринадцатого клана и добраться до великих знаний.

«Тебе откроются такие тайны, ключ к которым потерян еще в древности, – говорила она Миранде. – Ты боишься стать такой, как я? Но это лишь этап, дорогая. И ненужный этап, теперь-то я знаю. Ты была моей лучшей ученицей, и я открою тебе, что наша бессмертная не-жизнь, это еще не венец бытия. Я нашла ключ к древним легендам Неупокоенных, о котором не знает никто. Я знаю, как снова стать живой, по-настоящему. И, может быть, даже бессмертной, – вампириша наклонилась к самому лицу сжавшейся от ужаса девочки. – Это просто. Нужно пройти через жизнь и не-жизнь, через смерть и не-смерть, чтобы вернуться в новую, истинную жизнь, которая еще может быть даже для вампира. Ну, соглашайся, тогда будет меньше боли!»

Даори должен узнать и решить, что с этим делать.

Жаль, что дед уничтожил Эллину вместе с ее знаниями. И почему-то Миранде казалось, что вряд ли учительница ушла после развоплощения к новой жизни. Не может это быть так просто хотя бы потому, что это несправедливо. Да, юная дочь клана Вечерних теней верила в Высшую Справедливость, у каждого свои недостатки.

Но также она верила в Высшую Закономерность. Ничего не бывает случайно. И Эллина вернулась неслучайно, и о тайне сказала неслучайно, а словно сама Вечерняя тень, чьей дочерью когда-то была и безумная лингвистка, потянула ее за язык. И Даори Энриати неслучайно оказался светлым, но мертвым воплощением девичьих грез демоницы Миранды.

Осталось всего ничего – совершить невозможное. Вернуть ему жизнь.

Но без желания самого вампира это немыслимо. Значит, нужно заставить его хотя бы выслушать, отнестись к себе всерьез. А как это сделать, если он видит в тебе только глупую, доверчивую... пищу?

Рассчитав провокацию, даже бросив пробным камушком канувшую в непонимание фразу: «Так не этой ли жизнью ты поклялся? Или той, которая еще может быть?» – Миранда теперь неслась по парку с замирающим от ужаса сердцем.

Она даже учла, что среди деревьев ее короткие крылья станут преимуществом, а его длинные будут цепляться за ветки. И не ошиблась.

Но не могла рассчитать, какой силой он обладал.

Даори оказался неутомим. У него не сбивалось дыхание, потому что он не дышал. У него не выпрыгивало из груди мертвое сердце. Она чувствовала его движение за спиной, ей казалось, ледяные пальцы кошмарного преследователя, чьи глаза из прекрасных голубых стали бездонными черными, вот-вот вцепятся в ее развевающиеся волосы.

И он достал ее! Схватил за кончик крыла. Рывок, и ее повело в сторону. Миранда взвизгнула, прощаясь с жизнью, ее колени подкосились... И в тот же миг какая-то мощная волна толкнула ее в спину, понесла вперед с удесятеренной скоростью, и вот уже вырвавшиеся на свободу настоящие демонические крылья подняли легкое тонкое тело над верхушками деревьев.

– Получилось! – ликовала девушка. Вот теперь она уже не будет самой отстающей на третьем курсе. Если выживет в эту ночь, конечно.

Она оглянулась: как там ее преследователь?

Да... Миранда все просчитала. Не учла одного: шнурка на ботинке.

Ошарашенный неожиданной метаморфозой беглянки, вампир опомнился, взмахнул крыльями, рванул за ней, но шнурок зацепился за ветку, клыкастого хищника развернуло и шарахнуло о дубовый сук лбом. Бедняга рухнул замертво, если это слово применимо к Неупокоенным.

А со стороны корпуса на шум уже кто-то бежал, размахивая жезлом дежурного.

– Что тут происходит? Почему нарушаете комендантский час?

– Господин Сайк, – узнала она куратора и поморщилась. – Простите. У меня случилось обретение силы. А адепт Даори Энриати помогал.

И ведь ни слова лжи! А обретение силы – почти единственное исключение из правил, когда адепта не могли наказать за нарушение. Потому что только Тьма и Тени знали, когда и кому раскрыть силу, и комендантский час для них не установишь.

Кудрявый богатырь недоуменно поморгал на нее, перевел взгляд на

распущенные за спиной девушки крылья, расцвеченные всеми красками заката.

– Поздравляю, адептка Миранда. А с этим что? – он с подозрением оглядел бездыханный труп.

– Так помогал же. Я испугалась, а ему случайно прилетело.

Труп пошевелился и застонал.

– Замечательно, – брезгливо скривился Грид Сайк, с трудом удерживавшийся, чтобы не попинать презренного вампира. – Теперь всем разойтись.

Даори с трудом поднялся сначала на четвереньки, потом, придерживаясь за дубовый ствол, выпрямился. Потер лоб, на котором в свете звезд, луны и закатных крыльев демоницы прекрасно различалась огромная черная ссадина. Кровь не текла, разумеется. Какая у голодного вампира кровь?

Он растерянно взглянул на прекрасные трепещущие крылья Миранды, улыбнулся, поднял вверх два пальца, что означало «вау!», и, пошатываясь, спотыкаясь, поковылял в сторону мужского общежития.

– Совсем неправильный вампир, – вздохнула Миранда. – А вы не подскажите, господин куратор, чем он тут питается?

– Крысами и обрезками сырого мяса в столовой, – с презрением бросил Грид Сайк. – Не будем же мы из-за пары ублюдков беспокоиться.

Значит, тут учится еще один Неупокоенный. Какие же они... незаметные.

– А разве им не привозят живых животных? – не утихало ее любопытство. – Им же свежая кровь нужна.

– Нет. Устраивать в Академии скотобойню? После их укуса туши сжигать надо, никто не притронется, даже звери. Привозят им кровь раз в месяц, и хватит. Зачем их сюда вообще допустили, непонятно. У них свои школы есть, куда никого из живых не пускают, и свитки собраны подревнее наших. Думаешь, с кем-то делятся? Кабы! А с чего такое беспокойство? Он что, покушался на тебя?

– Нет-нет, как вы могли подумать такое! – воскликнула Миранда, даже крылья возмущенно встопорщила. – Скорее, я на него. Я же высшая демоница, главная в пищевой цепочке!

И, рассмеявшись, девушка решительно направилась к Башне трех принцесс, оставив куратора недоуменно чесать кудрявый затылок.

«Даори, как продвигаются дела по порученной тебе миссии?» – разбудил вампира ввинтившийся в мозг голос Великого князя.

Даори распахнул глаза. Вечерело: в щелки затянутого паутиной окна стрелами врывались закатные лучи цвета крыльев Миранды. Их остывающие жала были уже безобидны для вампира.

«Сегодняшнюю ночь мы провели вместе, Предвечный. Еще платонически, но я уже завоевал доверие демоницы, а вы знаете, как это сложно, особенно если учесть, что у нее есть жених», – мгновенно отчитался неудачливый, зато находчивый соблазнитель. Возможно, чаще надо голову к дубу прикладывать.

«Отлично, – проворчал его собеседник, совсем как добрый дядюшка, но молодой маг прекрасно знал, на какие жестокости способна эта условно бессмертная сволочь. – Что у тебя с учебой? Наверстал пропущенное?»

«Без амулета не представляется возможным, мой господин».

«Куда ты его опять дел? Тебе его передали дней десять назад».

«Вас обманули, Великий. Никто не выходил на связь и, соответственно, ничего не передавал».

Давление на миг ослабло, но тут же вернулось с удвоенной сдержанным гневом силой.

«Я разберусь. Даори, что тебе известно о группе белых магов в стенах Академии?»

«Пока ничего, мой господин, но я присмотрюсь», – бодро ответил вампир.

«Присмотрись, мой мальчик, присмотрись, – в голосе князя прозвучала усмешка. – Ты помнишь, какое условие я тебе поставил? Моя помощь твоей матери стоит недешево, каждая капля эликсира, удерживающая ее жизнь, драгоценна, внесенный тобой залог закончился полгода назад».

«Да, господин, я помню. Благодарю».

«Что мне твоя благодарность? Твой долг перед кланом растет. Отрабатывай, иначе тебе придется отработать так, как я хочу, и вряд ли тебе это понравится!»

Давящее присутствие князя исчезло, а Даори едва не стошнило. Голова опять раскалывалась. Хотя вот чему там болеть? Мозг не чувствует боли, а остальные ткани – мертвее некуда. Голод. Проклятый Голод. Если Даори сегодня никого не выпьет, хоть крысу, то израсходует последний резерв, а

там и развоплотиться может. Кто тогда поможет его несчастной матери? Уж точно не Тринадцатый клан.

Даори поднялся, оглядел мутными глазами каморку, соображая, как он сюда попал, если направлялся на свою законную койку в общежитие? Вот что значит годами выработанные рефлексy. Койку ему выделили в общей комнате, и там он еще ни разу не спал со времен поступления, прекрасно зная, что может не проснуться. Демоны не позволят, и не посмотрят ни на какие законы Темного Трона. Как же. Вампир, да еще и бывший светлый, да еще и шпион. Враг в кубе.

Впрочем, на его отсутствие на месте в комендантский час так же годами все закрывали глаза. Хотя adeпты тайком заключали пари и искали его тайное прибежище – об этом Даори прекрасно знал. Но кто из них может проследить за маленькой летучей мышью?

Он толкнул дверь и замер. У порога стояла запечатанная высокая бутылка с красной жидкостью. К узкому горлышку обрывком бечевки привязана записка. Вампир присел на корточки, прочитал послание, не дотрагиваясь до подарка: «Это бычья кровь, сегодняшняя. Взята на скотобойне со всеми гигиеническими предосторожностями. Отравы нет, забыла положить. М.».

Вот ведь... демоница! Даори попытался представить, чтобы какая-нибудь белая красавица-магиня отправилась на скотобойню за кровью для вампира, который ночью едва ее саму не сожрал. И не сумел. Непредставимо.

Интересно, а хвост у нее есть? Маленький, упругий, с нежной кисточкой... Или хвосты бывают только у низших демонов? Проверить бы, чтобы знать точно...

Нет, это же невозможно! Он целыми днями думает об этой негодяйке! О ее губках, шейке и вполне вероятном хвостике. Как же мерзко от самого себя. Это просто жажда. Даже не так – Жажда. Мучительная вампирья страсть, от которой умирают глупые наивные дурочки.

И эту конкретную красноволосую дурочку, которая понятия не имеет, какое гнусное задание он должен выполнить, нужно как-то спасти.

Сам подставил девчонку князю, сам и спасай.

Откупорив еще теплую, магически подогретую бутылку, он принялся, выцедил глоток. Пить из горлышка или из вены – две большие разницы, как говорят в Тринадцатом клане. Тут сначала в рот набрать, потом выпустить клыки и выцедивать, как из грязной вонючей лужи. Все-таки бычья кровь – гадость несусветная во всех отношениях. Но жить, точнее, не-жить надо. У него есть цель. Или теперь даже две.

А ночью, переписывая пропущенные из-за отсутствия амулета лекции, он снова услышал шум: кто-то лез в окно, ворча и поминая Хурга. Даори усмехнулся, бесшумно отомкнул дверь, оставив ключ в замке, погасил светильник, обернулся летучей мышью и привычно забрался в вентиляционный короб, откуда наблюдал сквозь решетку за гостьей.

Миранда вошла, создав алый огонек, огляделась, разочарованно вздохнула.

– Даори, ты здесь?

– Здесь, – глухо отозвался он, постаравшись создать магическое эхо, чтобы девушка не определила его нору.

– Можно я тут переночую?

– Горгульи?

– И грифон.

– Ночуй. Спасибо за ужин.

За нападение он принципиально не извинился: предупреждали нахалку, нечего было провоцировать.

– Да не за что, – она заперла дверь изнутри, прошла к ложу – новенькому, пахнувшему стружкой, застеленному чистым бельем. Села. – Даори, я договорилась с дедом, чтобы... ну... не знаю, как у вас в Белой империи, но у нас тут, бывает, войнушки случаются с соседями. Сейчас вот с орками. Каждый клан обязан выделить отряд. И у нас в клане пленники появились. А они такие... разные... некоторые совсем... плохие.

– Я понял, – невыносимо было слушать ее спотыкающуюся от смущения речь. – Твой дед предлагает мне роль палача?

– Да.

– Согласен, – равнодушно сказал он, даже не поблагодарив. За такую работу не говорят спасибо.

– Я передам.

Пауза. Не из страха. Вампир чувствовал, что Миранда совсем его не боится. Скорее, собирается с мыслями.

– Ты можешь мне показаться? – попросила она.

– Закрой глаза.

Она закрыла, и он бесшумно выполз, перелетел на спинку стула, повис вниз головой.

– Можешь открыть, – скомандовал он и с удовольствием понаблюдав за гримаской разочарования. – Не нравлюсь?

Миранда потрясла головой, рассыпая по плечам багрово-алые перья волос.

– Не-а. Я не с Мышонком хочу говорить.

– А придется, – упорствовал Даори – О чем?

Демоница неожиданно протянула руку и, хихикнув, пощекотала мышке брюшко.

– Прекрати! Терпеть не могу щекотку! – сорвался он со стула и перелетел на ближайший насест – спинку ложа.

Зря! Взметнулся костер крыльев, сложился шалашом, а загребущие ручонки демоницы сцапали маленькое мышиное тельце.

– Ой, не могу, ты такой невыносимо хорошенький! – всхлипнула, хохоча, эта темная, невоспитанная, обнаглевшая девица и чмокнула разъяренного мыша в ушко. Его, вампира! Он раззявил маленькую, усеянную острыми зубками пасть и зашипел. Ничуть не испугалась, толстокожая. – А как ты забавно злишься, моя мохнатенькая прелесть!

И разошедшаяся шалунья, нагло отобравшая у него единственное пристанище, выжившая с единственной кровати, лишившая жизненно необходимого амулета, эта проходимка и авантюристка исхитрилась поцеловать взъерошенного зверька в нос! Его, вампира!

Как ни крепился Даори, но тут не выдержал и щелкнул зубами на нахалку. И клык случайно поцарапал ее губу. Выступила капелька крови. Одурающе сильный запах шибанул по ожившим ноздрям Неупокоенного. Оглушил. Изменил его тело в мгновение ока.

Не успевшая даже пискнуть девушка оказалась вжата в постель тяжелым мужским телом, а его губы накрыли и смяли ее рот. Одной ладонью он перехватил ее руки в запястьях, – а вампиру не нужна боевая ипостась, он и так сильная тварь, – а второй ухватил за затылок, вплетя пальцы в густую шевелюру, не давая жертве уклониться от обжигающего поцелуя и его шального языка.

Такого взрыва Даори не испытывал даже при жизни. Его сердце, запущенное бычьей кровью, гулко колотилось в грудь, а разбуженная кровь, казалось, вскипала. И ожившие легкие впитывали в себя воздух, наполненный горячим девичьим ароматом.

Если бы он не перекусил накануне, то князь получил бы в клан новенькую вампиршу, и ему уже нечем было б шантажировать Лику. Впрочем, чем больше проходило времени, тем меньше Даори верил в причину повеления соблазнить красноволосую Ликину подружку. Нет, тут не столько тайна заклинания, сколько месть Зан-о-Мьира за убитую Вечерним князем вампиршу Эллину. Взять у него взамен любимую внучку

– это в духе Предвечного.

Отпустив наконец задыхающуюся, совсем не сопротивляющуюся, а вовсе даже наоборот, крепко обнимавшую его девушку, он слизнул капельку крови с ее губы, прошелся языком по ее шее, слегка прикусил вожаденную, лихорадочно пульсирующую жилку, показывая, что жертва полностью в его власти.

– Вкусная, – шепнул он в покрасневшее ушко. – Очень вкусная девочка. Придется съесть.

И вернулся к ее распухшим губам, целуя на этот раз нежно, почти невесомо, посасывая то верхнюю, то нижнюю, обиженную им губку, залечивая.

– Ты пил мою кровь! – упрекнула Миранда, жадно запуская пальцы в его шелковые, золотистые локоны и вглядываясь в сияющие голубые глаза. – А у тебя глаза светятся.

– Не пил, а только принялся, – возразил Даори, скользя губами по ее виску и ушку, которое слегка прикусил. – М-м... Ты невероятна. А ты знаешь, что единственное отражение, которое может видеть вампир, – это отражение в глазах жертвы?

– Теперь знаю. Ты меня обратил?

– Нет. Обращение происходит не так. А потом, зачем нам тут два трупа? Хватит одного моего.

Он отстранился, глядя ее в мерцавшие вишни глаз. С блаженной улыбкой втянул в себя ее запах.

– Безумно вкусная, – заявил совершенно серьезно и... превратившись в летучую мышь, упорхнул подальше от соблазна, под самый потолок. Это, конечно, не спасение вампира от крылатой демоницы, но в узкую трубу вентиляции она точно не пролезет.

– Даори! – подскочила она, не успев поймать беглеца. – Вернись!

– Нет, Миранда. Я не железный, лучше полюбуюсь тобой издали. Или твой жених останется без невесты.

– Ты меня обратишь?

– Размечталась! Нет. Просто соблазню и брошу, предварительно осушив.

Испугается она, как же. Тут кто кого соблазняет, хмыкнул Даори, гордым мышинным взором оглядывая будущую жертву, принявшую самую, с ее точки зрения, соблазнительную позу. Красотка, ничего не скажешь.

– Опять пустые угрозы, – вздохнула жаждущая соблазниться. – Когда уже до дела дойдет?

– Ты хочешь стать вампиршей? – обвинительным тоном инквизитора

спросил Неупокоенный. – Хочешь условно вечной жизни? И такой же вечной жажды, иссушающей разум? Обратись к кому-нибудь другому. Я не буду тебя обращать. Зачем мне рабыня, которая вечно будет за мной ползать на коленях и умолять ее поиметь?

Миранда вспыхнула. Вскочила, одернула помятое платье. Белой молнией мышь метнулась к ней, пролетев над самой головой. Девушка от неожиданности плюхнулась на постель, а мышь, уцепившись за потолочную балку, продолжила как ни в чем не бывало:

– Я не договорил, Миранда.

– Подожди! – вскинула она раскрытую ладонь. Вишневые глаза смотрели необыкновенно серьезно. – Я не хочу становиться вампиршей. Мне уже предлагали.

– Кто?! – рыкнул Неупокоенный.

– Ее уже нет. Такое роскошное предложение не понравилось моему деду. Но я хочу знать, нравится ли тебе быть вампиром?

– Мне? – Даори на миг пожалел, что мышьяная пасть не способна демонически хохотать. – Да я просто в восторге! Скажи, какому разумному существу, какому светлому магу обладающему памятью о полноте жизни, о сиянии Света, понравится быть заледеневшим трупом и оживать только в момент поглощения чужой горячей крови?

– Вампиру? – вопросительно приподняла она бровь.

Мышь фыркнула.

– Только не тому, кто был белым магом. Сейчас я ненавижу себя, Миранда. Я ненавижу тех, кто дал мне эту не-жизнь.

Она обхватила себя руками, словно внезапно замерзла. Подняла на него влажные глаза.

– Даори, я не понимаю мимику мышей, не чувствую, правду ты говоришь или притворяешься. Я хочу видеть твоё лицо. Мне это важно. Обещаю не приставать.

Он хмыкнул, перелетел на стул и, опускаясь, развернул свое полноценное тело. Рукава у рубашки почему-то опять задрались. Неужели он, вопреки изменившейся сущности, еще растёт, как нормальное живое тело, и одежда ему стала мала? Не может быть! Вампиры не растут, у них навсегда остается то тело, в котором они убиты и обращены.

И опять ему показалось, что Миранда всматривается в его лицо с какой-то жадной тоской. Заметив, что он перехватил ее взгляд, девушка прикрыла глаза, а через миг взглянула уже спокойно, с легкой вежливой улыбкой, словно между ними ничего не произошло. А действительно, что особенного случилось? Подумаешь, поцелуй. Она и с Таем целуется ночи

напролет. Вампир подавил вспышку ярости. С чего бы ревновать? Пищу не ревнуют! И точка.

– А ты хотел бы снова стать таким, как прежде, Даори?

– Что ты имеешь в виду?

– Живым. Настоящим. Не вампиром. Не торопись, – предостерегающе вскинула она ладонь, уловив его изумление. – Подумай. Ты лишишься даже условного бессмертия. Твоя неживая плоть не сможет восстанавливаться почти от любой раны, кроме отсечения головы. Тебя же сейчас невозможно ранить, только серебром, так?

– Так.

– А будет снова возможно. Снова забьется живое сердце, умеющее любить. Ты станешь уязвим. У тебя не будет вампирской гипнотической власти над живыми существами с теплой кровью. Ты разучишься заволакивать девушек одним взглядом. Не сможешь приманивать и опутывать жертв так, что они лишаются воли и разума.

Он не выдержал, усмехнулся, сложив руки на груди:

– Я тебя заморозил? Лишил воли и разума?

Миранда судорожно вздохнула, отвела взгляд от его губ, взъерошила копну своих волос, рассыпая алые перья по плечам.

– Почти. Я сама не своя в последнее время. Только о тебе и думаю. Мне не хватает наших разговоров по ночам. Твоего голоса. Послушай, только не перебивай, пожалуйста, мне и без того трудно. Так вот... До встречи с тобой я люто ненавидела вампиров. Моя любимая учительница, почти вторая мать, гениальная лингвистка Эллина Вивер... – тут вампир вздрогнул, но девушка не заметила. – Она стала Неупокоенной по доброй воле, ради знаний. Ведь всем известно, что Тринадцатый клан хранит лучшую коллекцию древнейших рукописей эпохи Единения и даже старше.

Даори нервно рассмеялся:

– Сказки, Миранда! Очередной миф, чтобы создать ореол древнейшей расы и притянуть к себе любопытных, жаждущих знаний мотыльков, таких, как я или Эллина. Пару ветхих листочков они выдают за коллекцию. А главные сокровища, стопку заплесневелых гримуаров, не в состоянии прочитать даже Великий князь, старейший из Неупокоенных. Утрачены знания о языке, на котором они написаны.

– Это все неважно. Важно, что она напала на меня, и дед ее уничтожил. Как ты понимаешь, приязни к вашей расе это не прибавило. Я хочу, чтобы ты понял: у меня были личные причины ненавидеть Неупокоенных. Встретив тебя, я перенесла всю ненависть и презрение на твою персону.

– Я помню, – дернулся уголок его губ.

– Не перебивай! Но эти чувства я испытывала недолго. Ты мне снился постоянно! Живым, ярким, а не таким тусклым задохликом, каким я тебя встретила. Хотя даже такой ты эффектен. Но я знала, по своим снам знала, каким ты был при жизни. И уже в ту ночь, когда ты говорил со мной на дереве, уже после того, как я увидела твою летучую ипостась и догадалась, что именно ты, вампир Даори Энриати, разыграл меня... уже тогда ненависть растаяла, как не было. Ты поделился со мной кровом и не тронул даже пальцем, дав нормально выспаться. Ты сказал мне самые нужные слова. Ты назвался другом... И в результате я хотела, но не могла тебя ненавидеть. Не могла! Почему?

Он промолчал, легкая улыбка коснулась губ. Она сама уже себе ответила почему. Но девочке надо выплеснуть наболевшее. Перед кем же еще? Пусть говорит.

– Ты же знаешь, как все демоны относятся к твоему клану. Как к поганой падали, – хлестнула она его словом. Он дернулся, но снова промолчал и уже не улыбался. – А я вдруг не смогла ни ненавидеть, ни презирать тебя. Мало того, я... Я! Почти княжна, любимая внучка Вечернего князя, стала искать встречи с тобой. Я хотела очаровать тебя. Мертвеца! Понравиться тебе. Я, высшая демоница, мечтала о поцелуе с тобой! С ходячим трупом! – она уже всерьез ужасалась сама себе. – И ты хочешь сказать, что не применил ко мне своей Хурговой вампирской магии?! Не присушил, не заставил влюбиться, бездна тебя подери?!

– Нет.

Даори медленно поднялся, не спуская с девчонки мрачного взгляда. Она так же медленно встала, подалась ему навстречу. Ее вишневые глаза лихорадочно блестели, а кулаки сжимались, словно она мечтала влепить ему пару веских пощечин. Вампир демонстративно оглядел Миранду с ног до головы и обратно, задержал взгляд на прикушенной губе. Дернул плечом и направился к двери.

Полыхнули алые крылья – демоница рванулась за ним, но Даори выметнул руку, выстраивая невидимый барьер, на который она с размаху налетела, и, не оглядываясь, ушел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Сволочь! Мерзавец! Чтоб ты сдох, мертвец! – донеслось совершенно нелогичное, следовательно, не имеющее силы проклятие, а дверь сотряслась от удара, но не открылась. Не так-то просто сломать заклинание, срастившее деревянное полотно с косяком, – немного, что осталось из его арсенала умершего, но все еще светлого мага.

Ничего, Миранда – девушка сильная, не чета утонченным белым

магиням, выберется. Когда-нибудь.

А вот ему нужно искать и обустроить новое логово. Тут демоница его доконает.

И срочно придумывать оправдание перед Зан-о-Мьиром, почему Даори провалил такое элементарное для вампира дело, как соблазнение девицы. Может быть, намекнуть, что обострять отношения с кланом Вечерних теней из-за любимой внучки их князя – не совсем верный политический шаг?

Нет, осознал наконец молодой вампир, если на кону стоит заклинание такой важности, как вызов духа никогда не жившей во плоти сущности, то Зан-о-Мьира ничто не остановит.

Трудно даже представить, какие возможности откроет это заклинание в умелых руках, если его модифицировать. Почти любая фантазия может быть воплощена. Все, что угодно, – исполнено.

Дух железа уведет рудные жилы из любой земли туда, куда ему будет приказано. Дух вражды уничтожит войско врага еще в казармах, сотрет города руками их жителей. Дух тоски лишит воли к сопротивлению.

Дух смерти убьет все, о чем может быть помыслено.

Абсолютное, невидимое, неотвратимое оружие.

Дух духов... Приказывающий ему – Бог.

Даори ужаснулся.

Дух разума... Возможно ли?

Конечно, лучше бы поговорить с Ликой, владевшей тайной заклинания, и присмотреть за ней, чтобы не добрался князь Неупокоенных. Но принц Тьмы слов на ветер не бросает. Эту девушку окружают и охраняют такие силы, что, дернись Даори Энриати в ее сторону, и мокрого места не останется. Да и от всего клана Неупокоенных. Неслучайно Великий князь даже намека не сделал о какой-либо личной угрозе Лике, даже мысли не допустил. Предпочел искать обходные пути. Умен и осторожен, как... древний вампир.

Значит, надо искать третий вариант.

Надо все обдумать. Тут нельзя ошибиться. Потому что для Зан-о-Мьира он, обращенный лен-маг, – меньше чем никто, его легко можно заменить на другого, менее щепетильного вампира, а этого Даори уже не мог допустить.

«И ведь я сам все это допустил. Сам!» – едва не застонал бывший светлый.

Что стоило ему в тот день сначала подумать, а потом... промолчать, не ставя в известность Великого князя Зан-о-Мьира о заклинании,

использованном Ликой?

Нет, Даори обрадовался, что может продать уникальную информацию за драгоценный эликсир, продляющий жизнь его матери. Много-много капель эликсира. Но разве он сам, Даори Энриати, не слышал ее слова, сказанные во время проблеска ее угасающего сознания: «Не мучь меня, Даори, любимый мой мальчик. Не заставляй возненавидеть тебя за мою дрящущую боль. Дай мне уйти. Дай умереть и вновь соединиться с моим любимым мужем там, в Пресветлых небесах».

Вспомнив, он пошатнулся, оперся рукой о первую попавшуюся стену.

«Нет, мама. Нет. Не отпущу. Потерпи. Даже если ты меня возненавидишь, даже если проклянешь. Терпи».

– Сама все испортила, дура, – в который уже раз вздохнула Миранда, утрамбовывая учебники в рюкзачок. – Что на меня нашло? Зачем я его обидела?

И поплакаться некому. Даже Лике, единственной близкой душе, рассказать невозможно! Никто во всем Тархареше – да что там, вообще во всем мире! – не сможет посочувствовать девушке, переживающей из-за ссоры с презренным вампиром.

И никому не объяснить, какой Даори необыкновенный, совсем непохожий на кровососа! Он – светлый маг, случайно умерший и обращенный, и точка. Правда, это ненамного легче. Мало кто из демонов может понять чувства темной девушки, влюбившейся в светлого. Но ведь в таких романтических чувствах Миранда не первая и не последняя. А уж об эпохе Единения и вспоминать нечего, там все расы сосуществовали мирно, и для влюбленных не существовало расовых различий. Кроме вампиров, конечно. Их всегда ненавидели и опасались.

Несмыываемый позор – признаться не только в дружбе, даже в симпатии к мертвецу. Узнает дед – вымарает имя Миранды из родовых книг. А еще кто-нибудь узнает – заплуют, затравят, проходу не дадут. Влюбиться в вампира – все равно что в кусок гнилого замороженного мяса, скажут ей.

Неправда. И влюбилась демоница – а самой себе бессмысленно врать, влюбилась она с первого взгляда – вовсе не в вампира, к ним Миранда по-прежнему чувствовала брезгливость, а в светлого мага, златокудрого ангела из контрабандных девичьих романов Белой империи. В свои сны.

Миранда смахнула слезинку и застегнула рюкзачок.

– Ты идешь? – заглянула к ней Лика. – Давай быстрее, опять опаздываем!

Вот с подругой тоже что-то происходит, но и она не торопится рассказывать. Демоницы. Темные души.

Да, он не живой, продолжала размышлять Миранда на любимую тему, сидя на лекции и старательно выводя ровные строчки в тетради. Но и не совсем мертвый. У Даори есть душа. Чище и возвышеннее, чем у многих ее знакомых демонов.

И целуется он вовсе не как хладный труп. Так жарко, до головокружения, до сладкой боли в сердце и... не только... ее никто не целовал. Демон Тай, brutальный и накачанный друг ее детства, со своими

слюнявыми поцелуйчиками и в подметки вампиру не годится. Надоел этот ее так называемый «жених», хуже раосовой похлебки! Разорвет она с ним помолвку, как только помирится с Даори. Решено. И пусть дед злится, Миранда переживет как-нибудь.

И руки у вампира не ледяные вовсе. Прохладные, да, но не противно, наоборот, приятно. А какие ласковые! Проведет ладонью, словно шелком коснется. Миранда погладила свою щеку ладошкой и улыбнулась воспоминаниям.

И тут же погрустнела. Даори не показывался ей на глаза уже больше месяца.

Даже его следов не могла она обнаружить в тайной комнатке. Не приходил и не прилетал он к их дереву, сколько ни сидела на ветках Миранда, изображая отмороженную сову. В коридорах учебного корпуса он не мелькал. И его белая летучая мышь также где-то затаилась.

А может быть, с ним что-то случилось?

Но бутылки с кровью, которые она оставляла в подвале, исправно исчезали. Миранда могла бы подумать, что их выбрасывали дежурные или уборщики, которые все-таки наведывались иногда в заброшенные помещения за какой-то надобностью, но раз в неделю появлялась батарея пустых сосудов. Только это и говорило девушке, что Даори Энриати где-то в Академии. Вот только где?

* * *

Через месяц после первого поцелуя с вампиром Миранда подошла к куратору старшего курса, на котором учился Даори, поинтересовалась, где их Неупокоенный адепт. Тем более дед сообщил ей, что должна состояться казнь пленного орка, искалечившего двух демонят.

– А тебе какое дело до этого смердящего трупа? – презрительно прищурился куратор.

– Никакого, – Миранда с трудом удержалась от того, чтобы не сообщить, что этот демон смердит куда сильнее вампира. От Даори никогда не воняло тухлой рыбой. – У моего деда Тьора Вечернего к нему дело.

– Какое?

– Князь передо мной не отчитывается.

Дед потом передал весточку Миранде. Мол, приходил к нему один Неупокоенный блондин, выглядел он совсем неважно, сделал дело и ушел, не поклонившись и не поблагодарив за ужин. Вполне в духе Даори,

которого бесила роль палача.

Чем больше дней проходило со времени их первого поцелуя, тем сильнее мрачнела Миранда, а на встревоженные расспросы подружки Лики отвечала, что опять поссорилась с Таем. С ним Миранда действительно то и дело грызлась, но от взяток в виде тортиков, которые он притаскивал в башню, не было сил отказаться, и она снова мирилась с настойчивым парнем.

И наконец, уже глубокой осенью, когда вся ее душа извелась, Миранда обнаружила, что бутыл с бычьей кровью осталась стоять в подвале нетронутой.

На следующий день стояли уже две бутылки.

Выбросив их, Миранда поставила третью и решила подойти после лекций к принцу Тьмы, благо в стенах Академии он казался не таким заносчивым, как на официальных мероприятиях. Она рассудила, что Тринадцатый клан – такие же подданные Темного Трона и принц должен относиться к ним без традиционной демонической брезгливости. Кроме того, Дьяр, как истинный владыка, не болтлив и о ее позорном интересе к вампиру никому не расскажет, хотя запомнит обязательно и использует при случае.

На следующий день после занятий принц уже собирался по привычке улизнуть из аудитории тенью, но остановился, когда его окликнула Миранда:

- Помогите мне, ваше высочество. Мне нужно кое-кого найти.
- То есть тебе нужна официальная, а не дружеская помощь?
- И та и другая.
- Подожди минутку, я отнесу списки опоздавших куратору и вернусь.

Не слишком ли тщательно он относится к обязанностям старшего группы? – думала Миранда, усевшись на парту и болтая ногой в изящной туфельке, красиво выглядывавшей из-под ученической мантии, жаль, Даори не оценит. Она стрельнула глазами на потолочные своды – не видно ли где острых ушек летучей мыши, но разглядела только сигнальных паучков.

Дьяр вернулся действительно быстро. Блеклый солнечный луч, падавший из окна, померк, сгустилось облачко тьмы, и из него вышел синеглазый принц и взмахом крыла развеял туманный сгусток. И тут же, окинув внимательным взглядом замершую сигнализацию, легким пассом установил «полог безмолвия», судя по воцарившейся вдруг, давящей на перепонки тишине.

- Рассказывай, Миранда, – кивнул он, усаживаясь рядом на парту.

– Мне нужно срочно встретиться с Неупокоенным адептом Даори Энриати, но я не могу его найти.

– Вот как? – ни единый мускул не дрогнул на лице принца. Глаза смотрели так же мягко и внимательно, словно каждый день влюбленные демонницы разыскивают сбежавших от них вампиров. – Расскажешь?

Вот это он такой проницательный или на понт берет? – прикусила губу Миранда.

– Я... Мне только нужно передать ему нечто важное для него. И бутылки с бычьей кровью он не забирает уже третий день. Может быть, с ним что-то случилось, а никому до него дела нет.

– А может, он просто в спячку впал? С Неупокоенными это изредка случается. Тебе известно, где он свил себе гнездо?

– Нет. В старом убежище он давно не появлялся, а нового я не знаю.

– Подожди меня тут, я узнаю, когда последний раз Даори посещал занятия.

Он закутался в крылья и исчез, и на этот раз не появлялся долго. Миранда от нечего делать даже домашку начала выполнять, благо учебники у нее были с собой.

А когда Дьяр появился, он выглядел уже не таким благодушным. Крылья мрака искрились злыми молниями. Видно, только что кого-то громил в пух и прах.

– Хург знает что тут, в Академии, происходит! – выругался он. – Два месяца адепт на занятиях не появляется, его с радостью отчисляют без выяснения причин, и никому даже не интересно, где шляется прогульщик... Не переживай, Миранда, найдем мы этого Даори. Он меня уже заинтриговал. Слишком тяжело дается вампирам поступление в нашу Академию, чтобы вот так просто вылететь из-за прогулов.

– Но кто-то же забирал бутылки и возвращал их пустыми.

– Тогда еще интереснее! Не переживай, «тени» – везде. Найдем пропажу, куда бы ни спрятался, – азартно блеснули синие глаза наследника. – Так что передать ему? Ты говорила, что-то важное?

– Да. Для него.

– А для Темного Трона? – проницательно сощурился принц.

Миранда неуверенно посмотрела на притаившихся за «пологом безмолвия» паучков.

– Нет. Неважно. Глупости всякие.

Наследник проследил за ее взглядом, усмехнулся и протянул ладонь:

– Идем, здесь развелось слишком много насекомых.

Миранду накрыло крылом Тьмы, она почувствовала, как ее мягко

подхватывают и куда-то опускают огромные мягкие ладони.

А когда Тьма схлынула, девушка обнаружила себя в Малом тронном зале. Она узнала искрящийся черный гранит стен, острые шипастые орнаменты, в которых наверняка были замаскированы бойницы. Именно тут Миранда, едва достигнув совершеннолетия, приносила присягу владыке Сатарфу и приобщалась из его рук силы Тьмы, как единственная, хотя и официально непризнанная наследница младшей ветви князя Вечернего.

Джар провел ее к креслам, выстроенным в ряд у стены, и приказал явившемуся из тени слуге организовать «что-нибудь попить и перекусить», а едва он скрылся, повернулся к девушке.

– Ты же понимаешь, что помощь Темного Трона никогда не бывает бескорыстной, иначе какие же мы, к Хургу, демоны. Я уже отдал распоряжение, и мои «тени» ищут твоего вампира. Но моя цена – информация, Миранда. Все, что касается Тринадцатого клана – далеко не глупости. Даже если это суцая ерунда.

– Я не буду шпионить для вас, – быстро сказала Миранда, поняв, к чему клонит его высочество.

– Даже во благо Трона?

– И во вред Даори и нашей дружбе? Нет. У вас есть свои соглядатаи, это их дело, а я не профессионал.

– Дружба демоницы с вампиром – это более чем странно. Это как мотыльку дружить с пауком.

– Вы сейчас говорите низкие слова, ваше высочество. Не ожидала от вас, – вздернула она носик и окатила собеседника презрением. – И мотылек из меня тот еще... хищный, прошу заметить.

– О да, – засмеялся синеглазый. – Я говорю, как это выглядит для всех демонов. Миранда, не будем ссориться. Я не могу допустить, чтобы Тринадцатый клан заполучил еще одну вампиршу в твоём лице. Пусть кормятся и размножаются за счет других рас, но не наших подданных.

– Они тоже – ваши подданные, так что сумма не изменится, – возразила демоница. – И что вы сделаете? Арестуете меня? Посадите под замок?

– Нет, я надеюсь на твое благоразумие. Тебе нужно, чтобы спасли твоего друга?

– Спасли? – девушка скептически скривила губы. – Вряд ли ему что-то угрожает. Просто он... спрятался. Может, и правда в спячку впал.

– Да так, что его отчислили?

– Он появлялся у деда. И, говорят, плохо выглядел и на удивление заносчиво себя вел.

И Миранда передала принцу записку, которую все время таскала с собой, как единственное письменное упоминание о светлом вампире в ее жизни.

– Камир, – прочитав записку, посмотрел куда-то в сторону принца. – Слетай к князю Вечернему, передай приглашение на аудиенцию.

Если кто-то и исчез из помещения, Миранда не заметила. На ее взгляд, в зале никого и не было, кроме нее и принца.

– Продолжим, – сказал Дьяр. – Итак, выглядел Даори неважно, молчал. И, похоже, сил у него не прибавилось даже после такой трапезы. То есть истощение уже за гранью. А не держат ли его в плену? Выпустить к Вечерним теньям его могли, наложив заклинание молчания. Выпустили потому, что вампир, отказавшийся от живой крови разумного существа, – это настолько подозрительно, что даже Тьор впал бы в недоумение. А характер у твоего деда таков, что не любит он это состояние, пошел бы сразу выяснять. Ладно, скоро все узнаем. А скажи мне, Миранда... Кстати, где наш перекус? – раздраженно щелкнул он пальцами.

Видимо, только этого вопроса и ждали, потому что мгновенно двое слуг внесли столик, еще двое поставили кувшин, два бокала, тарелки с бутербродами и ретировались.

– Не пнешь – не полетят, – печально вздохнул Дьяр, самолично разливая по бокалам вишневый сок. – Совсем разленились, пока владыка... в отъезде. Так на чем мы остановились? Ах да, на том, что же такое важное ты хотела передать вампиру. Настолько, что не постеснялась отправиться к куратору, зная, что наши девушки лучше удавятся, чем проявят такой извращенный интерес к кровососам.

Миранда вспыхнула. Поймала изучающий взгляд принца. Поняла, что он ее просто-напросто провоцирует, и улыбнулась, поднося бокал с соком ко рту. Шокировать, так до конца.

– Я искала Даори просто потому, что соскучилась и хотела помириться. Это было еще месяц назад.

– Когда ты интересовалась, Вултон уже давно отчислил прогульщика, и куратор прекрасно об этом знал... – и вдруг он повернул голову к дверям, хотя никаких посторонних звуков Миранда не слышала. – Войди!

Створки распахнулись, быстрым шагом вошел эффектный серебристый демон, поздоровался с девушкой кивком. Янге, вспомнила Миранда. Он часто появлялся у Тьора Вечернего. Кажется, они дружили.

– На территории Академии объекта нет, мой принц, – доложил он. – Оба его логова заброшены. Но наш синекожий друг подключил свои источники, и, думаю, информация будет к вечеру. Что-нибудь еще?

– Да, Янге, – Дьяр покрутил в руках бокал, полюбовался бликами в вишневой жидкости. – Нужно найти того, кто забирал бутылки с бычьей кровью. Вряд ли это Даори.

– Кто-то старался, чтобы Миранда ничего не заподозрила? – предположил серебряный.

– Если бы просто отводили глаза, то отводили бы до конца. Нет, кто-то попользовался дарами и вынужден был уйти три дня назад.

– Эсмус?

– Проверь, тут ли он еще. Я давненько его не видел. Куда вероятнее, что в Академии жил третий вампир, неучтенный. Найдите. Зацепимся и предъявим претензии Тринадцатому клану. И пусть Сэйван допросит еще раз куратора. Меня интересует, кому он передал приглашение для Даори на ужин к Вечернему князю и почему утаил от нас этот факт. Попахивает взяткой. Действуй.

Янге поклонился и исчез, шагнув в тень.

Миранда, взиравшая на принца, открывшегося с совершенно незнакомой ей стороны, поставила на столик бокал с недопитым соком – рука предательски дрожала. Почему, почему она раньше не обратилась к Дьяру? Он – будущий правитель. Его обучали решать самые разные проблемы, и обучали хорошо. Она боялась позора? Того, что в нее плюнут и разотрут? Почему ее предрассудки и страх за репутацию оказались выше страха за Даори? Неужели она лишь придумала себе преступную любовь и упивалась ее запретностью? А что на самом деле? Самовлюбленная дура, думающая только о себе?

Только бы не оказалось слишком поздно.

Ей стало безумно страшно за этого казненного демонами светлого мага, ставшего самым тошнотворным для всех – и для светлых, и для темных – существом. За друга, которого едва успела узнать, за... любимого, да. Которого она полюбила тогда, когда потеряла.

Если он в опасности, то нужно, чтобы Темный Трон призвал всю мощь, но спас одного подданного. Вот только от кого? Не от его ли кланников?

Принц пришел к тем же выводам.

– Тринадцатый клан никогда не позволял вмешиваться в его внутренние дела, – сказал он. – На этом невмешательстве зиждется наш договор. Так как Даори поспешно, без следствия, отчислен, мы не можем выступать за его интересы как адепта Академии, и мне нужны самые веские причины, чтобы требовать у князя Неупокоенных предъявить Темному Трону его кланника. Мне нужны аргументы, чтобы убедить, что их внутренние дела уже стали внешними.

– Может быть, можно обвинить его в покушении на мою жизнь или... честь? – девушка потрогала нижнюю губу, на которой давно заросла ранка

от клыка вампира.

Дьяр отпил сок, спрятав за бокалом улыбку.

– Он действительно покушался? Видишь ли, в таких случаях князь не отдает нам преступников и сам вершит суд. Обезглавят и покажут голову.

Миранда содрогнулась. И предпочла забыть, как сама раздрадила вампира только для того, чтобы проверить, сработает ли родовая магия. Сработала. Теперь пусть ей вернут вампира.

– Нет, конечно, не покушался, попробовал бы! – она демонстративно выпустила длиннющие когти, поцокала ими по столешнице.

– Есть один, самый крайний способ заставить их выдать подозреваемого кланника для следствия, – Дьяр задумчиво и в такт побарабанил когтями по другому краю стола. – Когда преступление, или замысел, или утаиваемые сведения угрожают самим основам союза Тринадцати. Самому Трону. Тогда с разрешения отца я могу воспользоваться Тринадцатой Тенью Трона. Но, чтобы приказать ей, мне нужна особо веская причина. Нужны хотя бы подозрения. Даже не представляю, в чем именно я могу обвинить Даори Энриати.

С ума сойти, вздохнула Миранда. Теперь, чтобы спасти любимого, ей нужно сделать его государственным преступником!

– Есть одна идея, ваше высочество. Даже не знаю, с чего начать и как сформулировать.

– Начни с того, что важного ты хотела сообщить своему другу, – подался к ней принц, внимательно глядя в глаза поверх бокала с соком, так напоминавшего цветом кровь.

Даже выбор напитков у него неслучаен, подумала девушка. И – да, она не ошиблась в подозрениях, Дьяру известен ее последний разговор с Даори, либо его часть. Видимо, она так орала, что «серые тени» услышали и понаблюдали. А о чем она тогда говорила с вампиром, если исключить претензии в обольщении? А она тогда спрашивала, хочет ли он вернуть настоящую жизнь и упоминала об Эллине Вивер.

И, возможно, за ее светлым вампиром уже следили, и Миранду слышал кто-то еще, если Даори сразу после того вечера исчез.

– Я искала моего друга, – подчеркнула она голосом последнее слово, – чтобы рассказать о моей учительнице, добровольно ушедшей к Неупокоенным.

– Об Эллине Вивер? – с легкостью вспомнил Дьяр, откидываясь на спинку кресла. И хитро так улыбнулся. Мол, я знаю, что ты знаешь, что я знаю.

– Да. Она была гениальным лингвистом и что-то нашла там, в

Тринадцатом клане. Какой-то ключ к древней легенде Неупокоенных. Когда она вернулась, чтобы обратить меня, то сказала, что вампир – это этап, ненужный этап, – девушка запнулась, вспомнив, что и Даори что-то говорил о ненужном этапе в каких-то его поисках. Встряхнула головой. – Эллина думала, что знает, как стать снова по-настоящему живой.

– Вампиру? Интересно. А подробности она упоминала?

– Нужно пройти через жизнь и смерть, не-жизнь и не-смерть, и тогда возможно возвращение в истинную нормальную жизнь. Как-то так. Это все, что она успела сказать. Потом ворвался дед и обезглавил ее.

Дьяр залпом допил сок, поставил бокал на столик.

– Тьор Вечерний знал о ее изысканиях?

– Нет. Я была слишком напугана, чтобы рассказывать. Мне же тогда было лет пятнадцать. А потом слова Эллина стали казаться бредом сумасшедшей. Она действительно свихнулась, еще до обращения.

– Жаль, что ты столько лет молчала, Миранда. Спасибо, что рассказала сейчас. Это очень важно, хотя и совсем непонятно. Нужно узнать, где Эллина Вивер хранила записи.

Миранда коснулась лба.

– Она всегда хранила их в голове. Была помешана на том, что за ней следят.

– Тогда нужен кто-то, кто мог бы найти нам эту легенду Тринадцатого клана и восстановить ключ к ней, – и принц широко улыбнулся. – Подозреваю, нам нужен Даори Энриати. Да, это та самая причина, по которой я могу воззвать к Тринадцатой опоре Трона. И боюсь, это самая что ни на есть реальная причина. Дело в том, что ты не знаешь еще одной детали. У нас тоже имеются соглядатаи в клане Неупокоенных.

– Даже не сомневалась, – внезапно успокоилась демоница. Настолько, что утащила бутерброд с тарелки. Интересно, чем тут принцев кормят?

– Они настолько неупокоенные, что постоянно угрожают равновесию Трона, – пожаловался принц, поднял кувшин и галантно наполнил ее бокал, не забыв и про свой. – Ты хоть что-нибудь знаешь о своем друге? Мне вот странно, что он подружился именно с тобой.

– А с кем еще? Нас всего три девушки в Академии, и я единственная, кого не охраняют, а дают нормально жить.

Если не считать Тая, конечно.

– Посуди сама. Даори был учеником Эллина в клане, – сказал принц. Миранда поперхнулась, и Дьяр тут же протянул ей бокал с соком. Предусмотрительный какой. – Именно по ее настоянию новообращенного, продержав всего год скамеечкой для ног так называемого Великого князя,

отправили четыре года назад поступать в Академию. И все, что он тут делал, – возился в библиотеке и архивах днем и ночью. На это смотрели сквозь пальцы. Ему незачем учиться, он уже прекрасно обучен в Белой империи. Там с этим строго: нужно обладать огромной магической силой и знаниями, чтобы держать и хранить целый лен, а Даори был единственным наследником светлого хранителя, его готовили. Потом там что-то случилось...

Он замолчал, отдав должное «перекусу», опустошил две тарелки с мясными деликатесами и весь кувшин. Миранда вся извелась от нетерпения.

– И что же случилось? – не выдержала она, когда этот... демон взялся за третью тарелку.

– Пожар невиданной силы. Его отец умер внезапно, не успев перекинуть связи на сына. Его обгоревшая в огне мать выжила, но сошла с ума. Сокровища рода исчезли бесследно. Как могло такое случиться, наши соглядатаи не смогли выяснить, так как следователи Белого ковена тоже зашли в тупик. А наследник Даори Энриати, вместо того чтобы расследовать причины пожара, брать власть над леном, восстанавливать имение, отказывается от земли, продает остатки добра и везет умирающую мать в столицу. Конечно, излечить ее невозможно, и лучшие из лекарей предлагают милосердно усыпить, и Даори, видимо, соглашается, потому что после этого о Лолии Энриати ничего не слышно. Видишь, мы знаем очень много, но недостаточно.

– А как он попал к нам?

– Разорившись, он записался добровольцем в имперскую разведку, его чуток поднатаскали, изменили внешность, придумали легенду и заслали к нам, даже протолкнули в какой-то колледж темных наук, после которого ему был прямой путь в Академию, а там и карьера при нашем дворе. Но Даори, с его-то умом и мастерством, как-то слишком быстро засветился во всех смыслах. Якобы сорвался во время ритуального жертвоприношения. И мы, собрав досье на белого мага, казнили его, как шпиона. Теперь он полноценный подданный Темного Трона.

Миранда, слушавшая развесив уши, поежилась. Принц качнул головой, словно спорил с ее невысказанными мыслями:

– Не жалею его. Готов поспорить, Даори специально нарвался, зная, какая участь его ждет. Слишком целенаправленны его действия после пожара. У меня жуткое впечатление сложилось, когда читал его досье. Я лично присутствовал на казни, слишком неординарный преступник. И, знаешь... мне показалось, он сам себя казнил.

– Как это? – охнула девушка. – Сам себя выпил?

– Нет, я имею в виду – сам себя приговорил и сделал все для исполнения приговора нашими руками. Это же светлые. Кто знает, какие солнечные зайчики пляшут у них в головах? Мы что-то упускаем в этой истории. Мои осведомители чего-то не видят. Вернемся к нашей насущной задаче, Миранда.

– Хорошо. То есть все плохо. А как знание Эллы может угрожать равновесию Трона?

– А ты подумай, сколько вампиров захотят вернуться к нормальной жизни, какая у них была до обращения?

– Все?

– Ни одного. Или один. Твой Даори, светлый лен-маг, почти князь. Потому что он потерял больше, чем нашел у Неупокоенных. Кроме него, никто не захочет променять могущество, бессмертие, пусть даже условное, и неуязвимость на маленькую, тусклую, как светлячок в ночи, и такую же жалкую жизнь. Пусть даже это жизнь высшего демона.

Демоница растерялась:

– Тогда чем опасно это знание? Почему его зашифровали?

– Миранда, ты же умная девушка, если сумела поступить в нашу Академию несмотря ни на что.

– Да, я умная, а вы еще умнее, вы же принц Тьмы, что я тут буду пыжиться перед таким... – чуть не сказала «светочем». – Так почему?

Дьяр, посмеиваясь, сцапал бутерброд и неэстетично набил рот. Прожевал, демонстративно давясь, запил соком. Ну, совсем ребенок, умилилась демоница. Вот бы их с Ликой поженить, какая была бы пара! Один другого воспитывал бы, не соскучишься.

Миранда выдержала паузу и была вознаграждена объяснением.

– Да потому, Миранда, что низших демонов мы удерживаем от соблазна стать вампирами, внедряя презрение и ненависть к Неупокоенным, как к еще более низшим существам.

– Вы? Внедряете? – от возмущения демоница задохнулась.

– Не я лично, а тайный отдел внутренних дел. Мы не можем пустить на самотек такие важные процессы, или в мгновение ока лишимся страны. Так вот, Миранда, высшие демоны и сами долго живут, могущества нам хватает, неуязвимость у нашей второй ипостаси тоже высокая. Пока перевешивают недостатки обращения – разрыв связей с родным кланом, с магией Тьмы, разрыв с живым миром, рабство у вышестоящих в иерархии, асексуальность в период голода и гиперсексуальность исключительно в момент насыщения. Но если демона убедить, – а поверь, вампиры убеждать

умеют, – что обращенный всегда может «соскочить», переобратиться, снова стать живым, снова любить по желанию, а не только накачавшись чужой дымящейся крови, – вот тогда в Тархареше не останется ни одного демона.

– Весь Темный Трон станет Тринадцатым кланом? – потрясенно прошептала Миранда.

– Трону, собственно, без разницы, – снова огорошил Дьяр. – Что демонами управлять, что вампирами – не имеет большого значения. Проблема в том, что миллионное войско вампиров кто-то должен кормить, а соседи вряд ли захотят стать безропотным стадом для Неупокоенных. Страны объединятся и сотрут Тархареш вместе с его кровососущим населением и Темным Троном. И тогда Трону и его владыке будет уже поздно беспокоиться. Беспокоиться нужно сейчас.

Как-то оно слишком глобально, задумалась Миранда.

– Вы преувеличиваете, мой принц. Вот я не хочу становиться Неупокоенной, даже зная, что есть реальная возможность вернуться.

– Только потому, что быть ходячим трупом пока еще не модно. А сделать что-либо модным – минутный вопрос. Ты уже влюбилась в вампира, а скоро и пойдешь за ним.

«Не в вампира, – вздохнув, подумала девушка, – а в мечту о светлом маге. Живом, а не мертвом. И эта мечта из несбыточной уже почти стала реальной. Нужно только ей помочь».

– Нет, – тряхнула головой Миранда. – Я, высшая демоница, не пойду. Это он пойдет за мной. Если мы его найдем, конечно. Он вернется или... в общем, деваться ему будет некуда. Он же назначен государственным преступником, надо же вам как-то его наказать. А его даже казнить нельзя, потому что по нашим законам дважды не казнят.

– Почему же? Новая жизнь – новая казнь.

Вот... демон!

– Вы же шутите, ваше высочество? – осторожно уточнила Миранда.

– Разумеется, – приподнялись в улыбке уголки губ принца Тьмы.

Есть мгла, прозрачная и целительная, в которой начинается любое разумное существо. Есть тьма, мягкая и обволакивающая, в которой оно зреет, прежде чем появиться на свет в родовых схватках. А есть мрак, плотный и душный, не оставляющий надежды выжить.

Даори висел в таком мраке уже долго, очень долго. Он уже сбился со счета. Да и как возможен счет там, где ничего не меняется? Для него.

Нельзя было верить Эсмусу.

Но Даори ждал посланника с амулетом «антизагар» от князя. Он слишком жаждал и слишком обрадовался, когда Эсмус разыскал его и сказал:

– К тебе пришли. Идем.

Даори должен был насторожиться: почему посланник нашел старшекурсника и не сумел сам найти того, к кому отправлен? Но мало ли, на территорию Академии не смог пробраться, а бывший лен-маг не покидал норы в подземелье под библиотекой. Но, когда прилетел нетопырь, выбрался.

Пока шли по переходам, Эсмус не проронил ни слова. Лишь когда Даори вышел на площадку лестницы, ведущей и наверх, и вниз, на следующий ярус архивного подземелья, однокланник показал рукой вниз:

– Туда.

И ударил в спину чем-то массивным и острым, ломающим позвоночник. Топором, мелькнула догадка. Ударил со знанием вампирских особенностей строения крыльев, чтобы не дать их выпустить. Еще бы Эсмусу их не знать.

Уже падая, Даори успел выстроить щит – кокон, укрывший его с ног до головы, словно скорлупа. Поздно, слишком поздно. Из темноты нижнего яруса выстрелила ловчая сеть, спеленала добычу поверх защитного кокона.

Потом еще удар. Ощущение, что тело распалось на две половины, и звезды в глазах, выпившие зрение.

– Вот ведь сволота! – хрипло прошипел из темноты искаженный, но вполне знакомый голос Тая, жениха Миранды. – Чем он себя окружил, вампир? Как снять этот щит?

– Понятия не имею. Этот ублюдок был белым магом. Давай оплату, как договаривались, и я сваливаю.

– Э-э, нет. Поможешь дотащить.

Даори почувствовал, как его поволокли. Он даже чувствовал боль – глухую, далекую. Условно живое тело и болело условно.

Сердце не пробито – это главное. Но ходить он теперь вряд ли сможет с перебитым позвоночником. Как же глупо.

– Утром я вынесу его на солнце, и поминай как звали, – говорил Тай. – На нем точно нет этого вашего амулета?

– Точно.

Эсмус – предатель и болтун. Похоже, сверхсекретная защита «антизагар» уже ни для кого не тайна. Но за что такая ненависть? Ведь Великий князь узнает. Почувствует. Существование Даори связано с его силой.

Даори попытался воззвать к сотворившему его вампирскую сущность. Тщетно. Защитный «пузырь» оказался непроницаем для любой магии.

Он нашел это заклинание год назад, когда добрался в академической библиотеке до настоящих сокровищ – манускриптов эпохи Шарх, написанных белыми магами. Разумеется, демоны не могли использовать чуждую им магию. Но мертвый лен-маг смог. Странное дело: его тело мертво, а магия жива. Еле-еле, но теплится, родная.

Он уже не понимал, куда и зачем его тащат, то и дело впадая в забытие.

Потом немаленький кокон с телом внутри втолкнули в камеру – в условно живые ноздри вампира ударил запах сырости, затхлости и крысиного помета.

А потом Даори потерял сознание, потому что не помнил, когда убийцы оставили его, подвесив сеть на крюк.

Когда он очнулся, то уже потерял ориентацию во времени и пространстве. Его окружил плотный мрак.

Но внутри кокона сияла невидимым светом целительная мгла. Уж что-то, а заклинания, исцеляющие сломанную кость и порванные ткани, лен-маг помнил. А о его истинной силе никто не догадывался, даже Великий князь.

И все-таки жаль, что невозможно позвать Старшего в единственный миг, когда он оказался по-настоящему нужен.

Даори провалился в небытие и снова очнулся от скрежета металла и голосов.

– Проверь его, Эсмус, – потребовал Тай.

С ума сойти, демон приказывает вампиру, как слуге.

В бок врезалась чья-то нога. Кокон погасил удар, но выпущенные от злости клыки Даори лязгнули.

– Не сдох еще, ублюдок! – выругался Эсмус.

- Хватай его и неси, еду надо отрабатывать.
- Разве это еда? – проскрипел вампир. – Вчерашняя бычья кровь.

Блевотина.

– У тебя и этого не было с тех пор, как на тебя ковен контролирующей ошейник навесил. С чего ты решил, что тебе кто-то позволит охотиться в столице?

- Я же не на демона охотился.
- На его собственность, так что разницы мало. Хватай и понесли.

Даори почувствовал рывок, и боль в разрубленном позвоночнике неожиданно вспыхнула огнем. Он застонал.

– Заткнись, дерьмо! – прошипел демон. – Я тебя за мою Миранду голыми руками порву. Думал, не выслежу, куда эта шлюха ночами таскается? Ничего, выйдет за меня – на цепь посажу.

«Ну-ну, сумей, – вяло подумал Даори. – Попробуй заковать вулкан. Попу порвешь».

Его вытащили на улицу. Едва брезжил рассвет, небо на востоке становилось жемчужным. Хургова бездна, Даори даже летучей мышью не мог перекинуться – кокон стал ловушкой. Да и сможет ли он перекинуться с перебитым позвоночником?

И хоть бы один дежурный магистр по пути попался! Нет, либо все дрыхли, либо с системой комендантского надзора и оповещения в Академии что-то не то. Впрочем, Даори еще со времени первых прогулок с Мирандой под луной заподозрил сбой магических амулетов. Удивительно, что за это время никто из магистров и ухом не повел.

Убийцы бросили его на пустыре позади корпусов, где когда-то, тысячу лет назад, в эпоху Единения, размещались оранжереи. Сейчас между ржавыми столбами и сломанными колоннами валялся строительный мусор, мебельная рухлядь и прочий хлам, служивший мишенями для отработки заклинаний. Его подкатали к обломкам колонны, прикрыли с боков щебнем, но оставили достаточно открытого солнечным лучам тела. Если и придет сюда группа попрактиковаться, от Даори уже мокрого места не останется.

Время шло, солнце поднималось, ничего не происходило.

Сплотившиеся на почве ненависти к блондинам вампир и демон сидели неподалеку на обломках колонны и нервничали.

- Ты говорил, у него нет амулета.

– Нет, я точно знаю. Он у меня, – засмеялся Эсмус и подкинул на ладони горошину. – Перехватил я передачку, давно уже. Посланник слишком торопился. Может, сеть снять?

Тай поднялся, распутал пленника, поворачивая кокон пинками. И уселся ждать, когда ненавистного вампира испепелит солнце.

Становилось все жарче. Эсмус заполз в тень и дрожащей рукой активировал второй амулет.

Поверхность защитного кокона Даори пузырилась, но не таяла. Тело внутри, застывшее в позе зародыша, – тем более. Бывший светлый маг – впрочем, почему бывший? – убедившись, что древнее заклинание и тут не подкачает, задремал, нежась под ласковыми лучами солнца, уже более пяти лет не касавшихся его кожи. Конечно, они и сейчас не касались – внутри кокона лучи превращались в безобидное жемчужное марево, но ведь можно представить, что лежишь, как в прошлой жизни, на пляже под полупрозрачным тентом. Если бы еще не тянущая боль в разрубленном теле...

– Не сможет он долго держать защиту, – убежденно сказал Эсмус. – Топор посеребренный, рану он зарастить не сумеет, силы уйдут быстро.

– Не может, а держит, – отозвался Тай. – Не хочу рисковать, потащили обратно, пока никто не засек. Скоро сюда четвертый курс придет практиковаться, я расписание смотрел.

Переломанное тело пленника снова обмотали магической сетью, доставили в камеру, подвесили и заперли.

Даори выжидал, прислушиваясь и принохиваясь. Действительно ушли. Лишь тогда слегка ослабил защиту и попытался позвать князя. Тщетно. Нужно полностью кокон снимать, а это опасно. Сможет ли снова поставить? Хватит ли сил?

И еще его беспокоила ловчая сеть – он не знал ее свойств, не видел, какие заклинания вплетены и как ее разрушить. Если она пропитана ядом или заклинаниями удушения, его защищает только кокон.

Так и висел Даори во мраке, растрачивая неприкосновенный резерв, медленно очищая от серебра и затягивая рану в спине. И размышляя.

После того, как ему удастся связаться с Зан-о-Мьиром, Эсмус долго не просуществует. Это тупое животное из непонятной зависти помешало планам князя. Даже тот факт, что однокланник утаил переданный ему амулет... если только...

Если только он не принял его, накинув облик Даори. Только этим можно объяснить, что посланник передал драгоценную вещь в чужие руки, а князь принял отчет и не заподозрил подвох. Наоборот, удивился, когда Даори сказал, что не получал амулета.

Но неужели Эсмус так продвинулся в магии, что посланник его не разоблачил? Придется предположить, что да, продвинулся.

Второе, что понял Даори, когда целительная мгла кокона, в отсутствие внешней угрозы перейдя от внешней защиты к внутренней, принялась залечивать доверенное ей тело, – ему нельзя снимать защиту, пока он полностью не восстановится.

И третье – ему нельзя призывать помощь, даже когда сможет снять кокон. Потому что ему нечего сказать князю о его задании. Потому что Зан-о-Мьир не подвержен гневу и его рассудок всегда холоден. А значит, он проведет расследование и вместо немедленной казни обнаглевшего Эсмуса, презревшего законы Тринадцатого клана, использует его способность подмены и подойдет к Миранде. Если подмену не заметил посланник, то демоница тем более не поймет, и... тут изощренные мозги светлого вампира отказывали, он не хотел даже думать о дальнейшем. Этого не произойдет ни при каких обстоятельствах.

А значит, нужно срочно придумать, как сделать Миранду бесполезной для коварных замыслов Зан-о-Мьира.

Существует только два способа. Или дать Великому то, что он хочет.

Заклинание Духа, провалилось оно пропадом. Или доказать, что глаза Даори, а через них и глаза князя, увидели не то, что произошло на самом деле, когда Лика Тария призвала неведомого духа.

Даори ухмыльнулся. Да. Это может получиться.

И в тишине, изредка прерываемой назойливыми тюремщиками, Даори занялся плетением заклинания. Ведь часть он разобрал по губам девушки. Конечно, это была домашняя заготовка, шпаргалка, и где-то Лика ее прятала – вплела ли в косу нитку, или завязала особым образом волос, неважно. Для умного мага достаточно данных, чтобы оттолкнуться от образца и сделать свое. А уж умному и начитанному... да на древних языках... И почти невозможно будет доказать без очной ставки, что это не то самое заклинание, которое создала девушка. А до Лики князь вряд ли доберется. Принц Тьмы не позволит.

Побыстрее бы срастить обожженные серебром мертвые ткани спины. Без еды это трудно, неоткуда брать строительный материал, но не невозможно. Был бы жив – можно брать из самого себя, сейчас сложнее. Сейчас изношенные ткани обновляются только во время поглощения чужой крови и жизни. Но у Даори есть его магия. Он может и без еды протянуть довольно долго. Дольше, чем способен продержаться обычный или даже высший вампир.

Как говорила ему эта удивительная, нежная, красноволосая демоница? Нужно пройти через жизнь и смерть, не-жизнь и не-смерть, и тогда возможно возвращение в истинную нормальную жизнь, как-то так.

Через жизнь и смерть он прошел. Через не-жизнь – тоже. А сейчас, сутками лишенный всех внешних раздражителей, плавающий в коконе, разве не проходит он стадию «не-смерть»?

Даори погружался так глубоко в себя как никогда, ни при жизни, ни после жизни. Он добирался до самых дальних уголков памяти, рылся в воспоминаниях о прочитанных когда-то книгах и справочниках, вытаскивал незамеченные ранее крупницы знаний из бесед и обмолвок учителей. Иначе откуда ему стало известно, как позвать Свет, исчезнувший, когда он стал вампиром, после первого глотка чужой крови из вены?

* * *

Его периодически проверяли – и Тай, и Эсмус – то вместе, то поодиночке. Ждали, когда падет его защита, чтобы добить.

Приходилось на время их визитов возвращаться в реальность,

преображать кокон – тут прогнуть, словно он стал мягким, там потертость изобразить или истонченность оболочки. Лишь бы не заподозрили, что им и до лета не дожидаться, лишь бы в эти злобные головы не пришли какие-нибудь неожиданные идеи.

В один из визитов Эсмус, ткнув в кокон посеребренным набалдашником трости, сообщил:

– Ты меня слышишь, белый? Да какой ты уже белый. Ты – грязный имперец. Думаешь, я не догадываюсь, что ты и после обращения работаешь на своих? Посмертный герой, ха-ха! Никому не известный. Тебя отчислили, кстати. Никто так и не стал искать тебя, никому ты не нужен. Теперь снова я – надежда клана, и место на кафедре в клановой высшей школе, которое все прочили тебе, будет мое, недоучка.

Не добившись реакции от безмолвного кокона, он ушел.

«Пресветлые боги, – подумал Даори. – И вот это все – четырехлетняя зависть и ненависть, перебитый позвоночник и заточение – не из-за сокровищ, не из-за древних знаний, не из-за девушки даже! Это – месть ничтожнейшего, подлейшего существа из-за какой-то будущей вонючей кафедры в вонючем вампирском клоповнике!»

Даори чувствовал себя испачканным этим ничтожеством до глубины души. Скажи мне, кто твой враг... Клоп, Пресветлые боги. Крохотный клоп! Ну и до кучи – еще Великий князь Зан-о-Мьир.

На Тая Даори и вовсе не обращал внимания. Что умного может сказать ему тупой демон с факультета превращений? Но тот сумел его однажды удивить.

– Что-то ты долго недохнешь, тварь, – рогатый палач ткнул его кулачищем. – Месяц уже висишь и недохнешь. Может, ты уже высох, как мумия? Кстати, насчет мумии, сегодня у Эсмуса праздник. Он по приглашению Миранды идет на ужин к Вечернему князю. Снова возьмет то, что предназначено тебе. Здорово, да? Это я научил твоего однокланника брать на время твою смазливую морду. Не превращаться – для этого он слишком мертв, – а быть твоей маской. И знаешь зачем? Молчишь, труп? Эй, ты!

Тай молотил кулаками кокон несколько минут, пытаясь вырвать хотя бы стон. Это были неприятные, но вполне терпимые минуты. Вроде морской качки. Даори сцепил зубы и не издал ни звука. Боли он не чувствовал. А унижительная болтанка... у Зан-о-Мьира бывало и похуже. Зато бывший лен-маг мог себя поздравить: его умозаключения оказались верными. Итак, его враги поставили на подмену.

Демон оставил кокон в покое. Он не устал, ему надоело. Его

переполняло хвастовство, и хотелось выговориться:

– Откуда тебе знать, падаль. Но я скажу, восхитись моим умом. Я хочу, чтобы Эсмус полностью заменил тебя. У него уже сейчас твой амулет и твоя морда. А будет... что там еще он говорил? Твоя кафедра, твои привилегии и твое золото, которое ты хранишь у вашего князя. Твой однокланник проболтался, что пять лет назад ты привез в Тархареш и спрятал у берега корабль золота, подводами с берега возили.

Если бы мог, Даори расхохотался. Корабль золота! Что демон понимает в грузоподъемности морских судов? Да тот корабль утонул бы, едва отчалив от причала. Нет, золото пришлось превратить в бриллианты, почитаемые у светлых; в селенисы и сапфиры, почитаемые у лунных дев; в рубины, столь любимые у демонов. И, конечно, в драгоценные артефакты, почитаемые везде. Вот их уже можно было тайком провезти на корабле. И знал об этом очень узкий круг лиц. Живых и мертвых. Однако в ближайшем окружении Великого князя завелась крыса.

– Ты заранее договорился с Зан-о-Мьиром, так ведь? – продолжал Тай. – Захотел вечного существования и получил. Я решил, что это несправедливо. Ты должен исчезнуть бесследно, вампир. Совсем. Эсмусу достанется все, что ты считал своим. По земле под твоим именем и красивой мордой будет ходить и вонять такая вот гниль. Он будет уничтожать даже малейшую добрую память о тебе, если она у кого-то еще осталась. Это тебе за чужую девушку. Мою невесту. А мне хватит половины твоего золота и блестящей защиты диплома по превращениям. А теперь давай подымай, я уже заждался!

Еще раз отведя душу на безучастном коконе и помолотив его кулаками, демон взвыл от невозможности добраться до пленника и ушел.

А на следующий день, решив доконать пленника морально, явился сытый и довольный Эсмус и даже притащил с собой факел, чтобы Даори, если еще способен видеть, мог убедиться своими глазами в его искусстве подмены.

И пленник едва себя не выдал. Сквозь дымку защитного кокона он разглядел... самого себя. Голубые глаза, брови вразлет, золотистые, слегка выющиеся волосы, горделивая осанка. Даже одежду Эсмус где-то приобрел в точности такую, как у пленника: светло-серые штаны, белую рубашку с щегольским жабо и кружевными манжетами на жемчужных запонках; белый, вышитый лунным серебром жилет. Даже вышивка похожа.

Вот только прическа у подделки выглядела неопрятно, а у настоящего Даори она всегда идеально уложена заклинанием. И характерный для бывшего лен-мага взгляд свысока, которым он взирал даже на Великого

князя, это прыщавое ничтожество не смогло скопировать и смотрел злобным псом, исподлобья.

– Ты неудачник, Даори, – начал тюремщик морально давить. – Ты при жизни был неудачником, и уж после – сплошное невезение. И с бабой у тебя пролет. Миранда все время проводит с Таем. Почему ты ее не трахнул, дурак? Теперь ее трахает гнусный демон. А ведь какая девочка. Конфетка! И, знаешь, прежде чем ты сдохнешь, я попробую ее кровь. Я узнал, она каждый день таскает к твоему старому убежищу бутылки с бычьей кровью. Их забирает Тай и приносит мне. Но к Хургу Тая. Сегодня я уже опоздал, да и сыт под завязку. Но завтра я перехвачу эту сладкую девочку. Я ее поиму и выпью, Даори. И она будет перед смертью проклинать тебя, и все будут думать, что это сделал ты!

Пресветлые боги знают, скольких сил стоило сдержаться. Понятно же: провокация. Не настолько Эсмус дурак, чтобы сорвать дипломную работу Тая. Не настолько гаденыш голоден, чтобы Жажда помutilа разум. Вон – стоит, надутый живой кровью под завязку, с языка капает.

Но если дорвавшегося вампира повело от сытости после долгого воздержания, могло в голову ударить хуже хмеля. И тогда Эсмусу захочется если не выпить, то взять Миранду. В отместку. Ведь ему так понравилось брать то, что принадлежит Даори. Или будет принадлежать.

Пресветлые боги, неужели бывший белый маг уже считает красноволосую демоницу своей? Чужую невесту? Невесту подлого демона, не погнушавшегося даже сгнившим изнутри вампиром Эсмусом? Невесту темного адепта, мечтающего заковать крылатый костер, согревший даже вампира?

Да. Это его, Даори, демоница. Его личный кошмар.

«Моя», – подумал лен-маг. Мысленно покатав на языке это слово, словно прозрачный морской камушек, подобранный на берегу на счастье. Моя.

Это так странно. Необыкновенно. И так... цельно. Словно последние кусочки его истерзанной души и сломанного тела с щелчком воссоединились и слились воедино.

Даори больше не слышал возбужденного бормотания Эсмуса, избирательно отключил звук голоса, реагируя только на шумы. Такие, как скрежет засова с той стороны железной двери.

Ушел наконец.

Пленник многому научился за – сколько сказал демон? месяц? – нескончаемый, растянутый до вечности месяц. Это оказалось невысказанно долго. Лен-маг, а теперь уже не имеет смысла говорить о нем «бывший»,

успел сделать столько, сколько не сделал и за пять лет вампирской жизни. У него впервые оказалось достаточно времени. Разумеется, не будь предыдущей подготовки и в светлой магии, и в темной, Даори мало бы что сумел. Разве что главное – не сойти с ума в своей одиночке.

Ему бы еще месяц работы в абсолютной тишине и покое, в экранирующем все магические возмущения и искажения коконе, в полной сенсорной недостаточности, которая для мага его уровня была не пыткой, а благом. Но тянуть больше нельзя.

Он готов.

Защитный кокон раскрылся лепестками лотоса, разрывая намотанную вокруг него сеть. Если и были на ней заклинания, то они иссякли. Если и были веревки пропитаны ядом, они сгорели в полыхнувшем огне. Даори беззвучно прыгнул на пол. Земляной, утрамбованный, скользкий от подземной влаги. И сразу вонзил отросшие когти в плотный грунт, разрыхлил, погрузил ладони в наполненную Тьмой почву.

Какое счастье! Он уже забыл, как это бывает.

Он снова чувствовал связь со своей стихией. Тут она была иная, измененная, не такая, как в чистых полях Белой империи. Но в ней не было зла. Зло всегда в разуме.

Маг поглотил недостающие его телу элементы, провел одной ладонью по влажной каменной стене. Не брезгуя, намочил сухие потрескавшиеся губы. Выпрямился, прислушиваясь к восстановленному, почти новому телу. Распустил жемчужные крылья, озарившие его тюрьму пока еще слабым светом. Зан-о-Мьир будет удивлен, когда поймет, что произошло с его Младшим.

Даори переметнулся в белуюмышь, полетал по камере, вернулся в родное тело и тихо рассмеялся. Ему удалось невозможное. Он жил. Он чувствовал. Сохранив все впечатанные в память тела атрибуты вампира – игольчатые клыки, отрастающие когти, вторую ипостась, он избавился от Жажды. Это он точно знал. И, возможно, от Зова. А если так, то Великий князь над ним не властен.

Лен-маг восстановил себя из небытия, из крохотной искры, оставшейся от прежнего существа. Потому что Свет непобедим.

Особенно если у мага есть цель.

Но у него есть еще дело. Прежде, чем призывать помощь князя, он должен поэкспериментировать с подменным заклинанием.

Еще какое-то время он посвятил обкатке заклинания и остался удовлетворен. Дольше нельзя тянуть – он потерял чувство времени, и в мире за железной дверью, может быть, уже прошли сутки, и Эсмус,

укрававший лицо Даори, подкарауливает ничего не подозревающую красноволосую девушку.

Он сел на пол, сосредоточился, придал телу чувство голода и изможденности, впустил в душу чувство страха и отчаянья – Зан-о-Мьир обязательно услышит отголоски – и только тогда мысленно произнес формулу на древнем:

«Взываю к тебе, мой князь!»

Если бы Даори знал, скольких светлых магов выпил и обратился Предвечный, он не был бы так самонадеян. Хотя догадка мелькнула, что за сотни лет не-жизни Зан-о-Мьир чего только не повидал. Но эту мысль затмила эйфория от обретенной целостности и свободы.

Зан-о-Мьир откликнулся быстро, обнадежил, что посланник уже в пути и посоветовал ждать. Но у Даори сил не было ждать, когда тот проникнет в Академию, отыщет это опостылевшее подземелье в перепутанных корнях древнего здания.

Он выбил ржавую дверь заклинанием, а вот дальше очень долго плутал. Даори заподозрил, что его тюрьма находилась уже за пределами территории Академии – магические пауки-наблюдатели здесь отсутствовали как класс. В подземельях и начинающихся ниже, в скальной породе, катакомбах можно было спрятать не только вампира – полчище драконов, и никто бы их не заметил.

Ноги подкашивались – отвыкли от движения. Споткнувшись, Даори растянулся. И сдался, превратившись в белую летучую мышь.

Это и спасло. Мышь вспорхнула с каменного пола за миг до того, как на него набросилось чье-то утробно рычащее поджарое тело.

Даори ошибался – кое-какая охрана наличествовала. Если это охрана, а не дикие животные, поселившиеся в запутанных лабиринтах, куда даже низший демон не полезет охотиться. Выяснить, что за тварь напала, не было ни сил, ни желания.

Маг метнулся за поворот и летел под низкими сводами катакомб, уходя от погони, полностью доверившись мышиному чутью.

Безошибочный инстинкт вывел его на берег реки. Он нашел убежище в корнях дерева и долго лежал комочком грязи, не в силах пошевелиться. Болело тело. Его живое тело. Мертвое не болит. Мышцы атрофировались, и казалось чудом, как он сумел выбраться. Особенно если учесть, какие твари бродят внизу.

Но надо было возвращаться. Найти Миранду. Помириться. Поблагодарить. Вот только он немного отдохнет. Совсем чуть-чуть. До полудня еще далеко, он успеет.

Очнулся Даори от тяжелого немигающего взгляда.

Сам Великий князь стоял над ним, недовольно щурясь: солнце перевалило далеко за полдень и било ему в глаза.

– Я приш-шел на твой зов, Даори, – прошипел Зан-о-Мьир, почти не разжимая узких губ. – И что я вижу? Вместо того, чтобы ждать меня в месте заточения, дабы я убедился своими глазами в преступлении против моего Младшего, ты дрыхнешь на свежем воздухе. Мало того, не торопишься приветствовать своего князя! Или ты забыл, как я выгляжу?

Забыть сложно. Глава клана Неупокоенных, один из древнейших вампиров мира, об изощренном уме, силе и кровожадности которого складывались легенды, издавек выглядел как невысокий и тощий подросток с непропорционально крупной головой и длинными руками и ногами. Паук – прозвище, которое сразу приходило в голову, но ни один кланник не называл его так даже в мыслях. Услышит. И накажет.

Он был чудовищно некрасив. На узком и остром, как лезвие, лице выделялся огромный горбатый нос, под которым совершенно терялся впалый рот с бледной полоской губ. Пергаментная пятнистая кожа туго, без единой морщинки, обтягивала череп – крупный, лобастый, надвигающийся на щелки по-волчьи рыжих глаз. И все это уродство обрамляли густые, похожие на завитый парик, ржавого цвета кудри.

– Мой князь, я твой вечный слуга, – произнес Даори формулу приветствия.

Волчьи глаза князя опасно засветились оранжевым огоньком.

Даори проследил за направлением взгляда и заметил одну потрясающую вещь: солнце добралось до убежища, и его мышинные лапы, вцепившиеся в старый сухой корень, оказались на ярком свете. И при этом юный вампир не развеялся горсткой пепла, что совершенно очевидно. А ведь никакого амулета при нем не было, и защитного кокона тоже.

Князь ослабилсЯ.

– Не понимаю мышинного писка. Прими надлежащий вид!

– Прости, если мой вид прогневил тебя, но у меня нет амулета, а мышинная ипостась не так подвержена пагубному воздействию солнца. Для моего истинного тела слишком светло даже в этой яме.

Ноздри Зан-о-Мьира гневно раздулись, но он сдержался, активировал и бросил Младшему горошину амулета. Она упала неподалеку, но так, что

не достать, не отлепившись от сучка.

– Бери и возвращайся в свое тело, – приказал Старший. – Я исцелю твои раны, клянусь, поставлю на место даже мозги.

Звучало угрожающе. Князь попросту выманивал Даори. Не царское это дело – лезть в яму под вывороченное с корнями дерево и пачкать землей почти вечное тело.

И опять лен-маг оказался в ловушке. Выполнить приказ – выдать себя с головой. Ослушаться – бросить вызов смерти. А собственно, разве в первый раз?

– Я слишком давно не возвращался, Предвечный, – вздохнул Даори. – С момента ранения, когда перекинулся, чтобы выжить. Это тело оказалось ловушкой, я не могу вспомнить, как вернуться.

Зан-о-Мьир, присев на корточки, пробуравил его взглядом.

– Ты смеешь мне лгать?

Самое забавное, успел подумать Даори, что никакой лжи. Измененное тело вампира действительно оказалось ловушкой для светлого лен-мага. Его силой был Свет, но теперь солнце несло ему окончательную гибель.

– Я шел по твоим следам в подземелье, – добавил Зан-о-Мьир, поднимаясь с корточек и разминая длинные бледные пальцы. – Ты забыл, что я – твой создатель, Даори. Ты для меня всегда открыт и всегда будешь мне подвластен.

Бледные пальцы выстрелили десятью грязно-рыжими, как волчьи глаза, молниями.

Даори был готов. Он встретил удар щитом тьмы, поглотившим энергию заклинания, – не зря же он четыре года провел в Академии демонов. Выглядело это так, словно десять стрел вонзились в облако мрака. И тут же, не дожидаясь нового удара, Даори швырнул в противника щит вместе с пойманными молниями, обратив их в ослепительно сияющие мечи.

Лезвия света вонзились в тело князя, прошли насквозь, оставив прорехи, и откинули на десяток шагов. Увы, голова и сердце Древнего оказались не задеты. Он вскочил почти сразу, встряхнулся, мгновенно сращивая ткани мертвого тела. Медная дымка окутала его тело, и вот князь уже цел.

За эти доли мига Даори успел, скогтив амулет, вырваться из древесной ловушки и метнуться в густые заросли черного шиповника, ковром росшего вдоль берега попеременно с древняком – не менее колючим висячим полукустарником, с густыми шипами длиной в ладонь. По таким зарослям способны передвигаться только демоны, да и те – исключительно

в непрошибаемой боевой броне.

Он незаметно отполз. Колючие ветви послушно уклонялись с пути, запутываясь позади в сплошную стену. Отсюда его вся армия Неупокоенных не достанет. И огнем не выжечь – светлого лен-мага, хлебнувшего Тьмы под завязку, теперь и земля демонов укроет и спасет. А интересный эффект слияния противоположных магий получился, отметил бесстрастный ученый в Даори. Наверняка потому, что соединились они сначала в мертвом теле. Впрочем, об этом он потом подумает.

«Стой, Младший! – ворвался в его мозг приказ и парализовал. – Вернись!»

Он вонзил когти в землю, как якоря. Ни за что. То, что его ждет, – хуже мучительной смерти.

А все-таки Зов остался, вздохнул бывший вампир. Жаль. От этого дара он с радостью избавился бы.

«Я приказываю! – хлестнуло его. – Или я убью твою мать».

Она и так молит о смерти каждый миг! – хотел крикнуть Даори, но он сцепил зубы и осторожно отполз еще глубже в колючие заросли.

И тут его скрутило адской болью, вонзившейся в голову длинной раскаленной иглой.

Эту пытку он тоже помнил. Даори закрыл глаза, вспоминая сожженное до кости лицо и бугристый череп когда-то белокурой женщины, его матери. Гордой красавицы Лолии.

Воспоминание о ней и о ее любви к сыну всегда давало ему силы вытерпеть любые муки. Она же терпит.

От боли спасала другая боль. Он вспоминал, как хоронил отца, как торопился продать родовые владения за гроши алчным соседям, как отрекался от наследного лена, предав родившую и питавшую его землю, и валялся после отречения сломанной куклой, залечивая разодранную ауру. Он вытерпел все ради цели, и сейчас вытерпит.

И все потому, что Даори поклялся жизнью найти лекарство и вернуть матери разум и здоровье. Да что там, хотя бы остановить ее умирание.

Даже ректор Академии Света, архимаг Алиан Даркиэн, бессильно развел руками. И посоветовал отчаявшемуся сыну страшный, но единственный выход: искать рецепт «эликсира Неупокоенных», о котором ректор вычитал в каком-то древнем манускрипте, что с его помощью вампиры, эти мыслящие мертвецы, творили чудеса исцеления. А найти рецепт – это все равно что разгадать тайну вампирской не-жизни: какая сила, какое заклятие удерживает разум и душу в разрушенных смертью телах.

Тогда и появилась у светлого мага цель.

Князь Зан-о-Мьир с легкостью пошел на сделку с Даори и в итоге ограбил наивного светлого дурака, забрав за «лечение», а на деле – продление агонии умирающей, все оставшиеся сокровища рода Энриати, и в конце концов получил себе еще одного Младшего.

Даори все-таки расплатился жизнью за невыполненную клятву.

Боль, ввинтившаяся в мозг, отхлынула, и лен-маг снова мог двигаться. Он нащупал чью-то нору и нырнул.

«Ты меня плохо понял, мальчик, – настиг его голос Старшего. – Если попробуешь бежать, твоя мать станет вампиром. Самым уродливым из всех, кто когда-либо существовал. Самое то для ее прижизненной гордыни. Лолия Энриати станет хуже лунных тварей, ведь к ней так редко возвращается разум. Но она будет знать и помнить, что именно любимый сын обрек ее на вечную боль. Интересно будет понаблюдать за вашей встречей. Я сделаю ставку на Лолию».

Нора оказалась давно заброшенной – даже запах заселявшего ее существа выветрился, – длинной и такой извилистой, словно под землей метался полоумный заяц. Очень интересная нора. Даори заглушил всякую мысль, чтобы ничто не выдало его намерений. Он даже биение сердца постарался замедлить так, словно снова превратился в холодный труп.

«А ты успешно притворялся любящим сыном, Младший!» – с усмешкой произнес Зан-о-Мьир, одновременно предприняв очередную попытку ментального штурма. Даори явственно почудились ледяные щупальца, пробирающиеся под череп. Он отсек их заклинанием и метнулся в боковую петлю норы.

«Похвальная попытка, но ты выдал себя, – рассмеялся князь и удвоил усилия. Теперь словно огромный камень катился на Даори, подминая его разум и волю. А Древний все болтал, показывая жертве, что он и половины сил еще не применил, а просто играет, как кошка с мышкой. – Итак, на самом деле ты с легкостью пожертвовал даже родной матерью ради своей шкуры. Что ж, не могу осуждать. У нас, Неупокоенных, нет сердца, и ты осознал этот факт наконец. Но, милый мой бессердечный мальчик, прими и тот факт, что ты принадлежишь мне, давшему тебе вечность. Я терпелив и милостив. Я даже прощу тебе покушение. В конце концов, я первый напал, а ты слегка переборщил при защите, бывает. Однако и мое терпение небесечно. Я жду пять минут, не более. Возвращайся сейчас, и ты будешь прощен, сын мой. Если захочешь, я заставлю Эсмуса отдать тебе Миранду. Надеюсь, он с ней уже наигрался».

Тщеславный Зан-о-Мьир всегда любил покрасоваться и поболтать.

Подвешивая жертв на дыбу или – если кровь оказывалась дурной, не годной к употреблению – посадив на кол, он часами наблюдал за их агонией и развлекал себя хвалебными монологами.

Привычка подвела князя.

Петля извилистой норы привела Даори почти под ноги врага. Лен-маг отлично чувствовал, в каком именно месте попирают землю мертвые стопы древнего вампира, обутые в кожаные сапоги. Враг стоял расслабленно, полностью сосредоточившись на ментальном штурме упрямого Младшего.

Даори выметнулся из-под земли, на лету обретая тело лен-мага и выпуская вампирские клыки и когти. На время забыв о силе Света, дабы не провоцировать демонических сил на их темной земле, он решил использовать физическую мощь, оставшуюся от тела вампира, и магию, отточенную в Академии Тьмы.

Но сшибить Древнего с ног не получилось: по всей видимости, тот стоял, распахнув крылья, и успел подняться вверх при малейшем толчке. Даори смог лишь вцепиться одной рукой в его ноги и полоснуть кинжальными когтями второй руки уж куда дотянулся – по паху и мышцам.

Зан-о-Мьир дико вскричал, протащил Даори по колючкам, по счастью, без всякого вреда для лен-мага, а вот крыло неудачно завалившегося князя оказалось разодранным, что не улучшило летные свойства. А Даори, сложив пальцы руки в стальной клюв, бил и бил в основание берцовой кости, расчленяя плоть вампира. Закончив с одной ногой, принялся за вторую.

Древний пытался воздействовать Зовом, но не преуспел – разум разъяренного лен-мага каким-то чудом просто не впускал его в себя.

Князь метал заклинания, разбивавшиеся о невидимый щит, сыпал молниями, увязавшими в мглистом облаке. Он упал на землю, покатился, пытаясь подмять вышедшего из подчинения Младшего. В тщедушном, теперь уже одноногом теле Зан-о-Мьира скрывалась невероятная физическая сила. Он рвал живую плоть Даори, почувствовал живую кровь, и Жажда удесятерила его мощь. Миг – и он добрался до горла, сжал в удушающем захвате, но тот, кого он уже перестал считать вампиром, вдруг превратился в летучую мышь и вывернулся, едва не сломав крылышки. И тут же вновь обрушился всем весом истинного тела, разорвав клыками шею Старшего.

– Как? – прохрипел Зан-о-Мьир. В волчьих глазах ненависть на миг сменилась изумлением. Он стряхнул Даори как мошку, попытался раздавить, разорвать. – Ты живой! Снова! И ты вампир? Как?

– Секрет! – оскалился Даори, заметив, что оборот в вампирскую

мышиную ипостась избавил его тело от ран.

– Я оставляю жизнь тебе и твоей матери в обмен на твой секрет.

– Разумеется, оставишь! – мгновенное превращение в летучего зверька, перемещение, и на князя обрушился ближайший куст древняка, кромсая тело Древнего усыпанными шипами ветками, словно бесчисленными клыками. И еще один куст вдруг ожил под взглядом лена-мага и пополз к пойманной жертве.

Зан-о-Мьир истошно взвыл, как свинья под ножом. Даори отвернулся. Он знал, что убить вампира можно только одним способом: отделив голову от тела. И темные растения, движимые его волей, вполне справятся с этим несложным делом.

– Ты оказался слаб, князь, – произнес он эпитафию. – Ты слишком понадеялся на подчиняющийся Зов.

Слабые хлопки раздались в стороне, шагах в двадцати, на пригорке, где начинался темный еловый лес.

– Браво, мой мальчик! – из-за разлапистой ели вышел, лениво хлопая в ладоши, целый и невредимый, вполне двуногий Зан-о-Мьир, затянутый в щегольской черный костюм и обутый в ботфорты. – Но уж прости, это не я оказался слаб, а ты – все еще глуп, доверчивый сопляк. Не дергайся, дорогой мой. Стой, где стоишь.

Он применил Зов. Настоящий Зов. В полную силу.

Разом страшная вялость окутала Даори.

– А ловко мы тебя провели, не правда ли, Младший? Спасибо, развлек. Но сколько я учил: не верь глазам своим, – кривился уродливый рот князя и смеялись рыжие волчьи глаза. – Для чего я даровал тебе безошибочное чутье и зрение вампира? Почему ты не пользовался моими дарами? Или ты сам себя их лишил, когда в тебе забрезжил тусклый светлячок, который ты принял за Свет?

По его щелчку из-за елей выскользнули вампиры. Десяток. Два. И все продолжали выходить, окружая обессиленного, связанного Зовом Младшего.

– Несчастный завистливый Эсмус! – усмехнулся Зан-о-Мьир, глядя на ком веток позади Даори. – Какой гениальный лицедей так бездарно погиб! Некоторые роли не стоит играть, – он перевел на Даори холодные глаза цвета ржавчины. – Запомни, я не стал бы Предвечным князем и главой клана, если бы не умел использовать и вашу слабость, и вашу силу и обращать их против вас же. Думаешь, это ты убил Эсмуса? Нет, это я позволил этому случиться. А ты еще жив потому, что я любопытен. Кто ты теперь? Нет, ты не вернулся к Свету, мальчик мой. Думаешь, за свою

долгую не-жизнь я не видел таких вот бывших белых магов, якобы оживших и возвращенных? Десятки, Даори, десятки. И оживали, и возвращались под мое крыло еще более послушными. Гельмуд, подойди-ка, покажись нашему бунтарю.

Один из вампиров выступил из плотного кольца Неупокоенных, раскрыл светло-серые крылья, в которых при достаточном воображении можно было угадать бывшие белые. Поднял подбородок и оголил шею, демонстрируя четыре струпа – следы двойного обращения. А потом поднял руки и направил поток грязного света на ком веток, из которого торчали желтые кости скелета. Древняк послушно раздвинул шипастые плети, кости осыпались горкой, а череп покатился по склону берега и плюхнулся в черную воду. Гельмуд опустил руки, и ветки рассыпались трухой.

– Видишь, Даори, не только ты искал путь назад и оказался в тупике, – усмехнулся князь. – Любой обращенный светлый маг почему-то считает себя фениксом. Глупо. Несколько недель в защитном коконе... кстати, любопытное заклинание, молодец, мне пригодится... так вот, этого мало, чтобы обрести настоящую жизнь. Но все-таки ты сумел измениться. Так кем ты стал? Вампиром, свободным от Жажды, но зависимым от Зова? Или ты уже не вампир, а просто мой смертный раб? Кстати, что там с моим заданием? Говори!

– Выполнил, мой господин, – смиренно произнесли губы Даори.

– Как ты умудряешься лгать под Зовом, мальчик? – чуть выдвинулись клыки Предвечного. – Я полдня, пока ты отсыпался под корягой, расследовал твое дело и видел сегодня Миранду достаточно близко, чтобы почуять ее кровь. Дочь Вечерних теней нетронута.

– Мне не понадобился этот путь, мой князь. Он показался мне ненадежным, и я нашел другой. Известная тебе заклинательница вынуждена была раскрыть тайну.

И попробуй, древний недоросток, проведи мне очную ставку с Ликой, ухмыльнулся про себя Даори. Князь думает, что сломал наследника рода Энриати? Пусть думает, не будем разубеждать. А путь для окончательного возвращения Даори найдет, даже если его снова обратят. Он умен, терпелив и упрям. Пусть некоторые трупы и считают его дураком. Да, пусть считают.

– Хорошо, расскажешь подробности дома, – с подозрением прищурился князь, хотя Даори не переходил на мысленную речь. – Ты отчислен, и хлопотать о восстановлении я не буду. В Академию ты не вернешься.

– Да, мой князь. Жизнь и свобода, моя и моей матери, будут достаточной ценой за два уникальных заклинания.

Зан-о-Мьир расхохотался.

– Каков наглец! Вот почему я еще тебя терплю? Более того, даю слово Предвечного, что жизнь вам двоим я оставляю. Но теперь уже никакого эликсира. Это тебе наказание за покушение на меня, или на мой образ, что одно и то же. Ты получишь даже относительную свободу, но освободить от Зова может только полное уничтожение. Так что твои желания слишком противоречивы, чтобы быть выполненными полностью. Радуйся жизни, недовампир, – он отвел волчьи глаза от непроницаемого лица пленника, глянул на подданных. – Гельмуд, останься и подчисти все наши следы в Академии. Посещай занятия и продолжай нашу работу в библиотеке вместо Эсмуса, Вултон в курсе замены. Будешь тут, пока не призову. Ну и с Миранды глаз не спускай, наш недосветлый мальчик влюблен, а мало ли с девочкой что плохое случится... если он проявит непослушание. Всем остальным – на крыло, летим. Летим домой, Младший.

Изощренный ум Зан-о-Мьира придумал для Даори самое тяжелое наказание – наблюдать за агонией матери и ухаживать за умирающей. Ему запретили покидать территорию клана вообще и княжеского дворца в частности. Преступника, покушавшегося на самого Предвечного, лишили статуса высшего вампира. Само отсутствие Жажды переводило его из ранга хищника в ранг жертвы. Старший надел на него магический ошейник, как на раба, и снова сделал его крылатую спину ступенькой к трону. Только теперь у Даори не было привилегий Младшего. Живая кровь? Значит, он – потенциальная пища, всегда готовая к употреблению.

Враги Даори – а это весь клан Неупокоенных – скалили клыки всякий раз, когда шли мимо, особенно когда главы клана не было рядом. Кусать не смели, все-таки он – личная княжеская собственность, но ущипнуть (женщины), ткнуть кулаком под дых (мужчины) или когтем под ребро (снова женщины), грязно обозвать и проклясть (все) – это в порядке вещей.

В ответ враги получали весь букет действий зеркально, а вдобавок – укусы вампирьих клыков лен-мага. Зан-о-Мьир потешался и никого не наказывал.

– Из тебя получился отличный шут, мой недосветлый мальчик, кто бы мог подумать? – мерзко ухмылялась голова старца на теле подростка. – Только ради забавы стоило оставить тебе жизнь. Как твои успехи с разгадкой моего эликсира?

– Так же, как твои с разгадкой моих заклинаний, – пожимал плечами Даори.

Этим сокровищем лен-маг распорядился лучше, чем родовыми драгоценностями и амулетами. Он охотно показывал результат: в первую очередь сплел экранирующий защитный кокон для матери и далее создавал по желанию князя, но не рассказывал. Единственное, что он открыл: заклинание из разряда светлой магии, следовательно, основной массе вампиров недоступно. Конечно, оставались такие, как Гельмуд, но пусть сами ищут.

– Я оставил тебе жизнь в обмен на заклинание! – орал потерявший терпение Зан-о-Мьир. – Ты хочешь, чтобы я прибегнул к крайней мере? Ты забыл, в Академии осталась заложница. Мы ее не трогаем, но твое упрямство вынуждает...

– Так я и заклинаю по первому требованию, даже из последних сил!

Разве хоть раз отказался? А твой глупый шантаж вынуждает меня забыть даже то, что знаю! Тронешь Миранду, и я навечно уйду в кокон, буду ждать, когда ты сдохнешь! – еще громче орал на него Даори, шантажируя тем, что такая редкая птица, как вампирский шут, сумевший соединить темную и светлую магии, может кукарекать вволю. И пусть ему рубят буйную голову, но заткнуть не смогут. – И учти, Старший, мои мозг и тело будут только совершенствоваться, а твои – ветшать.

Ни угрозы, ни пытки Зовом, ни даже обещание целого флакона эликсира не заставили упрямя раскрывать тайну.

Еще хуже для князя обстояли дела со вторым, самым важным, казалось бы, заклинанием вызова духа.

Тут надо оговорить, что спиритизмом не владел ни один вампир. Неупокоенные, как существа, находящиеся между миром живых и мертвых, прекрасно могли видеть духов и даже общаться с ними, но вызывать по желанию, увы, им не дано. Такой силой обладали только живые. Потому что духи откликались и являлись исключительно на зов жизни.

Этим обстоятельством и воспользовался хитроумный лен-маг, умудрившийся убедить князя, что если тот выпьет обнаглевшего бунтаря и второй раз обратит, то лишится ключа к заклинанию.

– Даже если ты будешь знать заклинание наизусть, тебе оно не поможет, мой господин, – убедительно врал Даори, сидя в ногах Старшего и снизу вверх глядя в рыжие волчьи глаза особо преданным собачьим взглядом. – Вампиры отвратительные спиритуалисты. И этот приобретаемый при обращении дефект только я смог устранить. Только я могу сплести для тебя заклинание или Лика Тария. Но разве ты сумеешь ее заставить? А я всегда к твоим услугам, лоялен и послушен тебе, Предвечный, и вызову дух по твоему желанию в любой момент. К счастью, именно этот дух мне оказалось намного проще вызвать.

– Ты юный наглый паршивец, – угрожающе скаля клыки, склонялось к нему уродливое лицо старца-подростка. – Я ведь чую подвох!

– В чем же, мой драгоценный князь? – таращил до ужаса честные голубые глаза лен-маг. – Клянусь жизнью матери, я говорю тебе правду.

– Я помню, какую картину увидел в тот день твоими глазами, Младший, и вызванный Ликой дух совсем не походил на твой, с позволения сказать, душок.

– Мой душок?! – возмутился Даори. – Мой дух велик! Он выдерживает даже общение с тобой!

– Это кого ты сейчас имел в виду?

– Ну, конечно, вызванный мной дух гениальной лингвистики Эллины Вивер, кого же еще! Мой князь, твоим знаниям позавидовала бы вся библиотека Академии Тьмы от первой полки до последней. Ты же помнишь: спиритуалист не видит лик духа, если не был с ним лично знаком. Вся разница в том, что Лика явно не знакома с госпожой Вивер, а я лично знал Эллину целый год, ты же знаешь, сам отдавал меня ей в ученики.

– Я так же хорошо помню, что речь шла о духе языка, то есть никогда не жившей сущности.

Даори тяжело вздохнул, понутив голову:

– Прости, я ввел тебя в заблуждение. Мне так хотелось найти что-нибудь стоящее, чтобы купить эликсир для матери, что я принял желаемое за действительное.

«Посмотри мне в глаза, Даори!» – захлестнул его Зов.

Лен-маг вскинул голову, придал взгляду усталости, но смотрел твердо:

– Ты же понимаешь, мой господин, что вызвать нежившее невозможно. Дух есть только у живого.

– А как же Божий Дух?

– Вот еще у Бога. Но ты же вампир, мой князь, пусть и Великий, и Предвечный, и прочая. Не дерзнешь же ты вызывать такой Дух?

– Поди прочь, видеть тебя не могу, – сдался Зан-о-Мьир, откидываясь на спинку кресла и сплетая пальцы. В такой позе задумчивого подростка, со скрытым в тени рук уродливым и жестким лицом, он казался трогательно беззащитным и хрупким.

Даори, ликуя в душе, убрался в свой закуток, который делил с умирающей матерью.

Такие диалоги, слегка варьировавшиеся в словах, происходили регулярно. Зан-о-Мьир каждый раз испытывал аргументацию, искал нестыковки, заставлял прокручивать воспоминания о том проклятом дне и пытался прощупать Зовом мозг упряма. И пока терпел поражение. Но Даори не оставляло ощущение, что после каждого такого штурма в его защите появлялась крохотная трещинка.

Интуиция лен-мага вопила: нужно бежать как можно быстрее. Но как? Магический ошейник не снять. Он пытался. Действие ошейника исчезало только в экранирующем все воздействия коконе, но как к нему приделать крылья? К двум коконам. Он не мог оставить умирающую мать в плену.

Даори натаскал горячей воды, стараясь не привлекать внимания вампиров. Князь, конечно, распорядился, чтобы его шуту не мешали, но лучше не провоцировать.

Раскрыл кокон, укрывавший тело Лолии. И, осторожно, чтобы не повредить рубцы ожогов, протер намоченным куском ткани и осмотрел больную.

К его удивлению, в защитном коконе состояние светлой магини стабилизировалось. Когда ее прекратили поить и обмазывать «эликсиром Неупокоенных», она впала в кому, но в коконе ее внешний вид даже улучшился. Возможно, организм, лишенный любого внешнего влияния, обратился к самым глубинным внутренним источникам, как это испытал на себе Даори. Жаль, что мать не может сознательно управлять процессом.

Закончив с гигиеной, он напоил магиню бульоном из тощей утки – готовить его Даори ходил на задний двор, где вампиры содержали «пищу» – пленников всевозможных рас. А утку он сбил сам, обернувшись летучей мышью. Еда стала проблемой. Пить кровь он мог, но не хотел, его тело уже не нуждалось в даре чужой жизни, отнимаемой вместе с кровью. А считать пищей варено с нечищеными овощами, которым кормили пленников, он не мог и не хотел.

В кухне для пленников он пользовался только печью. Ловил дичь всеми способами, какими мог, чистил найденные в лесу корешки, и под презрительными взглядами надсмотрщиков готовил себе и матери. Оставалось только донести кастрюлю до комнаты и не нарваться на желающих опрокинуть ее содержимое на его голову.

В первые дни таких желающих находилась масса. Вампиры даже пренебрегали сном ради такой забавы. Но после того, как Даори порвал одного голыми, но снабженными отличными когтями, руками и вырвал сердце, ненависти к нему прибавилось, а желающих пакостить уменьшилось.

– Какой кошмар! И это – считающий себя светлым мальчик! – фыркнул Зан-о-Мьир, когда Даори скрутили и приволокли к Предвечному на суд. – Прощен. Даже поощрен. Потом придумаю чем. А те неразумные особи, кто поднимет лапу на мою собственность, будут порваны мной лично.

Лен-мага оставили в покое, но вампиры чутко отслеживали, когда их враг упадет в немилость.

Так и проходили день за днем, ночь за ночью.

Даори чувствовал, что по волосу поддается осаде терпеливого, готового ждать хоть столетия князя, а сам не мог ничего придумать. Даже избавиться от ошейника. Он не приближался к цели, наоборот, уже терял смысл существования. И с ужасом ждал появления Гельмуда с обращенной им Мирандой. Пока князь не отзывал из Академии своего пса, угроза оставалась. И Даори никак не мог ее защитить. Он и себя не смог.

Но в один прекрасный день забрезжила надежда.

Случилось это во время кормежки «стада».

Даори, нацепив на себя маску безразличия, разделывал на кухне для пленников пойманного в княжеском лесу зайца, когда за окном поднялся невообразимый шум. Надзиратель, следивший одним глазом за лен-магом, а другим – за прикованным к стене пленным поваром, ворочавшим огромный котел, выскочил за дверь.

Раздался оглушительный сигнал тревоги, перебудивший всех вампиров.

Даори прильнул к окну и присвистнул: «стадо» взбунтовалось. Отчего-то вдруг обезумевшие люди и нелюди разнесли ворота барака, повалили двух или трех надзирателей, а через пару минут уже неслись в сторону леса. А над ними уже кружили десятки крылатых фигур.

– Жаль, их всех поймают, – вздохнул лен-маг.

– Не всех, – отозвался хриплый голос. – Я не дамся.

Вздвогнув, Даори оглянулся. Пленный повар стоял за ним, держа в руке забытый лен-магом нож, которым тот разделывал дичь. Старик поднял тоскливый взгляд к закопченному потолку, осенил себя каким-то странным знаменем.

– Я больше не дамся, – твердо сказал пленник. – Грех это, но меня они не возьмут. Ты, парень, свидетель, что я уйду ради спасения своей души. А ведь был монахом, Богу служил.

– Откуда ты, старик?

– С Ильских островов, вестимо. Где ж еще простые люди еще остались.

– В Белой империи много простых людей, без магии. А как в плен попал?

– Паломник я. К драконам смерти шел, жизнь менять.

– Как это – жизнь менять?

– Да так. Свою, никчемную, на жизнь одного мальчика.

– Сына?

– Что ты! – махнул старик рукой с ножом так, что красные брызги полетели, испачкав и его, и мага. – Монах я, говорю. На жизнь принца нашего, наследника у короля единственного. Болен он смертельно, только чудо могло помочь. Да видишь, Бог наказал меня за дерзновение.

Интуиция не шептала, а вопила в полный голос: не упускать! За такую ниточку потянуть, сундук сокровищ нарыть можно.

Старику умирать не хотелось. Хотел бы – повару можно найти сотню способов покончить с жизнью, и надзиратель не успеет помешать. Даори,

косивший одним глазом в окно, решился:

– Я помогу тебе бежать, если и ты мне поможешь. Сейчас я сделаю вид, что укусил тебя. Подыграй мне, и я тебя вытащу.

– Как вытащишь-то? Ты сам тут пленник, я же вижу. Вон, ошейник на тебе. Аристократ небось, поэтому и свободы тебе больше дали.

Вампиры уже расправились с взбунтовавшимися пленниками – часть перебили, часть загнали в барак, – и двое надзирателей шли к кухне.

Едва они открыли дверь, Даори дернул на себя старика, выворачивая ему руку с ножом, вонзил клыки в невытую шею, но не пил, а незаметно сплевывал, давясь от отвращения. Монах верещал и пытался вырваться, но куда слабому человечку против железных рук бывшего вампира.

– Ого! – воскликнул надзиратель. – Никак Даори снова наш? Вот веселуха!

Лен-маг на миг отвлекся, чтобы продемонстрировать окровавленные клыки, и этот миг стал роковым. Пленник пробормотал: «Прости, Господи!» – и словно в него вдохнули нечеловеческую силу. Он выдрал вооруженную руку и перерезал себе горло.

«Прости, старик! Я хотел дать тебе свободу, просто не сумел объяснить. Пусть твоя душа летит к твоему Богу», – Даори осторожно опустил его на пол. Встал, пошатываясь, прошел мимо ошеломленных, посторонившихся вампиров, так же, никого не видя, не замечая окровавленных одежд.

Прошел бы даже мимо князя, наблюдавшего за бойней, как без него. Да тот задержал, не дав приблизиться к задней двери дворца:

– Вижу, ты одумался и принял свою сущность, Младший. Всегда подозревал, что ни к чему обращать второй раз светлых отступников, они от этого тупеют. Что ж, я рад. Теперь наши дела пойдут быстрее. Я даже готов отозвать Гельмуда. Согласен, Младший?

– Да, мой господин, – Даори медленно опустился перед ним на колени, соблюдая ритуал подчинения. Обнял ноги Старшего. На миг пожалел, что нельзя сейчас запустить в ненавистную плоть все десять когтей. Почувствовал, как ложится на его голову потеплевшая ладонь только что нажавшегося крови мертвеца, ворошит его длинные золотистые волосы.

– А знаешь, милый мой Даори, – с улыбкой в голосе тихо произнес Предвечный, – мне даже жаль, что ты сломался, и все закончилось. Ты был такой чудной игрушкой. Прекрасный, как день, и такой же недоступный светлый маг. Непокорный, дерзкий, остроумный. Мне впервые за сотни лет было весело наблюдать за твоей борьбой. Почему ты сломался так быстро? Зачем мне еще один раб? – ладонь сжалась в кулак, сгребая волосы в горсть

и с силой запрокидывая голову Даори. Рыжие глаза стали почти кровавого оттенка, капля крови катилась по щеке князя, и можно было подумать, что он плачет. – Зачем? Если бы я хотел раба, я бы обратил тебя второй раз! Ты все испортил, Даори, будь ты проклят! Я не играю сломанными куклами!

С силой оттолкнув лен-мага – так, что тот повалился на бок, – ненаигравшийся при жизни, уже полтысячи лет скучающий подросток отвернулся и, ссутулившись, побрел во дворец.

А позади зашевелились, зашелестели крыльями десятки Неупокоенных, так долго ждавших этого момента для мести.

«Я знаю, как все вернуть, мой князь», – мысленно произнес Даори, чувствуя, как сжимается вокруг него кольцо вампиров, все еще осторожничавших – слишком медленно уходил глава клана, да и не дал явного приказа. Лишь показал, что не будет вмешиваться.

«Опять врешь?» – вяло отозвался Зан-о-Мьир.

«Не я. Старик, которого я убил, рассказал мне о драконах смерти, с ними возможна сделка».

«Чушь. Даже знать не желаю. Драконы просто развоплотят тебя, выкнуть не успеешь, рассыплешься горсткой пепла».

«Я буду в защитном коконе. Успею высказаться, пока они его ломают».

«Думаешь, твоя скорлупа удержит их? У драконов смерти нематериальная сущность, пора бы знать, недоучка. И что ты собрался им предложить?» – хрупкая фигурка князя замерла перед дверью. Та послушно распахнулась. Если он сейчас скроется, это станет командой для стаи Неупокоенных. Они тоже хотят развлечься.

«Тайну! – рассмеялся Даори. – Тайну, которую нашла в твоих манускриптах и расшифровала Эллина Вивер. Тебе же будет интересно посмотреть моими глазами на драконов смерти и узнать, чем кончится эта авантюра, Предвечный?»

«Да я и так знаю, глупец. Твоей окончательной...»

«Жизнью! – закончил лен-маг. – Спорим? На тайну. Любую. Что ты теряешь, Старший? Сломанную куклу?»

Зан-о-Мьир медленно обернулся. Кривая ухмылка сделала его лицо еще уродливее.

– Ну, и что ты там коленями грязь месишь, Даори? Ходить разучился? Почему не сопровождаешь своего князя? Впрочем, ступай помойся, от тебя смертным грехом несет, тошно даже мне. Бездна знает какую дрянь в рот тащишь. Монаха-самоубийцу! Нашел, кем разговеться. А вы там что собрались, возлюбленные мои стервятники? Почему, Хург вас всех упокой, я вечно должен всем напоминать, что мой Младший – неприкосновенен?

«Пока я этого хочу. Помни, мой светлый шут».

«Помню, мой мертвый князь, помню», – но эту мысль Даори не стал открывать.

* * *

Он ушел через трое суток. Это время потребовалось, чтобы создать несколько амулетов на всякий случай, окончательно утрясти для самого себя план действий и подготовить сухой паек для путешествия, хотя ему казалось, что вряд ли оно будет долгим. Драконы слишком бдительно патрулируют свои границы, чтобы можно было далеко зайти вглубь их территории. Еще бы, у них и жизни-то, наверное, в горах никакой уже не осталось, вот и ждут, какую дурную птицу к ним занесет ветром, дерутся за каждое перо.

Лен-магу удалось так раздражить любопытство князя, что тот пошел на значительные уступки: отозвал своего пса Гельмуда, дал слово не трогать Миранду и даже разрешил отправить кокон с бессознательным телом Лолии в Белую империю. Правда, для последнего подвига Даори пришлось пожертвовать тайной защитного заклинания, открыв его в письме к ректору Академии Света, мэтру Алиану. И для противовеса – Зан-о-Мьору, конечно. Все равно заклинание бесполезно почти для всех вампиров.

Князь так взбесился, что едва не покусал наглого голубоглазого хитреца вторично. Остановила мысль, что после такой дозы яда Даори и сам не сможет воспользоваться коконом и весь план с драконами полетит в Хургову бездну.

Зан-о-Мьор на удивление легко, хуже ребенка, велся на крючки, которыми Даори теребил и возбуждал его интерес к авантюре.

Так может быть, интерес древнего вампира лежал в плоскости, совсем выпавшей из внимания светлого мага? Может, Предвечный что-то знал о тайне Эллины Вивер, которую она унесла в Небытие? И знал гораздо больше, чем Миранда и Даори?

Но маховик был уже запущен, и лен-маг не мог и не хотел его останавливать.

Великий князь не погнушался лично проводить его к границе, за которой начинались горы Смерти, наspiгованные одноименными драконами.

Даори, обернувшись летучей мышью, полетел к видневшимся на

горизонте горам. Он чувствовал взгляд и внимание Старшего, умудрявшегося как-то находить в ночной тьме невидимую живую точку.

Возможно, Зан-о-Мьир надеялся, что все случится на его глазах. Или думал, что каким-то образом успеет вытащить Младшего при нападении. Как бы там ни было, Даори долго ощущал безмолвную поддержку князя, чьим кланником, по сути, уже давно не являлся, а теперь перестал быть и пленником.

Временно. Князь вырвал у него обещание, что Даори вернется по доброй воле, если останется жив.

Ликовал ли маг, получив свободу? Недолго. Скорее, ощущал себя заброшенным к врагу амулетом с проклятием. Зан-о-Мьир намеревался использовать его каким-то непонятным образом. Это чувство бесило Даори, но отгадку он нащупать не мог.

А потом он осознал чье-то присутствие рядом с собой. Чье-то скользящее рядом невидимое тело – огромное, всепоглощающее, во все небо.

Смерть всегда приходит неслышно.

Тот вечер Миранда провела в столичной резиденции Вечернего князя. Она места себе не находила, ходила из угла в угол, попинала ни в чем не повинный стул, поднялась на крышу, откуда так хорошо наблюдать за полетами высших демонов.

Она сидела там очень долго, до полуночи. Наконец мощная крылатая фигура деда опустилась на площадку.

– У меня для тебя плохие новости, Миранда, – не стал тянуть Тьор. – Пойдем в дом, обсудим.

Она побрела за ним, спотыкаясь и ничего перед собой не видя. Опоздали! Ее светлый маг, ее мечта... Что эти кровососы с ним сделали?!

Дед, подхватив ее под локоток, довел до столовой, усадил в кресло, сунул в руки чашку с водой.

– Не расклеивайся, девочка. Где твой боевой дух?

Миранда всхлипнула.

– Там, где Даори. Что с ним?

– У тебя все настолько серьезно?

– Да. Можешь от меня отречься. Мне нужен этот... – она все-таки не решилась произнести под пристальным взглядом деда крамольное слово «вампир», – этот маг.

– Посмотри на меня, девочка моя, – Тьор ласково коснулся ее руки. – Неужели ты думаешь, что я буду осуждать тебя? Мы, Вечерние, – зыбкая граница между Тьмой и Светом. Ты знаешь, что закаты – всегда феерии. Вот и в моем клане – вечная борьба противоположностей и бури страстей. Чувствами к белым магам нас не удивишь. Того и гляди, кто-нибудь из моих кланников по уши втрескается в лунную или солнечную деву. Вампир? Что ж, тебе не повезло, но было и это. Я знаю, что убеждать и удерживать тебя бесполезно. Эллина Вивер ушла к ним тоже из великой любви... к науке.

– Смеешься? – Миранда подняла заплаканные глаза.

– И это демоница! – вздохнул Вечерний князь. – Нет, милая, мне не до смеха. Моя драгоценная внучка полюбила, пока не важно кого, но не собственного жениха. Мне предстоит серьезный разговор с Таем и разрыв с его семьей. Что тут смешного? Они не простят оскорбления. Впрочем, мне тоже есть что им предьявить. Отложим пока разговор о твоих чувствах. Давай-ка по порядку об их объекте. Итак, куратор передал мое

приглашение Таю.

– Кому? – разом высохли слезы.

– Твоему жениху. Можно говорить – уже бывшему. Оказалось, он в этом деле исчезновения двух адептов Академии замешан по кончики рогов.

– Двух?

– И оба вампиры, – кивнул Тьор. – Пропал еще некий Эсмус, но значительно позже. В Академии вместо него ошивался третий, но они нам неинтересны.

– Совершенно, – прошептала Миранда.

– Гораздо интереснее, что за Даори Энриати явился сам Предвечный князь с большим отрядом, и это передвижение не было санкционировано Темным Троном. У владыки есть что им предъявить.

«Замечательно, но как это поможет Даори?» – подумала девушка.

– Сегодня принц Дьяр призвал Тринадцатую Тень. До таинства меня не допустили, но результат изволили открыть. Миранда, поставь чашку, она из моей любимой коллекции фарфора.

Она послушно опустила посуду на стол и отодвинула подальше.

– Его нет в Тринадцатом клане, внучка, – сказал Тьор, опустив ладонь на ее руку и слегка сжав, утешая. – Это еще не значит, что он погиб. Тень заявила, что Даори Энриати фактически перестал быть кланником больше месяца назад, а в это время он еще находился в подземельях Академии.

«Убью, Тай!» – сжалась ее ладонь в кулак. Дед одобрительно похлопал ее и убрал руку.

– Понимаешь странность, внучка? Сама Тринадцатая Тень, великий дух клана, которому открыты все души, говорит, что Даори – вне ее ведения! Это может означать только одно: он уже не вампир! Как могло случиться такое чудо, будем выяснять, но если так, то нас ожидают великие потрясения. Может быть. Если только твой Даори не единственный уникальный случай во всей вселенной.

Единственный и уникальный, улыбнулась Миранда. И тут же поникла. Если даже Тень не видит его душу, то как она найдет Даори?

– Но то, что недоступно даже таким сущностям, как Тень клана, как оказалось, вполне доступно банальным соглядатаям, – продолжал дед. – Его высочество получил донесение, что до сегодняшнего вечера в Тринадцатом клане находился на положении пленника отступник по имени Даори Энриати. Не мертвец. Не вампир. Живой. По крайней мере, производил полное впечатление живого. В рабстве у Зан-о-Мьира, но свободный от проклятия Крови.

Миранда забыла, как дышать. Слушала, распахнув вишневые глаза и

вцепившись когтями в скатерть с такой силой, что в ткани образовалось десять дырочек. Если так, то все почти хорошо. Ее светлый маг жив, это главное. Тогда почему дед такой мрачный?

– Через Тринадцатую Тень принц передал главе клана приказ доставить незаконно удерживаемого пленника во дворец, – продолжил он рассказ. – Такому приказу противиться невозможно. Ни один князь не сможет при всем желании. Тень – дух клана. Зан-о-Мьир же лишь расхохотался. Дьяр опоздал. Мы опоздали. Сегодня вечером, буквально час или уже два назад, Предвечный не просто отпустил пленника. Он отправил его к драконам смерти. Вот так, Миранда.

Она долго молчала, не обращая внимания на сочувственный взгляд деда, в котором сквозило явное облегчение. Позор, которым покрыла бы себя его внучка, связавшись не то со светлым магом, не то с вампиром, миновал семью.

Миранда не стала ничего говорить. Она улыбалась, вспоминая голос Эллины Вивер: «Нужно пройти через жизнь и не-жизнь, через смерть и не-смерть, чтобы вернуться в новую, истинную жизнь, которая еще может быть даже для вампира». Значит, он нашел ключ к загадке, понял, как выполнить эту формулу. Она догадалась, зачем Даори отправился к драконам смерти на верную гибель. К кому же еще? Чтобы воскреснуть окончательно. Насовсем. Для нее.

– Девочка моя, попей воды, – Тьор осторожно потормошил ее за плечо.

Она подняла на него спокойный взгляд.

– Все хорошо, дед. Я в порядке. Еще одна детская мечта умерла, бывает. А с Таем я сама поговорю и разорву помолвку.

– Нет уж, тут не только в тебе дело. Я бы понял, если б он дрался с Даори один на один. А он – в спину серебром, чужими руками... – и осекся, поняв, что проболтался, и бодренько закруглил: – Демоны – ребята, может, и жестокие, но не подлые.

– Скажи это «шмонарям». А с Таем все же позволь сначала мне, – твердо сжались ее губы.

* * *

Поговорить не получилось. И Дьяра расспросить о том, что же утаил дед, тоже не получилось. На следующий день подругу Лику похитили шпионы Белой империи, оказавшиеся не кем иным, как их приятелями Айресом и Дагом и почти подругой Зулией.

Потом Лика вернулась, но стало известно, что владыка Сатарф отрекся от Трона и передал власть наследнику Дьяру. Весь Тархареш всколыхнулся, едва не случился переворот. По крайней мере, в Академии так точно случился. Сменился ректор, сменился глава Темного ковена.

Принц Дьяр стал владыкой и отстранил от власти Тьора Вечернего, обвинив в измене.

Миранду, как внучку опального князя, уже бывшего, вышвырнул из Академии новый ректор. В его решении сыграло роль и ходатайство куратора Грида Сайка, всеми силами набиравшего очки в глазах новой власти.

Она так и не смогла увидеться с Ликой. Говорили, что подруга сильно пострадала на коронации. Миранда пыталась добиться аудиенции у Дьяра. Но кто же пустит во дворец почти соучастницу и изменщицу? О ней даже не доложили. Стражники посоветовали убаться с глаз.

Миранда так и сделала: уехала в родной город, порадовалась, что так и не переселилась в княжеские хоромы, как ни звал дед. Зато теперь ее никто не изгонит с позором, и можно тихо жить в маленьком домике, мастерить на продажу нехитрые амулеты и ждать.

Он вернется, ее золотоволосый маг с сияющими голубыми глазами. Он найдет ее.

Но сначала – и месяца спокойной и тоскливой жизни не прошло – Миранду нашла Лика. И с боем – а Лика это умеет, как никто другой, – заставила восстановить на курсе да еще и стипендию за пропущенный месяц выплатить. Перед подругой даже новый ректор бледнел. Еще бы, она теперь Ками-рани его темнейшества. Советница и хранительница, которой поручено найти за год невесту владыке. А у ректора дочь на выданье.

Потом много чего случилось. Не с тихой, почти погасшей Мирандой, а вокруг нее, но это совсем другие истории.

И однажды она получила бандероль. Ее доставили официально – с дипкурьером царицы Серых Холмов. Это была самая скандальная дипломатическая почта в истории Тархареша, поскольку доставили ее Лике и Миранде не кто иные, как оборотни, гонимые демонами хуже дичи и вампиров.

Миранда приняла небольшой, но увесистый пакет, расписалась, улыбнулась в ответ на заговорщический шепот слишком волосатого курьера:

– Чистейшая контрабанда, сударыня!

И, еле дождавшись ухода оборотня, разорвала серую невзрачную упаковку.

Действительно, контрабанда. Отложив в сторону тяжелую коробочку, она быстро перелистала изданный в Белой империи роман с названием «Белокрылый рыцарь», даже потрясла над столом. Но никакого вложенного послания не обнаружила, на страницах никаких посторонних надписей, которые могли бы открыть ей имя отправителя, не нашла. Неужели дед Тьор, прекрасно знавший о ее романтических увлечениях, сумел послать ей весточку? Где-то он сейчас? Жив ли?

Огорчившись, девушка раскрыла отложенную коробочку. И ахнула. Там лежал подарок, который назвал ей имя отправителя громче труб глашатаев.

Миранда достала маленький, с пол-ладошки, искусно созданный ювелиром кусочек дивного сада, ласково провела кончиками пальцев по камушкам дороги, сделанной из чистого золота, по алмазным и рубиновым крохотным цветам, посаженным вдоль золотого полотна. Не драгоценности видела в этот миг девушка. Маленькую пыльную комнатку в подвале учебного корпуса Академии Тьмы и светлого мага с голубыми глазами и смущенной улыбкой, подарившего ей кусочек сказки.

«Где скачут на крылатых пегасах белые рыцари, где вместо цветов растут сверкающие на солнце алмазы, а дорожки в благоухающих парках вымощены золотом».

У него все получилось. Он жив. Он помнит. Он придет.